

Ирина Ирсс

ЕСЛИ НАСТИГНЕТ ПРОКЛЯТИЕ

Глава 1

«Бежать, бежать и ещё раз бежать», – первые мысли, вспыхивающие в голове, когда застаю Алека в компании с моей – раньше времени вернувшейся – мамой, мило-болтающих на кухне за обеденным столом. А потом меня одолевает, очень даже разумное, желание возвратиться обратно под душ и окатить себя ледяной водой, чтобы избавиться от галлюцинаций.

Вселенная не может быть настолько жестока!

Мама разворачивается на стуле и, глядя на меня поверх кружки, улыбается.

– О, милая, доброе утро, – произносит она, излучая своим видом совершенно неправильную по всем пунктам реакцию – восторг. – Ты, как раз, вовремя, – продолжает мама, – Алек только-только начал угощать меня блинчиками. – Она поворачивает голову в его сторону: – Кстати, они очень вкусные, – сообщает ему, и Алек улыбается в ответ, наверное, одной из самых шикарных улыбок, словно знает её миллион лет.

Это не реальность. Это не реальность. Такого просто не может быть наяву.

Совсем непонимающая, что тут происходит, перевожу взгляд на Алека, и тот мне хитро подмигивает. Я так и продолжаю стоять в оцепенении на входе в кухню, заставляя мозг начать функционировать, а затем принудительно нацепляю довольно кривоватую улыбку на лицо.

– Мама! – отзываюсь крайне удивленно, даже как-то чересчур громко, учитывая недавний ступор. – Как ты?..

Я не договариваю. Как *что*? Тут оказалась? Это же её дом, идиотка. И это она застала меня утром с парнем, который, хвала всевышним, хотя бы надел футболку после душа, отправившись готовить завтрак.

Ещё несколько секунд проходит в тишине – все ждут конца предложения, и я снова вынужденно широко улыбаюсь, скидывая руками: пора изображать радость от её приезда.

– Ты вернулась раньше! – говорю, словно дико восторгаюсь, и подхожу поцеловать её в щёку.

Украдкой замечаю, как Алек старательно сдерживает смех, наслаждаясь моей реакцией. Мама целует в ответ, выдвигает соседний стул и, похлопав по нему, предлагает сесть рядом.

– Ну, ты же знаешь, что обычно рейсы задерживают, вот я и решила, что в этот раз будет также, сказав, что прилечу позже, но мне повезло! – Она оглядывает нас сверкающим от улыбки взглядом. – Смогла застать такой завтрак.

Ага, а ещё и парня в доме, вышедшего прямо перед этим из душа и готовившего этот завтрак. Очуметь, как идеально складываются события, благодаря такой качественной работе аэропорта!

Увлечённо слушая маму, не замечаю, когда Алек успевает встать, но внезапно к руке подкатывает кружка с кофе. Перевожу на него взгляд и мгновенно раздражаюсь от его издевательского выражения лица. В очередной раз улыбаясь, он насмешливо играет бровями, дразня своим видом, но вот, когда на него смотрит мама, его лицо источает лишь обольстительность. Замечательно, ему и сейчас весело, когда мне чудится, что ещё немного, и получу сердечный приступ от переизбытка неловкости ситуации.

– Мария? – обращается Алек к маме, и у меня должно быть окончательно отвисает челюсть.

Мария?

– Ещё кофе? – интересуется он, и мама выглядит на целую десятку по уровню обольщения.

В ответ она улыбается, но всё же отмахивается.

– Нет, спасибо, тебе, Алек, – а затем тихо качает головой, – да и вообще, это я за тобой должна ухаживать, а не наоборот.

Мама поднимается со стула и, очевидно, уставшая после перелёта, неспешно обходит стол. Подойдя к ящикам, достаёт из одного тарелку, которая уже в следующий момент находится передо мной. Я пытаюсь опередить и поухаживать за нами с Алеком самостоятельно, но взмах руки с её стороны немедленно меня останавливает.

– Через минут пятнадцать, вам обоим пора будет собираться на учёбу, – очень предусмотрительно подмечает она, взглянув на часы, в репертуаре уже моей настоящей мамы, а не той странной женщины, которой была минуту назад, и продолжает: – так что завтракайте, не думая обо мне, не смею больше отнимать у вас время.

«Сказано – сделано», к сожалению, не относится к маме. Не проходит и мгновения, как она снова садится за стол, правда, на этот раз со стороны Алека, и, подбросив мне на тарелку несколько блинчиков, всецело увлекается занятием выудить из него всю возможную информацию.

Ха, так и хочется прокричать ей: «становись, женщина, в очередь!», но не тут то было. Алек, без каких-либо своих «можете хоть руку мне отрубить, но я всё равно буду молчать», неожиданно начинает отвечать практически на каждый её вопрос. Забываю, что нужно дышать, потому что вдруг узнаю, что у Алека день рождение двадцать седьмого декабря, и даже не знаю, злиться на себя или на него за тот факт, что об этом не знала.

Челюсть отвисает всё ниже. За такую информацию я готова была убить, а теперь не уверена, что делать. Благодарить маму? Или же ненавидеть, что у неё разговорить его получается лучше, чем у меня. Подозрительно осматриваюсь по сторонам. Где этот бес, что решил меня так грандиозно разыграть, переместив в параллельную вселенную?

Всё неправильно, вывернутое вверх тормашками. Мама не злится и не ругает за «парня в доме», хотя раньше это являлось одним из тех правил, нарушение которого каралось бы смертной казнью моей психики.

Алек же неожиданно стал свертоткрытым на любые темы, касающиеся его интересов и многих подробностей жизни, словно ему в еду подсыпали сыворотку правды. А что? Мысль вполне может быть актуальной, учитывая, что мама принимает в этой несуразной ситуации главную роль опытного детектива со стажем.

Откидываю рассуждения прочь, сосредотачиваясь на их разговоре. Какой бы неадекватной ни была ситуация, но когда у меня ещё выдастся шанс разузнать столько про Алека? Задумка ещё только на этапе подготовки к осуществлению, как он внезапно концентрирует внимание на мне, переставая подробно отвечать и чем-то озадачиваясь. И у меня есть два предположения. Либо он разгадал мои планы и решил, что и так выложил слишком много информации, либо у меня на лбу начал расти непонятный предмет. За всё утро это первый раз, когда с его лица сползает раздражительная улыбка.

Алек пристально смотрит в мои глаза, затем на тарелку с едой, к которой я так и не притронулась. Не то чтобы его блинчики не выглядели аппетитно, ещё вчера съела бы всё, попросив добавки. Дело в том, что не могу заставить себя проглотить ни одного кусочка, когда мерещится багряное пятно крови, растекающееся на пол кухни, убитого ранее здесь гибрида. И от Алека, конечно же, это не ускользает. От него вообще никогда ничего не ускользает. На его красивом, совершенном лице проявляются тени беспокойства. Хмуриться ему не идёт, но так он выглядит хотя бы привычно.

Его выражение лица темнеет окончательно раньше, чем я решаю отреагировать, поёрзав вилкой по тарелке для вида. Он откашливается ровно в тот момент, когда мама делает паузу, подбирая следующий вопрос. Очевидно, что с точностью до секунды высчитал время. Алек вновь натягивает улыбку, только на этот раз действительно натягивает, что выглядит довольно неправдоподобно.

– Мария, – начинает он, его голос, напротив, держится высшего уровня искренности, – не могу не выразить, как рад нашему знакомству. Теперь я понимаю, в кого Лена такая

восхитительная во всём, чего бы это ни касалось.

Мама мгновенно расплывается в улыбке, и будь я проклята, но уверена, что могу разглядеть слабый румянец, заигравший на её благоговейном лице. И хоть едва сдерживаюсь, чтобы не закатыть глаза, мои щёки тоже горячо зарделись. Алек точно умеет играть роль неотразимого джентльмена. Лично я – купилась на это.

Однако все мы прекрасно понимаем, к чему ведёт Алек. К окончанию допроса. И мама не глупа, а ещё она умеет быть очень тактичной и невероятно вежливой.

– Не могу с тобой не согласиться, Алек. – Тёплая улыбка так и играет на её губах. – Я и сама рада наконец-то познакомиться с первым парнем Елены, когда уже думала, что такого никогда не произойдёт. Но... даже не удивлена, почему им стал именно ты, Алек.

Только не это... Я готова сползти под стол от подобного унижения. И всё же чуть сползаю на стуле вниз, когда взгляд Алека встречается с моим. Кажется, он не совсем уверен, как реагировать на такое заявление. Он прочищает горло и нерешительно смотрит на маму.

Надо же, Алека можно смутить?

– Спасибо, – рассеянно отвечает он и возвращает взгляд ко мне, пытающуюся изо всех сил выдать сконфуженную улыбку. – Прин... – заикается Алек, но потом останавливается, очевидно, понимая, что это будет уже лишним для маминых ушей. – Я подожду тебя в машине.

Алек встаёт и собирается по привычке самостоятельно убрать тарелку, как мама останавливает его, кладя свою руку поверх его.

– Не стоит, Алек. Я и так тебе премного благодарна за завтрак, и мне стыдно, что угощал ты нас, а не наоборот. Но я планирую всё исправить и пригласить тебя вечером на ужин.

Мои глаза расширяются, и я практически выкрикиваю «нет», но Алек опережает меня.

– Не смею вам отказать, Мария.

Мой взгляд вполне способен воспламенить Алека, когда в упор смотрю на него. Мои планы на вечер явно не совпадают с только что прозвучавшим согласием. Однако, даже заметив моё негодование, он всё равно ни капли не колеблется. Алек выражает поразительную стойкость перед настойчивостью матери, и то, что она замышляет, тревожит меня. А она определенно что-то замышляет. Но этому не бывать. Я точно нарушу их договорённость, даже если они ещё не знают об этом.

Алек уже готов, поэтому ему требуется только накинуть куртку и обуться, прежде чем выйти из дома. Сегодняшним утром Додж не в гараже, а стоит у забора. Мы ждали маму и подготовились к её приезду. В принципе, мы находимся в моём доме, а не в поместье, как все прошедшие дни, только из-за её возвращения. И, конечно же, я собиралась познакомить Алека с мамой, так как вариант «оставить меня одну» вообще не рассматривался. Но я не ожидала, что их знакомство начнётся без меня. Тем более тогда, когда я пребывала в душе. Ещё один фактор, благодаря которому чувствую себя непередаваемо пристыженной. Но мама об этом не упоминает, стоит Алеку скрыться за дверь, как всё её внимание переключается на меня. Такое напористое, что в лёгких у меня появляется сдавленность.

– И как давно вы вместе? – мгновенно выдаёт она вопрос, словно только и ждала, чтобы задать его.

Сильнее съёживаюсь на стуле. Понятия не имею, какую информацию ей изложить. Чистую правду или немного подкорректированную. Я выбираю второй вариант.

– Около месяца.

Я даже не чувствую укола за ложь. Так определенно лучше.

Мама сужает на мне взгляд. Она не верит, но я ни за что не раскаюсь. Возможно, Алек и не устоял, но я знаю все приёмы своей мамы, и этот раунд точно выстою. Однако она

не продолжает, всего лишь с задумчивостью хмыкает.

- Что же, похоже, Алек и правда особенный парень.

Я поражаюсь. И на этом всё? Мне даже не пришлось защищаться?

Мама встаёт и начинает убирать со стола, не замечая, что я так и не позавтракала. С минуту наблюдаю за её действиями в растерянности.

- Ты уверена, что не хочешь больше ничего спросить?

Ну, или обругать меня за нарушения всевозможных, установленных ею же границ?

Она тихонько пожимает плечами, расставляя посуду, типа «а что ещё я должна спросить», и у меня, вероятно, отвисает челюсть до самого пола. Просто не верится.

- Вот вечером, как раз, и поговорим, - сообщает она, не поворачиваясь, словно читает мои мысли. Но тут она всё же обращает взгляд ко мне. - Кстати, я очень надеюсь, что даже если вы не приедете на ужин, то сама ты вернёшься домой пораньше, - просит она, и в этот момент замечаю подозрительное беспокойство в её глазах.

- Всё хорошо, мам? - не могу удержаться от вопроса.

Снова это неоднозначное пожатие плечами, но вид она старается оставлять невозмутимым.

- Конечно, всё хорошо, милая.

Это не так. Теперь и её слабая улыбка натянута, как несколько минут назад у Алека. Моя мать очевидно даже может поспорничать с ним в награде за великолепное актёрское мастерство.

Я совершаю ещё одну попытку.

- Мам, почему ты вернулась без папы?

Её плечи мгновенно напрягаются, меня настораживает, что она пытается что-то скрыть. На её губах вновь вынужденная улыбка.

- Поговорим вечером, милая. Ты уже опаздываешь. К тому же, тебя ждёт Алек.

Прежде чем я успеваю возразить, мама подходит и целует меня в макушку. А после она, не задерживаясь, возвращается к своим делам, показывая, что разговор на данный момент окончен. И мне ничего не остаётся, как собраться и, попрощавшись, выйти вслед за Алеком.

- Подхалим! - заявляю, как только захопываю за собой дверцу машину.

И могу поклясться, что высокомерная улыбка на лице Алека светится ярче, чем едва проснувшееся солнце на небе. Он заводит машину.

- Спасибо за комплимент, принцесса.

Моё лицо кривится от явственного самодовольства в его голосе.

- А я и не знала, что ты умеешь быть джентльменом, - это упрёк, и я очень стараюсь донести его до Алека интонацией.

Но он на него не реагирует.

- Что я могу сказать, ты ещё многого обо мне не знаешь, - весело отзывается он и улыбается, глядя в мою сторону. - Ты даже не представляешь, сколько у меня талантов.

Это он даже не представляет, что попадает прямо в точку, и клубок моего негодования, которое хотела оставить при себе, мгновенно распускается.

- Ооо, - язвлю я, - тут я и поспорить не могу, что ничего о тебе не знаю.

Брови Алека хмурятся, он с секунду обдумывает мои слова, по-видимому, сопоставляя их с интонацией, затем смотрит на меня.

- Не могу никак понять. Это что, привычка такая вредная - садиться в машину всегда недовольной? - Он возвращает взор к дороге. - Потому что, если да, то тебе надо бы от неё избавиться. Она мне давно не нравится.

Я с трудом удерживаю рычание и, скрестив руки на груди, качаю головой.

- Не выйдет, Алек. С чего вдруг ты разоткровенничался с моей мамой?

Одна часть моего разума понимает, что в какой-то степени веду себя глупо. Но за все дни, что мы провели с Алеком вместе, я едва ли вытаскала из него несколько слов, касающихся его жизни. Не говоря уже о теме гибридов и прочего связанного с ними, она вообще закрыта для обсуждения.

Честно, я не против, что он желает многие подробности жизни оставить при себе, тем более зная, что они трагичны. Но он отшучивается даже на банальные вопросы. Всегда. Алек просто заменяет ответы сарказмом. И я не могу справиться с разочарованием. Поэтому вторая часть разума очень настойчиво подстрекает продолжать вести себя глупо. Я не спускаю с него упрямого взгляда, надеюсь, что он сможет почувствовать его.

- Что ещё мне оставалось? - наконец, сдаётся Алек. - Думаешь, было бы лучше, если бы я непреклонно молчал и вёл себя грубо с твоей мамой? Или же предпочитаешь, чтобы я вообще её вырубил, как только она вошла в дом, чтобы по-быстрому улизнуть, пока она приходит в себя?

Он украдкой бросает на меня взгляд, ожидая ответа, и, недолго обдумав слова, вынуждена с ним согласиться. Обида затмила собой логику, и я ей слишком легко уступила. Алек действительно понравился маме, что ещё могло быть лучше?

- Ты прав, - со вздохом признаюсь я, затем пробую выдать извиняющуюся улыбку. - Спасибо, что не вырубил мою маму и выдержал этот допрос фсбешника под прикрытием.

На удивление, Алек не цепляется за извинение, как обычно, превращая всё издёвку, а просто принимает его, посмотрев мне в глаза.

- Я действительно рад, что познакомился с твоей мамой, и всё прошло довольно хорошо.

Он оставляет разговор позади, показывая, что не хочет больше его затрагивать. Какое-то время просто молча наблюдаю за ним, пока не замечаю, что сегодня Алек выглядит ещё более уставшим, чем вчера. За все пять дней, после нападения гибридов, я ни разу не видела его глаза закрытыми. Когда засыпаю, он всегда лежит рядом, и я не могу видеть, спит он сам или нет. А когда просыпаюсь, его тёплый взгляд сразу же встречает мой. Я пробовала один раз не спать и понаблюдать за ним, но из этого ничего хорошего не вышло. Он не спал вместе со мной, и тогда я точно могла видеть своим догадкам подтверждение. А утром он выглядел по-настоящему уставшим. Больше я не экспериментировала.

Сейчас я вижу то же самое, понимая, что даже то, что с нами ночью находились охотники Софии, это никак не помогло Алеку расслабиться. Он чересчур напряжен. Хотя и напряжен - слабоватое определение его состоянию. Настороженность буквально пульсировала в нём, как сигнальная красная лампа с сиреной «опасность». А включил режим «тревоги» звонок мамы, которая сообщила о своём приезде. С того момента Алек делал две вещи: шутил, скрывая тем самым своё состояние, или молчал, ограждая пространство вокруг себя колючей проволокой.

И это натолкнуло вчера на мысль, что надо как-то с подобным бороться. Я не хочу, чтобы Алек изводил себя в два раза больше, чем тогда, когда мы находимся в поместье. И у меня есть идея, как это осуществить.

- Кстати, - начинаю осторожно и непринужденно, чтобы не выдать мотивов. - Давно хотела спросить, как ты умудряешься постоянно прогуливать и при этом не быть отчисленным?

На Алека не смотрю, беззаботно играя с молнией от замка, но его пристальный взгляд чувствую кожей. Однако он не выдаёт сразу никакого подозрения.

- Ну, нет, это уже слишком, - усмехается он. - Мы ещё не так хорошо знакомы, чтобы я открывал тебе такие тайны.

Чёрт, не вышло. На всякий случай, я не поднимаю взгляд, чтобы не показывать разочарования. Но и на сарказм не реагирую в привычной манере, слишком поглощённая поиском иных вариантов. И вот это уже меня точно выдаёт.

- В чём дело, принцесса? - спрашивает Алек, мгновенно разоблачая меня. - Для чего ты хочешь это знать?

Мне приходится оторвать взгляд от застёжки, чтобы встретить его - проникновенный и небывало настойчивый, словно он копается в моей голове.

- Ни в чём, - немедленно отзываюсь я, усердно стараясь выглядеть беспечно. - Просто из-за последних событий, так получается, что я много пропускаю занятий и очень переживаю по поводу, что меня могут отчислить. А тут поняла, что у тебя это каким-то образом получается.

- И? - не отступает он, подсказывая, что этого было мало, чтобы сойти за нормальные объяснения.

Его неотрывный взгляд настоящая пытка для моей нервной системы, он словно заранее знает, что я обманываю. Мне требуется отвернуться, чтобы продолжать говорить уверенно.

- И... - вздыхаю и кладу ладони на колени, потирая их, затем выпаливаю на одном духу: - Я тоже так хочу.

- Чего ты хочешь? Прогуливать?

Теперь я разглядываю свои ногти, когда, подтверждая, киваю. Следующие секунды двадцать проходят в тишине, пока Алек снова не заговаривает.

- С чего вдруг? Ещё вчера ты рвала и метала, что прогуляла пару дней. Что изменилось?

Напор слышится в каждом произнесённом слове, он так просто не оставит это, любым способом докопавшись до истины. И я жалею, что не придумала оправдание победительнее. Наконец, я встречаюсь с его взглядом, в котором настойчивости в десяток раз больше, чем в голосе. Огромная ошибка с моей стороны. Потому что следующее я несу на автомате, переполненная волнением.

- От того рвала и метала, что меня могут отчислить за неуспеваемость, - повторяю я, но трепет в голосе делает его неубедительным. - Пока, как я и говорила ранее, не подумала...

- Принцесса, - перебивает меня Алек, предупреждая.

Его быстрые взгляды, которые он метает в мою сторону, предлагают перестать лгать. Он снова спрашивает меня:

- Зачем тебе это?

Я знаю, что мой ответ ему не понравится. Мы уже проходили это вчера. И позавчера. Но мне больше ничего не остаётся, кроме как сказать правду.

- Ладно, - сдаюсь, сокрушенная его настойчивостью. Покусывая нижнюю губу, смотрю на него исподлобья. - Понимаешь, теперь, когда вернулась мама, нам станет достаточно сложно. Придётся проводить время либо дома, либо на учёбе, и я подумала, - на мгновение замолкаю и сглатываю, готовясь озвучить слова. - Подумала, что можно учёбу заменить помещьем, чтобы...

- Нет, - отвечает Алек прежде, чем я озвучиваю предложение.

- Что?

- Нет, - повторяет он и смотрит на меня, не проявляя вообще никаких эмоций. - Ты не будешь прогуливать, и точка.

- Но... - пытаюсь вставить я, но Алек не позволяет.

- Я всё сказал, - с небывалой жёсткостью отчеканивает он, и то, что Алек даже не удосуживается выслушать до конца, неимоверно злит.

Я закипаю так быстро, что подобная пылкость сравнится лишь с возгоранием бенгальской свечи.

- Я так хочу тебя сейчас ударить, Алек, - предупреждаю я, вкладывая в интонацию побольше негодования.

Но Алек лишь отзывается кривой усмешкой на губах. Он меняется в выражении лица до веселья столь же быстро, как я раздражаюсь.

- Ты даже не представляешь, принцесса, как меня заводят подобные слова.

Он косится в мою сторону, подтверждая хитрым блеском в глазах своё заявление, и я всё же не сдерживаю тихого рычания. Боже, Алек просто невыносим. Однако его переигрывание помогает мне завестись ещё больше, теперь подстёгивая меня ни за что не уступать.

- Серьёзно, Алек... - начинаю я, и он действительно становится за одно мгновение серьёзным, обрывая меня.

- Как раз серьёзно я и говорю, это просто не обсуждается.

Не дождётся.

- Почему, нет?

Алек переводит на меня взгляд, резко дёрнув рычаг переключения скоростей. И, кажется, он сердится всё сильнее.

- Потому что я знаю, какие мысли бродят в твоей голове. Но поверь, я в этом не нуждаюсь. Я уже достаточно большой мальчик, и могу самостоятельно позаботиться о себе.

Да, как же! На самом деле, это его небывалая самоуверенность заставляет думать Алека, что он всё может делать самостоятельно.

- Знаешь, если ты сейчас имеешь в виду: изводить себя отсутствием сна и отдыха, то это вообще не вписывается в понятие «заботы».

- Ну, хватит, Лена, - внезапно произносит Алек слишком устало, что понимаю, насколько ему не нравится вести этот разговор. - Я имею в виду то, что очень хорошо умею расставлять правильно приоритеты. И в данной ситуации, я отдаю предпочтение - сохранению безопасности твоей симпатичной задницы, - он на мгновение замолкает, чтобы наградить меня по-настоящему волчьей ухмылкой, - просто я испытываю особо сильные чувства к ней.

Вот теперь я реально рассматриваю вариант его ударить. И очень сильно. Но вместо этого отворачиваюсь к окну. Спор с ним всегда приводит в тупик. Это бесполезно. У Алека найдётся миллиард саркастических шуточек, но ни одного нормального ответа, и я понятия не имею, как с этим бороться.

Перед глазами, наконец, виднеется высокое здание главного корпуса университета, и я даже не осознаю, что с облегчением вздыхаю, пока эхо не растворяется в полной тишине, царящей в салоне. Знаю, что в этот момент Алек бросает на меня взгляд, который, наверняка, если бы видел его, призвал чувствовать себя виноватой. Но я его не вижу, а значит ещё могу проявлять упорство. Это мой выбор, и я вполне имею право принимать подобные решения, но Алек...

Бог мой, Алек буквально доводит меня до безумия, считая, что я не способна

позаботиться о себе сама.

Алек находит свободное парковочное место, и машина останавливается. Ещё с полминуты в салоне автомобиля слышится только наше дыхание. И судя по глубокому вздоху со стороны Алека, он собирается нарушить молчание. Но он этого не делает. Ещё один глубокий вздох, и неожиданно кончики его пальцев касаются моих волос. Вздрагиваю. Тело, позабыв посоветоваться с разумом, мгновенно реагирует, отзываясь бросившимся в рассыпную покалыванием по коже. Беглым, лёгким движением Алек проводит по прядям волос и убирает их за ухо, открывая своим пальцем доступ к шее, линии подбородка и, добравшись до его середины, он поворачивает моё лицо к себе. Я не сопротивляюсь, в следующую секунду меня уже встречает взгляд его тёмных глаз – таких красивых и пленительных, словно гляжу в глубину совершенной летней ночи.

Он опускает взгляд и смотрит на мои губы. Только одна мысль о поцелуе заставляет сердце неистово заколотиться. Не могу думать, когда его губы так близко. Не говоря уже о том, чтобы продолжать дуться. Они такие манящие – полуоткрытые и отображающие чертовски соблазнительное обещание, что я готова сделать всё, лишь бы попробовать хоть каплю этого обещания.

Мало. Мне по-прежнему его мало.

Закрываю на долю секунды глаза, пытаюсь отыскать улетучившийся разум, но затем понимаю, что не хочу его находить.

Я хочу целовать Алека. Ежесекундно. Без разницы, какие доводы выступали против этой затеи. Больше их нет. Есть только он. Дразнящее отсутствие расстояния между нами. Его дыхание на моих губах...

Ток накаляет каждое нервное окончание, когда его мягкие губы касаются моих. Алек целует так нежно, словно боится, что я рассыплюсь, если он даст себе больше воли. Слишком невинно. Передвигаюсь ближе, прижимаясь губами сильнее, и ладонь Алека скользит под мои волосы на затылок, сжимая его. Большой палец гладит мою скулу, отчего по телу проносится волна дрожи.

Однако невозможно выразить тоску этого поцелуя, словно мы готовы вот-вот проститься, предвкушая разлуку. Я знаю это чувство – чувство невыраженных слов. Утаенных, недосказанных, заменённых вот таким способом. Отличный способ, если учесть, что это почти работает. Жаль, что всего лишь «почти». Потому что я по-прежнему не удовлетворена исходом нашего разговора.

Прерываю поцелуй первая, но от губ его не отстраняюсь. Это просто невозможно, хотя и понимаю, что терроризирую только свою силу воли.

– Это нечестно, Алек, – тихо говорю я, боясь разрушить магию атмосферы вокруг нас.

– Никогда не любил честную игру, – шепчет он в мои губы. – Правила искушают меня нарушать их.

– Думаешь, что всё это – смешно?

Алек качает головой, черты его лица становятся жёстче.

– Напротив. Я думаю, что всё это – чертовски серьёзно, – говорит он, и его твёрдый голос усиливает суть сказанного. – Поэтому хочу, чтобы ты перестала беспокоиться о тех вещах, которые сейчас совсем не имеют значения, а вместо этого подумала о том, что действительно важно.

Я знаю, о чём говорит Алек, но всё равно спрашиваю.

– Например?

Он и наносекунды не думает:

– Ты.

Но меня его ответ совсем не устраивает. Для меня есть более важные вещи.

- А кто побеспокоится о тебе?

Мне кажется, моё упрямство в какой-то степени причиняет Алеку боль. А может он категорически не желает признавать свою уязвимость. Но я знаю: за всей этой маской прочной стали, что Алек ежедневно надевает на себя, у него есть слабые места, сколько бы он ни отрицал, что они у него вообще существуют. И от того, что я их вижу, мне тоже становится больно. По-настоящему. Потому что я знаю, кто является главной причиной его состояния - я. Требуется любым способом искупить свою вину перед ним. Даже если Алек не собирается мне позволять.

Он протяжно вздыхает и на этот раз отстраняется, прижимаясь виском к подголовнику сидения. Алек больше не смотрит на меня, его взгляд устремлён куда-то за пределы лобового стекла. Его вид чересчур ясно даёт понять, что теперь он вымотан на все сто процентов. Не отсутствием отдыха. Мной.

- Прости, - внезапно вырывается у меня, и Алек мгновенно обращает ко мне недоумевающий взгляд, будто я не должна этого говорить. Но я говорю, слова, что так долго сдерживала, льются со скоростью водопада. - Всё стало слишком сложным, и иногда я просто не знаю, каким образом в этом разобраться. Я могла ещё принять, что я - другая. Могла принять мысль, что всё в той или иной степени изменится, но остальное...

Моё дыхание заходится на вздохе.

- Паша, - шумно выдыхаю, продолжая тараторить, - нападение гибридов, последние дни в поместье, переполненном напряжением и охотниками, словно мы находимся чуть ли не в Белом доме. - Снова делаю паузу, чтобы перевести дыхание и окончательно сникнуть. - И мама, которая ничего не знает, из чего состоит сейчас моя жизнь, и совершенно не заслуживает быть случайно в неё втянутой, стала буквально последней каплей.

По мере моих слов лицо Алека блекнет, но одновременно и смягчается, словно наконец я говорю правильные вещи, снимая с его плеч невидимую тяжесть. Словно мой срыв - это именно то, что он давно ждал. Наклоняю голову вправо, пытаюсь объяснить с ним максимально доходчиво.

- Я не хотела тебя злить, Алек, я просто хотела, чтобы хоть что-то из всего этого дерьма стало немного, но проще, потому что, пусть я и ненавижу находиться в поместье, только там всё кажется правильным и...

Моё лицо в его ладонях мгновенно успокаивает меня, заставляя всем мыслям вылететь из головы и заткнуться. Нет, вот, что чертовски правильно и естественно. Это всё только Алек.

- Эй, - прерывает он, - мы справимся, в независимости от того, где будем находиться. Скоро всё это прекратится. Обещаю.

Глаза Алек так искренны, что я очень сильно хочу поверить ему, но не могу. Я уже знаю, что дальше будет только хуже, и если это - только начало, то финал встречу явно уже свихнувшейся. Потому что есть ещё одна вещь, которая сводит с ума, она не даёт мне покоя ни днём, ни ночью - Алек. Точнее, это мерзкое ощущение связанности рук, словно он всегда слишком близко, но дотянуться до него всё равно неосуществимо. Так же, как и сейчас. Между нами от силы сантиметров десять, но кажется, что он стоит за километровой стеной. Словно я так и не имею права быть с ним.

И, возможно, это отчасти правда, и нам нельзя быть вместе, но я собираюсь прямо сейчас это опровергнуть.

Я с невероятной скоростью разрушаю расстояние между нами и целую Алека, целую, целую, целую, забывая обо всём, что нас окружает. Забывая, где мы находимся. Забывая, что этот мир вообще существует.

Все звуки приглушаются. Время останавливается только для нас, и меня больше вообще ничего не волнует, кроме этой восхитительной полноты ощущений, что получаю. Тесного контакта с его телом, когда его ладони пробираются на мои бёдра, и Алек мгновенно пересаживает меня на себя. Он уверенно прижимает меня к своим бёдрам. И

от того, что я так хорошо чувствую, мне становится невыносимо жарко, и одновременно я неистово дрожу. Внезапно этот способ уйти от всех проблем, растворившись в Алеке, кажется мне не таким уж и бестолковым. Моя голова пуста, а ещё я получаю то, во что так до конца и не поверила.

Алек мой, я – его.

Он вновь прижимает меня плотнее к себе, одна рука поднимается на мою спину, то поглаживая, то сминая ткань куртки. Вторая зарывается в волосы, обхватывает затылок, опуская мою голову ниже, чтобы углубить поцелуй, и меня захлёстывает желанием ещё сильнее. Внизу живота ноет, и я инстинктивно придвигаюсь к нему, сжимая коленями его бёдра.

Дьявол Всемогущий, я не могу выразить, как мне необходимо его ощущать. Каждым миллиметром своего тела – это болезненное чувство недостаточности заставляет его страдать. Потому что, если бы моё желание можно было измерить, то оно бы сравнялось размером с Луну.

И через секунду оно становится ещё больше. И больше. Каждый поцелуй, каждое прикосновение Алека волнами уносят меня дальше, глубже. В темноту. В полное забвение наслаждения, где нет мыслей, нет времени, нет абсолютно ничего...

Ладони Алека на моём лице, грубоватые на ощупь, но такие нежные в прикосновении, когда он постепенно завершает поцелуй, превращая его в лёгкое покусывание губ. Он останавливается, вернее, останавливает меня, потому что я этого делать точно не собиралась.

Его шёпот – это горячее, учащённое дыхание на моих губах.

– У нас зрители, принцесса, – молвит Алек совершенно нечётко, но так уверенно, будто это должно быть значимой причиной для меня.

Но для меня это ничего не значит. По крайней мере, чтобы стать причиной остановиться.

– Мне без разницы, пусть завидуют, – отвечаю, не открывая глаз, и снова приближаюсь к его губам.

Однако не достаточно близко, чтобы коснуться их – ладони Алека по-прежнему являются помехой.

Мои чувства так обострены, что вибрация его приглушенного смеха отдаётся щекочущим ощущением в груди. Этот звук так прекрасен и редок, что замираю, впитывая его в себя.

– Мне кажется, я на тебя плохо влияю, принцесса, – всё с тем же еле слышным смехом говорит Алек, и мои руки безвольно падают на его плече, когда понимаю, что продолжения точно не видать. Открываю глаза, чтобы посмотреть на него. Он так беззаботно и искренне улыбается, что забываю, как на него злиться, даже если всё моё тело протестует против мыслей о смягчающих обстоятельствах. Алек качает головой и, наигранно осуждая, продолжает. – Прогулы, проявление чувств на публике, боюсь представить, что будет дальше.

– Я думала, что в тебе только хорошие качества, – подыгрываю я, – как тогда твоё влияние может быть плохим?

Запрокинув голову чуть назад, Алек смотрит на меня с подозрением, словно взвешивает в уме всевозможные мотивы моих слов. И он решает, что я не совсем искренна с ним, но, если честно, я и сама не уверена в том, что просто не использую их как уловку.

– Знаешь, – начинает Алек, задумчиво растягивая, – после твоих слов, наверное, мне стоит заглянуть на всякий случай в Википедию, чтобы лучше различать плохое от хорошего, – заявляет он, и мне больше нечего добавить.

Предполагаю, что выражение моего лица на стадии замешательства, потому что Алек не ждёт ответа, его губы изгибаются в затейливой улыбке.

- Думаю, что прямо с этого момента я и начну исправляться, появившись сегодня на учебе.

Это не то, чего я добивалась. Напротив, такого исхода вообще не должно было получиться.

- Но... - растерявшись, я не знаю, что сказать ему. - Ты уверен, что этого хочешь?

Он, не раздумывая, кивает.

- Ухум, - отвечает Алек, выглядя так, словно ему действительно нравится эта затея.

И теперь запас возражений окончательно исчерпан. Мой взгляд опускается, и я, растягивая время, хватаюсь пальцами за кончик воротника его куртки, разглядывая острый уголок.

- Алек, ты не должен... - мой голос звучит надтреснуто, когда пытаюсь его разубедить снова, но он реагирует очень быстро, перебивая меня.

- Как считаешь, мы уже достаточно дали поводов для проходящих мимо людей, чтобы к обеду стать сплетней номер один?

Его вопрос фальшивка, озвученный исключительно для того, чтобы вогнать меня в смятение. Даже если мы и переходим границы, выглядя для окружающих чересчур откровенно, Алеку-то уж точно без разницы, что о нас подумают другие. И я почти готова заявить об этом вслух, но, когда мой взгляд возвращается к его глазам, с серьёзным, совершенно непоколебимым выражением в них, любые протесты, приходящие в голову, становятся бессмысленными. Он не отступит, всё равно сделает так, как посчитает нужным, даже если буду его отговаривать.

С несколько секунд просто молчу, внутренне принимая поражение, потом выдавливаю улыбку, стараясь изо всех сил, чтобы она выглядела натурально. Мои руки поднимаются вверх по плечам, по шеи. Обвожу большими пальцами линии его мгновенно напрягшейся челюсти.

- Если и мало, то сейчас они точно получают достаточно их, - шепчу я и незамедлительно снова целую Алека.

Он тихо смеётся, но затем всё же приоткрывает губы и позволяет мне целовать себя так, как я этого хочу: сначала нежно, затем отчаянно, с некой неконтролируемой потребностью, которую всё пытаюсь утолить. Наполнить себя им, чтобы наконец-то насытиться. Безнадёжно, но я всё равно не перестаю пробовать. Потому что кажется, что, если я оторвусь от него хотя бы на мгновение, моё сердце, не выдержав, остановится. Хотя через минуту я всё же отрываюсь от губ Алека, чувствуя, что мысли начали плавиться.

Алек тяжело дышит, его лицо по-прежнему в нескольких сантиметрах. Его взгляд не перестаёт тлеть, расфокусировано блуждая в районе моих губ. Руки сжимаются вокруг меня, так и не расслабившись, они не позволяют мне ненароком отстраниться от него. Алек не хочет отпускать меня, он хочет продолжения, его тёмные глаза, в глубине которых запечатлелось безумное желание, говорят мне об этом. Алек смотрит на меня, как на последней глоток воды в пустыне.

Нуждается, но не осмелится получить.

А затем он медленно, с явным привкусом горького разочарование выдыхает.

- Звонок прозвенел, - произносит он, но как-то отстранённо, будто это совершенно не то, о чём он сейчас думает.

Это всего лишь констатация факта, который я и сама знаю. Слышу, но не предпринимаю попыток отреагировать. Может мы могли бы остаться здесь навсегда, изолированные от настоящего и грядущего?

Но... от реальности не скрыться.

- Тогда нам надо поторопиться, чтобы не пропустить такое редчайшее событие, когда ты появишься на учебе, - тихо говорю я, также думая об обратном свои словам и притворно улыбаясь.

Ещё секунд десять Алек просто смотрит на меня, словно пытается запомнить каждый миллиметр моего лица, а затем легонько кивает. Он помогает мне без труда вернуться на пассажирское сидение и наблюдает за тем, как я достую сумку с задней части салона автомобиля. Кажется, что он хочет предупредить о чём-то очень важном, но вместо этого молча выходит на улицу. Когда я готова выбраться из машины, он уже на моей стороне, открывает дверцу и подаёт руку, помогая мне. Это не обязательно для меня, но я успела привыкнуть, что это обязательно для Алека - просто заботиться обо мне, даже если речь о незначительных мелочах, будто это доставляет ему дополнительное спокойствие. И в этом я точно не собираюсь с ним спорить.

Оказавшись на улице, я засовываю руки в задние карманы джинс и осматриваюсь по сторонам на спешащих опаздывающих студентов. Большое открытое пространство вокруг с непривычки немного тревожит, и во мне зарождается нервозность. Словно прочитав все мысли, неожиданно Алек поворачивает моё лицо к себе, кладя ладонь на мою щеку.

- Всё будет хорошо, вот увидишь, уже через полчаса ты пересмотришь своё желание прогуливать, - он говорит это неуверенно, натяжение слышится в каждом звуке его голоса, но я не собираюсь делать вид, что это заметила.

Не находя подходящих слов, просто киваю и принимаю его протянутую руку, когда он разворачивается полубоком, готовясь уже пойти, хотя и знаю, что моё желание никуда не подевается, и мы ещё вернёмся к этому разговору. Но пока что впереди первый день, проведённый за пределами поместья, и я очень надеюсь, что пройдёт он действительно нормально.

Глава 2

Он нашёл способ. Где-то глубоко внутри я испытываю что-то вроде радости и облегчения, но стараюсь отгородиться от этих чувств. Я не должна сочувствовать Паше, после всего случившегося, но он был мне когда-то дорог, а значит игнорировать - тоже никак не получается.

Голова вот-вот взорвётся. Мои дела и так обстояли не особо хорошо. Алек ошибся, желание прогуливать никуда не делось, а лишь усилилось. Цифры, формулы и заумные слова набили мозг до отказа, отчего появилась головная боль. Я отстала, и нет ни малейшего шанса, что смогу самостоятельно нагнать текущую программу. Вот если бы тут был сейчас папа, то это далось мне легко. Но он по каким-то неведанным мне причинам впервые не вернулся с мамой, а попытки найти ответ на такую странность лишь усугубили головную боль.

В какой-то момент я сдалась, закрыв учебник, и бесцельно уставилась в тетрадь, начав отсчитывать секунды, пока внимание не привлёк один разговор в аудитории. Две одногруппницы, закончив с заданием, никак не могли не обсудить моего появления. А через несколько минут их разговор стремительно перешёл к Паше.

Оказалось, что позавчера его мать отозвала свою просьбу отыскать его и забрала документы из университета. Понятия не имею, знает она всю правду, и если «да», то как он ей всё объяснил, но Паша больше не является студентом нашего университета. Так же, как больше не является человеком. Он вообще больше не является тем, о ком стоит переживать. Но я переживаю. На меня так до сих пор и не подействовали доводы Алека, что я не виновата, а осуждающие речи одногруппниц, считающих, что причиной всему происходящему с Пашей - я, снова тревожат так и не зажившую рану; они не представляют, насколько оказываются правыми.

- Ты решила бросаться из крайности в крайность, принцесса? - звучит голос Алека над головой, и я резко подпрыгиваю, едва сдержав испуганный визг.

Дьявол небесный, моё бешено колотящееся сердце буквально в секундах от неминуемого

инфаркта.

Мне требуется несколько глубоких вдохов, чтобы вернуть сердцебиению умеренный ритм, прежде чем поднимаю голову, встречая голову Алека прямо надо мной.

- Ты когда-нибудь прекратишь подкрадываться? Клянусь, если не перестанешь, то пеняй на себя.

Алек возмущённо поднимает бровь.

- Я не подкрадывался, - защищается он. - Я уже с минуты две наблюдаю, как ты гипнотизируешь тетрадь.

Две минуты? Удивлённо озираюсь по сторонам: когда успел прозвенеть звонок, и почему я его пропустила? Вновь возвращаю взгляд к Алеку, у меня зарождается другой вопрос.

- Почему ты здесь?

Он не отвечает, пока пересаживается за мою парту, а после пристально, с подозрением какое-то время изучает мои глаза.

- Ты игнорировала смс, - наконец говорит он.

- О... - только и вырывается из меня.

Совсем ненадолго теряюсь, затем тянусь к телефону, показывая Алеку, что тот на беззвучном режиме, и он кивает, принимая объяснения. Но подозрение всё равно не покидает его настойчивого взгляда.

- И о чём же ты так задумалась, что даже не заметила меня?

- Как решить задачу, - совсем не засомневавшись, лгу я и нахожу это немного странным.

Я не могу объяснить, отчего по-прежнему пробую защитить Пашу. Но то, что я узнала, является совершенно незначительным, ведь так? Или я и самой себе лгу?

Алек смотрит на закрытый учебник, отодвинутую подальше ручку, а потом на абсолютно пустой листок тетради. Он знает, что обманываю его, но по какой-то причине не собирается докапываться до истины.

Мы снова молчим, глядя друг на друга и слушая неловкую тишину между нами, затем Алек решает нарушить паузу.

- Вообще-то, я зашёл тебя предупредить, - заводит он разговор издали не принуждённым тоном голоса. - Я уже отсидел своё положенное время в этом месяце и теперь мне нужно ненадолго отъехать.

Именно с этого момента я начинаю нервничать.

- Куда?

Алек выглядит мрачным, когда отвечает.

- Надо кое-что проверить.

- Не хочешь рассказать что?

Молчание длится секунд пять, затем Алек качает головой.

- Нечего пока рассказывать.

Отворачиваюсь и глубоко вздыхаю, успокаивая рвущуюся настойчивость. На что я рассчитывала, когда сама не слишком-то блистаю открытостью?

- Я ненадолго. Обещаю, что до окончания занятий вернусь, - пробует Алек вновь заполучить моё внимание обратно, а заодно сгладить разговор мягкостью голоса. Но это не работает, я ещё не готова посмотреть на него, и тогда он решает добавить. - В

соседней аудитории находится Дам, а этажом выше Макар. К тому же, сомневаюсь, что в университете хоть что-нибудь может произойти...

Во мне бурлит злость от того, что Алек, кажется, совсем меня не понимает. Я смотрю на него, не в силах устоять негодованию, перебивая его.

- Меня это не беспокоит. - Разве что самую малость. Но сейчас дело вообще не в этом. Хотя я всё равно не объясняю своего срыва. - Просто пообещай быть осторожным, что бы ты ни задумал, - вместо всего прошу я, что действительно для меня важно.

И судя по тому, как в его взгляде появляется дополнительная сосредоточенность на моих глазах, он и в правду что-то задумал. Но, вместо чего-то конкретного, Алек всего лишь кивает.

- Хорошо, обещаю.

Хотя мне этого мало, я всё равно позволяю ему подумать, что меня это устраивает, выдавливая скупую улыбку. Наверняка Алек распознаёт её неправдоподобность, но не подаёт и намёка. Он целует меня в висок, скользнув ладонью по волосам, а затем встаёт и выходит из аудитории прямо перед тем, как звенит звонок.

Всю следующую пару я сижу, как на иголках, и стоит ей едва только закончиться, хватаю собранную заранее сумку и вылетаю в коридор, буквально врезаясь в Дамьяна. Он с зарождающимся беспокойством оглядывает меня с ног до головы, придерживая за плечи.

- Всё в порядке?

И мой ответ был бы «нет», всё - совершенно не в порядке. Но Дамьян спрашивает меня о другом, потому быстро киваю и смотрю по сторонам.

- Алек не вернулся?

- Нет, но он попросил приглядеть за тобой, чтобы ты постоянно находилась со мной и Несси. Надеюсь, ты не против нашей компании?

Мои глаза округляются. Я? Против? Это они должны меня ненавидеть, что постоянно приходится со мной возиться. Но, вглядываясь в светлые, золотистого цвета глаза Дамьяна, я не нахожу в них нежелания. Скорее, искреннего волнения. Меня посещает крохотная мысль: что же такого Дамьян задолжал Алеку, что ему так важно исправить случившийся неделю назад промах? Совсем ненавязчивая, больше непостижимая. Но я её быстро отбрасываю, беспокоясь сейчас о другом.

- Ты знаешь, куда поехал Алек?

Дамьян качает головой, затем предлагает начать двигаться, перестав мешаться на выходе из аудитории.

- Понятия не имею, он никого не посвящает в свои дела, - говорит Дамьян, когда я равняюсь с ним, и тон его голоса подсказывает мне, что парню последнее тоже приходится не по душе. Но, бросив на моё скорченное озадаченностью лицо, он улыбается, добавляя. - Не переживай, у Алека всегда всё под контролем, чего бы это ни касалось.

Нехотя выдавливаю улыбку в ответ. Я рада, что Дамьян уверен в этом, однако избавиться от волнения всё равно не получается. На самом деле Алек лишь выворачивает всё так, что не остаётся сомнений в его уверенности, но клянусь, иногда я могу видеть, как он сам поражается, когда всё идёт по его плану. Однако этот секрет останется навсегда при мне.

Мы спускаемся на первый этаж и заходим в столовую. Несс мгновенно оживает, замечая нас, и машет рукой, подзывая присоединиться к ним с Макаром. Но я не могу этого сделать. Мой взгляд проносится по занятым столикам и, наконец, натывается на того, к кому я сюда спешила - Леся.

Я не видела подругу, кажется, целую вечность, хотя и находила способы втайне от всех

позвонить ей и рассказать, как обстоят дела. Однако это точно не заменяло настоящего общения, по которому так истосковалась.

- Слушай, - начинаю я с чуть заметным смущением, - ты не будешь против, если я сейчас сяду не с вами?

- Нет, конечно, - отвечает Дамьян, его взгляд направляется к Лесе. Он сразу меня понимает, что не может не радовать. - Мне и там тебя будет прекрасно видно.

Получив одобрение, я буквально несусь через всю столовую. Все гнетущие мысли чудным образом уходят на задний план. Не знаю, каким образом и даже не хочу об этом задумываться. Я просто рада тому, что это вообще произошло. Кажется, я готова наброситься на подругу, требуя, чтобы она безудержно говорила и говорила, рассказывая всё, что насобирала за эти несколько дней.

Леся осматривает меня внимательным взглядом, когда усаживаюсь напротив неё, словно не видела очень давно и ищет во мне явные изменения.

- До последнего не была уверена, придёшь сюда или нет, - говорит она, пододвигая ко мне вторую порцию обеда.

- Наверное, именно поэтому ты взяла его для меня? - парирую с улыбкой, указывая на салат.

Мы всегда так поступали: кто первый пришёл тот и покупал обед, так как это своего рода традиция. Но больше, скорее, уверенность, что опоздавшая обязательно появится. В другом случае мы стояли в очереди вместе. Чувствую, как в груди покалывает вина, была бы я здесь, если бы Алек не уехал? Надеюсь, что «да».

- Надежда, как сама знаешь, умирает последней, - отзывается она, немного оживившись. - Я всё же осознаю, что не могу соревноваться с любовью, - добавляет Леся уже в своей манере, и её взгляд перемещается в сторону. - Кстати, где она?

Пожимаю плечами, понимая, что Леся спрашивает про Алека.

- Самой интересно.

Подруга смотрит на моё лицо, читая по его выражению, как я к этому отношусь.

- Хочешь поговорить? - спрашивает Леся, прищурившись с видом знатока.

«Не сейчас», - шепчу я одними губами в ответ.

И проблема не в том, что я не могу ей что-то сказать. Проблема в другом - я так и не рассказала Алеку, что Леся всё знает. И меня одолевают сомнения, каким именно образом он отнесется к подобному факту. Вместо этого решаю рассказать ей, как прошло моё странноватое утро в компании мамы и Алека. Лесе не понаслышке известны причуды моей мамы, поэтому она, поддерживая, искренне сочувствует такому стечению обстоятельств. Затем мы болтаем и болтаем, пока неожиданно меня не привлекает совершенно посторонний разговор. Совсем мельком, так как его источники, очевидно, находятся не близко. Но фамилию «Белинский» я расслышала чётко и хорошо.

Оборачиваюсь и обвожу присутствующих взглядом. Алек объяснил ранее, что разговор, или же, например, какой-то доносящийся звук, можно лучше распознать, если найти сам источник и сконцентрироваться только на нём, отключая всё постороннее. Однако, похоже, я не слишком хорошо усвоила этот урок, по второму кругу уже рассматриваю студентов, но всё безуспешно. Но тут я снова отчетливо слышу «Алек», и на этот раз мои глаза сами инстинктивно направляются в дальний угол столовой, мгновенно наткнувшись на пристальный взгляд тёмных, почти чёрных глаз.

- Если он смог к ней подобраться, почему я не могу? - спрашивает брюнет своего собеседника, который находится ко мне спиной, но сам смотрит исключительно на меня.

Шестерёнки в голове моментально сопоставляют услышанное, и я тяжело сглатываю. Взгляд парня становится более цепким. Он тоже замечает, что я смотрю на него.

- Она ведь так и манит, - медленно, задумчиво произносит он, будто бы непосредственно мне. - Этой... своей наигранной невинностью.

Он склоняет голову, изучает меня с таким голодом в глазах, что в груди воздух сдавливается, а к лицу приливает горячая кровь. Ему нравится, что моё внимание приковано к нему. И я ничего не могу с собой поделать. Сила его взгляда непостижима. Он словно схватил двумя руками мою голову и не позволяет отвернуться.

- Тебе напомнить, что последний кто к ней подошёл в этом году, больше так и не появился в университете, - слышится голос его друга, но где-то совсем вдалеке.

- Мне плавать, - усмехнувшись, отвечает обладатель надменно-холодного взгляда. - Повторю, я никогда не боялся Белинского. Однако же ему достаются самые красивые девушки. Я и так пролетел с Инессой, он слишком быстро присвоил её себе. А с этой у меня, кажется, только что появился неплохой шанс.

Он подмигивает мне, поднимая один уголок губ в дерзкой ухмылке, что является для меня поводом очнуться. Резко отворачиваюсь. Быть того не может. Неужели я на самом деле дала ему намёк? Чёрт-чёрт-чёрт. Вот теперь я ненавижу свои способности. Не всегда слышишь то, что в действительности хочешь. Стараюсь всеми мыслимыми силами отключиться от их разговора и переключиться на подругу. Леся замечает мой нервно колеблющийся взгляд.

- Что случилось?

Всего одну секунду я сомневаюсь, говорить или нет, но затем понимаю, что Леся знает здесь всех и всё про каждого. Нагибаюсь вперёд, опираясь на локти, и говорю максимально тихо, чтобы слышала только она.

- Только не смотри сразу, - прошу её, не желая давать ещё какой-либо намёк. - Тот парень: брюнет, сидит около второго окна по правую сторону, в чёрном джемпере.

Взгляд подруги как бы мимолетно скользит по стенам.

- С одной серой полоской?

Я киваю:

- Знаешь его?

Сама не понимаю, зачем вообще им интересуюсь. Но всё же он вызвал какие-то смутные подозрения.

- Вообще-то он учится в одной группе с твоим красавчиком. Наш местный пожиратель женских сердец. И насколько я помню, у них с Алеком были какие-то проблемы. А что?

Выпрямившись, глубоко вдыхаю и задумываюсь. Действительно, а что?

- Он мне не нравится, - бормочу я.

Больше. В нём есть что-то пугающее, и в данный момент, то самое смутное чувство разрастается в тянущую воронку под ложечкой.

- Лен, я, наверное, вскоре привыкну, очевидно, это как-то относится к тому, что ты изменилась, но пока ты кажешься странной.

Киваю с отрешенным видом, я знаю, что выгляжу для неё странно. Я и для себя выгляжу ровно такой же, но всё, чего сейчас безумно хочу - чтобы Алек вернулся, как можно скорее. А заодно покинуть столовую, убравшись из-под взгляда, который по-прежнему ощущаю на своём затылке, и он меня не на шутку нервирует. Потому прошу Лесю уйти отсюда, и она даже не задаётся никакими вопросами, просто давая согласия. Оставив посуду, мы идём через столовую, а в груди так и пульсирует безмерное волнение, когда оглядываюсь по сторонам, словно сердце сместилось и бьётся в районе солнечного сплетения. Мне до сих пор мерещится, что на меня кто-то пристально смотрит, но того парня поблизости нет. Скорее всего, это остаточное явление или моё буйное воображение. Встряхиваю головой, пытаюсь выкинуть из неё мысли, но получается лишь

на короткое время. Стоит нам разойтись с Лесей, и тревога снова завладевает состоянием.

В том парне, по сути, не было ничего сверхъестественного, чего стоит действительно опасаться. Он – всего лишь чересчур самоуверенный тип, имеющий старую обиду на Алека. Я понимаю это, но мной всё ещё управляет страх, который так и не покидал с того вечера. А сейчас, когда Алека впервые нет рядом, я чувствую себя не в своей тарелке. А возможно, я вижу потенциальную угрозу во всех по причине того, что если главным её источником мог запросто стать мой друг, то про других, незнакомых людей буквально и речи быть не может.

– Лена! – окликает меня голос Несс, стоит мне скрыться за дверным проёмом лестничной площадки, и я сразу же останавливаюсь, дожидаясь её.

Она появляется спустя всего одно мгновение вместе с Дамьяном.

– Я уже звонить тебе хотела, – натянуто улыбается Несс, сравниваясь со мной. – Ты так быстро ушла из столовой, что мы тебя потеряли.

Я прихожу в недолгое замешательство.

– Оу, простите. Я даже не подумала, что вы меня искать будете, – отвечаю я и тут же понимаю, как это глупо с моей стороны.

Но, кажется, на меня особо никто не злится, мы задерживаемся на площадке всего несколько секунд, пока Дамьян не предлагает начать подниматься.

– У тебя сейчас последняя пара? – спрашивает он.

– Да, а что?

– У нас тоже по последней паре, поэтому, если Алек так и не появится до того времени, как закончится пара, никуда не уходи. Оставайся около аудитории, хорошо? – Я незамедлительно киваю, но так ничего по-прежнему не понимаю. – Мы с Несс тебя встретим и отвезем в поместье. И не вздумай выходить без меня на улицу. С недавними событиями уже ни в чём нельзя быть уверенными.

Вот поэтому я боюсь даже стен, хотя и усердно стараюсь обуздать свой страх, никому его не показывая.

– Конечно, хорошо, – прерывисто соглашаюсь я и, достигнув третьего пролёта, останавливаюсь. – Значит, Алек так и не звонил? – спрашиваю перед тем, как свернуть на этаж.

Дамьян качает головой с озадаченным видом, его взгляд ничем не отличается. Стоит ли начинать переживать за Алека, если даже его брат недоволен его отсутствием?

– Не переживай, с ним всё в порядке, – словно прочитав мои мысли, подбадривает Несс. – Просто он никогда не посвящает остальных в свои задумки, – повторяет она слова, сказанные не так давно Дамьяном, и, поджав губы, выдаёт тонкую улыбку.

Дамьян на её словах резко оживает, кивая и подмечая, выставляет палец с видом «чертовски верно». Похоже, все знают Алека лучше, чем он того бы хотел. Но они правы. Алек никого не посвящает в то, что творится в его голове. Однако моё состояние от данного факта ни черта не меняется. Обреченно и довольно вяло улыбаюсь ребятам в ответ и, махнув рукой, в итоге заворачиваю на свой этаж. И в тоже мгновение замираю. Сердце громко ухает вниз – около двери, в нужную мне аудиторию, прислонившись плечом к стене, стоит тот самый брюнэт. Завидев меня, его рот кривится в ухмылке, и он отталкивается от стены.

Какого черта? Неужели он всерьёз ждал здесь меня? Волнение карабкается по коже мелкими, противными мурашками. Оглядываюсь по сторонам: звонок минуту назад оповестил о начале занятия, поэтому в коридоре ни одной души. А догадки подтверждаются, когда парень движется в моём направлении. Опустив взгляд в пол, делаю вид, что не заметила его, с безразличным видом иду ему навстречу, но держусь правее.

Это глупость. Он человек. При всём своём желании парень не сможет меня догнать, если я действительно захочу от него убежать. Но убеждения не помогают. Стоит заметить ноги в поле моего зрения, и меня накрывает волной жара.

- Привет, - голос парня глубокий, в нём слышится певучая слащавость. Мои глаза невольно обращаются к его. - Лена, правильно?

Он пытается улыбаться застенчиво, словно смущается, но его выдаёт нахальный блеск в глазах. Он ожидает ответа, но я молчу. Просто сверлю его холодным, сердитым взглядом, надеясь, что парень поймёт и отойдёт. Но он не понимает, несколько слабо заметных морщинок появляется у него на лбу, парень всё очевиднее приходит в замешательство, что явно портит его холёное лицо. Если честно, он чересчур хорош, что меня удивляет, почему ему вообще требуется что-то себе доказать. Да так хорош, что ему бы больше подошло разгуливать по-тихоокеанскому пляжу, позволяя всем наслаждаться его безукоризненной внешностью, а не подцеплять девушек в коридоре, подкармливая обиженную самооценку.

- Я - Тимур, - вновь совершает он попытку, но уже без псевдо-милой ухмылочки. - Давно хотел с тобой познакомиться, а сегодня мне показалось, что ты тоже не против.

Игнорирую и пробую обойти так, словно ничего не слышала, но парень делает поперечный шаг, преграждая путь.

- Что, даже не ответишь? - искренне поражается он.

Он в растерянности касается ладонью моей руки, и я вздрагиваю. Мне кажется, что внезапно кто-то выкачал из помещения весь воздух - его катастрофически не хватает. Отдёргиваю руку, словно меня ударило током, и смотрю на него широко распахнутыми глазами, как будто передо мной стоит самое ужаснейшее чудовище в мире. Бред, но так и есть. Я вернулась в события четырехдневной давности, в глазах только прошлое - только Паша, и его горящий яростью взгляд.

- Что, чёрт возьми, с твоими глазами?.. - еле слышно произносит он, отшатнувшись назад, словно разглядел во мне не менее ужасное чудовище.

Я не понимаю, что он имеет в виду, и не собираюсь выяснять, но его взгляд полнится подлинным шоком. «Пора уходить», - настаивает внутренний голос, и я, воспользовавшись ступором парня, огибаю его стороной и стремглав оказываюсь в аудитории.

Всю следующую лекцию нахожусь в смятении. Мысли, спутанные и противоречащие друг другу, кружат в голове. Несколько раз я доставала телефон и почти звонила Алеку, но так окончательно и не решилась нажать «вызов». Глупость - напоминала я себе. Не хочу дёргать его по пустякам. Ведь это, по сути, пустяк, просто моё травмированное воображение заставляет думать иначе. Да, парень-Тимур, очевидно, не привык получать отказ, и подобное его задело, но что он может мне сделать? Ничего. К тому же, я уверена, что Алек вернётся к окончанию занятий. Уверена на девяносто девять процентов, потому что один процент оставляю обстоятельствам. И, как назло, пришедшая от Несс смс за пять минут до звонка, вписывается именно в этот один процент. Вот теперь я нервничаю по-настоящему. Я всё ещё надеюсь увидеть Алека, выходя из аудитории, но его нигде нет.

Внезапно кто-то хватается за предплечье и резко оттягивает в сторону. Всего секунда, и я оказываюсь в ловушке, в которую меня ловит Тимур между открытой дверью кабинета и стеной, выставив преградой по обе стороны от меня вытянутые руки.

В его глазах пылает смесь эмоций - гнев и недоумение.

- Что он тебе наговорил про меня?

Мой язык оживает прежде, чем разум.

- Он?

- Белинский, твою мать! - рычит Тимур, подаваясь телом вперёд. - На меня никогда не смотрели с таким испугом. Да ты и сейчас меня до ужаса боишься! Что именно он тебе

наговорил про меня? – продолжает напористо требовать он.

Выражение его лица охвачено ярим негодованием, и неизвестным образом оно передаётся мне, вытесняя весь предыдущий страх. Я впитываю его злость и реагирую, сжимая лямку сумки до боли. До режущей боли, которую очень легко игнорирую.

Из моей груди вырывается нервная усмешка.

– Да ты ненормальный!

– Я? – усмехается он в ответ. – Это ты ненормальная, учитывая ту хрень, которая творилась с твоими гла...

Он не договаривает, так как громко слышится чей-то посторонний голос, который его обрывает.

– Тима, слушай, отпусти её, – очевидно, это предлагает его друг, но Тимур не отвлекается от моих глаз, глядя в них с неподдельным безрассудством. – Алек...

– Я уже сказал! К черту, Белинского!

– Не думаю, что мне у него понравится, – звучит ровный голос Алека, и в тоже мгновение перед глазами появляется его рука.

Надавливая пальцами на горло Тимура, Алек молниеносно его разворачивает и с той же скоростью припирает к стене практически рядом со мной.

– Как у тебя с анатомией дела, Соболев? – не помедлив и секунды, спрашивает Алек, и в этот же момент его глаза пропускают едва заметную вспышку света.

С трудом сглатываю комок в горле и осматриваюсь по сторонам, гадая, заметил ли это кто-то ещё.

– Что? – ошарашенно хрипит Тимур лишенным кислорода голосом.

Алек сильнее надавливает на его горло и приподнимает парня так, что его ноги едва достают пола. С нечеловеческой силой. Со своей настоящей силой. Мои лёгкие стесняет давлением от запредельного волнения. Это закончится плохо. Очень плохо...

– Спрашиваю: насколько хорошо ты знаешь анатомию? – слова Алека кажутся такими простыми, но его грозный, стальной голос режет воздух.

Тимур молчит, по-прежнему рассеянно глядя на Алека глазами, которые блестят мутной пеленой. Алек на самом деле его душит, понимаю я, парень едва может вдохнуть, и от этой мысли у меня сильнее сосёт под ложечкой.

– Советую, лучше изучить её, чтобы яснее понимать, что тебя ждёт, если ты приблизишься к Лене хотя бы ещё раз, – Алек говорит тихо, предназначая свою угрозу только Тимуру, и в этом по-настоящему личная, давняя вражда. – В отличие от прошлых двух переломов, у тебя будет их ровно столько, сколько находится отделов в твоём позвоночнике. Понял меня?

Тимур теряет ясность в глазах, но не гордость и, стараясь изо всех сил дышать, непреклонно молчит. Тогда Алек надавливает на его кадык, отчего глаза Тимура широко распахиваются, и я вижу, как его грудная клетка дёргается от недостатка воздуха.

– Так ты понял меня? – повторяет Алек уже более грозно, и Тимур, наконец, едва заметно кивает.

Мгновение – и он свободен.

Я не успеваю ни посмотреть на Тимура, ни на его друга, который направляется к нему, ни на кого. Алек, обхватывая мою талию и сгребая в охапку, быстро уводит прочь. В голове творится сумбур, плотный туман застилает разум, словно меня выдернули только что из самого эпицентра пожара. И стоит нам свернуть к лестнице, как Алек останавливается и поворачивает меня за плечи, чтобы видеть моё лицо, и легко проводит по нему ладонью.

Глаза Алека с обеспокоенной вкрадчивостью всматриваются в мои.

- Он что-нибудь сделал тебе?

Всё ещё потерянная, качаю головой:

- Нет.

Облегчение приходит на смену волнению, Алек глубоко вздыхает, прижав к себе, заключает в объятия и целует меня в лоб. И только сейчас - в его объятиях - чувствую, как что-то внутри меня сразу же расслабляется. Похоже, сама того не замечая, я всё больше и больше привыкаю к постоянному присутствию Алека в моей жизни - это единственное, что кажется совершенно правильным в ней.

- Прости меня. Я не должен был оставлять тебя здесь одну, - после недолгого молчания говорит Алек.

И меня изумляет тон его голоса, полного сожаления. Запрокинув голову, смотрю на него с замешательством.

- За что? Ты не можешь всегда и везде находиться рядом со мной.

- Вообще-то, могу, - это не возражение со стороны Алека, звучит так, словно его слова никем не оспариваемый приказ.

И это один из тех случаев, когда я не хочу ничего оспаривать.

Алек, бросив взгляд через плечо на нарастающий поток студентов, надвигается на меня, подводя к стене. И, кажется, его не особо беспокоит, что мы стоим у всех на виду.

- Ты точно в порядке? - спрашивает он и, наклоня голову, заглядывает в глаза.

- Точно, - отвечаю, заставив себя выдать убедительную улыбку.

Знаю, что она должна подействовать на него, как повод успокоиться, потому что он не должен чувствовать вину за то, что постоянно пробует решить все проблемы, оставляя меня одну. И она действует на него. Алек немного отстраняется назад, расслабляя руки на моей спине, чтобы свободно смотреть на меня, но полностью так и не выпускает.

- Что ему нужно было от тебя?

Пожимаю плечами.

- Очевидно, хотел поквитаться с тобой за прошлое. По крайней мере, я так думаю. Случайно подслушала, когда он говорил об этом, - поясняю я свой вывод. - А сейчас нёс какой-то бред типа: что ты мне что-то наговорил про него.

Нахмурившись, Алек задумывается.

- Мне стоит вернуться и закончить начатое, - говорит он на полном серьёзе.

- Нет, Алек! - испуганно протестую я, и мой голос звучит громче, чем планировала. Мгновенно успокаиваю себя и, глядя по сторонам, произношу почти шёпотом. - Ты и так чуть ли не выдал себя.

- Выдал? О чём ты, принцесса?

Алек смотрит так, словно действительно не осознает, что выглядел в тот момент, как случайно перебравший со стероидами спартанец, для обычного смертного. Сложив руки на груди, отталкиваясь спиной от стены и вновь проверяю сбавилось ли количество спускающихся студентов. Алек, освобождая меня из объятий, так же оглядывается по сторонам, но кажется не понимает, из-за чего я так насторожена.

- То, что ты - не человек, - говорю тихо, хоть и убедилась, что большинство зрителей разошлись, а мы уже не привлекаем столько внимания.

- И чем же, интересно? - слышу надменную ухмылку в его голосе, которую ему удалось скрыть на губах.

- Ты держал парня в воздухе одной рукой, - напоминаю я. - Со своей настоящей силой.

Сказав, я начинаю спускаться вниз, желая увести Алека подальше от Тимура. Не знаю, где находится он сейчас, но мимо нас точно не проходил за это время. На этот раз Алек всё же не выдерживает и ухмыляется, спускаясь следом за мной. Он лениво переставляет ноги, глядя на меня так, словно я глупость только что сморозила.

- Я учусь здесь пятый год, принцесса. Думаешь, за это время я ни разу не проявлял своей силы или случайно скорости? И никого не пытался убить? Серьёзно? Это же я.

- У тебя проблемы с самоконтролем, Алек, - бормочу я напрашивающийся вывод.

Алек усмехается, его нахальный взгляд скользит по мне сверху вниз, когда он равняется со мной.

- Думаю, что ты должна была уже сама убедиться, что самоконтроль - это единственное, с чем у меня нет проблем, - заверяет он, явно намекая на то, что не относится к нашему разговору.

Закатив глаза, вскидываю руками вверх. А вот и эго нас посетило, куда же без него.

- Не было... - внезапно добавляет он, перехватывая мою руку за запястье.

Алек бледнеет. Несколько секунд он не моргая смотрит на кровь. Кровь на моей ладони. Я сама не менее обескураженно тарашусь на неё. Откуда она вообще взялась? Алек шумно втягивает воздух через нос, а его глаза мерцают светом, как неисправная лампочка. Он резко разворачивается, направляясь обратно наверх, но я успеваю поймать его за руку.

- Это не он, Алек, - твёрдо произношу я, но голоса не повышаю.

Мне просто требуется привлечь его внимание. Недоверие оттесняет свечение в его глазах, когда он поворачивается ко мне лицом. Алек замер и не двигается, но я вижу, что он по-прежнему раздумывает и хочет вернуться наверх.

- Успокойся, это правда не он. Я... - Разглядываю две тонкие, небольшого размера полоски, быстро придумывая, на что они могут походить. - Я случайно порезалась бумагой, - без единого сомнения снова лгу я.

Наполовину. Тимур на самом деле ничего мне делал. Но и бумагой я точно не ранилась. К тому же, заживающие порезы не слишком-то на это похожи, и если Алек мне сейчас не поверит, то не представляю, чем всё может закончиться. Он оказывается на той же лестнице, что стою я, и, прищурившись, заглядывает в глаза. Нервничаю. Чертовски сильно нервничаю и, прикусив щеку с внутренней стороны, стараюсь не показать этого Алеку. Но я буквально ощущаю, как его пронизательный взгляд пробирается в мою голову.

- Ты обманываешь меня, принцесса, - крайне спокойно, но чересчур сердито говорит он, разоблачая меня. - Ты не порезалась бумагой.

Иногда я и в правду сомневаюсь, что Алек не обладает телепатией. Он бросает на меня осуждающий взгляд и спускается вниз, не оглядываясь. Ступор властвует над сознанием секунд пять, пока не понимаю, что Алек рассердился на меня из-за того, что его обманула.

Торопливо спешу вслед за ним.

- Ладно, я не порезалась бумагой. Но это не Тимур. Честно.

- Знаю, - безучастно отзывается Алек, по-прежнему не глядя на меня и спускаясь вниз.

- Я просто сама не знаю, откуда взялись эти порезы, - продолжаю я оправдываться.

На этот раз Алек ничего не отвечает, а просто останавливается. Просунув указательный палец под ремешок моей сумки, он оттягивает его и, нахмурившись, озадачено смотрит. На нём тоже находится кровь.

- Даже не представляешь, откуда они могли взяться? - спрашивает Алек, не отводя серьёзного взгляда от пятен крови.

Немного пораздумав, отвечаю:

- Нет. - И это чистая правда.

Я даже не помню, что вообще испытывала боль.

- Ладно, похоже, ты просто не заметила, когда это произошло, - отпустив ремешок, он смотрит на меня и кивает. - Пойдём?

Округлив глаза, я не двигаюсь с места, недоверчиво взирая на Алека. Так просто прозвучало его «пойдём». Да ещё секунду назад он упрекал меня за обман, а теперь передо мной снова спокойный Алек. Что изменилось?

- Постой. Как ты понял, что я сказала неправду?

Непонимание буквально изводит меня. Я сломала себе голову, бесконечно размышляя, как у него это постоянно получается.

Алек усмехается.

- Если я скажу, что именно тебя выдаёт, то, скорее всего, больше не смогу этим пользоваться.

- Ты должен мне сказать, - настаиваю я на своём. - Это нечестно, Алек.

Одно мгновение его губы изогнуты в ухмылке.

- Кажется, настал момент, когда я должен раскрыть тебе ещё один свой секрет, принцесса, - тихо и немного интригуяюще произносит Алек, подаваясь вперёд, и говорит мне на ухо: - Честность - никогда не была моей сильной стороной, в отличие от самоконтроля.

Я едва не спотыкаюсь о свою раскатавшуюся губу, когда разум пытается справиться с таким жестоким разочарованием. Проклятие, я ведь на самом деле уже рассчитывала услышать признание.

Он выпрямляется и, увидев мою реакцию, довольно улыбается, а я, пораженная тем, насколько откровенно бесенята в его глазах веселятся, глубоко втягиваю воздух, перебарывая желание зарычать. Возможно, даже прямо в эту секунду стараюсь удержать свою истеричную натуру от того, чтобы не начать колотить и колотить его по груди, требуя ответы на все заданные вопросы, которых он избежал подобным методом. Но вместо всего я молчу и, контролируя разбушевавшиеся эмоции, разворачиваюсь на девяносто градусов и продолжаю спускаться вниз. До машины я иду, не проронив ни слова. Нет, я не обиделась на Алека, просто пообещала себе, что всеми способами добуду эту информацию. Не припомню точно, но когда-то давно прочитала заметку в журнале, которая гласила: молчание - один из лучших методов кого-то разговорить. Именно этим сейчас и занимаюсь. Даже стараюсь проигнорировать столько прикованных к нам взглядов. Мы снова стали центром всеобщего внимания. На нас смотрит, если не каждый человек, то каждый второй точно.

Интересно, сколько понадобится времени на этот раз, чтобы все забыли о инциденте? На ситуацию с Пашей потребовалось чуть больше двух недель. А эта повторная. Уверена, так легко мы на сей раз не отделаемся. И, кажется, пора всерьёз задуматься о профессии врача, потому что помимо нашего университета, в этом городе существует только медицинский институт.

Оказавшись наконец-то в машине, с облегчением вздыхаю. Ощущение такое, что каждый смотрящий вдобавок кинул в меня камнем осуждения. Но к Алеку подобное не относилось. На него бросали больше понимающие взоры, подтверждая мою теорию, что

именно я являюсь источником всех неприятностей, а ему лишь несправедливо достаётся решать их. Однако даже данный факт не отменяет того, что Алек мне вечно не договаривает, поэтому я усердно продолжаю наигранно обижаться.

Алек заводит мотор и смотрит на меня.

- Если хочешь оказаться дома пораньше и поговорить с мамой, я отвезу тебя сейчас, - он забывает добавить интонации вопросу, поэтому я никак не могу понять, как сам Алек относится к своему предложению.

Однако я всё равно отрицательно качаю головой. Хотя и безумно соскучилась по разговорам с мамой, обменом новостями, да и вообще по ней, я ещё не готова. Я изменилась, и не могу быть уверенной, что она этого не заметит. К тому же, что я ей расскажу. «Эй, мам, знаешь, я тут с недавних пор стала убийцей. Он был не человеком. Гибридом. Но всё равно я его убила. Кстати, на нашей кухне». Думаю, последнее её особенно порадует. А потом и всю историю происхождения Альф, Омег и гибридов - и мне обеспечена путёвка в психиатрическую лечебницу. Нет, определенно плохая идея. Вдобавок ко всему, я ещё не получила ответы на все свои вопросы от Алека, а это терзает сейчас больше всего.

Не говоря больше ни слова, Алек выезжает с парковки. Через минуту он включает музыку, но громкость небольшая, словно намеренно оставляет возможность одному из нас заговорить. Скорее всего, мне. Это ведь я разговариваю без умолку, когда Алек в основном больше слушает. И меня так и подмывает спросить его, чем именно он сегодня занимался, когда отсутствовал. Но я приказываю своему языку молчать. Если хоть один раз этот метод сработает, в будущем у меня будет преимущество. Правда обстановка провоцирует меня, и я удерживаю свой взгляд от того, чтобы проверить выражения лица Алека. Достаяю телефон, сама не зная, для чего, и с огромным преувеличенным интересом в пустую пролистываю меню.

- Я слушаю твой пульс, - неожиданно говорит Алек, и мои глаза молниеносно устремляются к нему.

Его сосредоточенный на дороге взгляд ничего не выражает, лицо тоже, и я теряюсь от странности сказанного.

- Что?

- Твой пульс, - Алек украдкой глядит в мою сторону, - когда ты обманываешь или пытаешься что-то скрыть, то волнуешься, и он у тебя зашкаливает.

Несколько секунд я обдумываю его слова, а потом, ощущая, как резко спадает тяжелый груз. Я не до конца верю, что он действительно ответил, но, кажется, даже дышать стало легче. Но кто бы мог подумать, пульс? Это точно находилось за гранью всех моих предположений.

- Прости, это просто привычка, - продолжает он с серьёзным выражением лица, - но если хочешь, чтобы я был честен с тобой, - он вновь смотрит на меня, но на этот раз исключительно в глаза, - то сама перестань пытаться что-то скрыть от меня.

Это справедливо, потому соглашаюсь.

- Договорились.

Мои губы стремятся растянуться в улыбке, но теперь между нами ощущается неловкость. Да и один ответ ещё ничего не доказывает. Решаюсь задать ещё один вопрос. Посмотрим, насколько хорошо мы договорились.

- Так, что именно произошло между тобой и Тимуром?

Я действительно не ожидаю, что получу ответ снова, от того и крайне удивляюсь, когда Алек сразу же начинает рассказывать.

- Он конченный кретин. Вот, что произошло, - произносит он, показывая интонацией,

насколько сильное питает к нему отвращение. – В первый год учёбы мы вообще не обращали друг на друга внимания. К тому же, много времени я не проводил в университете. А на второй год поступила учиться Несс, и тогда появилась проблема. Тимур с первых же дней начал её преследовать, и, несмотря на то, что Несс никак не реагировала на него, он не отпуская попыток. Один раз он, переборщив с силой, схватил её за запястье, и это произошло при мне. – Алек делает короткую паузу, чтобы посмотреть на меня, и в его глазах появляется странная усмешка. Именно в глазах. – Я сломал ему руку в двух местах. Вот после чего, все стали считать, что мы с Несс вместе. Ну, а мы не стали отрицать. Подобное нам обоим было выгодно.

– Оу, – вырывается у меня, и звучит довольно разочаровано. Кажется, я ждала более эпичного рассказа. – Я бы и не подумала. К тому же, про это все молчат.

– Просто уже все забыли. В нашем универе, каждый день происходит что-нибудь новое, и прошлое становится не интересным.

Звучит обнадеживающе.

– Хотелось бы, чтобы и завтра произошло что-нибудь этакое, и про сегодняшнее тоже быстро забыли.

Алек искоса смотрит на меня, на его губах расцветает каверзная ухмылка.

– Если хорошо попросишь меня, принцесса, то завтра я устрою это для тебя, сломав Соболеву не только руки, но и ноги. Как думаешь, сойдёт за грандиозное?

Едва не подавившись глотком воздуха, недоумевающе таращусь на Алека, но он в ответ на мою реакцию лишь смеётся, возвращая взор к дороге.

– Это – плохая шутка, Алек, – ворчу я. – К тому же, тебе не нужны проблемы.

– Не нужны, – соглашается он. – Но подобное удовольствие стоит этого.

Взгляд Алека наполнен чем-то неизвестным, что я не могу теперь понять: говорит он серьёзно или нет. Но потом я замечаю в глазах Алека темноту, затмевающую ясность его взгляда. Я люблю глаза Алека, больше, чем это можно представить, потому что они являются иной раз единственным, что показывает его подлинные эмоции. И сейчас взгляд – бездушный, нагоняющий тревогу.

– Он ведь даже ничего мне не сделал, – пытаюсь я склонить мысли Алека в другое направление. – Просто нёс непонятный бред. В какой-то степени даже казался напуганным...

Алек не замечает того, как я осекаюсь, задумываясь над тем, что же на самом деле значили его слова. Он два раза упомянул про мои глаза...

– Если бы сделал, то уже был бы мёртв, – прерывает Алек мои рассуждения, и они резко мрачнеют.

Мне не особо нравится, что он так спокойно выражается о смерти. С недавних пор она стала иметь совсем другое значение для меня. Когда она стала буквально окружать со всех сторон. Смертей слишком много, и даже если это гибриды, то это и не повод, чтобы желать кому-то подобного, несмотря на то, сколько они могут причинить зла. Мне становится слегка некомфортно из-за сложившегося разговора, и я ёрзаю на сидении, отыскивая в своей голове то, чем можно заменить данную тему. И нахожу это.

– Не хочешь наконец-то рассказать, чем ты сегодня занимался? – довольно непринуждённо начинаю я, хотя всё внутри меня требует прибавить давления.

Потому что Алек не торопится отвечать. Вместо этого он делает вид, что сосредоточен на дороге, обгоняя пару машин и перестраиваясь в правый ряд. Внимательно изучаю его лицо, гадая, что именно в подобные моменты творится у него в голове. Я бы умерла за шанс, хотя бы раз узнать его истинные мысли. Опустив взгляд, замечаю насколько резко Алек дёргает рычаг коробки передач, переключая скорость. Мой вопрос утопает в ревущих звуках мотора с каждой пройденной секундой, что начинаю сомневаться: задавала ли я вообще его. Собственное же злорадство всё убедительнее навязывает мне,

что я не получу никогда от Алека стопроцентного доверия. Но внезапно, голос Алека затыкает моё злорадство.

- Очевидно, что глупостью. Так как это не стоило того, чтобы оставлять тебя одну.

- Алек, я... - тут же пробую сказать, но у меня ничего не выходит.

Он перебивает и говорит за меня.

- Я знаю, что ты на меня не злишься. Это я злюсь на себя, - он делает паузу, словно собирается с мыслями. - Понимаешь, я раньше думал: Соболев имеет что-то вроде маниакальной идеи, что он может получить любую понравившуюся ему девушку. И так было со всеми - он действительно добивался каждой, пока не появилась Несс. Но даже после инцидента со сломанной рукой Соболев не отпускал попыток с ней заговорить. Я был уверен, что сейчас, когда все думают, что мы с ней расстались, он попробует к ней подобраться. Но нет, его неожиданно заинтересовала ты, принцесса. Значит, всё дело во мне, в нашей с ним вражде, и он вряд ли отстанет от тебя после сегодняшнего.

Не понимаю, каким образом мы снова вернулись к Тимуру.

- Ты не можешь быть в этом уверенным, Алек. Возможно, он больше никогда не подойдёт ко мне.

- Зато я могу быть уверен в обратном: он не подойдёт к тебе, потому что я больше от тебя не отойду.

- Алек, это...

- Нет, принцесса, это - не глупо. Сегодня я понял главное. Я оставил тебя, чтобы отыскать хотя бы одного гибрида, рассчитывая, что Дам или Макар запросто почувствуют их присутствие, если они вдруг объявятся. Но я не подумал о другом: в то время, когда мы ждём нападения гибрида, угроза может исходить от человека. Они умны. Поэтому сейчас я должен не отпускать тебя из виду ни на секунду.

Я хмурю лоб, концентрируюсь на том слове, которое оседает в моих мыслях. Кажется, остального даже не слышала.

- Они? - переспрашиваю я и чувствую, как сжимается мой желудок от странного чувства, вызванного этим словом.

Но Алек не отвечает. Минус десять процентов доверия, хотя вероятнее все девяносто. Понятия не имею, почему наш разговор обрывается именно на этом месте, но осознаю, что Алек чего-то не договаривает.

- Ладно, - произношу я, стараясь изо всех сил скрыть эмоции в голосе, но кажется у меня это не особо хорошо выходит, потому что начинаю язвить. - Тогда, возможно, нам всё же стоит поступить так, как я предлагала утром, и проводить всё время в поместье?

- Возможно, именно так нам и следует поступить.

Я не ожидала, что Алек настолько легко со мной согласится, и мой мозг не сразу это принимает. Требуется несколько минут, чтобы я всё осознала и ещё раз прокрутила в голове наш разговор.

- Ты искал гибридов? - спрашиваю я, найдя в его словах ещё одну странность, и Алек едва заметно кивает. - Зачем тебе это?

- Потому что я не могу бездействовать, а у них есть ответы, - раздражаясь, бросает он, но потом быстро успокаивается, беря себя в руки. - Меня убивает эта тишина. Как будто это затишье перед бурей. Ни одного гибрида поблизости. Даже намёка на то, что они вообще существуют, и это после таких-то открытых действий. - Алек усмехается, но веселья в этом точно не слышится. - Слово они чего-то выжидают. И я ничего не могу сделать, чтобы это предотвратить.

Я была права. Вот оно. Контроль - самая уязвимая часть Алека, его личная «Ахиллесова пята». Нет контроля - нет его спокойствия. Хочу сказать ему что-нибудь подходящее, то,

что смогло бы на него подействовать, но вырывается лишь хриплое:

- Алек...

- Не спорь, принцесса, пожалуйста, - просит он, даже не предполагая, что я и не собиралась больше этого делать.

Потому довольно быстро отвечаю:

- Хорошо.

Мы и так за сегодня переборщили с ежедневной дозой споров. Но моё согласие ничего не меняет. Настроение Алека оставляет желать лучшего, а у меня, как назло, в голове, кроме путаницы и желания расставить всё на свои места, ничего нет. Потираю ладонями бёдра, придумывая, что бы такого сказать, чтобы исключить воцарившуюся тяжесть в воздухе, только на сей раз не относящееся к произошедшему, и в итоге придумываю.

- И чем же мы будем заниматься сегодня в поместье?

Нарочито прибавляю к своему голосу затейливости, и Алек косится в мою сторону, зная, о чём я его спрашиваю. И на его губах наконец-то появляется пусть и едва заметная, но улыбка.

- Продолжим то, на чём остановились вчера.

Глава 3

Сексуально - вот, как я могу описать то, чем мы занимаемся с Алеком.

Моя спина прижата к его груди, равномерно вздымающейся от дыхания. Теплое, спокойное и едва слышное оно гуляет по коже на шее, заставляя мой пульс участиться. Мурашки, покорившие кожу приятными ощущениями, парализуют тело. Я позволяю себе расслабиться в руках Алека и, откинув голову на его плечо, закрываю глаза.

- Одно движение, и ты мертва, принцесса, - шепчет Алек мне на ухо и проводит ладонью от ключицы до шеи, имитируя то самое движение. - Не считая того, что в таком положении способов убить тебя - множество.

Это совершенно не то, что сейчас хотела бы слышать от него. Совсем не то...

Перебарываю желание сделать что-нибудь проказливое. Например, развернуться в его руках и, оказавшись к нему лицом, сокрушить поцелуем. Вместо этого отыскиваю в голове другие способы выбраться из его объятий-захвата, которым он учил меня вчера. Ооочень далеко от того, чего хочу. Настолько, что у меня не получается заткнуть протест тела, кричащего: «Нам не нужно выбираться из его объятий». И на какую-то долю секунды я подчиняюсь силе своего желания.

- Принцесса? - низкий голос Алека заставляет вздрогнуть и открыть глаза.

- Я в-вспоминаю, - отрывисто произношу, скрывая то, что и не пыталась этого сделать.

- Ты и не и должна помнить сама, - его рука, находящаяся на моей талии, расслабляется, и он проводит ладонью по животу, - твоё тело должно помнить, твои мышцы, - продолжает говорить Алек, прокладывая путь ладонью вверх по рёбрам. - Просто не думай, а доверяй себе. Это должно быть на инстинктивном уровне.

С трудом сглатываю и, понимая, что веки становятся тяжелыми, вновь прикрываю глаза.

Интересно, Алек понимает, каким испытанием подвергает меня? Или возможно, это входит в наши тренировки, и он хочет, чтобы я, несмотря ни на что, оставалась сосредоточенной?

Вдох, которым хочу унять скорость сердцебиения, выходит шумным и судорожным. На инстинктивном уровне происходит совсем обратное утверждениям Алека - бабочки внизу живота сходят с ума от возбуждения. Тело даже не планирует вспоминать что-то иное, что не относится к прикосновениям Алека. Я больше не сопротивляюсь. Это так странно, словно разум становится полностью опустошенным. Он работает в команде с

телом, которое помнит, как сделать одно – повернуться, и у меня это свободно получается, учитывая, что руки Алека не были напряжены.

Он не ожидал, и теперь в недоумении приподнимает бровь, но я застаю его снова врасплох. Скрещиваю пальцы рук на его затылке и тяну вниз на себя, сгорая от нетерпения. Наши губы встречаются. На секунду Алек растерян, но его замешательство длится недолго, так же, как и время на принятие решения обхватить меня руками и слегка приподнять от земли. Мой пульс выходит из-под контроля. Поцелуй – восхитительный и такой всепоглощающий, что заставляет забыть, отключившись от реальности. Лёгкие горят, им требуется воздух, но я не могу оторваться от таких сладких губ Алека, словно я столько времени скучала за ними...

Но вновь отрывается Алек, опуская меня на землю, и мои руки камнем падают по бокам от разочарования. Он тяжело дышит, его веки все ещё полуоткрыты, затуманенный взгляд не отрывается от моих губ. Алек усмехается и прислоняется своим лбом к моему, перемещая ладони на моё лицо.

– Ты смухлевала, принцесса, такому у тебя точно не учил.

– Ну, ты ведь не можешь отрицать, что мой метод довольно действенный. – Я с трудом говорю, мысли спутанные, мозг едва успевает формулировать слова. – По крайней мере, выбраться из захвата у меня получилось.

Почему мы вообще разговариваем? Я же вижу, что Алек тоже хочет продолжения. Расстояние между нашими губами странным образом уменьшается.

– Очень надеюсь, что ты не будешь его использовать ни на ком, кроме меня, – произносит он, будто одурманенный, прикрывая глаза, и его дыхание опалает мне губы.

Сердце трепещет в предвкушении, ещё мгновение и...

– Проклятие, чик-чик, ты разочаровываешь меня, – слышится голос Марко, и мы с Алеком одновременно открываем глаза.

Алек улыбается и, отстранившись, поворачивается в сторону голоса. Я тоже смотрю на Марко, который с явственно довольным видом стоит, прислонившись плечом к дереву. Его руки скрещены на груди, отчего складывается впечатление, что футболка на плечах вот-вот разорвётся. Марко выглядит не иначе, как сбежавший с Олимпа греческий бог, в прямом смысле этого слова. Он не высок, но слишком хорошо сложен, тело открыто взывает к опасению его персоны, всем своим видом внушая страх. И, если бы не эти глубокие ямочки на щеках, которые передают истинную натуру парня, я бы предпочла обходить его стороной.

Марко – охотник, но ранняя формулировка Несс «спецназ полукровок» подходит ему идеальной. Как и его брат Никола, фигура которого маячит неподалеку от той небольшой поляны, где теперь нас трое. Он остановился, по-видимому, для того, чтобы поговорить по телефону. И в отличие от Марко, он высокий и не такой уж и крупный. Нет, он не худощав, напротив, всё его тело состоит из одних рельефов, красиво накаченных мышц. Просто Никола с Марко внешне абсолютно разные. Да и по характеру Никола полная противоположность брату: спокоен, рассудителен, уравновешен – отражение самой серьезности.

Парни прибыли в поместье спустя сутки после случившегося, и они не имеют ни малейшего отношения к охотникам Софии. Лично я восприняла их приезд, как просьбу Алека. Не могу утверждать, сам он не проронил ни слова о них, но братья единственные с кем он общается также расслабленно, как с Дамьяном. Ну и Несс, конечно же, поведала мне о них. Оба брата провели добрую часть своей жизни, обучаясь у отца Алека и Дамьяна, что сделало их большим другом для друга, чем просто друзьями.

Всё ещё не отходя от Алека, приподнимаю вопросительно бровь. «Чик-чик» ещё одно моё новое прозвище. С первых минут нашего знакомства, Марко отчего-то решил называть меня Ленчик. За что собственно и получил клятвенное обещание, что подсыплю ему яда в еду, если он ещё раз меня так прозовет. Как ни странно, «чик-чик» я приняла куда более спокойней, но всё равно по сей день не отпускаю попыток отыскать крысиного яда.

- Чем это я тебя разочаровываю, Годзилла? - интересуюсь я, получая желанное, когда брови Марко съезжаются на переносице.

- Эй, Годзилла? - от услышанного его голова подаётся назад. - Ещё же вчера был Халк. Мой вид невозмутим, когда я пожимаю плечами.

- Вчера - Халк, сегодня - Годзилла, а завтра - Кинг-Конг.

Марко кривится.

- Пожалуй, можно было остановиться на Халке. Это прозвище хотя бы придавало мне грозности, а не приравнивало к обезумевшим переросткам-животным.

Я не упускаю возможности, предложить компромисс.

- Ну, всё зависит от тебя. Нет чик-чик - нет обезумевшим приматам.

- Ты разве забыла наш уговор? - не отступает он, и, улыбаясь, вновь демонстрирует ямочки на щеках. - Сможешь надрать вот эту чересчур высокомерную задницу, не поддаваясь его хитрым уловкам, и я вскину белый флаг, - напоминает он, указывая на Алека. - Но вместо того, чтобы пытаться совешить задуманное, ты поддалась ему. Разочаровываешь, он смог и тебе заморочить голову.

Марко посылает взглядом укор, театрально качая головой. Сложно не улыбаться в ответ, особенно, посмотрев на Алека, который недоуменно переводит взгляд с меня на Марко. И он решает поддержать эту глупую тему. Она действительно глупая, Марко лишь дразнится, на несколько километров вокруг каждой собаке известно, что с Алеком я никогда не справлюсь. И такая правда меня нисколько не задевает.

- Вообще-то, в данной ситуации жертва здесь - я. Это она меня обдурила, - наигранно ворчит Алек, и я почти закатываю глаза.

Немудрено, что они с Марко смогли столько лет уживаться, при этом оставшись друзьями.

- Но, стоп, - продолжает он и, приподняв руку вверх, указывает на себя пальцем. - Надрать мне задницу? Что я упустил в этой жизни?

Марко отталкивается от дерева, его шаг в сторону Алека почти незаметный.

- Ну, должен же, хоть кто-то опустить тебя с небес на землю, - Марко провоцирует его открыто, прибавляя к этому ещё один уверенный шаг.

- Может быть, ты сам хочешь попробовать это осуществить? - голос Алека не просто переполнен язвительностью, в нём она плещется через край, добавляя ухмылке на его губах чересчур хулиганский вид. - Хотя, о чём это я? У тебя ведь этого никогда не получалось.

Очевидно, вызов принят и брошен в ответ. В сотый раз борюсь с желанием закатить глаза, однако улыбку сдержать не получается. Они пререкаются всякий раз, когда выпадает возможность, и подобных стычек за последние дни я наблюдала, как минимум, с десятков. Похоже, оба соревнуются на чемпионате «по остроумности». Но как по мне, так оба не слишком-то на нём преуспевают.

Марко смеётся так, что его грудная клетка сотрясается, но Алек подобное не цепляет. Складывается впечатление, что оба дико наслаждаются от обмена колкостями.

- Не смейся меня, сейчас даже моя младшая сестрёнка сделает это без проблем.

- Сомневаюсь.

На слове «сестрёнка» Алек странно косится в мою сторону, поэтому его ответ больше выходит машинным. Словно специально, чтобы не развивать эту тему. Но Марко не даёт мне задуматься об этом, так как делает ещё один шаг, сокращая расстояние до Алека, когда тот отходит всё дальше от меня, помогая ему сокращать его. В воздухе становится всё больше тестостерона.

- Как давно ты практиковался, Алек?

- Серьёзно? Разве сам не заметил, что в последнее время к нам зачастили гибриды заходить на чай.

Мой взгляд не прекращает метаться от одного к другому, но я всё равно не успеваю замечать тех моментов, когда они совершают шаги.

- Перестань, я ещё за завтраком привык расправляться с парочкой десятков таких.

- Что я могу на это сказать? Хреново ты питаешься, Марко. Я бы тебе на диете посоветовал посидеть.

Алек ухмыляется - дерзко, броско и с вызовом. И Марко ему в этом ничуть не уступает. Их взгляды искрятся, загораются и сверкают, будто всё мощнее заводятся двигатели...

И тут происходит невообразимое.

Словно срываясь с цепей, они неожиданно друг на друга набрасываются. И, нет, они начинают драться далеко не шуточно, а по-настоящему, нанося друг другу серьёзные, травмирующие удары, отчего земля из-под их ног летит во все стороны. Я прихожу в оцепенение, отказываясь принимать происходящее за шутку, хотя так всё и выглядит. Но я из числа слабонервных, поэтому оптимистический настрой отбрасываю сразу же. Грудь набивается чувством волнения. Безумие. Они переубивают друг друга. И в какой-то момент понимаю, что мои предположения кажутся не такими уж и бредовыми. В момент, когда Алек начинает пропускать удар за ударом.

Снова. Крутанувшись, Марко уворачивается от захвата и сбивает Алека с ног, и тот, оказавшись спиной на земле, чертыхается. За последнюю минуту это третий раз, когда Алек оказывается на земле со скошенным от боли лицом, хотя по-прежнему отказывается сдаваться.

- За сколько? - спрашивает Марко, стоя прямо над Алеком, и от его ухмылки не остается больше и следа.

Одно ловкое движение, и Алек вновь на ногах.

- За сколько? - переспрашивает он, явно не догадываясь, о чём говорит Марко.

- Сколько по времени заняло у тебя, чтобы убить гибридов? - Марко обходит полукруг, не отрывая сосредоточенного взгляда от Алека. - Десять? Двадцать минут? Я слышал, что их было всего-то около дюжины. Но думаю, что у тебя заняло это приличное время, - бросает он, а затем добавляет: - Судя по тому, в какой ты находишься в форме.

Алек пропускает обвинение мимо ушей. Его интересует другое.

- К чему ты клонишь?

Настрой Алека очень быстро сменяется на серьёзный. Ни ухмылки, ни беззаботного выражения теперь не проскальзывает на его лице. Оба стоят, словно каменные статуи, соревнуясь, кто не выдержит первым. И настойчивость Алека, что я и с расстояния своего места, могу потрогать руками, побеждает. Хотя, когда Марко заговаривает снова, он не выглядит побеждённым.

- Боюсь об заклад, ты забыл одну важную вещь в начале, - о чём-то сообщает ему Марко, что точно не вызывает в нём одобрения, а после смотрит на меня. - Чик-чик, знаешь, чему учат охотников в самую первую очередь? - спрашивает он, опуская взгляд на свою ладонь, как будто задаёт вопрос самому себе, но я всё равно отрицательно качаю головой.

Бросив взгляд в сторону, вижу, как Алек бесшумно усмехается, хотя ничего хорошего в его усмешке точно не звучит. Он, вероятно, понял, о чём говорит Марко, и меня настораживает, что его выражение лица всё очевидней мрачнеет.

Марко показательно поднимает правую руку, и из его мизинца появляется коготь.

- Всего одна капля крови, - говорит он, продолжая глядеть на ладонь и прислоня к ней свой выпущенный коготь, надавливая на кожу, - может вывести гибрида из концентрации внимания. - Я наблюдаю, как по его ладони стекает струйка крови, и подобное зрелище вызывает не самые приятные ощущения. Марко смотрит в мои глаза, в его взгляде появляется жёсткость. - Инстинкт берёт вверх над гибридом, и он становится слишком лёгкой мишенью. Сомневаюсь, что ты рассказывал об этом чик-чик.

- Очень любезно с твоей стороны поведать нам азы охотников. - Алек оказывается перед Марко, вставая так, чтобы тот не видел меня. - Но Лена - Альфа, ей подобного знать не обязательно. - Он слегка поворачивает голову, предназначая своё обращение мне: - Твоя кровь сведёт гибридов с ума, и ничего хорошего из этого не получится.

- Отчего же? Не хочешь, чтобы Лена знала свои преимущества? - интересуется Марко и вновь начинает медленно обходить Алека, чтобы видеть меня, словно ему требуется говорить следующее, непосредственно глядя в мои глаза. - Ты неправильно её тренируешь, Алек. Или же, могу предположить, никогда и не хотел делать это правильно.

- Это - не преимущество для неё. Она не быстра, не опытна, и ты собираешься заморочить ей голову.

Алек намеренно игнорирует последнее утверждение, делая акцент на другом. Знающая ухмылка взбирается на губы Марко, но я вижу её всего секунду, так как Алек вновь становится между нами стеной.

- Это ты морочишь ей голову, Алек. Изводишь тренировками, которые ничего ей не дают.

- Хватит, - обрывает его Алек, но пока довольно спокойно.

Марко не отступает.

- Лена может быть и быстра, и опытна. Если бы ты этого по-настоящему захотел. Но ты считаешь, что она слишком слаба, чтобы выдержать это.

Он больше не провоцирует Алека колкостями, однако явно стремится побудить на что-то конкретное. Но единственная реакция, которую вижу, как гнев зарождается в Алеке, напрягая его плечи.

- Чик-чик, - громко обращается Марко ко мне, так как сам меня не видит, - он просто внушает тебе, что ты хорошо справляешься. Вчера Алек даже специально поддался тебе пропустив...

- Я сказал: хватит! - отчётливое предупреждение, которое Марко игнорирует, словно он оставался безмолвным.

- Тобой управляют чувства, Алек. Но ты делаешь только хуже по отношению к Лене, подвергая её...

Удар, удар, удар. Алек наносит их безостановочно, что Марко мгновенно теряет всю былую сосредоточенность.

Острый спазм нервов едва ли не разрезает мой живот на части. Алек никогда не был при мне настолько неконтролируемым. Он просто сделает с катушек, забывая, что не Марко - его враг. Но сейчас он выплёскивает на него столько ярости, что начинаю сомневаться в последнем утверждении.

Ещё один удар, и Марко врезается спиной в широкий ствол дерева. Под ногами проносится лёгкий толчок, и я отшатываюсь назад, на кого-то натыкаясь - Никола, который в следующую же секунду оттягивает меня за локоть назад.

- Тебе лучше отойти подальше, Лена, - крайне спокойно, словно ничего здесь не происходит, предлагает мне он.

Я теряю последние остатки логики происходящего.

- Не хочешь их остановить?

- Не-а, они уже несколько лет всё никак не могут решить, кто из них двоих круче. Может хоть на этот раз получится, и они наконец-то успокоятся.

Мои глаза округляются. Неужели, все разом свихнулись? Но долго я об этом не думаю, звуки сверхъестественного реслинга не позволяют мне уходить слишком глубоко в мысли.

- Вот, значит, чем тебя можно по-настоящему вывести из себя, - усмехается Марко, оказываясь на ногах. - Всё дело в чик-чик, не так ли? - растягивает он почти нараспев.

Удар - Марко врезается спиной в землю. Алек слишком быстро подобрался к нему, демонстрируя мне в реале, что я, оказывается, ещё ничего не знаю о понятии «скорости».

- Ладно, признаю, ты в отличной форме, но только тогда, когда дело касается чик-чик, по-видимому, - беззаботно рассуждает он, лежа на земле и покачивая из стороны в сторону ступнями, с таким видом, словно прохладается на диване. - Раньше у тебя не возникало с этим проблем, Алек.

- Мы закончили? - игнорирует его Алек, больше не поддаваясь провокациям.

Он стоит над Марко, глядя на него выжидающе. Тот же не отступает от задуманного, запрокинув голову назад, он вновь смеётся - свободно, легко и с хрипотцой.

- Не в этой жизни, приятель! - бросает он сквозь смех и резко, ухватив рукой лодыжку Алека, опрокидывает его на спину.

На этот раз он оказывается на ногах раньше Алека и, стоит тому едва ли встать, сокрушает очередь ударов.

Всё начинается по-новому, а моя нервная система приходит в полную негодность. Конечно, мне и раньше не нравилось, что эти двое - свихнувшиеся и потерявшие здравый рассудок - дерутся, но лицезреть, когда в большей степени достаётся Алеку, моя душа не выдерживает. Правда, это снова длится недолго, и через минуту Алек покидает сторону поражения и переходит в нападение.

Ещё минута, и оба кажутся немного измотанными, когда в очередной раз занимают вертикальное положение напротив друг друга.

- Какого черта, ты добиваешься, Марко? - почти кричит Алек.

В его глазах я больше не наблюдаю свечения или других признаков ярости, только искреннее недоумение. Похоже, эта ситуация и для него ненормальная, а не как мне ранее казалось привычная.

- Поговорить о том, что с тобой происходит, - отвечает Марко, и сейчас тон его голоса впервые приобретает серьёзность.

Хриплая усмешка вырывается из груди Алека.

- Поговорить? - удивляется он. - А что, способ «обсудить всё за чашечкой кофе» тебя больше не устраивает?

- Я не был до конца уверен, но сегодня убедился окончательно, когда узнал, что ты искал гибридов. Мне казалось, ты не у дел.

Эмоции на лице Алека остаются нетронутыми, их просто нет. Его не волнует, что его попробовали осудить.

- Убедился в чём?

- Ты ведёшь себя странно, - мгновение Марко молчит, затем добавляет: - Нелогично. Я внимательно наблюдал. В один момент, ты собран и проявляешь разумность; в другой, ты не уверен. Тренируешь чик-чик, но в ту же секунду жалеешь. Такое впечатление, что единственное, что тебя по-настоящему беспокоит - чтобы никто не смог подобраться к

ней сзади, – с отдышкой бросает он, и меня обжигающе накрывает воспоминаниями.

Паша держал меня за шею. Вот, почему Алек изо дня в день оттачивает один и тот же приём.

Отыскиваю подтверждения в глазах Алека, но он на меня даже не смотрит. Смотрит один лишь Никола с высоты своего роста. Так, словно во мне кроется какой-то ответ на давно мучающий его вопрос. Съёживаюсь, обхватив себя руками, и пытаюсь проигнорировать давление, концентрируюсь на том, что ответит Алек, но сам он молчит, терзая ожиданием мои и так источившиеся нервы. Тогда Марко решает подойти к вопросу с другой стороны.

– Зачем ты попросил меня приехать сюда? – спрашивает он.

– Ну, явно не для того, чтобы ты своими чертовски внимательными наблюдениями портил мои планы, – огрызается Алек в ответ.

И я думаю, что он хочет закончить этот разговор, но что-то большее в нём не позволяет сдаться.

– Планы? А они у тебя есть? Очень похоже на то, что ты полностью сбит толку.

Несколько секунд глаза Алека суеются в принятие какого-то решения. А потом он срывает прямолинейным вопросом не только Марко, но и меня.

– Как давно Орден поработает гибридов? – спрашивает Алек так, словно в чём-то обвиняет Марко.

Который мгновенно озаряется ухмылкой, явно вызванной крайним удивлением.

– Ооо, вот, значит, зачем я здесь. Понял, что за всем этим стоит Орден, и тебе нужны ответы. Решил, что сможешь получить их, не прибегая к крайним мерам. Умно. – Марко не выглядит разочарованным, наоборот довольным. – Но ты бы знал, если бы принял предложение Софии. Однако ты догадался сам, и это ещё раз подтверждает, что ты совершаешь ошибку, отказывая ей.

О чём они говорят? Смятение, недоумение и ещё множество того, что заставляет прирастать мои ноги к земле. Я нужна Ордену, и Алек знал об этом. Когда он собирался мне рассказать? И что ещё за предложение Софии?

– Всё никак не можешь оставить эту тему, верно? – усмехается Алек так злобно, будто я совсем его не знаю, и мне становится некомфортно от всего происходящего.

Но вот сам Марко игнорирует то, как отреагировал Алек и, сделав шаг в его сторону, разводит руками.

– Почему, нет? Он готовил тебя не для того, чтобы ты оставался в стороне. Ты давным-давно должен был занять его место.

Речь об отце Алека, я осознаю это. К тому же, не сложно догадаться, видя, как мгновенно меняется выражение его лица. Напряжение охватывает скулы, желваки начинают двигаться, но сам он изо всех сил старается скрыть, как разговор на него влияет. Но вот про что говорит Марко, для меня непостижимо. Для меня вообще вся эта ситуация непостижима... Просто безучастно стою, растеряно хлопая глазами.

– Не уходи от темы, Марко, – осуждает Алек, но на самом деле уходит сейчас он от разговора, а не наоборот. – Я за последние дни, знаешь, многое переосмыслил. И теперь мне чертовски интересно: как давно это длится? Как давно Орден начал снова нападать первыми?

Ответ Марко не спешит ему предоставлять. Вместо этого изучает Алека прищуренным взглядом, словно решает в голове одну из сложнейших задач на земле. Но, кажется, дело не в Алеке, а в том, что он собирается сказать следующим.

– С того момента, как у них появилось преимущество над нами, – начинает он ничего не выражающим голосом – пустым, лишенным эмоций. – Они нашли средство

контролировать гибридов. Эта преддверье войны, Алек, которое длится уже несколько лет. Перемирие – ложь, придуманная для спокойствия остальных.

Алек кивает так равнодушно, словно для него это ничего незначащая новость, которую и так знал, а от Марко ему требовались лишь подтверждения.

– Но каким это образом тогда относится к Лене?

Потому что вот, что действительно его интересует. И меня, кстати, интересует это не меньше. Но на сей раз Марко не шибко щедр на информацию.

– Прости, но этого я не знаю. Никто не знает. Могу только предположить: всё дело в том, что она приручила гибрида.

– Я знаю, Марко, что дело в гибриде, это и так было слишком очевидно, – срывается на мгновение Алек, а затем его неожиданно что-то осеняет. Он выглядит так, будто увидел на солнце вспышку. Секунда, и его пробирает странный, изумлённый смех. – Значит, на самом деле никто ничего не понимает, – сквозь смешки произносит он поражённо. – Замечательно, вы сами находитесь в недоумении.

Сцепив пальцы на затылке, Алек запрокидывает голову назад, устремляя взгляд в пасмурное небо. Его смех сходит до остаточной пораженной усмешки на губах, когда он с несколько секунд привыкает к озвученному заключению. Марко же смотрит в землю, о чём-то размышляя, однако вид его далёк от веселья. Поворачиваю голову: Никола стоит, прислонившись плечом к ближайшему дереву, и тоже думает.

Все думают, кроме меня. Стою неподвижно, в голове не пустота, но мысли не спешат приниматься за обсуждения. В первые, мне просто безразлично, что скрывают за собой чужие мысли. Я уже решаю сделать шаг, чтобы незаметно ускользнуть, как внезапно Алек, по-видимому, вспоминает, что я нахожусь рядом, что всё слышала и теперь знаю, сколько он скрыл от меня. Он резко поворачивается ко мне. Алек смотрит с сожалением, таким интенсивным, что оно ощущается на моей коже. Я же просто отворачиваю голову в сторону, желая поскорее убраться с этого чертового Лобного места*; как неожиданно отвратительную тишину нарушает звук удара в ладоши.

– Ладно, – впервые вступает Никола во «всеобщий» диалог, – раз мы только что выяснили, что тебе Алек ничего и не нужно объяснять, предлагаю обсудить главную проблему. – Интонация его голоса пропитана чистой формальностью. Парень явно родился с предназначением вести переговоры. Ноль эмоций. – Гибриды, ранее блуждающие около поместья, пропали. И на весь город не отыскать ни одного, – он смотрит на Алека, – ты не единственный, кто проверял.

– Орден что-то замышляет, – незамедлительно подхватывает Марко. – И никто из нас не догадывается, как далеко они могут зайти.

Алек не отрицает, не отвечает, просто, соглашаясь, кивает. Очевидно, он и сам того же мнения. Именно об этом он говорил в машине, и сейчас его поведение становится не таким уж и странным.

– И мы не знаем, по-прежнему ли они будут использовать гибридов для грязной работы или выступят сами, – продолжает говорить Марко, но мой разум останавливается на единственных словах.

«Грязной работы», – ничего не могу поделать, меня тошнит от этого выражения. Вот, кем я на самом деле являюсь.

Все мысли занимает вопрос: зачем я им? Во мне что-то не так – сломано или, возможно, нарушено, но я другая. Ведь именно так отзывался обо мне Паша.

Тогда кто же – я? Чувствую, как голова, не выдерживая всех мыслей, почти взрывается, но я усмиряю желание поддаться отчаянью. Вероятно, мне действительно не нужно было этого знать. Потому что вопросов только больше, и никто не знает на них ответов. Однако София не выглядела удивлённой, когда Алек решил, что ей стоит всё рассказать.

Конечно, подробность, что Паша был просто отпущен, всё же от неё утаена. Официальная версия: он сбежал. Но, возвращаясь к тому разговору, меня до сих пор

беспокоит её взгляд в тот момент, когда я озвучила слова Паши: «Таких, как она, практически нет». На долю секунды я видела в её глазах неподдельную тревогу. Возможно, это всего лишь моё воображение и та соломинка, за которую я ухватилась. Но мне по-прежнему хочется верить, что София что-то поняла. Потому что она – пока единственная, кто не повторял и повторял эти слова сотню раз, чтобы вникнуть в их суть. Она просто спросила, что ещё Паша говорил в тот вечер. Выслушала всё и сказала: «Не переживай. Мы хорошо позаботимся о твоей безопасности. В моём распоряжении лучшие охотники, – затем её губы сложились в странную улыбку, словно она довольствовалась следующим своим утверждением: – Да и Алек всегда с тобой».

Что всё это значило – для меня остаётся загадкой. И, кажется, в этом мире не существует человека, желающего мне всё объяснить.

Медленно выдыхаю и снова дышу ровно, готовая вернуться к их разговору, который начинает переходить в спор.

– А если Орден пошлёт людей, то у нас тогда не просто проблемы, – тем временем, говорит Марко, – людей мы не почувствуем. Поэтому я предлагаю, всерьёз заняться боевой подготовкой чик-чик.

– Нет, – даже не подождав и мгновения, отзывается Алек.

Выражение его лица не меняется, за последние минут пять оно пропитано нерушимым спокойствием, но его взгляд становится убийственно жгущим.

– Я думал, что смог доказать тебе, что для этой роли ты совершенно не подходишь. Мало того, что ты проводишь все тренировки в пустую, ты сам настолько привык себя сдерживать, что тебе требуется время, чтобы собраться, – вновь пробует донести Марко до Алека свои убеждения, но на него они не действуют.

– Попробуй это ещё раз, и ты убедишься, что мне совершенно не потребуется времени, чтобы изрядно покалечить тебя, – отзывает Алек, ясно давая знать, что снова начинает выходить из себя.

Но Марко не отступает, и я начинаю предполагать, что этот разговор никогда не закончится, эти двое действительно стоят друг друга.

– Почему ты даже не рассматриваешь вариант, чтобы я обучил её, Алек? – прибавив настырности, спрашивает он. – У меня больше опыта, и я уже обучал девушек. Тем более, у меня нет к ней чувств, чтобы они мешали тренировкам.

– Сколько раз я должен ответить тебе «нет», чтобы ты понял? – интересуется Алек, и мне становится любопытно, сколько раз они говорили об этом?

– Столько, пока ты не объяснишь, почему «против».

– В этом просто нет необходимости. Я всегда рядом с Леной.

Марко язвительно усмехается.

– Так же, как и сегодня?

Вот оно – погрешность, которую не учёл Алек. Его растерянный на секунду взгляд мечется от меня к Марко. Следующие его слова звучат уже не так уверенно:

– Это – ошибка, которая точно не повторится.

И Марко снова в ответ усмехается, намекая Алеку, что тот словно не ведает, что говорит глупость.

– Ты слишком самоуверен, приятель.

– И никогда не находил это – минусом.

Их спор разрывает мою голову раздражением. Я не выдерживаю, резко вклиниваясь в разговор.

- Несколько серьёзно ты обучал меня, Алек? - задаю вопрос, который занимает далеко не первое место, но более важных всё равно озвучить не получится при посторонних.

А мне нужно избавиться хотя бы от одного, чтобы мысли перестали метаться из угла в угол. От вопроса к вопросу. От странности к странности. Просто один ответ, который сможет хоть немного облегчить эту жуткую головную боль. И я жду этого ответа, глядя на Алека с нерушимой настойчивостью. Но сам он не смотрит на меня и, на мгновение прикрывая глаза, потирает лоб тыльной стороной руки. Затем он всё же решается отозваться, но его заминка уже расставила всё на свои места.

- Настолько серьёзно, насколько это было возможно, учитывая то...

Начинает Алек, но Марко говорит за него.

- Учитывая то, что не в состоянии даже и четверти своей настоящей силы использовать, потому что боишься навредить ей.

Я поражаюсь, теряя весь воздух из лёгких. Четверти? Алек же буквально убивает Марко взглядом.

- Какого чёрта ты творишь? - требует от него ответа Алек, но я не собираюсь позволить ему вот так легко уйти от разговора.

- Это правда? - мой голос не настолько суров, чтобы сравниться с его, однако я всё равно мгновенно удосуживаюсь его внимания.

- Послушай, принцесса, - только заикается он, но этого мне достаточно.

Перебиваю его, повторно озвучивая вопрос, потому мне требуется ответ именно на него.

- Ты, правда, не можешь тренировать меня, Алек?

И всё, что он теперь мне отвечает.

- Это... с недавнего времени - сложно.

Я снова шумно выдыхаю, пытаюсь не поддаться набросившимся на меня эмоциям.

- Тогда почему ты продолжал меня обучать?

Алек не задумывается.

- Потому что тебе это необходимо.

Марко мгновенно подхватывает разговор, оживляясь.

- О чём я и утверждаю сейчас.

- Заткнись, - цедит Алек, едва бросив на него взгляд.

- Хорошо, я-то заткнусь. Но может быть всё же спросим чик-чик, хочет она того или нет?

Неожиданный поворот. Марко явно играет не по честным правилам, втягивая меня в разговор, тем самым намекая Алеку, что его решение неокончательное. И Марко не промахивается. Потому что стоит мне только задуматься о предложении, всё во мне призывает согласиться. Мне надоело скрываться за спиной Алека, когда он прилагает всевозможные усилия, обеспечивая мою безопасность. Это... терзает. Совесть постоянно принуждает чувствовать себя поганой. Он не должен столько брать на себя. И когда принимаю решение, исхожу далеко не из упрямства. Я хочу лишь избавить Алека от лишней головной боли.

- Я хочу этого, - голос едва различим, когда озвучиваю решение, но его слышат все.

Алек мгновенно впивается в меня неверующим взглядом, Марко удивлённо изгибает бровь и только Никола смотрит на меня так, словно гордится моим решением.

- Ты не должна этого делать... - пробует возразить Алек, однако у него не получается.

- Но ты ведь сам сказал, что мне необходимо обучаться? - звучит не как вопрос, скорее, напоминание.

И он не может его опровергнуть, хотя и не попробовать тоже не может.

- Да, но...

- И ты сказал, что сам этого сделать не в состоянии?

Лицо Алека искажается возмущением.

- Ты переворачиваешь мои слова, принцесса, - говорит он с обвинением.

И отчасти Алек прав, но мы оба знаем, что есть и часть моей правоты. Которая далеко не незначительная.

- Возможно, но ведь это правда, - просто проговариваю, уставшая и находящаяся совершенно без сил.

И если сейчас начнётся новый спор, то не смогу одержать победу. Поэтому разворачиваюсь и ухожу прежде, чем Алек сможет изменить моё решение. Слышу, как он мгновенно начинает следовать за мной, догоняя, но, сколько бы раз он ни посмотрел на меня, больше ничего не говорит. Мы утопаем в напряжении. Ни я, ни Алек не озвучиваем и слова, прокладывая обратный путь к поместью в гробовой тишине. Каким-то образом, Марко с Николой нас обогнали, оставляя для нас возможность поговорить.

Просто, поверить не могу, что Алек столько скрыл от меня. Собирался ли он вообще когда-нибудь упомянуть о том, что всё ещё хуже, чем я предполагала?

- Нам надо поговорить, - наконец нарушает молчание Алек и оборачивает ладонь вокруг моего запястья, останавливая прямо перед крыльцом.

Не хочу поворачиваться к нему, но сила нарастающего количества вопросов берёт надо мной вверх.

- И как долго ты ещё собирался молчать про Орден? - вырывается из меня, стоит только увидеть лицо Алека.

Оно скошено озадаченностью и усталостью, глаза устремляются к моим.

- Не знаю, - неожиданно признаётся Алек, и я точно не подготовлена к такому ответу.

- Почему? - всего лишь спрашиваю я.

Алек с несколько секунд молчит, раздумывая, как объяснить.

- Не хотел говорить тебе, пока не получу стопроцентного подтверждения.

- Но ты ведь был уверен даже без этого, не так ли? - настаиваю я, сама не понимая, почему так важно выяснить это. - Именно поэтому ты искал гибридов сегодня?

Моё обвинение моментально вынуждает его отвести глаза в сторону.

- Возможно, но я не собирался заставлять тебя нервничать из-за какого-то предположения.

Он прибедняется. Я качаю головой.

- Ты всегда прав, - говорю чисто автоматически.

И мгновенно вижу в его глазах вспышку приятного удивления, но останавливаю его прежде, чем он раздует тему, относящуюся лишь к его чрезмерной самоуверенности, предупреждая крайне серьёзным взглядом. Но этого и не стоило делать, уже через секунду из его взгляда пропадает всё озорство.

- Чаще всего, - поправляет меня Алек, как будто это имеет какую-то разницу. - Но теперь я даже в этом не могу быть уверенным.

Что-то в его голосе принуждает меня уделить особое внимание последним словам.

- Что это значит? - не понимаю я.

Алек мрачнеет, секунд пять он просто смотрит на меня, словно видит в последний раз, а затем он шагает вперёд, подходя вплотную ко мне. Его напряжённое тело касается моего, и всё вокруг нас становится блёклым.

Мысли всё тише, сердцебиение громче.

Алек проводит пальцами по прядям моих волос, и я буквально не могу справиться с дрожью.

- Это - не так важно сейчас, - низким, тихим голосом произносит он. - Важнее то, что всё-таки мои предположения подтвердились.

Сложно, но у меня получается удержать веки открытыми. Злость и обида всё больше сходят к нулю. Возможно, я понимаю, что Алек на самом деле просто не хотел, чтобы его догадки подтверждались.

- Хорошо, - медленно проговариваю я, тут же осознавая, насколько разрознены слова с очевидностью. - Тогда что нам теперь делать?

Челюсть Алека напрягается, когда он говорит:

- Готовиться.

Киваю, и кажется своим видом, немного взволнованным, даю понять Алеку, что больше не злюсь на него, потому что он притягивает меня к себе, обнимая за плечи.

- Значит ли это, что ты больше не против, чтобы Марко тренировал меня? - интересуюсь я, когда угроза ссоры полностью миновала.

Алек медлит с ответом, но в итоге даёт его голосом, который точно не сойдёт за благосклонный.

- Нет, не против. Но, если честно, не представляю, как смогу контролировать себя, когда ненароком увижу на тебе синяк или ссадину.

Морщусь и запрокидываю голову назад, чтобы посмотреть на Алека.

- Хочешь сказать, что всё будет так плохо?

Он роняет на меня взгляд.

- Ты должна понимать, что Марко - не простой охотник, принцесса. И он не всегда знает, когда лучше остановиться.

Пропускаю большую часть слов, потому что меня интересует совершенно другое.

- Почему тогда ты больше не отговариваешь меня?

- Потому что у меня было время успокоиться и подумать, пока мы шли. Я не рассматривал вариант, что ты согласишься, но теперь, когда всё решено, понимаю, что Марко прав - я не могу сам тренировать тебя. Когда тебе это точно не помешает.

Не совсем логичное объяснение, но я его принимаю, хотя и осознаю, что есть что-то в голове Алека, что противоречит ему самому. Что-то, что он пытается не обдумывать. И возможно, нам пора перестать обсуждать эту тему, пока Алек не ушёл в свои мысли слишком глубоко. Прижимаюсь щекой к его груди, ухом к его равномерно стучащему сердцу, желая забыть весь последний час.

И на самом деле это - очень просто, когда могу обнимать Алека так, словно мы остались совершенно одни на планете.

Минута, две, три; бесценные секунды такого просто благоговения умирают одна за другой. И мне грустно только от мысли, что нельзя вот так провести целую жизнь. Хотя,

можно было бы и попробовать.

Но уже поздно...

Чувствую, как движется подбородок Алека на моей макушке, и понимаю, он о чём-то серьёзно размышляет, практически видя выражение его лица.

- Знаешь, я хочу пригласить тебя на свидание, - произносит Алек с задумчивостью в голосе, словно рассматривает какой-то вариант.

Я так резко отпрянула назад, что Алек едва успевает меня удержать в прежнем положении.

- Что? - вырывается из меня прежде, чем я обдумываю реакцию. - Свидание? Ты не шутишь?

И не сказала бы, что Алеку нравится моя реакция.

- Мне, очевидно, пора вообще заканчивать шутить, а-то ты слишком часто стала спрашивать о серьёзности моих слов.

- Ооо... так ты серьёзно, - просто проговариваю я, как умалишённая.

Алек хмурит лоб, заглядывая в мои глаза, словно теперь он не уверен, насколько я серьёзна.

- А тебе пора бы уже сменить своё мнение обо мне, - говорит он, и на этот раз я точно уверена, что не шутит.

- Нет. Я не думаю, что ты... В смысле, что ты не можешь. Просто... - Чёрт, как же сложно подбирать слова, когда он смотрит на меня своим сердитым взглядом. - Просто это же - ты. Разве ты вообще когда-нибудь был на...

Закрываю рот раньше, чем закончила предложение, но Алек и без этого всё понимает.

- А ты умеешь нанести урон моей самооценке. - Он ухмыляется, но выражение его лица исключает искренность этой видимости. - Спасибо.

Отчего-то мой мозг именно в этот момент решает отключиться и со словами: «желаю, удачно выбраться из ситуации» покидает меня. Хлопаю ресницами и оглядываюсь по сторонам, практически надеясь на то, что сейчас здесь появится кто-нибудь и спасёт меня. Желательно кто-нибудь поужаснее: гибриды, Орден, или того хуже - София. Но, нет. Никого, когда они так отчаянно нужны. Придётся действовать по-старинке, используя приём «щенячих глазок». Но, когда я возвращаю взгляд к нему, замечаю, что его выражение лица уже смягчилось. Алек больше не выглядит задетым, его ухмылка почти достигает уровня огромного высокомерия.

- Считай, что вызов принят. - Его глаза прищуриваются на моём растерянном лице, обретая искрящийся дьявольской затейливостью блеск. - Вот увидишь, даже несмотря на то, что я никогда не был на свиданиях, это будет лучшим в твоей жизни.

- Даже не сомневаюсь, - соглашаюсь я, и вовсе не для того, чтобы потешить его самооценку, которой точно этого знать не надо было. - Просто не понимаю, почему сейчас? Разве мы можем себе позволить такую роскошь?

- Почему, нет? - мгновенно спрашивает он, искренне недоумевая. - Не обязательно отправляться на свидание вечером, мы можем и днём. Туда, где многолюдно.

Теперь наступает моя очередь сомнительно смотреть на Алека.

- Что за свидание может быть днём, и там, где многолюдно?

То, как он резко вдохнул, пробуя сохранить невозмутимость, не остаётся для меня незамеченным, и я начинаю нервничать, желая при этом всё же когда-нибудь научиться не говорить первое прошедшее на ум.

Алек борется со своим выражением лица, натягивая на уголки губ сконфуженную

улыбку.

- Буду расценивать это - как ещё один брошенный вызов с твоей стороны.

Он так легко сглаживает ситуацию, что на меня наваливается вся мощь сожаления. Утыкаюсь лбом в его грудь и качаю головой. Да что со мной не так?

- Прости меня, - бормочу я, неуверенная, что мой голос вообще можно разобрать.

Алек подаётся назад, чтобы поднять моё лицо за подбородок. Какой-то миг я ещё не решаюсь посмотреть на него, прикрывая глаза и переводя дыхание. Я должна прекратить вести себя нелепо, допытываясь до мотивов его желания. Это простое свидание, почему я расцениваю его как катастрофу?

Когда я, наконец, открываю глаза, вижу, что теперь улыбка Алека по-настоящему искренняя.

- Даже и не представлял, что своим приглашением у меня получится заставить тебя чувствовать себя виноватой. - Он легко посмеивается. Действительно, посмеивается - естественно и без сарказма; и тогда внутри меня всё отпускает. - Но не могу сказать, что мне не нравится так удивлять тебя, что ты теряешь дар речи.

Алек делает это только для меня, переводит всё в безобидную шутку, чтобы я смогла успокоиться.

- Я люблю тебя, Алек.

И вот теперь удивлён он, теряя на секунду дар речи. Но, быстро опомнившись, находит, как ответить, при этом обаятельно ухмыльнувшись.

- Что ж... а это уже больше, чем просто нравится мне.

Одно мгновение, и его губы крадут у меня вдох изумления. Мягкие и тёплые, они приоткрывают мои, целуют с какой-то бережностью и осторожностью. Алек кладёт ладонь на мой затылок и тянет вверх, приближая к себе, и низ живота напрягается почти до боли. Даже от такого простого, лёгкого поцелуя, который больше похож всего лишь на невинный намёк, я испытываю потребность и непостижимое желание.

Мне этого мало. Мало его. Близости. Отчаянно хочу большего. Словно он - моя всепоглощающая зависимость. Словно он - и яд, и противоядие одновременно. Я знаю, что моё желание к Алеку губит меня, но ещё лучше знаю, что без него мне не жить.

Резко приподнимаюсь на носочках, обнимая его за шею и углубляя поцелуй, отчего Алек мгновенно напрягается. Ещё сильнее напрягаются его руки, упав на мою поясницу, он прижимает меня к себе так, словно хочет впитать меня полностью. И я помогаю ему в этом, теснее прижимаясь к нему каждой накалённой частью своего тела.

- Мне надо остановиться, принцесса, - с тяжелым дыханием говорит Алек, и я киваю, так же осознавая, что разум уплывает всё дальше.

Но попытка проходит безрезультатно.

Поцелуй переходит в головокружительный, оттесняя пространство и время за пределы реальности. Всё, что я чувствую - Алек. Только он и его невероятно сильное тело. Мне не просто замечательно, я буквально схожу с ума, распадаясь в его руках...

- Оу... - неожиданно слышится недовольный возглас Марко за моей спиной, и я поспешно отрываюсь от Алека.

Который сам совершенно не двигается, поднимая горящий чем-то похожим на желание убить взгляд. Хотя, думаю, он не до конца сейчас осознаёт, что Марко на самом деле нужно благодарить за спасение. Но взгляд Алека в прямом смысле слова горит ярким янтарным огнём.

Он раздражённо приподнимает бровь.

- Чего тебе на этот раз?

Распалённая и смущённая, поворачиваюсь лицом к Марко, который с неким удовольствием оценивает уровень краски на нём. Затем стучит указательным пальцем по воображаемому часам на левой руке.

- Время, Алек, - сообщает Марко, на что-то намекая ему.

И он почему-то его понимает, тяжёлое дыхание Алека сбавляется, он прочищает горло, заглядывая мне в лицо.

- Время? - переспрашиваю я, опережая то, что он намеревался сказать.

- Да, тебя отвезут Марко с Николой домой, потом я сменю Ника, - объясняет Алек, при этом выглядя слегка виноватым.

Что не ускользает от меня, поэтому я сразу решаю уточнить:

- Скажи, что ты не будешь делать ничего из такого, о чём я подумала.

Алек отрицательно качает головой.

- Нет. Мне нужно привести себя в порядок, после такого... - Он оглядывает свою футболку, на которой временами красуется грязь и сухие сосновые иголки, и в этот же момент Марко коротко усмехается. Алек посылает ему быстрый взгляд, явно предлагающий заткнуться, затем снова смотрит на меня. - А потом меня ждёт София, чтобы кое о чём поговорить.

- Что-то серьёзное?

На мгновение мой вопрос вызывает у него задумчивость, затем он ухмыляется - натянуто и неправдоподобно.

- Пустяки. Ни о чём таком, из-за чего тебе стоит беспокоиться. Просто... - Алек молчит целых три секунды. - Просто один из семейных разговоров.

Я удивляюсь, *семейных*? Но что-то мне подсказывает, не стоит докапываться до сути.

- Это ненадолго, - продолжает он. - Обещаю, что за время, пока меня не будет, ты не успеешь рассказать своей маме даже и половины всех моих качеств.

На последних словах закатываю глаза и качаю головой.

- Не будь таким самоуверенным, Алек. Данный разговор не продлится и полминуты, закончившись сразу одним из главных фактов: какой ты заносчивый и наглый тип.

Алек с вызовом склоняет голову, изгибая в заинтересованности бровь.

- Не лги самой себе, принцесса, - дразнится он, щёлкнув кончиком пальца по моему носу. - Ты просто сама ещё не понимаешь, насколько сильно влюблена в...

Он не договаривает, я бью его локтём в живот, и далеко не игриво. Алек смеётся, скрывая мои руки и обнимая, когда уже собираюсь пихнуть его снова, и в этот момент слышится, как громко откашливается Марко.

- Увольте меня, - стонет с напускной жалостливостью он. - Мои уши сейчас оглохнут от переизбытка приторности.

Мы с Алеком ненадолго прерываемся от нашей шуточной борьбы, чтобы посмотреть на Марко, но совершенно не выглядим пристыженными, и тогда он вскидывает руками вверх.

- Лучше подожду в машине, - ворчит Марко, начиная обходить нас, но замедляется, кидая нам через плечо: - И давайте не затягивайте надолго своё прощание.

Мы вдвоём тихо посмеиваемся, но уже через секунду меня перестаёт что-либо волновать, когда неожиданно губы Алека находят мои, и теперь я не могу быть уверенной, что наше прощание будет коротким.

- Ты так и не ответила, принцесса, - выдыхает Алек, отстраняясь от моих губ, но наше дыхание по-прежнему одно на двоих. Я открываю глаза и смотрю в его. Они так близко, что могу разглядеть каждую золотистую крапинку его тёмных радужек. Его губы задевают мои, когда он, наконец, спрашивает: - Ты пойдёшь со мной на свидание?

И в моём сердце существует только один единственный ответ:

- Конечно.

---

* «Лобное место» - отсылка на телепроект Дом 2.

Глава 4

За три минуты, после того, как мы выехали с грунтовой дороги, это был уже третий раз, когда моя задница прокатилась по скользкой кожаной обивке заднего сидения Рендж Ровера Марко.

- Куда подевались из этой чертовой машины-смерти ремни безопасности? - возмущаюсь я, вцепившись рукой в спинку водительского сидения.

Хотя то, что держусь за него, ни капли не помогает. Я и предыдущие два раза за него держалась. Марко бросает на меня короткий взгляд, и в его глазах успеваю заметить проблески озорного лихачества, словно в его мыслях только что проскочило что-то очень безумное.

- Зачем они нам нужны? Уверен, если мы разобьёмся, то на нас и следа не останется, - с непонятным для меня весельем отвечает Марко, и меня невольно передёргивает, услышав до ужаса знакомое утверждение.

Боже, до чего же они похожи, что это даже немного раздражает.

- А никто из вас не рассматривал вариант, что при аварии может запросто шею свернуть? Или же и вовсе голову оторвать? - озвучиваю я предположение, которое мне не устаёт навязывать чувство самосохранения.

- Ну, почему же, не рассматривали? - с невозмутимостью отзывается Марко, - напротив, в этом и есть вся прелесть риска.

Моё лицо мигом кривится.

- Риска? Да, что с вами такое? - за «вами» - я очень тонко маскирую всего лишь несколько имён. Потому что других таких же безумцев ещё не встречала. - Зачем вам вообще нужно рисковать?

На этот раз отвечает Никола, как всегда чисто в рамках формальности.

- Потому что мы такими родились. Это в нашей крови, и мы ничего поделать не можем. Именно по этой причине большинство полукровок становятся охотниками.

Кажется, маскировка прошла не слишком удачно, но я не расстраиваюсь, находя причины задать больше вопросов.

Секунду я ещё ёрзаю на сидении, ощущая лёгкую неловкость. Но быстро побеждаю свою воспитанную натуру.

- Что это значит?

Меня не покидает чувство осторожности, которое испытываю рядом с Алеком, задавая вопросы, словно в любой момент понадобится дать обратный ход настырности, привыкнув практически всегда не получать ответов. Но на этот раз всё по-другому. Пусть сам Никола усердно занят только тем, что безостановочно сканирует

проносящуюся мимо местность, ему это не мешает поддерживать разговор.

- Это значит то, что мы не можем контролировать позаимствованные у вас силы.

Я по-прежнему ничего не понимаю, рассеянно разглядывая их затылки. Поэтому, когда в голове не получается сопоставить между собой мысли, я не выдерживаю и повторяю.

- Я не понимаю, о чём вы говорите.

Тогда Никола первым делом переводит взгляд на своего брата. Затем на меня. И Марко тоже отворачивается от дороги, смотря в мои глаза с недоумением.

- Сколько тебе известно о нашей истории, чик-чик?

На одно мгновение я задумываюсь, слегка теряясь от его неодобрительного взгляда.

- Про происхождение и проклятие, - начинаю, роясь в воспоминаниях. - Ещё о гибридах. И немного про Орден.

Марко с довольно озадаченным видом хмыкает, поэтому я тут же задаюсь следующим вопросом.

- А разве это не всё, что я должна знать?

Братья странно между собой переглядываются, будто для них оказалось внезапным сюрпризом, что на заднем сидении автомобиля обнаружился пассажир.

- Я бы сказал, что это - практически ничего из того, что ты должна знать, - отвечает мне Марко.

Начинаю нервничать, не из-за его слов, мне становится некомфортно от собственного умозаключения. Я никогда и не пыталась узнать больше.

- Тогда расскажите, - прошу я, ощущая себя ещё и неловко. Однако когда я практически мгновенно заполучаю равнодушный вид от обоих братьев, чувствую себя несколько лучше. Потому больше не колеблюсь. - Что значит позаимствовали *наши способности*?

Никола на короткое время отвлекается от пейзажа окрестностей, чтобы украдкой глянуть на Марко, который одобрительно кивает, словно они решают, кто из них двоих должен ответить. И я рада, что им становится мастер избегать в своей речи любой интонации, потому что, судя по их взглядам, разговор будет не таким уж и простым.

- Это значит, что мы для ваших способностей не совсем подходим, - начинает он, при этом возвращаясь к своему первоочередному занятию, разглядеть в попутных кустах всех белок и зайцев. - Природа нас, полукровок, создала сильными и быстрыми. Мы можем услышать приближающиеся шаги в радиусе километра, а если захотеть, то и разглядеть того, кому они принадлежат. Но в наших жилах течёт всего лишь половина вашей божественной сущности. Именно она отвечает за способности. Но вторая половина - человеческая - не справляется с этим даром - он слишком тяжёлая ноша для тела и даже частично для разума.

Я хмурюсь, в мыслях назойливо вертится одно расхождение.

- Но вы, Омеги, ведь намного сильнее, - мой голос звучит тихо, словно это и не утверждение вовсе, а всего лишь предположение.

Марко сардонически усмехается, рассматривая моё озадаченное лицо в зеркале заднего вида.

- Кто сказал тебе подобную глупость?

Глупость? Мгновенно пытаюсь отыскать ответ на его вопрос, перебирая в памяти все разговоры. Мои брови хмурятся всё сильнее, кажется, голова вот-вот закипит от мысленного процесса. Но чем дольше я смотрю в улыбающиеся через отражение зеркала глаза Марко, тем больше понимаю, что такой вывод сделала сама.

- Значит, мы сильнее вас? - я переспрашиваю почти шёпотом, ошеломленно, словно

говорю какой-то бред.

- Не просто сильнее, Альфы во всём до единого превосходят Омег, - поправляет меня Никола, даже не обернувшись, по-прежнему крайне внимательно изучая раскинувшиеся просторы леса.

- Но тогда... - мой голос пропадает, теряясь в многочисленной путанице мыслей. - Тогда почему вы оберегаете нас, а не наоборот?

Слышатся две усмешки одновременно.

- Хороший вопрос, - язвительно подмечает Марко.

Однако Никола не поддаётся моменту съязвить, продолжая разговор так, словно рассказывает, как правильно сварить макароны.

- Про что я и говорил ранее. Нам необходимо выплёскивать, расходовать и избавляться от того, с чем не можем справиться. В отличие от Альф. Вы свои способности контролируете идеально. Они вам не чужды. Поэтому было бы бессмыслицей готовить для этого Альф.

Марко внезапно оживает, словно ему не терпится подправить слова брата.

- Но всё же есть Альфы, которые предпочли стать охотниками. И поверь, чик-чик, они настолько хороши в этом деле, что даже я предпочту обходить их стороной.

Марко возвращает взгляд к дороге, и несколько минут мы едем в полной тишине. Я понятия не имею, как мне не сойти с ума от новой информации. Но теперь складывается ощущение, что меня где-то и когда-то обманули. Я окунулась в жизнь, о которой, ровным счётом, ничего не знаю. А я хочу знать о ней всё. Возможно, именно по причине отсутствия достаточной информации я постоянно не понимаю, о чём идёт речь. Но мне повезло. У меня хотя бы появились те, кто без каких-либо проблем отвечает на вопросы. Чем, собственно, я и собираюсь пользоваться дальше. Однако не совсем уверена, как продолжить всё выяснять, по тому начинаю с самого-самого незначительного вопроса.

- Значит, вы оба - охотники? - звучит не так обыденно, чтобы сойти за поддержание разговора.

Любопытство явно преобладает над терпеливостью. И мою задумку мгновенно разоблачают. Парни в сотый раз за сегодня переглядываются между собой, словно могут мысленно совещаться, но в итоге Марко качает головой.

- Не оба, только Ник. И то, чисто теоретически. Мы потомки одной из семей, относящихся к членам Совета. И так, как я старший в нашей семье, на данный момент занимаю место лидера.

Мой лоб хмурится.

- Лидера?

Поначалу Марко кивает, но потом оборачивается, чтобы посмотреть на меня, очевидно, лучше распознав тон моего голоса.

- Это ты тоже не знаешь? - удивление переполняет его, так, словно такого просто не может быть. Но... очевидно, что может, я отрицательно качаю головой, и Марко слегка настораживается. - Алек что, не рассказал тебе?

И снова качаю головой, на что Марко всерьёз задумывается, вернув взгляд к дороге. Его скула - это единственная часть лица, что я вижу, но даже по ней могу разобрать, что Марко борется с неверием. Это, как минимум, настораживает.

Неужели, это настолько плохо, что я не знаю, о чём говорит Марко?

Хотя, начнём с того, а что я вообще знаю? Ничего. Узнать, когда у Алека день рождения - вот, что до сей момента являлось моим самым большим достижением. И то, точно не благодаря моим заслугам.

- Так, что значит Лидер? - спустя короткую паузу снова интересуюсь я, когда понимаю, что Марко, скорее всего, забыл, о чём шла речь, отчего-то сражённый моим ответом.

И почему я действительно никогда даже не пробовала выудить из Алека информацию, которая не относилась к подробностям его жизни? Всё, что меня волновало, скрытность Алека. И кажется, таким методом я, сама того не понимая, заиклилась только на этом.

Сейчас же я принимаю предельно сосредоточенный вид, осознавая, что совершенно не то пыталась разузнать, и ожидаю, когда Марко соберётся с мыслями.

- По-видимому, поездка наша будет не из лёгких, - едва слышно бормочет Марко, как бы для самого себя, а затем бросает на меня беглый взгляд через зеркало заднего вида. - Ты уже знаешь, что означает Старейшина для нас?

- Пред-положительно. Старейшины - главные?.. - пробую озвучить то самое предположение и оказываюсь права.

Марко кивает.

- С веками стало сложно договариваться с полубогами, считающими себя всемогущими и непобедимыми. И тогда было принято решение: избрать собственную власть, которая сможет управлять и решать все важные проблемы, касающиеся жизни в мире людей. Таковыми стали десять Альф, выбранных непосредственно нашим народом, по итогам голосования. Но так, как места эти были слишком желанными, а со временем даже появлялись те, кто хотел тоже занять одно из мест в Совете, было так же решено, передавать его исключительно по наследству. - Марко берёт паузу, чтобы бросить на меня ещё один взгляд, оценивающий уровень заинтересованности.

Что являлось абсолютно бессмысленным, я всецело сконцентрирована только на его словах.

- На сегодняшний день всё так и осталось. Совет, по сути, самый главный, но так как всеобщая безопасность в основном зависит от Омега, то было так же решено выбрать из нас десятерых, которые будут непосредственно иметь не менее весомое право голоса. И это место так же, как и у Альф, передаётся по наследству. Например, к Вальховским относится только семья Белинских, а охотники уже под началом одного из них. А наша семья Драговых относится к другому члену совета - Горанских.

Что-что?

Белинских? Я ведь не ослышалась...

Мой рот автоматически принимает чёткое очертание буквы «о», я забываю, что нужно дышать, но Марко всё так и продолжает говорить, не обращая никакого внимания на мой ступор.

- Если со мной что-то случится, то моё место займет Никола. Поэтому пока он - просто охотник.

Мне сложно сейчас думать и концентрироваться. Последние слова Марко я едва могу уловить. Во мне расцветает обида - холодное, дикое чувство, что тянет моё сердце в чёрную пропасть. Самая тревожащая рана снова даёт о себе знать. Алек никогда ничего подобного не упоминал. Но теперь, после рассказа Марко, так много встаёт на свои места.

Тебе позавидовали бы, что с тобой находится Алек. Вот, про что говорил тогда Егор.

Сегодняшняя перепалка с Марко. Ты давно должен был занять его место.

Речь действительно была про отца Алека. Только вот... какое место?

Место - лидера?

Безумие.

Зарываюсь лицом в ладони и незаметно качаю головой, выбрасывая из неё всё лишнее.

Эту информацию я обдумую позже. А сейчас мне нужно ещё больше. Всё, что готовы выложить эти ребята.

Я буквально заставляю себя сжать кулаки и натянуть на выражение своего лица беспечность. Несколько раз моргаю, пытаюсь вернуться в реальность, но мои мысли разбегаются, как тараканы на свет. Последнее, что говорил Марко, что место перейдёт Николе.

В голове по-прежнему смутно, поэтому понимаю, что спрашиваю, уже после того, как слова слетают с уст:

- А если с Николой что-то случится? Кто тогда...

Я мгновенно прихлопываю рот, уже готовая выдать, как сожалею, но Никола остаётся собой, несмотря ни на что, - его реакция, как стальной, не прогибаемый металл.

- В нашем случае есть ещё и сестра, - просто отвечает он самым будничным тоном голоса.

Следующего вопроса я не успеваю задать, Марко сам начинает говорить.

- Она тоже обучена для этого. Я лично занимался её подготовкой. Но если не останется никого из наших наследников, то это место просто освободится для новой семьи. Правда, подобного ещё ни разу не происходило. Всегда находится дальний родственник или тот, кто может временно занимать место, пока следующий наследник не станет готов для него.

Я мгновенно задумываюсь про Алека. Он «ещё не готов» - так называется то, что с ним сейчас происходит? А что будет, когда он станет готов? Что всё это будет значить для наших отношений и будут ли они вообще являться возможными? Нежеланные мысли настойчиво накручивают предположение, что именно по этой причине он ничего мне не говорит. Непонимание его намерений пугает меня, заставляя начать засомневаться в стопроцентности нашего будущего, если конечно, оно вообще могло быть.

Стоп.

Я захожу слишком далеко. Недосказанность не означает недоверия, а отчаяние, с примешанной к нему обидой, творит странные вещи, заставляя засомневаться не в нашем с Алеком будущем. Оно заставляет засомневаться в самом Алеке, которому я всецело доверяю. У него должна быть причина не договаривать мне, и я надеюсь её выяснить.

Снова встряхиваю головой, веря, что это поможет разбавить мрачные мысли. И вновь сосредотачиваюсь на главной проблеме, одурачивающей меня в последнее время - моё незнание. Сколько бы я уже смогла задать правильных вопросов Алеку, зная нужное направление. Капаюсь в голове в поиске того, что мне ещё требуется узнать, чтобы развеять частичное недоумение. Но в голову ничего путного не лезет, тогда я задаю самый простой вопрос.

- Как надолго вы сюда приехали?

Но зато я захожу мгновенное внимание со стороны Марко. Его взгляд, который почему-то в отсутствии Алека, кажется, прибавляет в себе остроты, можно вполне классифицировать как проникновенно изучающий.

- Настолько долго, насколько это потребуется, - говорит Марко, продолжая удерживать на мне взгляд.

Который сейчас даёт понять, что Марко на самом деле лишь обдумывает мои намерения. Но они слишком прозрачны, чтобы действительно что-то в них утаивать.

- Почему? Разве тебе не требуется вернуться туда, где ты нужен?

- На данный момент я нахожусь в нужном месте, чик-чик.

К сожалению, его ответы не так прозрачны, но я всё равно понимаю их суть.

- Это из-за меня?

Марко медленно кивает. Однако самой мне не нравится, что я оказываюсь права.

- Неужели, всё настолько плохо?

На этот раз Никола даже отвлекается от своего занятия, поворачиваясь ко мне, и тогда я наконец понимаю, что первоочередно его волнует далеко не пейзаж, а то, что может скрываться в нём.

- Хуже не бывает, - на полном серьёзе озвучивает Никола.

Грудь словно пронзает молния. Понимание... и оно отнюдь никак не входит в список желанных.

- Богтымой... Они убьют меня.

Но как похоже это на Марко, что он не может сдержать истинную реакцию, когда смеётся искренне озорным смехом.

- Ты так ничего и не поняла? - С улыбкой на губах Марко качает головой. - Орден не собирается тебя убивать. Если бы они хотели, то сделали бы до того, как кто-то мог распознать их намерения.

Он снова посмеивается, кидая на меня взгляды, явно дающие понять, насколько я сейчас кажусь в его глазах глупой, и внутри меня что-то взрывается настоящей, чистой злостью. Я не виновата, что мне ничего не объясняют.

- Думаешь, что это - весело? - шиплю я, сама тому удивляясь.

Вид Марко становится серьёзнее, но улыбку с его лица это не убирает.

- Ни капли. - Он вновь качает головой. - Это на самом деле дерьмово. Они хотят тебя для чего-то использовать. Потому что должно быть что-то действительно стоящее, чтобы Орден, спустя столько времени, снова показался. - Марко щёлкает языком в коротком раздумье. - Не говоря уже о том, чтобы они задействовали такое количество гибридов... Похоже, они всерьёз намерены, заполучить тебя любой ценой.

Из лёгких выбивает весь воздух. Лицо мгновенно вытягивается в выражение шока. Так откровенно со мной ещё никто не разговаривал. Ещё никто и ни разу не прировнял меня к чему-то стоящему. Ещё никто открыто не дал мне понять, что моя участь уже уготована, даже если подобные мысли и проскакивали в моей голове.

- Успокойся, чик-чик, а-то выглядишь так, словно готовишься получить сердечный приступ, - слышу я по-прежнему беззаботный, разбавленный весельем голос Марко, который возвращает мои мысли в реальность.

Наши взгляды сталкиваются в зеркале заднего вида.

- Успокоиться? - переспрашиваю я на высоких тонах, явно раздражённая его предложением. - Да ты только что буквально сказал, что на меня по неведанным никому причинам открыли охоту, желая получить себе любой ценой, словно я какая-то диковинная добыча.

Но Марко не поддаётся моему раздражению, его голос остаётся таким, словно он едва сдерживается, чтобы не уснуть, ведя этот, - конечно же, ничем непримечательный, - разговор. Он бесхитростно кивает.

- Оглянись назад и скажи, что ты там видишь, - внезапно просит он, выдавая самую нелепую просьбу, и моё лицо искривляется в недоумении.

- Что?

- Оглянись и скажи, что ты видишь, - повторяет он.

Его просьба кажется необычной, но я всё равно поворачиваюсь. Смотрю секунд пять, обхватывая глазами не только дорогу, но и на всякий случай лес по обе её стороны, как всё это время делал Никола.

- Ничего не вижу, - сообщаю я слегка разочаровано.

- Посмотри лучше, - настаивает Марко, и тогда я понимаю, о чём он говорит.

Зрение, ну, конечно же. Но я ещё не слишком хороша в управлении способностями, поэтому мне требуется время, чтобы сосредоточиться и настроиться. Мой взгляд приобретает фокус, глаза немного жжёт, и к этому неприятному ощущению по-прежнему сложно привыкнуть, но я стараюсь не обложаться и смотрю всё интенсивнее.

Дальше. Ещё дальше и ещё.

Вот оно.

- Машина, - медленно проговариваю я и поворачиваюсь в ошеломлении обратно. - Это?..

- Нет, - перебивает Марко, очевидно догадываясь, что я хотела сказать. - Это охотники Софии. И они даже не хотят оставаться незамеченными. Наоборот, сообщают открыто о своём присутствии.

Мой мозг работает, и довольно неплохо, я практически ощущаю, как напряглись все до единой извилины в голове, только всё равно тщетно.

- И что это значит?

- Сейчас, когда у Софии появился отличный шанс повлиять на решение Алека, она сделает многое, чтобы обеспечить твою безопасность и незаменимость её помощи. Наше присутствие с Ником слегка подпортило её планы, но это ничего не поменяет. Где бы ты ни находилась, около тебя будут находиться её охотники, - он останавливается, предоставляя мне возможность переварить слова. - Вот почему Орден отозвал гибридов. Это бесполезно, к тебе не подобраться, и гибриды выступят сейчас лишь расходным материалом. Хотя это и не значит, что Орден отступил. Они выждут момент, когда все решат, что опасность миновала, и появятся там, где смогут застать тебя одну. - Глаза Марко обращаются к моим, его взгляд предвещает или внушает какую-то истину, от которой внутри меня всё скручивается. - И это вовсе не твоей дом, чик-чик, - его молчание длится совсем короткое время, но мне кажется, что за одно мгновение в моих мыслях проигрываются сотни различных вариантов. - Поэтому так необходимо, чтобы ты с лёгкостью могла за себя постоять.

Я не знаю, что сказать, ответить или выдать какую-то ожидаемую от меня реакцию. И примерно десять секунд слышатся только звуки, издаваемые мотором автомобиля.

- Зачем Софии что-то доказывать Алеку?

Марко издаёт задумчивую полуулыбку, и на него обращает взгляд Никола, который полон предостережения, ожидая, что он ответит. Хотя, это было бессмысленно, похоже, Марко и сам может различать границы дозволенного.

- Прости, чик-чик, но этот вопрос перешагивает рамки того, что называется «мужская солидарность». Слышала о таком? - он оборачивается и на этот раз ожидает от меня согласия.

Я киваю, показывая, что поняла его. Это был упрёк в мою сторону, пусть и умеренный. Очевидно на этот вопрос мне придётся узнавать ответ непосредственно у Алека, что значит - я не получу его никогда. Хотя, что-то мне подсказывает, что я его уже знаю, исходя из всех сегодняшних разговоров. Это немного успокаивает меня. Но ненадолго. Всю оставшуюся дорогу мы больше не разговариваем, и я пытаюсь найти безобидные объяснения его скрытности, позабыв, что надо было думать о другом - о маме и предстоящем с ней разговоре. А я так ничего вразумительного и не придумала. И не придумываю ничего даже тогда, когда оказываюсь стоящей перед входной дверью в дом, задерживаясь на улице ещё какое-то время.

Но после, полностью сбита с толку и раздавленная тяжестью этого дня, я всё же рискую переступить порог, и меня сразу же встречает настоящая домашняя атмосфера, которой мне так не хватало.

Почему я не вернулась намного раньше?

Моё скованное тело мгновенно расслабляется, окутанное теплом и мыслями, что всё здесь так, как было раньше. До моего дня рождения. До встречи с Алеком и этой новой, чуждой мне жизни.

Мама хлопочет на кухне с духовкой, обеспечивая моему желудку приятное предвкушение царящими запахами в воздухе. Свет включен везде, яркий, как солнечный день, он заполняет дом уютом, будто из этого места чудом изъяли все прошлые события, произошедшие буквально несколько дней назад. И мне становится необычайно хорошо, словно я вернулась домой после долгих месяцев отсутствия в нём.

Всё здесь по-прежнему, не хватает только одного значительного элемента – отца, что происходит впервые за последние два года. Вопрос, почему мама вернулась без него, вертится на кончике языка всё то время, что остаётся до ужина, когда мы перебрасываемся с мамой фразами, накрывая столик в гостиной. Я уговорила её разместиться здесь, будучи ещё неготовой смириться и отбросить все видения, преследующие постоянно, когда нахожусь на территории кухни. Гостиная тоже навеивает что-то неприятное, но в ней я хотя бы могу нормально поесть, изголодавшаяся и соскучившаяся по маминым блюдам.

За ужином мы обмениваемся в основном мелочами и некоторыми подробностями, относящимися к отношениям с Алеком. Что-то в её оживившемся взгляде не даёт мне начать разговор, испортив такой приятный момент. Но тогда, когда всё ей выкладываю и темы разговоров, наконец, исчерпываются, я всё же рискую задать свой вопрос.

– Мам, почему папа не вернулся с тобой?

И мгновенно же вижу, как испуганно она реагирует.

За весь вечер я искусно могла уйти от любого вопроса, что по ответу должен был меня разоблачить. Но, клянусь, моё лицо, должно быть, выглядело именно так, как выглядит её сейчас, когда я перебирала уместные варианты, с помощью которых не выдам себя.

Мама что-то скрывает.

Выражение её лица охватывает некая неуверенность. По губам скользит тень принуждённой полуулыбки, но смотрит мама открыто, не отводя взгляд. Как будто она не решалась мне что-то сказать, а теперь, когда я начала первая, ей уже не так сложно. И это усугубляет мою нервозность.

Боже, что же такого должно было случиться?

– Папа не сможет приехать из-за нового проекта, – наконец-то отвечает она, немного растягивая паузы между словами.

Это должно звучать, как само собой полагающиеся, но что-то в сказанном не так. Я не сразу это понимаю, но её пристальный взгляд, явно ожидающий от меня реакции, помогает осмыслить слова до конца. Всё дело в том, в каком времени она их произнесла. Я молчу, просто уставившись на маму, и жду, что она добавит что-нибудь ещё, но этого не происходит.

– Что значит «не сможет»?

– Об этом я и хотела с тобой поговорить, – напоминает она, но по виду теперь она держится намного увереннее.

Мама больше не выглядит так, словно этот разговор может предвещать что-то плохое. И говоря следующее, я практически убеждена, что она репетировала свою речь множество раз, потому что невозможно быть настолько идеально спокойной:

- Милая, поверь, я сама не рада, что так получается, - начинает она, и что бы она ни сказала дальше, мне оно не понравится. - Но тот проект, над которым папа работал весь последний год, он... - Она вздыхает. - Руководство твоего отца считает его настолько рентабельным, что попросили его непосредственно и вести данный проект. - Мне кажется, что я медленно погружаюсь в воду, а мамин голос становится отдалённым. - Твой отец так хорошо руководил филиалом в нашем городе, к тому же, вывел его на новый уровень, что данный факт ни от кого не ускользнул...

- Что ты хочешь этим сказать? - перебиваю я, потому что знаю, что мама ходит вокруг да около.

Она просто желает преподнести всё, как что-то хорошее.

Мои глаза остро впиваются прямо в её, и она их поспешно отводит, снова вздыхая.

- Нам придётся пожить в другом городе какое-то время, - она жестом рук пытается изобразить этот временной промежуток в воздухе, - год, может быть, два.

Уставившись на неё, я не замечаю, как много игнорирую из сказанного, переспрашивая лишь одно:

- Нам?

Мама кивает.

- Да, милая. Нам. Папе, мне и тебе.

Что-то внутри меня падает, становится всё сложнее дышать. Сажу и молчу, слыша лишь, как нарастает скорость сердцебиения.

- Послушай, я знаю, что это неожиданно, и такая новость, возможно, вызывает у тебя шок, но папа не смог выбраться даже на один день, чтобы мы могли обсудить всё вместе, - мама говорила быстро. Очень быстро и взволновано, теперь она замолкает и берёт паузу, чтобы выровнять свой голос. - Я не могу разорваться между вами. И это неправильно, что мы постоянно тебя оставляем, - но её голос снова надламывается, и она шумно сглатывает. - Я не могу оставить тебя здесь одну. Я должна тебя увезти отсюда. Я...

И ещё один вздох с её стороны, который становится преградой тому, что она не договаривает. Я практически вижу, как волны напряжения завладевают её состоянием. Она нервничает, выглядит слегка устало и больше не пытается скрывать всего этого, а я не понимаю, что происходит со мной. Просто продолжаю не двигаться, не веря, что это вообще происходит именно сейчас.

- Я не могу уехать, - еле слышно произношу я, как будто эти слова могут что-то решить, как будто у меня есть выбор.

И когда взгляд мамы находит мой, я понимаю, что выбора на этот раз мне не предоставляют. Я хочу закричать, злость жаром разливается по венам, что воздух в лёгких становится обжигающим, в груди начинает нестерпимо жечь, вырываясь словами наружу.

- Я не могу уехать, - громко повторяю я голосом, который мне даже незнаком. - Здесь всё!

И Алек.

- Я учусь в этом городе, - пылко добавляю я, но совсем не то, что является важным. - Здесь всё, мам! Здесь вся моя жизнь, и... - теперь я задыхаюсь, захлебываясь собственными возражениями, - здесь Леся и...

- И Алек, - спокойно озвучивает она и выглядит так, словно всё понимает.

Но она ничего как раз-таки не понимает.

- Даже если так, то что? - защищаюсь я, и моё тело подаётся назад, упираясь сильнее в

твёрдое подножье дивана. Я отстраняюсь от неё, словно хочу сбежать. – Здесь. Вся. Моя. Жизнь.

– Университет – это не проблема, – со стойкою невозмутимостью отбивает мама все мои доводы. – Можно оформить перевод, к тому же, подобная стажировка в новом проекте отца будет для тебя незаменима. А Леся – это не убедительная причина, могу лишь предположить, что и у неё появится в будущем своя жизнь. И тогда вам всё равно предстоит расстаться на какое-то время, – мама смотрит с твёрдостью, непреклонной решительностью, но её жест, когда она опускает ладони на бёдра, говорит мне, что она едва удерживает напускное спокойствие. – Что же касается Алека, то тут я уверена на все сто процентов, что он последует за тобой.

Она не знает. Мама ведь ничего, ровным счётом, не знает, о чём говорит. Ничего о моей нынешней жизни. И я почти срываюсь, чтобы рассказать ей всё, но она не поверит.

Я отрицательно качаю головой.

– Ты не понимаешь... – мой голос дрожит, звучит так жалко, что я невольно представляю, каков мой вид на данный момент. – Ты просто не понимаешь, – повторяю и повторяю я.

Я замечаю, как дёрнулось тело мамы, но она удержала себя от попытки встать и утешить меня. Вместо этого она ещё увереннее продолжает.

– В любом случае, решение уже принято. В ближайшее время я обо всём позабочусь, но сперва надо решить вопрос с новой квартирой и местом в университете. Это всё займёт где-то несколько недель, за которые ты как раз сможешь свыкнуться с фактом.

– Я не поеду, – упираюсь, глядя на неё глазами полного неверия.

Как она может так со мной поступать? Это словно и не моя мама. Родители в первую очередь предоставляли мне выбор, что с ней случилось?

– Думаю, пора заканчивать разговор, – игнорирует мама. – Я приберусь здесь и, наверное, отправлюсь отдыхать. Завтра я возвращаюсь обратно, – добавляет она, и я вижу, что скрывается под мраморной маской её стойкости.

Сожаление, боль, грусть.

И меня наполняет надеждой, что ещё можно поменять её решение.

– Мама, – выдавливаю с трудом, глотая комок из горестной обиды.

– Хватит! – обрывает она меня мгновенно, и меня ранит, словно острый нож, жестокость её голоса. – Это просто не обсуждается, и точка. Подумай хоть раз о нас с папой!

Грудь сдавливает, в горле саднит, и я даже не замечаю, когда именно мои щеки покрываются влагой. Но она не слышит меня впервые за всю жизнь. Даже сейчас, она просто закрывается от меня, делает вид, что мои слова ничего не значат. Она так строга, пытаюсь быть холодной и непредвзятой, что никак не могу больше выдержать натиска обрушившейся на меня её злости и резко встаю, пулей вылетая из гостиной.

Мама не останавливает меня, а я и не возражаю. Мне требуется пауза. Остановка, находящаяся за пределами сегодняшнего сумасшедшего дня. Слишком много информации. Слишком много потрясений.

Моя комната – моё пристанище вечного спокойствия. Есть только я и тишина. И плотная темнота в ней помогает окунуться в необходимое одиночество. Стены, кровать, одеяло, запах моего шампуня на подушке – всё такое родное и старое, что кажется, я и не покидала свою привычную жизнь никогда.

Это то, в чём я нуждаюсь. Просто одиночество и атмосфера, что единственная не ощущается враждебной. Она принимает меня и даёт так много спокойствия, что я могу утонуть в нём, расслабившись и наконец-то забывшись, уснуть...

Словно толчок меня выкидывает из сна. Вздрагиваю и стремглав приподнимаюсь на локте, но тут понимаю, что что-то тянет меня насильно назад. Алек. Вернее, его рука, находящаяся на моей талии. Он укладывает меня обратно спиной на постель и приподнимается сам, чтобы видеть моё изумлённое лицо.

- Что-то не так? - обеспокоенно интересуется он, напряжённо вглядываясь в мои глаза.

Его глаза - чёрная дыра. Что на мгновение я просто позволяю себе пропасть в необычайно красивой темноте этих глаз.

- Нет. Всё хорошо, - отвечаю шёпотом.

Но тут понимаю, что я - необычайная лгунья. Всё паршиво. Всё даже хуже, чем просто паршиво.

Я не задаюсь вопросами, как он оказался в комнате и давно ли здесь, главное, что мне сейчас нужно это больше всего на свете.

Пульс ускоряется с каждой секундой сильнее, пока мысли складываются в слова.

- Мама хочет, чтобы мы переехали.

Мой взгляд прикован к его, я жду изменений и удивления, но получаю лишь сочувственное:

- Я знаю.

На какое-то совсем короткое время я сбита столку.

- Значит, ты слышал нашу ссору?

- Не совсем. Я приехал, когда ты уже спала. Но успел застать разговор твоей матери по телефону, по-видимому, с отцом. - Алек склоняет голову в бок и, рассматривая моё лицо с некой озабоченной мягкостью, смахивает с него прядь волос. - Твоя мама рассказывала отцу, как ты отреагировала на новость, а после закрылась в своей комнате и больше не выходила.

Часть непомерной тяжести моментально спадает с груди, холодом трепеща солнечное сплетение. Но в то же мгновение меня наполняет совершенно другим ощущением - болезненной безысходности. Но Алек почему-то не выглядит опечаленным. Демонстрирующем тревогу, вызванную тем, что виднеется на моём лице - да.

Но точно не опечаленным.

- Почему ты не расстроен из-за переезда? - вопрос вырывается из меня произвольно.

Раньше, чем я могу подумать о том, что его ответ может растоптать моё сердце. Многие теперь имеет другое значение. После того, как я узнала, что предстоит перед Алеком, всё усугубляется.

Он должен будет находиться здесь, когда я не смогу.

Алек хмурит лоб, его лицо, находящееся едва ли в десятки сантиметров от моего, выражает недоумение, когда он рассеяно пожимает плечом.

- Почему я должен быть этим расстроен? - спрашивает он, как будто не слышит, как быстро бьётся моё сердце на грани разрыва. - Мне, конечно, не нравится, видеть твои заплаканные глаза, но... - Алек делает паузу. Паузу, делящую, наверное, вечность, пока он не торопясь подбирает слова. - Но что в этом плохого? Потому что я, если честно, не особо понимаю, почему ты так всё восприняла.

- Что в этом плохого? - мой голос странно звучит для меня, так, словно он вот-вот сорвётся. - А как же... мы?

Алек по-прежнему меня не понимает. Или же, зная его, думаю, всего лишь делает вид,

что не понимает.

– Мы? – переспрашивает он, нахмурившись ещё больше, будто его ум пытается отыскать в словах что-то логичное. – При чём здесь «мы», принцесса, и ссора с мамой?

– Если мне придётся переехать, то мы больше не сможем...

Его губы так неожиданно прилипают к моим, останавливая на полуслове, что я резко вздрагиваю, теряясь в происходящем. В мыслях и ощущениях. Всё во мне ухает вниз, словно лечу с небоскрёба. И думаю, что губы Алека стоит внести в список запрещённых оружий, потому что я полностью и абсолютно умираю от их прикосновений к моим.

Вцепляюсь пальцами в воротник его толстовки, притягивая Алека теснее к себе, и получаю намного больше его, чем ожидала. Между нами находится одеяло, но я всё равно ощущаю жар его тела. Его тяжесть, силу и невыносимо приятное давление, что пробуждает во мне так много чувств.

Я опустошена, но Алек меня заполняет.

Мои инстинкты на грани безумия, я мало предаю себе отчёта, желая только чувствовать больше соприкосновений, вытаскивая ногу из-под одеяла и оборачивая вокруг его бёдер. Алек мгновенно напрягается, так, будто готовится к прыжку в бездонную пропасть, опасаясь того, что будет тогда, когда он нырнёт.

Неизвестность. Которая меня пугает не меньше, чем Алека.

Но я же не собираюсь толкать его с края, переходя ещё больше границ?

Нет, он нужен мне здесь. На мне. Просто, чтобы его губы никогда не покидали моих. Я всего лишь хочу наслаждаться им вечно, пусть это и малая часть того, что действительно хочу получить.

Я не захожу дальше и не пробую спровоцировать Алека на это, но и от себя отпустить его не собираюсь даже на миллиметр. Пальцы бегло проходятся по слабой щетине на его лице, поглаживая впалые скулы. Он слегка расслабляется, но сердце колотится с удвоенной скоростью, отдавая ударами по моей груди. Его рука скользит вверх с моего бедра на изгиб талии, и он сжимает её, глубоко вдыхая. Его губы прокладывают себе путь вниз, находя пульс на моей шее.

– Не могу поверить, что ты вообще рассматривала вариант, что это сможет как-то повлиять на нас. Какая разница, где мы будем находиться, принцесса, – шепчет Алек, будоража дыханием все мои нервные окончания. – Пусть даже на другом конце Света...

Неожиданно он замолкает на полуслове. Его губы целуют мой подбородок, двигаясь вверх к моему рту. Но когда он достигает его, Алек не делает того, чего ждала, предвкушая всем телом. Он приподнимается надо мной ровно настолько, чтобы его глаза находились напротив моих.

– Хотя... «на другом конце Света» звучит довольно заманчиво.

Я моргаю, мгновенно вылетая из омета страсти.

– Что?

Неуверенный тон его голоса звучит достаточно напряжённо:

– Я думаю, что это хорошая идея уехать из города.

Я не верю своим ушам.

– Разве ты сам не говорил, что в поместье безопаснее всего?

Брови Алека создают хмурый изгиб. Он долго смотрит в мои глаза, словно теперь сам запутывается в сказанном. И ему что-то не даёт покоя, я отчётливо вижу это в его глазах. Его взгляд заставляет меня напрячься, будто может предвещать кое-что плохое. Поэтому, когда Алек внезапно начинает натягивать свою рабочую ухмылку, я ей ни на секунду не верю.

- Говорил. Но полагаю, у нас ещё есть время всё обдумать и решить, что лучше, - озвучивает он, вместо того, что у него действительно на уме.

Алек мне чего-то не договаривает. Я вижу, как в его голове усердно прокручиваются мысли, но он не посвятит в них. И это никогда не станет слишком простым, чтобы я могла так легко мириться с его скрытностью. На меня что-то давит. Давит прямо на грудь, и это не тяжесть тела Алека.

Но есть и во всём сказанном кое-что поистине хорошее. Кем бы ему возможно ни предстояло стать, он не собирается этого делать без меня. И данное понимание намного сильнее всего прочего. Оно растапливает сердце, заставляя многое откинуть на второстепенный план. Мы вместе, несмотря ни на что. Поэтому сейчас я не собираюсь с ним спорить.

- Ты прав, - соглашаюсь я. - У нас ещё есть время.

Теперь ухмылка на его губах преобразуется в лёгкую улыбку, расслабленную и искреннюю. Алек склоняется к моему лицу, собираясь ещё раз поцеловать, как неожиданно раздаётся за стеной сигнал будильника, и он резко отстраняется назад, усмехаясь и качая головой.

Удивлённая, смотрю на часы - «6:00», не веря, что, оказывается, проспала всю ночь. Когда вновь поворачиваюсь к Алеку, собираюсь что-нибудь сказать ему, но передумываю. Его взгляд так многозначительно блуждает по моему лицу, что слова сейчас кажутся лишними. И никто из нас не осмеливается нарушить тишину, пока за стенкой не слышатся шаги, а затем звук воды, включившегося душа.

Алек томно вздыхает, по-прежнему не разрывая со мной взгляда.

- Мне пора, - шепчет он. - Думаю, будет плохо, если твоя мама застукнет нас вместе в постели. Уверен, что мне уже не помогут никакие кулинарные навыки, чтобы заполучить к себе её расположение.

Я улыбаюсь в ответ и, приподняв от подушки голову, быстро целую его в изогнутый в дразнящей ухмылке уголок губ. Положив голову обратно, едва касаясь обожжённым указательным пальцем место своего поцелуя, и Алек на мгновение прикрывает глаза, задерживая дыхание.

- Ну... тогда тебе придётся сражаться её умением выкручиваться, болтая всякую милую чушь. - Я снова улыбаюсь, когда его глаза открываются, и он приподнимает бровь. - Она купится, обещаю. Я же купилась.

Ещё секунду Алек старается выглядеть возмущённым, но затем всё же усмехается.

- Чёрт, кажется, меня раскусили. Скоро у меня не останется ничего, чем смогу тебя поражать.

- Не переживай, - шепчу, обхватывая его лицо ладонями, и наклоняю его к себе. - У тебя всегда останется это...

А затем я целую Алека, нежно, невинно и чувственно. Так, чтобы прочувствовать этот момент не только телом, но и душой.

- Вот теперь, мне действительно пора, принцесса, - говорит он, отрываясь от меня, когда перестаёт слышаться звук воды, и с тихим стоном приподнимается, чтобы встать и направиться к балкону. - Скоро увидимся.

Слабо улыбаюсь, провожая его взглядом. Мне не хватает подобных моментов, всё время мучает вопрос, почему мы просто не можем провести в одиночестве целую жизнь? Иногда, это кажется несправедливым.

Напоследок, находясь уже одной ногой на балконе, Алек останавливается. Он подмигивает мне, и на его губы взбирается чертовски сексуальная ухмылка. Всего мгновение, и Алек скрывается в темноте, а его ухмылка забирает моё дыхание вместе с собой.

Ещё несколько минут я лежу неподвижно, глядя на то место, где был Алек, не думая и не соображая, пока новая тяжесть не укладывается на грудь. Мне не нравится всё это. В разговоре с мамой было что-то такое, что я проигнорировала, охваченная эмоциями. Но сейчас я понимаю отчётливо – мама переживала.

За что – неизвестно.

Но снова, наверное, миллионный раз за последние сутки развивается ощущение, что меня обманывают. И на сей раз это никак не относится к Алеку.

Глава 5

Как запросто заставить девушку ругаться хлеще самого отъявленного сапожника? Поставить затяжку на новеньких чёрных колготках накануне важного события. Чертыхаюсь, наверное, раз сотый, оттягивая синюю коротенькую юбочку А-образной формы, но, как только выпрямляюсь обратно, безобразная полоса вновь мозолит глаза. Смотрю на ногти уничтожающим взглядом: что с ними не так? Я же только час назад привела их в нормальный вид, запилив все острые кончики. Но этого как будто и не было, они вновь выглядят точно когти сбесившейся кошки.

Беру себя в руки и глубоко вздыхаю. Ладно, с этим уже некогда разбираться.

Мне и так пришлось потратить час на встречу с Марко, с которым обсудили, как и когда будут проходить тренировки. Мы снова вернулись в поместье, когда уехала мама, поэтому он смело отобрал из моего распоряжения по половине каждого дня ближайшей недели. Но нового он пока ничего не поведал, за что считаю проведённое время крайне бесполезным. До встречи с Алеком остаётся совсем чуть-чуть, хотя он уже с самого утра сделал его необычным. Когда проснулась, на тумбочке меня ожидал букет белых тюльпанов, что вызвало удивление, потому что это мои любимые цветы, и я никак не могла понять, как он об этом узнал. К цветам прилагалась записка, в которой говорилось, что ровно в час дня я должна быть готова.

Была ли я готова? Внешне, но точно не внутренне.

Это происходит внезапно, я ощущаю чьё-то присутствие. Не просто ощущаю, слышу учащённое сердцебиение и ничего не могу поделать с тем, что от этого звука меня бросает в волнующий жар. Поворачиваю голову, чтобы увидеть Алека, стоящего в дверном проёме. От выражения в его глазах у меня перехватывает дыхание. Взгляд открыто бродит по моему телу, останавливаясь на ногах. Несколько очень-очень долгих секунд Алек смотрит только на них, и в его глазах пляшет нечто такое сильное, отчего мне хочется, чтобы он их не отводил никогда. К тому же, это первый раз за последнюю неделю, когда Алек вообще опустил его ниже моей шеи. И теперь я понимаю, что большую часть времени он сдерживал себя. Наши поцелуи обрывались, смотрели в основном друг другу в глаза, а объятия можно назвать почти дружескими. А на сегодня он снял с себя запрет, давая мне это понять, лишь одним взглядом. Он всё же поднимает его к моему лицу, при этом тяжело сглатывая, но уже через мгновение его губами завладевает бесподобная, но слишком наглая ухмылка.

– Милая юбочка, – его низкий, глубокий голос звучит нахально, словно он рассматривает какой-то коварный план по отношению к юбке.

Но что уж точно, так это то, что я готова принять к сведению его план и дать на него стопроцентное согласие, каким бы пошлым он ни был.

Пресвятые угодники, мои мысли заходят всё дальше. Пытаюсь выйти из зависшего состояния, облизывая пересохшие губы.

– Тебе нравится? – хрипло спрашиваю я, будто пытаюсь его соблазнить.

И ничего не могу поделать с собой, что от его ответа зависит частота моего сердцебиения.

Хотя его ответ и так выгравирован в его чернеющих, как раскалённая смола, глазах, он неожиданно решает предоставить мне его совсем другим способом. Алек приближается

так быстро, что воздух, принесённый им с другого конца комнаты, поднимает несколько ниспадающих на грудь прядей волос.

Измученный вдох остаётся на моих губах, когда Алек, обхватывая моё лицо ладонями, припадает к ним и целует. Его губы тёплые и такие напряжённые становятся все требовательней, пока я не отвечаю им взаимностью. Сердце, наполняясь с безумной скоростью чувствами, едва ли не взрывается. Стучит так гулко, что я могу чувствовать его удары во всём теле. Алек проводит руками по моей спине и, останавливая их на пояснице, привлекает ещё ближе к себе, мгновенно проскальзывая пальцами под кофту. И меня словно резко выбрасывает из реальности, могу думать лишь о том, как ощущаются его руки на моей коже.

Нет, это наглая ложь.

Я думаю о том, что хочу, чтобы его руки проникли ещё выше. Возможно, я рассматриваю вариант: вообще избавиться от джемпера и предоставить его рукам полный доступ к моему телу. И от подобных мыслей жарко. Слишком жарко, а в комнате всё меньше и меньше кислорода. Потому что целуемся мы по-настоящему страстно, тесно прижимаясь друг к другу, и моё тело уже не справляется с выбрасываемыми волнами желания, которое совсем не щадит его. Оно снова капризно требует больше Алека.

Я отрываюсь от его губ первая, понимая, что разум находился уже на тонком волоске от отключения. Однако Алек не собирается упрощать мне задачу в попытке включить его обратно. Его губы начинают перемещаться вверх по линии подбородка, оставляя на коже лёгкие поцелуи. Тело снова дрожит, веки тяжелеют, и я, запрокинув голову назад, как расплавленный воск, лгну к Алеку, желая прочувствовать его каждой живой частичкой, которые так нестерпимо горят от необходимости просто ощущать.

С моих губ срывается тихий полустон-полумольба то ли от удовольствия, то ли от безысходности, и Алек, наконец, ослабляет пытку над моим телом.

Его шёпот на коже слегка протрезвляет разум, заставляя сконцентрироваться на словах.

- Не просто нравится, принцесса, - говорит он в перерывах между поцелуями, - она вызывает те фантазии, за которые, готов поклясться, мне придётся исповедаться священнику, чтобы не попасть в ад.

Мне надо бы покраснеть от его признания как под стать пожизненно приличной девочке, но черта с два, на сей раз мне с Алеком по пути в ад.

Улыбаюсь, по-прежнему находясь в омуте наслаждения, но всё же прилагаю усилия, чтобы отыскать что-нибудь подходящее в ответ, как по моему левому бедру проходит вибрация, которая выступает ещё одним отрезвляющим средством. Я ненавижу телефон Алека, потому что он мгновенно прекращает меня целовать и немного отстраняется, чтобы достать его из кармана. Поникнув, решаю отступить назад, чтобы предоставить Алеку больше личного пространства, и он смог ответить на звонок, но он, перехватив мою опущенную руку, оставляет меня на прежнем месте. Достав телефон из кармана, он, едва ли взглянув на экран, отклоняет вызов и движением одного пальца ставит его на беззвучный режим.

- Сегодня он мне не понадобится, - сообщает Алек, опуская телефон обратно в карман, и отчего-то от такой новости внутри меня всё плавится. Он притягивает обратно к себе и прикасается губами к моему виску. - Тебе пора собираться, принцесса, иначе у нас останется мало времени... - Рваный вдох вырывается из его груди, когда Алек медленно скользит по мне сверху вниз тлеющим взглядом. - Или же, могу предположить, что мы и вовсе никуда не уйдём.

Моё лицо опалает жаром, а низ живота сводит ноющим спазмом. Его слова звучат до непристойности горячо, и, честное слово, со мной впервые происходит такое, что я просто хочу скинуть с себя всю одежду и затащить Алека в кровать.

Да помогут мне все демоны ада, если он и дальше планирует вести себя подобным образом, мне понадобятся наручники.

Тяжело сглатываю и не могу оторвать взгляда от глаз Алека, полных дичайшего

желания, ещё с секунд пять, пока мысленно не пинаю себя, заставляя отойти от него. На слабых ногах делаю два шага назад. Растерянная и выбитая из реального времени, пытаюсь отыскать глазами приготовленные заранее вещи.

- Мне понадобится куртка? - интересуюсь я, когда нахожу её.

А заодно, не упускаю возможности расширить круг познаний о том месте, куда мы собираемся. Мой вопрос, кажется, помогает Алеку тоже очнуться, и спустя мгновение он скептически прищуривается, когда осматривает мой вид.

- Я думаю, что в первую очередь тебе понадобится обувь. Но и куртка тоже может пригодиться, - отвечает он и с хитрым блеском в глазах улыбается, словно засёк мою неудавшуюся попытку выудить из него информацию.

- Чёрт, а я так надеялась, что ты будешь носить меня всё время на руках, - пытаюсь я выдать что-нибудь шутовское, чтобы замаскировать оплошность. - Но я переживу такое разочарование, - продолжаю драматизировать, направляясь в сторону кровати, на которой лежит куртка, а рядом с ней находятся чёрные высокие сапоги в жокейском стиле.

Алек молчит и со страной ухмылкой смотрит на меня, пока я обуваю сапоги. Чувствую себя немного некомфортно, будучи практически получив отворот-поворот, но не подаю ни малейших на то признаков. Когда я полностью готова, поворачиваюсь и тянусь к сумке.

Алек меня прерывает.

- Нет-нет, - возражает он, приближаясь ко мне и пытаясь забрать из рук сумку. - Она тебе сегодня не понадобится.

Мои глаза сузились в подозрении, я по-прежнему крепко держу ремешок.

- Это ещё, почему?

Алек перемещает руку и, разжимая мои пальцы, всё же полностью её забирает. Он опускает сумку обратно на кровать и замысловато улыбается. В одну секунду я на ногах, а в следующую он уже подхватывает меня на руки.

- Потому что с тобой я ещё справлюсь, - говорит он, ухмыляясь моим круглым от неожиданности глазам. - А вот сумка явно намного тяжелее тебя.

Обычно я ненавижу, когда Алек пользуется методом «сарказм в замену ответа», но сейчас ничего не могу с собой поделаться и просто смеюсь. К тому же, мне уже на всё без разницы. Впереди меня ждёт время наедине с Алеком, настоящее свидание, где бы оно ни было - а это определённо выше десятки по шкале безупречности.

***

Когда машина останавливается на парковке перед ледовым дворцом «Молния», я с поражением опускаю взгляд на юбку. Меня пробирает одновременно злость и грусть, что я ни разу не попала в точку и выбрала весьма «удачный» наряд.

Хотя, о чём это я? У меня же было так много подсказок.

- Каток? Или мы будем смотреть хоккей?

Сказать, что я не ожидала подобного, значит не сказать ничего, и голос прекрасно выражает состояние.

- Не то и не другое, - отвечает Алек, заглушая двигатель.

Сморщившись, снова смотрю на дворец. Следующее предположение опускает шкалу безупречности на несколько единиц.

- Фигурное катание?

- Иии, - протягивает он, изображая двумя указательными пальцами прокручивание. - Вы

не проходите в финал. Ты – самое слабое звено*, принцесса.

Алек довольно улыбается, веселясь над тем, что мне вообще не кажется смешным. Как же иногда хочется его ударить.

– Ха-ха, – отзываюсь я, улыбаясь также мило, как Пеннивайз*.

Мне кажется, в голове даже начинает зарождаться кровавый план о мести, пока отвожу взгляд к лобовому стеклу. Не понимаю, какой ему смысл продолжать разыгрывать интригу, если мы уже на месте?

Внезапно Алек легко щёлкает указательным пальцем по моему носу, привлекая обратно внимание. Он по-прежнему победоносно улыбается, довольствуясь моим выражением лица. И эта улыбка производит на меня впечатление. Не то чтобы я больше не стараюсь напустить обиды, просто не могу справиться с чарующими её свойствами. Она пленит моё глупое сердце, и я буквально раздваиваюсь в своих ощущениях. И это с его стороны нечестно пускать в ход самое лучшее оружие против моей нестабильной в последнее время стойкости – ямочки на щеках.

Кажется, я сдалась, по крайней мере, мои губы точно – они предательски растянулись в улыбке.

– Так намного лучше, – мгновенно отзывается Алек, указывая пальцем на мою переносицу. – А то, когда ты хмуришься, у тебя появляется маленькая морщинка – вот здесь. Но не переживай, она, вроде как, смотрится мило.

Отмахиваюсь от его пальца, уверенная на все сто, что мой взгляд определённо нанёс Алеку уже несколько мысленных повреждений. Он снова смеётся, ловит мои запястья и пробует все сгладить поцелуем.

– Мы так и можем сидеть здесь, продолжая вести игру в миллион вопросов, – говорит Алек, не прекращая целовать меня лёгкими, как перышко, прикосновениями. – Или же выйти из машины, и тогда ты всё узнаешь сама, – и это самое разумное предложение, о котором почему-то не додумалась самостоятельно.

Киваю, но при этом продолжаю выглядеть, как... Понятия не имею, как я выгляжу, но это должно походить на что-то из разряда «это не значит, что победа за тобой».

Мы практически одновременно выходим из машины, и когда Алек только заворачивает к моей стороне, я уже стою на улице. По-прежнему находясь в сомнениях, оглядываюсь по сторонам, и неожиданно вижу всё с другого ракурса, когда глаза натываются на отдалённую тропинку, скрытую за массивным зданием.

Она ведёт на вход – в Парк.

У меня перехватывает дыхание, смотрю на Алека, округлив глаза. Этот Парк священное место нашей дружбы с Лесей, мы испытываем с ней одну любовь на двоих к двум вещам, находящихся в нём: Колесо Обозрения и Детская железная дорога, которая пролегает чуть ли не через всю его огромную территорию.

Как он мог об этом узнать? Честное слово, я начинаю задумываться, что Алек кого-то подкупил, чтобы тот смог залезть ко мне в голову.

Не веря происходящему, я задаю всего один вопрос:

– Откуда?

Алек приподнимает бровь.

– Откуда, что? – переспрашивает он так серьёзно, что я забираю обратно свои предположения.

Какое-то время мы стоим молча, и бровь Алека достигает максимальной высоты, показывая мне, насколько долго я затягиваю с ответом.

Я прочищаю горло.

- Ничего. Забудь.

И Алека такой ответ устраивает на все сто процентов, он мгновенно же улыбается, и что-то в блеске его глаз снова навеивает на мысль, что он знает намного больше, чем говорит, словно всё до единого идёт так, как он и планировал.

Он протягивает мне руку ладонью вверх.

- Идём?

Киваю и вкладываю ладонь в его руку.

- Идём.

Спустя пятнадцать минут, мы прогуливаемся по асфальтированной дороге главной улицы Парка в направлении красивого фонтана, в центре которого три белых лебедя, склонивших голову вниз, выбрасывают каждые несколько секунд серебряные струйки воды, превращающиеся в мерцающий фейерверк в воздухе. Здесь красиво, но это не сравнится с настоящей красотой некоторых мест, присутствующих в Парке. Он не просто большой: находясь в самом начале лесного массива, который охватывает чуть ли не целую треть всего нашего города, он огромный. И помимо кафе, танцплощадок и скверов для влюблённых, в нём ещё находятся такие места, как Поляна сказок, два карьера, по одному из которых можно кататься на лодках и катамаранах, и даже зоопарк. А ещё здесь есть множество самых простых, отдалённых мест, в которых можно по-настоящему спрятаться от постоянного шума города. Это именно то, что мне хочется, и в тайне я очень надеюсь, что вскоре мы выйдем к одному из них.

Тихо шагая, украдкой поглядываю на Алека. С необычайной простотой он осматривает местности, будто бы находится здесь впервые, однако двигается он уверенно в одном направлении. Мне нравится за ним наблюдать, кажется, я ещё никогда не видела Алека таким расслабленным. Он лениво переставляет ноги, раскачивая правой рукой, в которой находится его чёрный френч, в такт своему неспешному шагу. Второй рукой подворовывает у меня сладкую вату, от которой ранее категорично отказался, когда я ему намекнула, что одной на двоих будет недостаточно.

«Я такое не ем», - вот, что он сказал, обманывая, как мне кажется, в первую очередь себя, а не меня, скорее всего, даже и не зная, отчего он отказывается. Но и это мне нравится. Да так, что сама я не прикасаюсь к ней.

Со временем Алек всё же замечает мой пристально замороженный взгляд и слегка хмурится.

- Что не так?

Он так же на время перестаёт воровство, поэтому я мигом придумываю в своей глупой голове вопрос.

- Где ты находился всё утро? - в итоге спрашиваю, вспомнив, что его машины, когда мы были с Марко на улице, не видела.

- Исполнял твоё желание, принцесса, - без колебаний отзывается Алек.

Его взгляд в ту же секунду приобретает интерес, изучая то, как я реагирую. Хмурю брови, но сразу не отвечаю, пробуя вспомнить, какое у меня было желание. Да и было ли вообще? Или Алек самостоятельно решил, что я хочу этого?

- Моё желание? - уточняю я, когда на ум ничего не приходит.

Алек кивает, вновь вытягивая из ваты кусочек.

- Оно самое. Насколько я помню, ты очень хотела стать злостной прогульщицей, избегая при этом неприятностей.

Ещё мгновение я не понимаю, потом до меня резко доходит, и мои глаза распахиваются в изумлении.

- Хочешь сказать, что теперь я могу прогуливать? – честно, я сама удивлена наличием такого количества энтузиазма в прозвучавшем голосе.

И Алек тоже замечает этот переизбыток.

- Никогда бы не подумал, что подобный факт сделает тебя такой счастливой, – подтрунивает он, однако по правде выглядит поражённым.

Это действительно странно, но я отмахиваюсь от мысли, что всё больше и больше начинаю меняться. Меня интересует сейчас совершенно другое.

- Как... как ты это сделал?

Он хитро ухмыляется и молчит, удерживая паузу и увеличивая мой интерес.

- Помнишь, я как-то уже говорил тебе, что у меня много талантов? – спрашивает Алек, снова потянувшись за ватой. – Одним из них является – убеждение, – говорит он и подмечает сказанное, гордо выставив длинный воздушный кусочек.

И это означает, что мне не видать нормального ответа никогда. Мои глаза возводятся к небу, я решаю не упускать возможности ответить ему тем же.

- Очевидно, что отсутствие скромности возглавляет список твоих та...

Неожиданно Алек затыкает мне рот, в прямом смысле слова, – в нём оказывается сладкая вата.

- Вполне хватит обычного «спасибо». – Алек неодобрительно прищуривается, но откровенного веселья в глазах скрыть не способен. – Мне казалось, я научил тебя этому слову.

В его голосе нет снисхождения, но я всё равно чувствую себя маленькой и глупой. Алек пытается сдержать улыбку и выглядеть сурово, но уголки его губ поддёргиваются.

- Спасибо, – почти прошипев, произношу я.

Но Алек всё равно не перестаёт смотреть на меня с весельем во взгляде, таким естественным, ярким и заражающим, что я и сама начинаю сопротивляться улыбке.

Так сложно ненавидеть и одновременно одинаково любить его дурацкие шутки, и почему-то в последнее время я всё чаще уступаю второму.

Пока я решаю, стоит ударить его или поцеловать, Алек снимает последние кусочки ваты, и тут же, перехватывая палочку из моих рук, отправляет её в урну. А затем неожиданно заключает мои пальцы в свои собственные и, потянув за собой, сворачивает с центральной улицы, уводя нас в сторону леса.

В ошеломлении я следую за ним, изредка поглядывая на землю, чтобы не споткнуться об торчащие корни.

- Знаешь, если ты таким образом хотел затащить меня в лес, то не было смысла везти в Парк, – дразню его я. – Мы живём среди леса.

Внезапно меня поражает двусмысленность фразы. И Алека, по-видимому, тоже.

Он оборачивается и замедляет шаг, равняясь со мной.

- И для чего, интересно знать, мне понадобилось бы затаскивать тебя в лес, принцесса? – Алек с вызовом приподнимает бровь, глядя на меня сверху вниз.

И в его глазах горит что-то такое, что точно не назвала бы невинным. Я сбита с толку, не зная, что ответить. Не думала, что Алек решит развить эту тему – тот самый второй смысл. Мы не шутим и не разговариваем об этом, но кажется, сама того не осмысливая, я первая перешла запретную черту.

Всё усугубляется. Алек не может просто взять и оставить всё, как ранее: проигнорировать или воспользоваться излюбленным сарказмом. Он останавливается и

тормозит меня, хотя я рассчитывала на спасающий вариант *двигаться дальше*.

Оказавшись почти вплотную ко мне, Алек приподнимает согнутым в костяшке пальцем мой подбородок.

- Ну, - не отступает он, - что бы я с тобой тут делал, принцесса?

Сглатываю. Его тлеющий, темнее ночи, темнее самого тёмного цвета взгляд вкрадывается в мои глаза настолько глубоко, что желудок переворачивается.

Снова и снова, и снова.

- Возможно, я тебе надоела, - когда говорю, голос неестественно хриплый, взволнованный, он выдаёт, что мысли полностью отличаются от слов. - Возможно, ты решил, что настал момент избавиться от меня.

- Если бы я захотел от тебя избавиться, - произносит он последнее с выражением, давая понять, какое именно значение замаскировывает под это слово. - То, наоборот, выбрал бы наш лес.

Голос Алека ничем не отличается от моего, разве что, волнение в нём отсутствует, зато явный намёк преобладает, и я понимаю, что мы оба думаем об одном и том же.

Боже, мы действительно сейчас говорим об этом.

Пульс на шеи учащается, а в ногах чувствуется лёгкая слабость, когда его губы оказываются на неприлично ничтожном расстоянии от моих. Несколько секунд только неровное, шаткое дыхание разделяет их, но он меня не целует. Алек резко отступает назад и смотрит на меня с дьявольски довольным выражением в глазах, что довёл меня до грани реальности от безумия.

- Просто здесь я не смог бы скрыть твой труп без лишних свидетелей, - легко смеётся он, и я мигом прихожу в себя.

Но не моё тело. Даже тогда, когда Алек вновь тянет меня за собой, перед глазами вместо стволов деревьев меняются образы того, что уже успело нафантазировать моё испорченное подсознание. И там много-много поцелуев, которых сейчас меня бессовестно лишили.

Мы идём где-то около минуты по узкой тропинке и выходим прямо на главную поляну с аттракционами. Здесь совсем нет народу - эта часть парка сейчас находится в глубоком сне. Лениво-стонущий звук заполняет собой пространство, оттесняя бурный шум города: он исходит от единственного ещё не впавшего в зимнюю спячку аттракциона - Колеса Обозрения.

Замираю. Всё внутри меня замирает, когда я смотрю во весь величественный рост Колеса туда, где разноцветные кабинки встречаются с чистейшим голубым небом. В груди начинает разбухать чувство странного волнения. Я не была здесь с весны, и теперь это кажется таким огромным промежутком времени. Здесь, где всё плохое уничтожается в магической атмосфере места. В его значение. И Алек так идеально в него вписывается.

Я не замечаю, когда он оказывается за моей спиной, обняв за талию и прижав к себе. И в этот момент миллионы вопросов крутятся на кончике моего языка, которые почему-то не осмеливаюсь задать. Он знал. Неизвестно откуда, но Алек всё знал.

Он прислоняется щекой к моей скуле и показывает на самую верхушку колеса:

- Как насчет того, чтобы подняться туда?

Я улыбаюсь, и мне не требуется много времени, чтобы согласиться, давая ответ тем, что незамедлительно двигаюсь вперёд, хватая руку Алека и утаскивая его за собой. Но когда мы приближаемся к ограде, притормаживаю, замечая, что кабинки пустуют, и меня охватывает холодным чувством разочарования, предполагая, что Колесо крутится в проверочном режиме. Однако сам Алек не останавливается и, выпуская мою руку, направляется к мужчине за пультом управления, который приветствует его кивком. Через три секунды, сказав что-то мужчине, он возвращается и открывает для меня

калитку.

Всего мгновение я повержена шквалом эмоций, но уже в следующее влетаю за изгородь, сразу же направляясь к аттракциону, как внезапно Алек меня тормозит, хватаясь рукой за моё запястье.

- Нет, это не наша кабина, - возражает он.

Я награждаю его острым взглядом. *Что, красный не его любимый цвет?*

Алек же не подаёт вообще никак признаков, он просто непреклонно стоит, крепко вцепившись в моё запястье, словно я могу в любой момент дать дёру. Хотя такой вариант я и вправду рассматриваю.

Но... хорошо, решаю не портить такой момент и покорно ожидаю следующую. Надеюсь, к жёлтому цвету он испытывает большую симпатию. И когда она наконец-то достигает нужного уровня, направляюсь к ней.

- Э-э-эта тоже не наша, - сжимая мою руку сильнее, вновь задерживает Алек.

Теперь я сверлю его раздражённым взглядом, раздумывая над тем, что можно оставить его здесь одного и вырваться. Но когда Алек бракует и пятую кабинку, я не на шутку взрываюсь.

- Серьёзно? Решил проверить мою силу воли на прочность?

Но Алек лишь мягко улыбается в ответ.

- Наша вон та - красная, принцесса, - спокойно сообщает он и указывает на кабину, которая доберётся до земли только четвёртой.

Нет. Моё сердце действительно не выдержит и разорвётся. Теперь я на все сто процентов уверена, что мы можем ехать по-отдельности. С усилием дёргаю рукой, пытаюсь выбраться из его хватки, за что зарабатываю сердитый взгляд.

- Веди себя хорошо и прояви терпение, - отчитывает он меня с иронией в голосе, как маленькую капризную девочку.

Очень давно было то, что я по-настоящему хотела задушить Алека. Ну вот, меня снова посещает подобное желание.

- Кто виноват, что у тебя внезапно развилась непонятная аллергия на предыдущие пять...

- Шесть, - поправляет он.

- Неважно. Хоть семь и все...

- Восьмая наша, - снова крайне спокойно и, улыбаясь, перебивает Алек.

Я безнадежно рычу, даже не замечая, что уже свободно жестикулирую руками.

- Может быть, я хочу в седьмую. Или хотела в третью. Может быть мой любимый цвет - синий? - не успокаиваюсь я. - Видишь? Я даже вся в синем! - продолжаю возмущаться я, указывая пальцем на юбку.

- Принцесса...

Я не даю возможности вставить ему слова и нагло обманываю:

- ... это мой любимый цвет, а ты!..

Алек резко разворачивает меня на месте. Та самая кабина приближается к земле. Больше ничего не говоря, я со злостью отталкиваюсь от него и буквально залетаю внутрь. И тут же ошеломляюсь, ахая от увиденного. Внезапно моя талия оказывается в руках Алека, когда он встаёт за моей спиной, наклоняется и, касаясь губами, шепчет мне на ухо:

-Вот с этого момента и начинается наше настоящее свидание, принцесса.

И теперь я бесспорно готова признать, что это – на самом деле моё самое лучшее свидание в жизни.

---

* «Слабое звено» – телевизионная игра, аналог британского шоу «The Weakest Link». Особенностью передачи является удаление одного из игроков в конце каждого игрового раунда, что производится голосованием всех игроков.

* Оно (англ. It), также известное по своей излюбленной личине как Танцующий клоун Пеннивайз (англ. Pennywise the Dancing Clown) – главный антагонист романа Стивена Kingа «Оно» и его экранизаций. В романе предстаёт как могучее и древнее создание, прибывшее из-за пределов нашей Вселенной. Оно пробуждается каждые 27 лет, чтобы охотиться на детей вымышленного городка Дерри[en], штат Мэн, используя различные уловки, например, способность к трансформации и манипулирование.

Глава 6

Секунды растягиваются, но мой пульс, напротив, учащается. Я не могу поверить в то, что вижу. Или же, могу предположить, что нахожусь в какой-то никем ранее неопределённой степени приятного шока.

- Не на такую реакцию я вообще-то рассчитывал, – протяжный голос Алека заставляет извилины в голове зашевелиться, помогая отойти от странного сна наяву, в который я впала.

Ноги ощущаются словно пружины, но это не мешает мне повернуться лицом к Алеку за считанные миллисекунды, обрушивая на него по-прежнему немигающий взгляд. И так длится с несколько секунд – я просто смотрю на Алека, придумывая, реально придумывая, новые, никем ещё не произнесённые слова, чтобы описать в каком восторге нахожусь. Но самому Алеку явно не нравится моё зависшее состояние. Лёгкое смятение искажает черты его лица.

- Между прочим, это тот самый момент, когда ты визжишь от счастья и целуешь...

И я целую Алека. Так, как он точно не ожидал, потому что он едва-едва успевает поймать равновесие, чтобы мы оба остались в пределах кабинки, а не в состоянии свободного падения, когда я на него набрасываюсь. Он смеётся прямо в мои губы, обхватывая мою спину руками.

- Это уже более-менее похоже на то, что я рассчитывал, – Алек отстраняется, чтобы посмотреть на меня, и вполголоса шепчет. – Во всяком случае, я определённо рад, что ты победила кому.

Услышав, насколько я нелепа, качаю головой и пропускаю смешок.

- Это... – я так и качаю в неверии головой, оборачиваясь на то, что своим видом отправило меня в довольно серьёзный нокаут. – Это просто... – и снова я не нахожу тех самых слов, чтобы выразить восхищение. – Алек...

Мои глаза вновь обращены на его лицо, и я вижу, как по губам Алека скользит гордая улыбка. Ни капли не относящаяся к надменности или тому, что несёт в себе признак его высоченной самооценки. Проще простой. Завораживая меня. Пленяя. Вытворяющая со мной невероятные вещи. Я влюбляюсь в неё. В него. Снова и снова.

- Я люблю тебя, – наконец-то складываются мои мысли во что-то действительно правильное.

Улыбка Алека перевоплощается в слабую тень, оставаясь на одном уголке его рта. Он склоняется ко мне ближе, прикрывает глаза, и его губы проходятся по моей скуле.

- Я влюблен как безумец, но не как глупец*. Если ты чего-то пожелаешь, добиться этого

станет всем моим смыслом, – шепчет он возле моего уха, и в тот же момент я разлетаюсь на миллиарды осколков.

Дрожь появляется из ниоткуда, накрывая меня волной, словно смертоносное цунами. И мне отчего-то хочется съёжиться в руках Алека, чтобы он находился со всех сторон от меня. Чтобы он был всем, что меня окружает.

Веки закрываются, и я прижимаюсь лбом к его подбородку.

– Цитируешь французов?

– Ну, они, вроде как, знали толк в любви, – Алек опускает подбородок, отыскивая губами мой рот. – По крайней мере, в поцелуях – точно.

И он мгновенно находит. Снова и снова целует меня, невероятно чувственными поцелуями, так, что вместо тела на этот раз изнывает душа, желая получить их всё больше и больше. Когда мы, наконец, отрываемся друг от друга, Колесо, как раз, начинает новое восхождение вверх. И теперь, утолившая всё восхищение в Алеке, могу без замирания в сердце смотреть на то, что он для меня приготовил.

Множество маленьких электронных свечек растравлены во всех доступных местах, превращая свет уходящего дня в золотой. В центре сооружено что-то наподобие столика, на котором находится корзинка для пикника с двумя бутылками вина и фруктами. И конечно же любимые конфеты, в прошлом только Алека, а теперь и мои.

Прикусываю нижнюю губу, делая шаг вперёд, и поправляю плюшевое покрывало, прежде чем сесть на него. Возможно, раньше меня завораживало лишь от вида, открывающегося с высоты Колеса, но сейчас я целиком и полностью заморожена одним Алеком. Не могу оторвать от него взгляд, когда он садится рядом, открывает бутылку вина, а затем подаёт мне один из бокалов.

Боги, я не просто в него влюблена, кажется, он становится моим воздухом.

Усаживаюсь поудобнее, прижимаясь спиной к боку Алека, и закидываю ноги на железную перекладину, оставляя ступни за пределами кабинки. Голову кладу на его плечо и несколько минут просто разглядываю природу.

Тихо и спокойно, как если бы мы действительно наконец-то сбежали от всего мира.

– Это правильно? – спрашиваю я. – В смысле, сейчас пить вино, терять бдительность, когда всё так сложно?

– Один или два бокала вина вообще никак на нас не отразятся, – отвечает он. – К тому же, чтобы нам напиться, потребуется, как минимум, ящик вина.

Я кривлю губами в сомнении, вспоминая, что мне требуется не так много.

– Поверь, всего несколько глотков, и я начну липнуть к тебе, как пьяная школьница, и нести всякий несуразный бред, бесконечно признаваясь тебе в своих чувствах, – утверждаю я, потому что точно уже это проверяла.

Смех Алека звучит легко и задорно.

– Ну, я против точно не буду, – по его тону голоса действительно можно понять, что мои предостережения для него как весьма заманчивое предложение.

Усмехаясь, посылаю ему взглядом «сам напросился» и делаю небольшой глоток, возвращаясь взглядом обратно к открывающемуся виду, как Алек снова решает нарушить тишину.

– У Марко есть теория на счёт тебя, принцесса, – сообщает он, делая небольшие паузы между слов, будто не уверен, стоит ли вообще говорить. – Почему, например, ты можешь опьянеть с бокала. Проще говоря, что ты более восприимчива, чем должна быть.

Не хочу обсуждать то, что не касается «здесь и сейчас», потому деликатно умалчиваю, делая вид, что кроме шума аттракциона и пения птиц, ничего не было. Но Алек не

отступает.

- И я думаю, что он может быть прав, - продолжает он пробовать развить тему.

Не-а, всё равно не выйдет. С удовольствием выслушаю теорию, но только завтра. Чтобы не позволить заговорить Алеку вновь, я, вытянув руку с бокалом, оставляю его возле корзины, а вместо него прихватываю коробку конфет. И самую первую, даже не повернувшись, отправляю напрямик ему в рот, и Алек, слава Богам, наконец, понимает намёк заткнуться.

Мы так и сидим, практически не двигаясь. Я поочередно подкармливаю нас конфетами и рассказываю Алеку одну из сумасшедших историй, случившуюся здесь. Это произошло почти год назад, когда мы с Лесей поспорили на концовку фильма. Я читала книгу, потому была уверена в правоте на все двести процентов, но только вот сценаристы фильма решили по-другому, уничтожив мою уверенность. Итог был таков: я проспорила и должна была выполнить любое её желание. А Леся искусный мастер придумывать желания, и за многочисленные годы нашей дружбы, я смогла в этом убедиться. После кинотеатра мы отправились в Парк, была суббота, и соответственно в этот день его заполняли новоиспеченные молодожены.

И это стало моей погубелью - Леся загадала желание, чтобы я подошла и просто застала любого понравившегося мне свидетеля врасплох поцелуем. Честно, я пробовала перешагнуть через себя и выполнить её желание. Несколько раз даже почти подходила к парням, но разворачивалась и уходила. Спустя пять таких провалов, Леся, закатив глаза, со словами: «Смотри и учись, слабачка!» подошла к первому же попавшемуся парню с белой лентой «свидетель» и, не раздумывая, поцеловала его.

Думаю, ей тогда повезло, что у этого парня не было по близости его девушки. Да и парень ей попался не из стеснительных. Более того, не успела Леся отойти от него и на пару шагов, как он догнал её и со словами: «Теперь моя очередь, красавица», поцеловал в ответ. Никогда не забуду шокированного лица подруги, но это подняло наше настроение на весь день: так много и до коллик в животе я не смеялась никогда.

Алек находит эту историю забавной и, подтрунивая надо мной, соглашается с Лесей, называя «слабачкой». Я совершенно не злюсь, напротив, присоединяюсь к ним - подобные бесшабашные подвиги мне не по силам. И, кажется, его так захватывает созданная моей историей атмосфера, что Алек тоже рассказывает, как проходила его жизнь, когда Марко с Никлой находились с ними. Хоть Марко и старше его на три года, это никогда не мешало им дружить, а заодно соперничать друг с другом. Только в качестве споров у них выступали состязания: кто сильнее; кто быстрее; у кого лучшая меткость. Проигравший выполнял желание победившего. И несколько из них мне показались сумасшедшими.

Например, Марко должен был пробежать по лесу на каблуках. А единственную обувь, которую они сочли подходящей - открытые босоножки Несс. После им пришлось босоножки похоронить в лесу, чтобы Несс никогда не смогла об этом узнать, так как обувь лишилась каблуков. Но она всё равно узнала, и в качестве расплаты и извинений им пришлось обоим бегать на каблуках наперегонки.

Когда я начинаю докапываться до Алека, чтобы он рассказал, какие приходилось ему выполнять желания, он наотрез отказывается, говоря, что вряд ли я когда-нибудь узнаю об этом, если только не найду способ разговорить Марко.

О, я уверена, что найду. Всё ещё существует замечательный способ продать душу дьяволу, ну или Марко, думаю, они даже чем-то похожи.

В действительности же, у меня уже болит живот и сводит скулы спазмами, улыбка намертво припечаталась к лицу. Не помню, чтобы за последний месяц столько смеялась, да и, кажется, что и поводов для веселья не было. Даже тогда, когда мы сидим в тишине и молчим, я продолжаю по-глупому улыбаться. Я не замечаю, как проходят два часа. Знаю только то, что сейчас мы поднимаемся вверх шестой раз. Смотрю вдаль, в пустоту, размышляя о том, что так же давно не ощущала себя настолько свободной. Внезапно мне хочется испытать больше этого ощущения свободы, прочувствовав его всем естеством.

Никогда бы не решилась на такое раньше, но сейчас мной будто бы управляют высшие

силы. Медленно встаю, освобождаясь из объятий Алека. Я не вижу его лица, но уверена, что он уже успевает нахмуриться. Бесспорно, я веду себя странно, но мне так необходимо совершить что-то безумное. Что-то, что желает внутреннее я – новое, имеющее неоспоримые привилегии.

Опустив голову вниз, оцениваю высоту: ещё не максимальная, но скоро будет.

– Как думаешь, – спрашиваю я, разглядывая небольшой выступ, похожий на порог. – Если я упаду с такой высоты, то выживу?

Мне не требуется ответ, я ступаю на порог, прежде чем думаю об этом. Мгновение, и мою талию обвивают руки Алека.

– Ты не упадёшь, принцесса, – с лёгкой примесью иронии отзывается Алек, крепче сжимая руки. – Никогда не допущу этого, – теперь он плотнее прижимается телом ко мне, и слышится короткий смешок. – Но куда же подевалось предположение о «сворачивании шеи»?

Какое-то время не спешу отвечать, просто молчу, наслаждаясь испытываемыми ощущениями безграничного пространства со всех сторон. Я стою чуть выше, чем пол кабины. Можно сказать, я стала выше роста Алека всего-то на несколько сантиметров, однако мне этого хватает, чтобы посмотреть на всё по-другому. С новой точки обзора, воспользовавшись способностями. Подаюсь слегка вперёд, и мои колени упираются в железный барьер. Ветер приятно обдувает меня, поднимая в воздух пряди моих волос. Создаётся впечатление беспрепятственного полёта, и всё вокруг видится чётче, краше и ярче, словно я, наконец, достигла какой-то гармонии с самой собой.

Когда я готова заговорить, перевожу дыхание и слегка поворачиваю голову в сторону Алека, но сам он смотрит куда-то в пустоту.

– На мне жучок? Или это Марко болтушка?

Алек усмехается и косо поднимает взгляд на моё лицо.

– Марко сказал мне об этом, только для того, чтобы высказать предположение, – говорит Алек, возвращая взор перед собой. И на этот раз, я знаю, что он не станет отступать от темы. – Он считает, что ты отказываешься принимать свои способности. Возможно, просто не уверена в них, из-за чего не веришь в себя.

Хмурюсь. Не то чтобы мнение Марко совсем не интересует, просто я не слышала ранее подобного от Алека. Он должен был первым это заметить. Или же замечал? Сколько раз он говорил, чтобы я доверилась своим инстинктам?

– Ты тоже так считаешь? – вопрос звучит, скорее, как утверждение, но я всё равно хочу услышать его мнение.

Ощущаю спиной, как он пожимает в размышлении плечами.

– Мне кажется, ты просто не привыкла их использовать. Даже возвращаясь к теории, что машина может перевернуться. Наше преимущество – это рефлексы, способность молниеносно принять решение. Поэтому, когда машина будет переворачиваться, ты точно успеешь среагировать, поняв, как лучше поступить и избежать травм. А ты, принцесса, по-прежнему думаешь, что являешься уязвимым человеком. И я не знаю, должно ли быть так. Ранее я никогда не обращал внимания на то, как другие, не знавшие о том, кем являются, справлялись с этим. А Марко видел, поэтому я, скорее, полагаюсь в этом вопросе на его опыт.

Мои губы сжимаются в тонкую нить. Несколько секунд обдумываю, продолжать разговор или нет, но вскоре прихожу к тому, что все его утверждение верны. По правде, я всё ещё не свыклась со своими способностями. Или же не привыкла рассчитывать на них. Такое ощущение, что на данном этапе происходит только знакомство моего разума с новым телом.

Потому единственное, что я говорю:

– Марко прав.

Мне есть над чем всерьёз задуматься, но я этого не делаю. Позже у меня будет достаточно времени. А сейчас я снова концентрируюсь на том, что вот-вот может закончиться. Устремляю взгляд к небу, замечая только начавшийся переход к ночи, и теснее прижимаюсь к груди Алека, досадно вздыхая.

- Нам пора возвращаться в реальность? – едва слышно спрашиваю я, потому что совсем-совсем не хочу, чтобы он услышал мой вопрос и согласился.

- Мы можем оставаться здесь столько, сколько ты этого пожелаешь, принцесса.

«Вечно», – вот, что я по-настоящему хотела бы ответить, но вместо этого говорю другое.

- Темнеет.

Алек усмехается.

- Боишься, что сможешь потерять меня в темноте? – в голосе Алека звучит такая лёгкость, что в уголках моих губ появляется улыбка, в независимости от того, что настроение стремительно падает вниз. – Здесь много свечек, и я надеюсь, их запаса энергии хватит на всё оставшееся время.

Мне нравится такой ответ, но мы должны быть реалистами.

- Я думала, что это небезопасно сейчас. Тем более, ты сам поставил рамки свидания: день и многолюдно. К сожалению, не того и не другого уже не остаётся.

Где-то с полминуты Алек молчит, а его плечи слегка напрягаются. И сначала я не понимаю, почему он так реагирует, но когда он заговаривает, осознаю, что неосознанно подвела его к краю.

- Я бы вообще не рискнул на такое, если бы не был убеждён, что за нами будут хорошо присматривать, – даёт ответ Алек голосом, приобретшим скованность.

Я не уверена, как должна отозваться. Скорее всего, он ожидает удивления, но его нет. Марко уже рассказал мне об этом. Но я так же не знаю, стоит ли мне сказать правду и подвести тем самым к разговору, к которому, возможно, никто из нас не готов.

Когда я принимаю решение, мне требуется собрать воедино всю свою смелость.

- Для чего именно София это делает? – голос предательски подрагивает, как будто я пытаюсь пробраться на запретную территорию. – Чего она добивается от тебя?

Молчание. Едкое молчание, разъедающее собой слух, следует за моим вопросом некоторое время. И теперь меня наполняет страх, что если Алек сейчас не ответит, то он никогда не откроется передо мной. Но когда он, наконец, оживает, с души падает многотонный груз.

- София хочет доказать мне, что ты, несмотря ни на что, останешься в безопасности, – он на секунду замолкает и шумно сглатывает, его голос еле различимый. – Хочет доказать, что прошлого не повторится. – Затем Алек странно усмехается и уже жёстче добавляет: – Ты права, Марко не умеет держать язык за зубами.

- Он рассказал мне только про охотников. Не более, – пытаюсь я замести следы своей вины перед Марко. Я должна была молчать, и сейчас должна оставлять всё при себе, но слова стремительно рвутся наружу. – Остальное я додумала сама, тем более, вы уже говорили об этом при мне. Не сложно было догадаться.

На мгновение я останавливаюсь и сглатываю, снова набираюсь решимости, но разум так и шепчет «осторожно».

- При чём здесь моя безопасность? – на этот раз мой голос звучит настойчивей, словно показывая Алеку, что не отступлю.

Я не смотрю на него, старательно удерживая взгляд на одной из многочисленных макушек деревьев. Но мне и не нужно видеть его лица, чтобы понять, какие происходят с ним изменения. Я ощущаю их телом, Алек словно обороняется, надевая защиту,

покрытую колючими шипами. Его руки – стальной обруч на моей талии. Кажется, сдвинься они хотя бы на сантиметр, мне сразу станет нечем дышать. Но я ни на секунду не жалею, что нарушила дозволенные границы. Я верю, что смогу пробить его оборону до конца.

И это, наконец, происходит.

– По всем нашим правилам, я должен занять место своего отца, принцесса, – говорит Алек, на удивление, обычным тоном голоса, совершенно не напряжённым. – И София думает, что на мой отказ влияют наши с тобой отношения.

Моё сердце спотыкается, и я не могу противиться желанию посмотреть на Алека. Наши взгляды встречаются.

– Это правда?

Он моргает.

– Что? Нет... – затем молчит секунду. – Не совсем.

Я обречённо вдыхаю, открывая рот, но он меня опережает.

– Дело не совсем в тебе, принцесса. Я отказывался ещё до того, как увидел тебя впервые. Сейчас же, напротив, София знает, куда надавить. И я даже уже задумывался о том, чтобы согласиться. Но потом я вспомнил, чем обернулось это моему отцу, потому что ему, как и всем, пришлось сделать выбор.

Боль не только звучит в его голосе, она наполняет глаза, забирает их теплоту, оставляя лишь темноту похожую на чёрную, мёртвую воду ночью. И в этот момент я так много понимаю, что внезапно ощущаю тошноту. Так много разных частей, сказанных ранее по отдельности, пронесаясь в мыслях, складываясь воедино. То, что рассказывала Несс про его родителей, про неприязнь Алека к чистокровным. Потому что его отец выбрал их.

– Но то, что доказывает София – абсурдно. Я уверен, что ты никогда из-за моего выбора не пострадешь, потому что я всегда буду выбирать тебя, принцесса, – продолжает он, и я ничего не могу поделать с собой, что от этих слов мне хочется одновременно и сбегать, и вобрать их в своё сердце. – Хотя даже сейчас, произнося это, я чувствую вину перед всеми, кто может пострадать из-за моего выбора.

Поражённая его признанием, я могу лишь осилить:

– Алек...

Он резко обнимает меня крепче, кладя подбородок на моё плечо, и вновь смотрит перед собой.

– Не надо, – останавливает он меня. – Этого Марко и желал добиться, рассказывая про Софию, чтобы ты захотела меня переубедить. Поэтому я молчал раньше. Я знал, как тыотреагируешь. Но ещё раз повторюсь, я никогда не хотел занять место отца.

Не совсем успокаивает, но я почему-то не в состоянии спорить с Алеком, боясь разрушить его доверие и открытость.

– Зачем Марко это нужно? – почти шёпотом спрашиваю я, не понимая его намерений и заодно уводя разговор в сторону.

– Потому что мы так воспитаны. Все. Я, Марко, Никола. Каждый, кто должен стать в будущем лидером. Нас готовят к этому с рождения, и ему невдомёк, почему я внезапно перестал хотеть этого. И иногда, мне самому кажется, что не имею права отказываться от своего предназначения.

Необъяснимое беспокойство бьётся в груди, когда раздумываю над его словами, но затем, не выдержав, разворачиваюсь в его руках, к нему лицом.

– Но что, если тебе всё же придётся по какой-то причине принять своё предназначение?

Алек поднимает руку, убирая пряди моих волос за ухо в успокаивающем жесте, и выдаёт

ухмылку, которая должна выглядеть высокомерно и дерзко, но она ненастоящая.

- Существует всего одна причина, которая может повлиять на моё решение - это твоя безопасность.

Я резко вдыхаю прохладный воздух и отстраняюсь от пальцев Алека, словно он сказал сейчас что-то ужасное, качая головой, будто отбрасывая его слова от себя.

Так не должно быть. Только не из-за меня.

Алек крепко стискивает руки, удерживая меня от попытки отойти.

- Даже не вздумай перечить мне сейчас, - требует он слишком настойчиво.

- Но...

- Нет, принцесса. Я не зря молчал всё это время, успев многое обдумать. Если настанет такая необходимость, я ей воспользуюсь, ни секунды не сомневаясь.

Мне больно только от того, что произношу это вслух:

- Даже если ты никогда не хотел занимать это место? - в моём голосе осуждение, он должен понимать, какую возлагает на меня ответственность.

Но выражение лица Алека чересчур мягкое для такой ситуации.

- Поверь, в тот момент, я захочу этого, - говорит он таким же небрежным тоном, как и его вид.

На какое-то мгновение мне хочется отвесить Алеку подзатыльник, чтобы он пришёл в себя и понял, что несёт. Но по мере того, как идёт время, а он так и остаётся непоколебим, глядя в мои глаза с чертовски нерушимым настроем, что-то внутри меня начинает ломаться. Я зажмуриваюсь, вновь и вновь качая головой, и пробую опустить её вниз. Но Алек не позволяет мне этого сделать, поднимая её за подбородок назад, и принуждает смотреть на него.

- Послушай, ты спросила - и я ответил тебе честно. И не говори мне, что ты не хотела этого. Но ты так же должна понимать, что всё это - только планы. Мы не знаем, что будет дальше и как далеко зайдёт Орден. И тогда не только у одного меня не будет выбора, его не будет у всех. - Две секунды Алек молчит, сглатывает, затем наклоняет голову и улыбается. - К тому же, этот план не самый приоритетный. Существует ещё один - более приятный.

Я не сразу поддаюсь его словам, но заманчивость в улыбке на его губах настолько выразительна, что со временем не могу ей противостоять.

- И что же это за план? - спрашиваю я, принуждая себя уступить.

Алек проходит пальцами по моему лицу, следуя взглядом за своим движением.

- Выкрасть тебя и увезти на необитаемый остров. - Он приподнимает бровь, возвращая взгляд обратно к моим глазам. - Как тебе такое предложение?

Предательство, но моё сердце склонно к нему, когда дело касается Алека, оно оттаивает и горит. Я полностью подчиняюсь его предательству, дрожа от кротких прикосновений.

- Думаю, меня не надо будет красть, - тихо шепчу трепещущим голосом. - Я сама сдамся в заложницы.

Алек улыбается моему ответу и притягивает резким движением теснее к себе - намёк на большее, чем простые объятия. Но никто из нас не смеет сделать первый шаг к этому.

Мы смотрим друг на друга целую вечность, разделяя одно дыхание на двоих. Мой взгляд опускается на привлекательные контуры его губ и снова возвращается к карим глазам, в которых теперь буйствует целая буря эмоций.

Не знаю, кто сдаётся из нас первый - внезапно наши губы встречаются. Мои пальцы

зарываются в его волосы, а руки Алека начинают блуждать по моему телу. Какая-то неистовая жажда поглощает нас, словно мы не могли добраться друг до друга долгие-долгие месяцы. Или даже, может быть, годы. Она поработает нас, подчинят, заставляя испытывать нескончаемый голод. Мы пытаемся что-то заполнить, залечить или просто забыться друг в друге.

Я хотела получить от него правды. Так сильно хотела его понимать, но сейчас мне от этого тяжело. Я знаю, что Алек испытывает то же самое. Чувствую. Сладость и горечь нашего поцелуя обжигает нутро, но мне это нужно – нам это нужно. Неважно, сколько раз я умираю от него, рассыпаясь на части, важно то, что каждый раз он возвращает меня к жизни обратно.

Здесь и сейчас – что-то случилось. Что-то намного большее, чем было до этого между нами. И что бы ни произошло дальше, я это сберегу и сохраню навсегда.

Я не помню, как мы оказались в поместье. Помню, как было сложно принять факт, что пора возвращаться, однако обратная дорога, протекающая в ничуть не меньшем восторге, полностью всё компенсировала. Помню, как мы прогуливались, смеялись и много-много целовались. Разговаривали, сидя в машине уже возле поместья, и снова много-много целовались, что наступил пробел – в секунды, минуты, возможно, часы...

И когда Алек впервые отстраняется, я чувствую себя опьянённой и взволнованной, испытывая ненасытную нужду, которая никогда не будет удовлетворена полностью. Я не желаю его отпустить или это мои руки и ноги не желают того, чтобы он смог отойти хотя бы на сантиметр от моего тела. Но Алек не уступает моему желанию, опуская меня обратно на ноги. Однако сам он не отходит, по-прежнему прижимая меня своим телом к двери в его комнату.

Он тяжело сглатывает, глядя на меня затуманенным взглядом.

– Я думаю, что мне нужно ночевать сегодня в другой комнате, принцесса, – говорит он, всё ещё восстанавливая учащённое дыхание.

– Но это твоя комната, Алек, – протестую я, хотя какую именно позицию отстаиваю, вряд ли сейчас понимаю.

Я просто не могу его отпустить. Не сегодня и уж точно не в эту минуту.

– Тебе я точно не позволю спать в посторонней комнате, – настаивает он.

Но я говорила не про это.

Я не знаю, что делаю. Правда. Да и я чересчур искушена близостью его губ, чтобы хотя бы попробовать прийти в себя и задуматься.

Мои ногти скользят по его коже на затылке, словно на что-то уговаривая.

– Останься со мной, – прошу я, слишком желая, чтобы он уступил мне. – Пожалуйста, – мой голос звучит как-то неестественно, переполненный мелодичностью и сладостью, ласкающими слух. И я ему удивляюсь, но всего на секунду, так как меня волнует совсем другое. – Мы справимся. Я уверена, что сможем остановиться, – вновь уговариваю его, и тогда в глазах Алека что-то появляется, словно их заволакивает стеклянной пеленой.

И на этом всё – контроль Алека катиться в пропасть.

Раздаётся щелчок ручки. Внезапно, поддаваясь некому порыву, Алек прикивает своими губами к моим, проскальзывая вместе со мной в пределы комнаты. Он закрывает дверь на замок и, развернув, снова прижимает меня к ней. Его руки опускаются вдоль моего тела: с силой, – необузданной и неуправляемой, – сжимают мои рёбра, талию, бедра. Я ломаюсь в его руках – нежно и приятно, мучительно сладко.

Его губы опускаются на шею, туда, где бешено пульсирует сонная артерия, обжигая кожу, скользят ещё ниже, когда пальцы в тоже время отодвигают джемпер, освобождая путь для губ. Коленки слабеют, ноги становятся жидкими, и я совсем перестаю ощущать пол. Я ощущаю только Алека, в каждом месте, где он соприкасается со мной. И, кажется, их так много, потому что он ощущается буквально везде: на моей коже, под

ней, в сердце.

И, О, Боги, я хочу ещё больше.

Какое-то совсем короткое время, я ещё не решаюсь сделать желаемое. Кажется, что есть что-то во всём этом неправильное. Потому что Алек... ну, он ведёт себя странно. Его прикосновения необычные, они смелые и уверенные, такие, словно он знает, что я от них таю, словно он хочет, чтобы я сошла с ума и потеряла от них голову. И это совсем на него не похоже. На моего Алека, который всегда чересчур осторожен. И мне действительно, стоит хотя бы на секунду остановиться и проанализировать это, но я заложница собственного тела, и анализировать – это последнее, что хочу сейчас делать.

Я хочу касаться Алека. По-настоящему его, а не того, что скрывает его тело и кожу. И я делаю это, как раз тогда, когда его рот снова находит мой, а поцелуй становится чем-то похожим на вечность. Сначала медленно поднимаюсь ладонями вверх по его груди и забираюсь ими под френч по направлению к плечам, слегка опуская его. Но, когда осознаю, что Алек меня не останавливает, во мне возгорается небывалая уверенность, что всё сейчас правильно. Я стаскиваю его, даже не задумываясь, куда он падает. Мне нестерпимо хочется добраться до того, о чём все мои мысли – его кожи. Я хочу чувствовать только её. Проскальзываю ладонями под свитер, мгновенно ощущая твёрдость его мышц на животе, и клянусь, в этот момент внутри меня что-то взрывается, жаром набрасываясь на всё тело. Под моими прикосновениями Алек весь напрягается, издавая беспомощный гортанный звук прямо в мои губы и прижимая меня ещё сильнее к двери.

И теперь всё, что мной движет – Алеку нравится это. Моя уверенность заходит всё дальше. Отрываясь от него совсем ненадолго, стягиваю с Алека свитер через голову и отбрасываю его в сторону. На секунду я замираю, переставая дышать, когда вижу, как танец лунного света, трепещущий от ветвей деревьев, отражается на блеске кожи его плеч.

Не могу вздохнуть.

Не могу унять волнения.

Не могу перестать смотреть...

Но всего на секунду, Алек снова передо мной – красивый и такой сильный. Он обхватывает моё лицо ладонями и снова целует с нарастающим давлением, пока я не привстаю на цыпочки, отдаваясь поцелую всецело.

Алек увлекает меня за собой, двигаясь спиной к кровати, и когда он садится, просто и без колебаний усаживая меня на себя, весь контроль полностью переходит к нему. Его руки не сомневаются, Алек так быстро и умело избавляет меня от джемпера, что я даже не замечаю этого момента, когда мы прерываемся от поцелуев. Я понимаю это лишь тогда, когда жар его кожи обжигает мою. Обнимаю Алека за шею и жмусь к его груди теснее, желая вобрать в себя ощущение обнажённой кожи. Запомнить. Чтобы оно навеки оставалось со мной.

А затем я буквально не могу сконцентрироваться ни на чём, когда Алек покрывает мою шею горячими, влажными поцелуями, спускаясь до ключицы. Сердце как будто затихает, с замиранием ожидая каждого последующего прикосновения его губ, когда пульс в тот же момент нарастает, отдаваясь во всём теле.

Я не могу сконцентрироваться, не могу, не могу...

Всё, что есть – Алек.

Его руки, его губы, язык и поцелуй, который превращается в одно неразличимое мгновение.

В какой-то момент мы падаем на кровать, в одну секунду я нахожусь сверху, в следующую Алек перекачивает меня под себя, мы настолько близки, что его тело полностью сливается с моим. Идеально. Совершенно. Каждым миллиметром к миллиметру.

Моё дыхание смешивается с его, я понимаю, что следующий шаг будет последним. И в этот момент не могу устоять желанию посмотреть на Алека. Его лоб прижимается к моему, губы в сантиметре от поцелуя. Открывая глаза, он начинает что-то шептать, приближаясь губами к моим, как внезапно его взгляд меняется, словно с него сходит туман.

Алек приподнимается выше и несколько раз моргает. Тело наполняет гудящим волнением, когда я буквально вижу, как всё меняется в Алеке за одну крошечную секунду. Его глаза пропитываются ясностью – острой и пронизательной. Он всё понимает. Жестокий, яростный взгляд впивается в моё лицо, затем глаза, словно он что-то усиленно ищет.

И он находит.

Алек смотрит на меня так, будто я для него абсолютно незнакомая девушка, которую он вот-вот готовится возненавидеть. Я не успеваю вдохнуть или что-либо сказать, как Алек молниеносно встаёт и, забирая свои вещи, стремглав вылетает из комнаты, с грохотом захлопывая за собой дверь.

---

* Ссылка на афоризму из «Максимы и моральные размышления». Франсуа де Ларошфуко, 1665 г. «Человек истинно достойный может быть влюблен как безумец, но не как глупец».

Глава 7

Настойчивый стук в дверь заставляет меня вздрогнуть и моментально проснуться. Этого звука я ждала всю ночь. Как я могла уснуть?

Резко сажусь, но глаза открываются не сразу, из-за чего тело снова встречается с кроватью. Утреннее солнце заливает комнату золотистым светом, и мне приходится потереть слипшиеся глаза, чтобы побороть в них жжение. Отсутствие ночного сна явно не играет в мою пользу, но я упрямо заставляю себя открыть глаза и встать на ноги. Тороплюсь к двери, рассчитывая увидеть за ней Алека. Я не спала, ждала его всю ночь, так надеялась, что он вернётся. Волнение просто стучит в каждой клетке тела, когда открываю дверь и...

Внутри меня всё обрывается.

За дверью не Алек. Прямо на меня рассержено смотрят глаза Марко. Сглатываю быстро образующийся в горле комок, стараясь снова не разреветься. Тем более, я не могу этого сделать при Марко. Он хмуро оглядывает меня с головы до ног, слегка поморщившись. Что же, я даже обижаться не имею право, взгляд Марко вполне оправдан. Уверена, что выгляжу сейчас чересчур дерьмово.

– Дерьмо, – произносит Марко, подтверждая догадки. – Чик-чик, какого чёрта ты ещё не готова? – ворчит он, и я понимаю, что он не обозвал меня, а просто выругался в мой адрес.

Потому что ровно в девять утра, я должна была ждать его внизу. Но я напрочь забыла об этом.

– Который час? – спрашиваю я, но не похоже на то, что мне хотя бы толику стыдно перед ним.

Мне кажется, я вообще сейчас не способна чувствовать что-либо. Кроме одного, и это точно не относится к Марко.

– Начало десятого, – продолжает он придерживаться ворчливого тона, но теперь его глаза приобретают лёгкое беспокойство. – А судя по твоему внешнему виду, собираться тебе не менее часа.

Отворачиваюсь, избегая его пытающегося понять меня взгляда, и осматриваю комнату в поиске часов. Но потом останавливаю себя. Я не хочу никуда собираться. Единственное, что хочу – найти тёмное место для глаз и надеяться, что оно лишит меня головной боли.

Возвращаю взгляд к Марко, запустив пальцы в волосы.

– Может сегодня пропустим тренировку? – спрашиваю я осевшим голосом и мгновенно морщусь, услышав его.

Я убеждена, что старалась напустить на него жалости, а не ужасный звук, будто за ночь успела превратиться в заядлого курильщика.

– Даже не думай, что похмельный синдром поможет тебе отвертеться от тренировки, – невозмутимо пресекает он мою попытку.

– У меня нет похмелья! – громко возмущаюсь я, и меня должно быть слышат все, находящиеся на втором этаже.

– Да, ну? – вскинув бровями, язвительно бросает Марко.

Перебарываю огромное желание показать ему средний палец и захлопнуть перед ним дверь. Не могу этого сделать, тренировки нужны мне, а не Марко. Поэтому просто надеюсь, что взгляда достаточно, чтобы он забыл, что моё состояние связано с похмельем. Однако тут же меняю мнение. Похмелье – это намного лучше, чем правда.

Пока пребываю в зависшем молчании, обдумывая варианты, Марко расценивает это как согласие. Он указывает на меня пальцем.

– Ровно в десять жду тебя внизу. Не явишься, клянусь Богом, вытащу тебя за ноги на улицу, – угрожает жутко грозным тоном голоса, что я ошеломляюсь, шумно теряя воздух из лёгких.

Он более не задерживается и, быстро разворачиваясь, намеревается уйти. Отказа, похоже, не принимается. Хотя и желания отказать теперь у меня почему-то совсем не возникает. Марко уже на полпути к лестнице, когда я, наконец, выхожу из ступора, и внезапно меня осеняет.

– Марко! – окликаю его, выступая одной ногой за пределы порога.

Он останавливается и оборачивается через плечо, вздёргивая подбородком. Внутри меня что-то трясётся, когда я осмеливаюсь его спросить:

– Алек вернулся?

Надежда звучит в каждом звуке моего голоса, и меня не радует он, когда его слышу. Но я отчаялась окончательно, и нет уже смысла пробовать отрицать, что смогу побороть это в себе.

– Нет, чик-чик. Алека в поместье нет, – говорит он с таким явственным сожалением, словно знает, что разбивает этим мне сердце.

Но что-то не так. Какой бы ни была ноющей боль в груди, разум продолжает бороться. Я делала то, чего хотела по-настоящему, и не могу себя больше за это наказывать. Скрываюсь в комнате раньше, чем Марко продолжает идти. Невыносимо ощущать на себе вину, которую лишь несправедливо навязали тебе. Это было слишком прекрасно, чтобы ненавидеть себя за желание. Мои мысли ужасны, а отсутствие Алека подтверждает их ненормальность. Возможно, мне стыдно за то, что я чересчур легко поддаюсь искушению, когда Алек смог перебороть его. Но разочарование от того, что он смог это сделать, сильнее.

Зажмуриваю глаза и откидываю голову назад, упираясь ей в дверь. Мне стоит перестать думать. На это я уже потратила целую ночь, и ничего дельного из этого так и не вышло.

Ещё секунда, и я открываю глаза и плетусь в ванную, перебарывая нужду посмотреть в окно, в поисках Доджа. Алек уехал. Куда – неизвестно, но отчего-то я больше не хочу

этого выяснять. Слишком много потрачено времени на домыслы, но оно всё равно меня не утешило. Стало хуже. А мне требуется привести себя в порядок. К тому же, для Марко ничего не стоит выполнить обещание, а у меня нет ни малейшего желания испытывать его терпение.

На пятнадцатом разе я сбилась в своих подсчётах попробовать оживить себя с помощью умывания ледяной воды. Точно знаю, что после этого я совершила ещё несколько попыток, пока не оставила этот безнадёжный способ и смирилась с тем, что сегодня мне уже ничего не поможет. Даже головная боль не отступила, а дурацкое солнце, светящее в глаза, лишь устрашает адскую пульсацию в висках.

Почему у этой штуки нет выключателя?

- Н-да, - раздаётся сбоку протяжный голос Марко, и я убираю ладонь от глаз, получая новую вспышку молнии в голове. Он смотрит на меня со смесью недовольства и, вроде как, жалости. - Тяжелый, похоже, предстоит для тебя день, чик-чик.

Хочется отметить, что он уже достиг всех высот по отношению «тяжелый», но вместо этого решаю, что не помешает прояснить некоторые моменты.

- Что дальше? - спрашиваю я абсолютно бесцветным тоном голоса, в котором энтузиазма ровно минус девяносто.

Десять всё же отдаю любопытству. Мне на самом деле интересно, чем это таким особенным методы Марко могут отличаться от методов Алека.

- Мне нужно проверить предел твоих возможностей, - сообщает он, затаив в выражении лица что-то недоброе. Это вызывает во мне ровно такие же ощущения.

- И что мне делать?

- Убегать от меня и не позволить мне себя поймать.

Секунду я обдумываю его слова, затем хмурюсь.

- Зачем мне от тебя убегать?

На губах Марко появляется какая-то уж чересчур злобная улыбка, он делает резкое движение кистями рук, и уже через одно мгновение демонстрирует мне выпущенные острые когти.

- Потому что я больно царапаюсь, чик-чик, - говорит он, усмехнувшись, и его глаза постепенно захватывает слабое свечение.

Инстинктивно пячусь назад.

- Ты, видимо, шутишь так, - произношу я крайне-крайне-крайне недоверчиво.

По правде, просто сказать, что Марко всего лишь чертовски пугает меня, будет огромным приуменьшением.

Взгляд Марко прищуривается.

- Похоже на то, что я шучу, чик-чик? - этот тон... от него мурашки ползут по коже.

Я не успеваю даже покачать головой.

- Вперёд! - оглушительно командует он.

- Твою мать... - только и успеваю произнести я, как Марко резко срывается.

И мне больше не требуются команды, чтобы моментально развернуться и рвануть подальше от этого ненормального. Что-то похожее на жгучую панику накрывает всё тело, когда ноги начинают проскальзывать. Ковер из опавших иголок невероятно скользкий из-за утреннего дождя, и мне требуется призвать всю концентрацию, чтобы устоять на ногах. И это... настоящая пытка для мозга, работающего на запасном генераторе. Или же, правильнее сказать, на сдыхающем и готовым в любую секунду

отключиться. А мне требуется думать. Думать чертовски хорошо. Марко не то слово, что совершенно не отстаёт, он буквально наступают мне на пятки.

Ну же, думай!

Перед глазами два ствола, близко стоящих друг к другу сосен, и я решаю проскочить прямо между ними, резко свернув вправо...

Именно тогда это и происходит – Марко царапает меня. Не причинив серьёзной боли, но я всё же испытываю лёгкое жжение на спине. Я чуть ли не падаю, останавливаясь и круто разворачиваясь, и оказываюсь прямо лицом к лицу с Марко. Дыхание учащённое, сердце молотом колотится в груди, но задыхаюсь я не от бега, а возмущения и злости.

– Ты поцарапал меня!

Марко отступает назад, создавая между нами расстояние.

– Я предупреждал, – пожав плечом, безмятежно парирует он.

Качнув в неверии головой, ошарашено таращусь на него, перебирая в голове запас ругательств.

– Знаешь, что?! Ты просто псих, – огрызаюсь я, решив, что это самое лучшее для Марко определение, и указываю на него пальцем: – И я больше в твоём сумасшествии не участвую.

Мгновенно намереваюсь уйти, делая шаг в сторону, но Марко перехватывает меня за локоть и отдёргивает на прежнее место, награждая сверхубийственным взглядом.

– Ты слишком много думаешь. Я знал, что ты свернёшь вправо, как только подумала об этом, твоё тело выдало тебя. – Марко гневно дышит, хладнокровно глядя в мои глаза, словно настоящий, жаждущий крови хищник. – Будь я гибридом, ты бы уже была схвачена. Меньше минуты, Лена! – повышает он голос, заставляя всё внутри меня вздрогнуть. – Ты продержалась какие-то жалкие двадцать секунд.

Он отбрасывает мою руку, и я отступаю назад, ощущая себя крайне неловко рядом с ним. Марко улавливает моё замешательство, и его грозный вид сбрасывает немного негодования.

– Это даже не смешно! – заявляет он так, словно я прыснула смехом ему в лицо, но мне, как раз наоборот, абсолютно не до веселья. Впервые я основательно осознаю важность его замечания. – Ты можешь идти прямо сейчас, если хочешь. Но тогда ты никогда не узнаешь, на что действительно можешь быть способна. Или же отключить мозг и принять то, кем являешься, – тон его голоса сбавляет обороты осуждения. – Я наблюдал за вашими с Алеком тренировками, всё пытаюсь понять, в чём именно твоя проблема. Ты всё прекрасно усваиваешь, но тебе что-то мешает. Пока не понял, что это что-то находится в твоей голове. Очевидно, что ты так и не осознаешь главного. Твоя сила – это и есть ты, чик-чик. Ты её получила не по ошибке, ты была рождена такой. Поэтому перестань думать, что ещё можешь от этого избавиться. Перестань сопротивляться самой себе и прими наконец-то всё, как уже есть.

Мои глаза округляются всё больше, в груди разрастаются чувства, словно я проглотила огромный шар для боулинга. Удивительно, всего несколько слов, и Марко задел меня за живое, отворяя то, что я и себе боялась признать.

Потому что вся истинна по-прежнему в том, что я не хочу быть той, кем являюсь. Мне не нужна эта новая жизнь. Не нужны сверхспособности – я их ненавижу больше всего на свете. Они разрушили всё, чем я когда-либо жила. Мне не нужно проклятие и не нужна сущность монстра, способная превратить любого нормального человека в ужаснейшее чудовище.

Это всё не моё – чужое.

Я не хотела этого никогда. А теперь... вина, сожаления и боль преследуют меня каждую прожитую секунду. И мне от этих чувств никуда не деться.

- Скажи, что творится в твоей голове, чик-чик, - с некой усталостью просит меня Марко открыться ему, и все мои чувства мгновенно рвутся наружу.

- Я ненавижу всё это! - выплёскиваю на эмоциях я, расставляя руки по сторонам так, словно пытаюсь обхватить масштаб всех проблем. А затем, уронив их по бокам, тихо повторяю: - Ненавижу.

Марко легонько кивает и прикрывает на секунду глаза, когда он их снова открывает, в них появляется мягкость.

- Но это - и есть настоящая ты, - также тихо заверяет он. - А ты не можешь ненавидеть себя.

- Могу, - едва слышно возражаю я, но Марко настырно качает головой.

- Это всего лишь временная злость, но ты остынешь. Всё произошло слишком быстро, а прошлые события не дали тебе даже возможности привыкнуть, - говорит он так уверенно, будто действительно может понимать меня. - Ты растеряна и даже, возможно, напугана, отчего тебе кажется, что весь мир настроился против тебя. Но если ты хотя бы раз позволила без осуждений принять себя такой, то поняла, что в этом нет ничего страшного.

Я хочу возразить, из уст Марко всё звучит слишком просто, далеко не так, как я себя ощущаю, словно на меня обрушились небеса. Но я молчу, именно в этот момент осознавая, что отчасти он прав. Всё уже случилось, и нет ни малейшего шанса повернуть время вспять. Остаётся только смириться и научиться с этим жить. А моя злость? Что же, кажется, я знаю, во что могу её перенаправить.

- Можем попробовать снова? - спрашиваю я, и по лицу Марко точно могу сказать, что он не ожидал такого вопроса.

Но его удивление длится недолго, он быстро принимает привычный вид. Дерзкий и чересчур бесшабашный.

- Без проблем, - отзывается Марко с ухмылкой, а затем решает предупредить. - Правда, очень надеюсь, что у тебя нет садомазохистских наклонностей, потому что в следующий раз я не стану тебя жалеть.

Мне слегка не по себе от последних минут, но я настроена решительно. Я улыбаюсь ему в ответ.

- Не переживай, подобные наклонности присуще только вам с Алеком.

Я даже не думаю взглянуть на его реакцию, сразу разворачиваюсь и начинаю бежать. Только на этот раз без страха, что меня подведёт собственное тело. На этот раз я отдаю полностью весь контроль в его распоряжение.

Секунду-другую Марко не двигается, по-видимому, давая возможность мне вырваться, и я этим пользуюсь. Мышцы явно отвыкли после перерыва, но я пытаюсь игнорировать слабую вялость в ногах, концентрируюсь только на словах Марко.

Твоя сила - это и есть ты.

Отдалённо, но я чувствую её. Где-то глубоко внутри, там, куда я старательно прятала её всё это время. Кроме вчерашнего дня, того необъяснимого порыва испытать адреналин, и я готова признаться сейчас, что получила от этого незабываемые ощущения.

Я бегу всё быстрее, изматывая ноги и лёгкие, зная, что они способны на большее. Надо просто перестать думать. Перестать думать, перестать...

Внезапно кожа под моей правой лопаткой накаляется, словно её обожгли горячим прутом, и я сразу же инстинктивно уклоняюсь влево, только после осознавая, что ускользнула от руки Марко. Мгновенно, даже не успев подумать об этом. И меня так будоражит последнее понимание, что в тело резко выбрасывается адреналин.

Марко сворачивает следом за мной, его близко-звучащее дыхание тревожит слух,

нервирует, затем уже раздражает. Снова покалывающее ощущение охватывает левый бок, странный предупреждающий зуд, который всё больше переходит в нетерпеливый, соответствуя приближению Марко. Я не успеваю подчиниться этому чувству вовремя – слышится звук, рвущихся ниток моей толстовки до того, как я ухожу ещё левее. Но когти так и не касаются кожи, и это моя маленькая победа.

Марко набирает скорость, я слышу это, снова ощущаю нервно зудящей кожей, но по-прежнему не могу отключить мысли, беспокойно мотающиеся в голове. Хочется остановиться, закрыть глаза, попасть в темноту, чтобы сбросить с себя тревогу, как тесную кожу...

Дико хочется.

Но я поддаюсь всего лишь одному своему желанию – закрываю на миг глаза, не переживая, что могу во что-нибудь врезаться. Всё, о чём могу думать, – как на меня давит воздух. Глубокий вдох, и меня резко заглывает чернильная тьма, словно пасть огромного монстра. Я открываю глаза ровно перед тем, как ветка стегает меня по лицу. Ровно перед тем, как Марко меня практически настигает.

Практически.

Сворачиваю вправо, уклоняюсь от ветки и руки Марко, перепрыгивая поваленное тяжестью на землю дерево, и с усилием вырываюсь вперёд. И это – просто фантастика – ни с чем несравнимое чувство лёгкости и свободы, словно я выпрыгнула из собственного тела.

Больше я не думаю, просто всецело отдаюсь ощущениям. Изворачиваюсь, сворачиваю, подныриваю под ветки только тогда, когда этого хочет неведанное шестое чувство. До тех пор, пока неожиданно Марко не оказывается передо мной.

Сердце подпрыгивает к горлу, а тело резко становится каменным. Едва не спотыкаюсь, но вовремя ловлю равновесие, успеваю остановиться и устоять на ногах. Учащённое дыхание разрывает лёгкие, вызывая желание согнуться пополам, или, того лучше, просто свалиться на землю.

Ошеломлённо мигая глазами, могу выдать лишь:

– Как?..

Марко дышит в отличие от меня спокойно, да и выглядит совершенно неуставшим. Моё же тело стремительно покидает адреналин, а вместе с ним и все силы.

– Я умнее и опытнее, чик-чик, – осведомляет меня его довольный голос. – Срезал в одном месте и перепрыгнул тот небольшой овраг, – теперь к его тону присоединяется лукавая ухмылка. – Будь внимательней в следующий раз и не упускай из вида противника. А так... – Марко разводит руками, подбирая слова, но вместо них указывает на задний двор поместья за его спиной, и в итоге говорит: – Ты молодчина, чик-чик.

Вот теперь можно падать, больше ничего и никому не доказывая. И, честное слово, я бы упала и ещё долго бы покоилась в бездвиженном состоянии, но я так яро охвачена положительными эмоциями, что, кроме как улыбаться, ничего не хочу.

– Что дальше? – переполненная энтузиазмом спрашиваю я.

Но Марко спускает меня с небес на землю.

– Тебе надо отдохнуть и пообедать, чтобы набраться сил. И только после мы перейдём ко второй части.

На мгновение разочарованию нет предела, пока всё же вялость в ногах не даёт о себе знать и их слегка пошатывает. Ладно, возможно, перерыв и вправду не такая уж и плохая идея. К тому же, у меня и так хватает причин для гордости – я обежала озеро, не сдалась, и хоть моя толстовка и выглядит так, будто её раскроила пьяная портниха, меня саму ни разу больше не задела когти Марко.

Выдав ещё шире улыбку, я киваю.

- Хорошо.

Марко более не задерживается, начиная отходить от меня спиной назад.

- Я найду тебя после обеда...

И тут моя улыбка медленно сползает с лица. Такое ощущение, что Марко буквально растворяется в воздухе, просто пропадая из вида.

Я вижу только Алека.

Дыхание замирает, сердцебиение учащается. Я так потрясена неожиданностью, что уверена, что он мне только чудится. Но, когда моргаю ни раз и даже ни два, а Алек по-прежнему там, стоит возле французских дверей, опираясь на них спиной, все сомнения отсеиваются.

Я начинаю идти. Делаю один шаг. Второй. И внезапно останавливаюсь, не зная, что хочу сказать ему. Впервые я не нахожу повода подойти к нему. Я не знаю, что это: стыд или обида; но что-то очень мощное оставляет ноги неподвижными. Я даже не пытаюсь лучше разглядеть лицо Алека, использовав зрение, что-то мне подсказывает, что мне не понравится то, что увижу. Его взгляд ощутил даже на таком расстоянии, и мне от него по-настоящему холодно.

Три секунды мы просто смотрим друг на друга. А потом хватает одной секунды, чтобы Алек, оттолкнувшись плечом, мгновенно скрылся внутрь поместья.

Я не спешу за ним, и ненавижу то, что даже не пробую.

***

- Вот ты где! - прямо с порога заявляет воодушевленно Несс, входя в кухню. - Почему-то я была уверена, что найду тебя здесь.

Она подходит к столу и сразу же усаживается напротив, отбрасывая сумку в сторону небольшого диванчика, на удивления попадая, учитывая, что она провернула это, даже не глядя.

- Между прочим, я жду подробностей вчерашнего свидания, - нараспев протягивает Несс, начиная то, к чему я совершенно не готова.

Я рассчитывала спрятаться. Не от неё, от всех. Но я забыла, что это тайное место, называемое второй кухней, показала мне именно Несс. Очевидно, она прячется здесь постоянно, и за несколько дней, прожитых в поместье, я даже знаю от кого - Софии. Потому что пряталась здесь по той же причине.

У Вальховских есть свой повар - Альберт, и даже управляющая - его жена Жанна, и, судя по тому, что Несс знает их столько же лет, сколько себя помнит, вероятнее всего, что они оба в курсе, кем является семья, на которую работают. Что, кстати, значительно снижает уровень моей вины за Лесю: я не единственная, кто растрепал «секрет».

И по сути смысла находиться здесь у нас не имеется, все принимают еду в общей столовой, но мы придумали оправдание, что будем тут экспериментировать с выпечкой, так как особо заниматься в поместье нечем.

Сейчас же мой замысел заключался в том, чтобы просидеть здесь, после душа и переодевания, в одиночестве и в собственных мыслях, пока Марко меня не найдёт. Но я не учла главного факта: занятия в универе всё же заканчиваются. И вот - Несс здесь, сидит напротив и с непередаваемо пылким интересом в глазах смотрит на меня. А мне нечего ответить. Или, вернее, я ещё не подумала, хочу ли вообще что-то рассказывать.

Опускаю взгляд в тарелку, аппетит мгновенно пропадает с приходом нежеланных мыслей. Ещё секунда в тишине, и я окончательно решаю увести разговор в другую

сторону любимыми способами.

- Ты рано вернулась с учебы, - подмечаю я, не придумывая ничего лучше.

Несс суживает на моём лице глаза с едва заметным подозрением, но всё же отвечает.

- Можно было вообще не ездить, была всего одна пара, но пришлось ждать Дама, пока закончатся его занятия. А так... мы больше времени потратили на дорогу туда и обратно.

Хорошая тема для развития.

- Как дела в универе? Что нового?

Подозрение в её голубых глазах нарастает, а пауза на этот раз длится дольше одной секунды.

- Всё ещё стоит на прежнем месте, если ты об этом.

Сарказм редкое явление для Несс, но к счастью, недолговременное. Внезапно в её глазах отражается нечто противоположное подозрению - нетерпение, и она резко оживляется, озаряясь улыбкой.

- О, точно! Я ведь совсем забыла рассказать, что со вчерашнего дня вас с Алеком все считают новыми Бонни и Клайдом.

Несс заходится в странном смехе, качая головой, и я мгновенно кривлюсь в выражении лица.

- Что?.. - фыркаю я от нелепости услышанного.

И теперь она пару раз кивает, утихомиривая свой смех.

- Ага, можешь представить себе такое?

- С чего вдруг?

Несс, наконец, успокаивается, но улыбка так и остаётся на её зарумянившемся от смеха лице.

- Всё дело в Соболеве. Он ведь так и не появился в универе после случившегося, - начинает объяснять она. - А его лучший друг, Артём, забил панику, уверяя всех, что он не появлялся даже дома, очень навязчиво подмечая, что и вы с Алеком почему-то неожиданно перестали появляться в одно и то же время с ним. - Несс берёт паузу, чтобы покачать головой. - Видимо, он, в силу своей преданной дружбы, никак не может признать, что этот самовлюблённый трус на самом деле залечивает раны, нанесённые его раздутой самооценке, отсиживаясь в стороне и выжидая, когда всё уляжется.

Когда Несс заканчивает говорить, она ещё раз улыбается мне и встаёт, направляясь к холодильнику. У меня же её слова отчего-то совсем не вызывают веселья.

- Бред, - еле слышно молвлю я, по непонятным причинам обеспокоенная данным фактом.

Что-то здесь никак не вяжется. Я знаю Тимура несколько минут, но могу с уверенностью заявить, что он, напротив, появлялся бы в универе каждый день, гордо доказывая, что его подобное не может сломить. Доказательства, всё дело в них. Для этого парня они имеют особое значение, чтобы ни в коем случае не дать возможности кому-то засомневаться в нём.

Я ухожу в эти мысли слишком глубоко, отыскивая причины его отсутствия, не замечая, как Несс снова оказывается сидящей за столом.

- Что не так?

Взгляд мигом обращается к ней.

- Ты про что? - растерявшись, переспрашиваю я.

Несс не смотрит на меня с секунды две, отламывая десертной ложкой кусочек от ванильного пирога, затем поднимает взгляд, прищуриваясь с заинтересованным видом.

- Да ладно тебе, - говорит она. - Я не дура, и прекрасно понимаю, что, по-видимому, что-то могло вчера пойти не так. - Она взмахивает ложкой в воздух, указывая ей на меня. - Иначе ты трещала и трещала бы о том, как восхитительно прошло свидание. - Несс замолкает и ухмыляется, словно только что застала меня за непристойным делом. - И так, может, наконец, расскажешь мне, почему сегодня ты выглядишь так, словно тебя всю ночь мучали привидения?

Отлично, меня снова раскусили. Честное слово, если бы мне платили деньги каждый раз, когда ловили на попытке солгать, я бы уже с лёгкостью могла войти в почётную десятку списка журнала «Форбс».

- Вот ты где, чик-чик!

Мы с Несс вздрагиваем одновременно, и я мгновенно устремляю взгляд на Марко, входящего в кухню.

- Если ты думала, что можешь спрятаться от меня, то зря на это надеялась. - Он подходит к столу, указав на него пальцем. - Я ещё несколько дней назад узнал, что вы тут с Несс скрываетесь, поедая все сладости, которые почему-то Альберт готовит только для вас.

С облегчением вздыхаю, чувствуя, как путы нервозности спадают с моей груди. Милостивый Господь, подари этому парню всё, что он пожелает! Я перед ним в неоплатном долгу, ворошить то, что никак не желает принять моё состояние, настоящая пытка. Не сейчас. Первым, с кем я об этом действительно поговорю, будет только Алек.

Пока Марко идёт до холодильника, Несс совершает ещё одну попытку побудить подозрительным взглядом в моём нежелание изъясняться сомнение, но я уже всецело увлечена остывшим обедом. А после она и сама обо всём забывает, когда Марко присоединяется к нам за столом, отвлекая на бесконечную болтовню, и вскоре мы с ним снова возвращаемся на улицу. Он не говорит, почему мы уходим так далеко от поместья, лишь тогда, когда мы останавливаемся в глуши, он отвечает, что ему нужна абсолютная тишина.

- Зачем? - не могу никак я избавиться от интереса.

Марко кладёт спортивную сумку в подножье одного из деревьев.

- Пока ты не научилась выделять какую-то одну из своих способностей, мы будем избегать всего того, что может тебе мешать.

Марко подходит ближе ко мне, а я оглядываюсь по сторонам.

- Разве мы не будем здесь выглядеть лёгкой мишенью, если вдруг Орден решит напасть?

Забористый смех Марко заставляет меня скептически покоситься на него.

- Что я сказала смешного?

Марко качает головой, как бы отвечая «ничего», но я не перестаю неодобрительно смотреть на него, и тогда он всё же успокаивает смех, хотя и улыбаться не перестаёт.

- Такого просто не произойдёт, вот и всё.

- Но неделю назад... - пробую возразить я, но Марко опережает, за считанные секунды становясь серьёзным.

- Неделю назад Алек позволил себе отвлечься, - осуждающе говорит он, и мне не нравится, что он снова пробует обвинить Алека в несобранности.

- Это не так, - защищаю я его, хотя обида внутри меня шепчет, что сейчас я не должна вставать на его сторону.

Марко ухмыляется, язвительно поднимая один уголок губ.

- Это так, чик-чик, - настаивает он на своём. - Кто-кто, но Алек никогда бы раньше не позволил гибридам подобраться настолько близко. Я знаю это, потому что он неоднократно спасал мою задницу, когда я даже не догадывался о приближении гибридов. И неделю назад он не просто отвлёкся, вероятнее всего, он отключил полностью свои инстинкты.

Странность некоторых слов Марко зацепляется за мысли, но некая вина из-за понимания, почему Алек в тот день мог отключить инстинкты, занимает первое место в них, поэтому я решаю не развивать разговор, начиная описывать шагами территорию и разглядывать окружающую нас местность. Но Марко всё равно желает подвести итог.

- Поэтому, даже если кто-то и попробует снова подобраться к нам, со мной ты в полной безопасности. - Я замедляюсь, чтобы оглянуться на него через плечо. - И Алек тоже в этом уверен, доверив мне твою безопасность, в ином случае, он бы сейчас вертелся где-нибудь поблизости, проверяя мою бдительность.

Глубоко втягиваю воздух через нос, отворачиваясь от Марко и его последнего утверждения. К сожалению, это не правда. Алека нет поблизости, не благодаря его доверию к Марко, а потому что он просто не желает находиться на таком расстоянии со мной. Но Марко, конечно же, я этого не говорю. И только когда обхожу полностью пространство вокруг него, я останавливаюсь напротив, готовая задать ещё один вопрос.

- Что вы пытаетесь друг другу доказать?

Вопрос без подвоха, мне искренне интересно, что заставляет их продолжать вести вечное состязание.

- Ммм? - не понимает Марко.

- Почему вы с Алексом постоянно соперничаете? Разве вы не являетесь лучшими друзьями?

Я вижу, как мгновенно озарение охватывает черты лица Марко, создавая на его губах задумчивую полуулыбку.

Он протяжно хмыкает:

- Друзья? Нет. Алек мне приходится практически братом. А с братьями ты не соперничаешь, просто не всегда можешь договориться с первого раза.

На это мне ответить нечего, я не знаю, что значит иметь брата или сестру, поэтому мгновенно нахожу, что ещё могу спросить, пока выпадает возможность.

- Почему ты вообще решил меня обучать, если это не относилось к соперничеству?

- Я уже ответил на этот вопрос.

- Отвечал? - недоверчиво уточняю я, пытаюсь вспомнить.

Марко кивает.

- Ухум, минутой ранее, - Он, очевидно, осознаёт, что я не до конца его понимаю, поэтому решает всё же повториться. - Потому что Алек мне как брат, и мне не нравится, что кто-то пытается добраться до девушки, которую он любит.

При слове «любит» моё сердце с хлопком защемляет, и мне требуется секунда, чтобы обуздать эмоции, оставив их без проявления.

- К тому же, если до тебя всё же смогут добраться, я уверен, что никому из нас не поздоровится. Ты нужна Ордену, и разгадать «зачем?» - стало моим новым хобби, - заканчивает говорить Марко, и теперь я вынуждена отключить окончательно все неподходящие к данному моменту чувства.

Слишком многое поставлено на карту, хотя и очевидно, что я остаюсь пока что единственной, кто не понимает серьёзность ситуации. Немудрено, про Орден мне известны незначительные факты, а какие они преследуют цели мне по-прежнему

невдомёк. Но я всё равно быстро с ним соглашаюсь.

- Хорошо. Тогда - начинай, - развожу руками я, словно позволяю ему делать то, что он пожелает.

Но Марко отзывается лишь коротким смешком, его глаза прищуриваются на моём лице.

- Ты ведь мне не доверяешь! - внезапно заявляет он с таким оживлением, будто смог раскусить мой дьявольский план по захвату мира.

Я хлопаю от неожиданности глазами.

- Что?.. Я? Нееет, - теряюсь на несколько секунд я, пока всё же не собираюсь с мыслями. - Как я могу тебе не доверять, если разрешаю тебе калечить себя?

Марко сухо усмехается, качнув головой.

- Калечить себя, - повторяет он себе под нос. - Звучит так, будто я действительно на такое способен.

Я спешу исправиться, но он опережает меня, решая прояснить некоторые моменты.

- За следующие дни для нас предстоит много работы. Мы начинаем не с нуля, но я предпочитаю считать, что именно с него, не полагаясь на то, что пытался заложить в тебя Алек. Наши методы будут отличаться, потому что он не способен прибегнуть к ним, обучая тебя - ему мешают чувства. Хотя именно этого всегда избегали наши отцы, желая достичь должного результата. И они достигали его. Потому что основной всегда служило доверие.

Марко кривит губами, размышляя, и обегает взглядом пространство поверх моей головы.

- Представь, что было бы, если бы я не доверял своему отцу, когда он обучал меня? Ни единого бы результата, - отвечает он на свой же вопрос. - Я бы не смог воспринимать его всерьёз, подпитываемый сомнением в правильности его решений, учитывая, насколько, порой, они являлись безумными. - Марко указывает на меня пальцем. - А ты прямо сейчас это и делаешь: подвергаешься спорам, постоянно гадая, для чего мне нужно от тебя то или иное, когда на самом деле всё, что я делаю, требуется только тебе.

На мгновение он замолкает, делая шаг назад, и разводит в смятении руками, продолжая рассуждать.

- Возможно, я ошибаюсь, и Алек никогда не позволит допустить, чтобы ты осталась одна. Но что, если такое всё же произойдёт? - он берёт паузу, придавая вопросу значение и позволяя мне взвесить его в уме. - Что если ты когда-нибудь вновь столкнёшься с гибридом, а Алека в этот момент не окажется поблизости? Что именно ты будешь делать?

У меня нет стоящего ответа. Те, что мельком всплывают в голове, жалкие и неуверенные: бежать; попробовать противостоять, с ключевым «попробовать»; надеяться, что кто-нибудь придёт.

Опускаю взгляд в землю до того, как Марко сможет прочесть мои мысли в глазах, но он этого и добивался.

- Вот именно, - говорит он, стоит мне только это сделать. - Ты не сможешь сделать ничего!

Марко замолкает ещё на секунду, чтобы перевести дыхание и умерить пыл голоса, и тогда я решаюсь снова посмотреть на него.

- Это важно, чик-чик. - Выражение его лица мрачнеет. - Мы не должны позволить им победить. И в независимости от того, что иногда кажусь слегка безумным, я просто хочу добиться максимального результата за короткие сроки, и я точно не горю желанием покалечить тебя, - уточняет он, делая на последних словах акцент. - Мы с тобой играем в одной команде, поверь мне.

Я же ничего не могу с собой поделать, концентрируюсь всего лишь на одном слове «слегка», и слабо улыбаюсь.

- Ты безумен, Марко, - утверждаю я, многозначительно вздёрнув бровями, за что и зарабатываю усмешку в ответ.

- Ладно, с этим не поспоришь, - соглашается он, ощутимо меняясь в настроении. - Но ты не знала моего отца. В сравнение с ним, я - просто душка.

Марко искренне улыбается, предаваясь, по-видимому, воспоминаниям, и я догадываюсь, что именно скрывается за «не знала», но ничего не спрашиваю. Вместо этого снова прокручиваю разговор в голове, прибавляя к нему ещё и утренний, и прихожу к выводу, что не должна не доверять Марко. Он уже доказал мне, что на него можно положиться.

- Хорошо, - сдаюсь я, вскидывая руками в знак капитуляции. - Считай, что отныне с недоверием покончено.

- Вот и отлично! - моментально отзывается он, улыбаясь.

Марко сразу же переходит к главному. Его объяснения просты, возможно, мне так кажется, потому что нет отвлекающих факторов, вечно блуждающих в мыслях, когда сложно концентрироваться на чём-либо, кроме близости Алека. Я признаю, что то было лишь неким развлечением, заменяющим нам абсолютно другое. Мы перенаправили свободное время в пользу, или же способ уйти от поцелуев. И то, если честно, не слишком удачно, учитывая, что постоянно на них прерывались. С Марко же всё иначе, он не такой уж и беспечный, когда дело касается обучения. Моментами суров и нетерпелив, когда я проявляю несерьёзность. Он показывает мне некоторые блокирующие приёмы, но в основном делает акцент на нападении. Куда лучше ударить, как лучше ударить, как добиться максимальной силы удары, и под каким именно углом требуется ударить. Когда я жалуясь, что практически ничего не запомнила, Марко отвечает, что это не так важно.

- Но это нечестно, - протестую я, разочарованная его ответом. - Конечно, это совершенно неважно для того, кого учили этому с детства.

- Нас учили с детства другому: полагаться на свои инстинкты. Бросали в неизвестность и подстраивали такие ситуации, из которых практически невозможно выбраться живым! - отчеканивает Марко с таким привкусом ненависти, что мне становится не по себе. - А обучение тактики боя - было поощрением за успех и способом передохнуть, потому что мы особо и не нуждались в этом. Инстинкты, чик-чик, никогда не недооценивай их важность, в них всё твоё преимущество. И чем лучше они развиты, тем ты непобедимей.

Ошеломлённая его срывом, я совсем его не понимаю.

- Господи, - выдыхаю я, осознавая, что под «нас» Марко имеет в виду ещё Николу и Алека. - Зачем вообще нужны были такие меры? Для чего же вас готовили?

Марко не отвечает на этот вопрос, лишь мрачно смотрит на меня несколько секунд, а затем разворачивается и бредёт в сторону спортивной сумки, оставленной возле дерева. Он достаёт две бутылки воды, одну из которых кидает мне. Когда он убеждается, что я поймала её, открывает свою, наблюдая за своими действиями.

- Так было необходимо, - внезапно говорит он тише, чем бьётся пульс в моих ушах.

Я едва его слышу, но всё же прерываюсь, чтобы обернуться на него.

- Необходимо для кого? - спрашиваю, сощурился на нём хмурый взгляд.

Марко косится в мою сторону, пока делает несколько больших глотков воды, я же к своей бутылке не прикасаюсь, замерев и терпеливо ожидая ответа.

- Ты не знаешь, на что способен Орден, если любой из их глав разозлён нашими действиями, - заявляет он, когда закрывает бутылку. - К тому же, гибриды - они никогда не исчезают из наших жизней, постоянно преследуя и атакуя группами, словно осмысленно притягиваются друг к другу.

Я никогда не видела Марко настолько хладнокровным, словно его мысли мгновенно пропитала настоящая тьма. Чего я не знаю? И почему он решает, что мне не стоит этого объяснять. Не говоря больше ни слова, он снова тянется к сумке, приседая, и засовывает в неё бутылку с водой, затем начинает что-то искать. Отдаляясь от реальности, обдумываю его слова, пока делаю глотки прохладной воды, как неожиданно Марко оказывается напротив меня, и я отрываюсь от горлышка бутылки, смотря на то, что находится на его правой ладони. И клянусь, если бы я по-прежнему пила, уже подавилась бы.

Я указываю на чёрную широкую ленту в его руке.

- Что это?

- Надень её на свои глаза, - просто говорит он.

- Что сделать?

Не сомнения стремительно наполняют мой разум, это так и не забытое до конца недоверие вновь главенствует над моим сознанием. Инстинктивно отступаю на шаг назад, отчего Марко склоняет голову в бок и закатывает глаза.

- Мне казалось, мы договорились: никого недоверия.

Мне хочется прыснуть смехом ему в лицо, но неадекватность ситуации делает меня растерянной.

- Зачем? - всё, что могу выдать я.

- Для развития инстинктов, конечно же, а ты о чём думаешь?

Я не думаю вообще, хотя и огромная часть меня хочет вздохнуть с облегчением.

- Каким образом это, - я указываю пальцем на ленту, что должна служить повязкой на мои глаза, так, будто на что-то мерзкое и противное, - может развить мои инстинкты.

- Не все инстинкты, некоторые по-отдельности. Для начала хотя бы слух.

Я непроизвольно ёжусь, обхватывая себя руками.

- Ты мне правда доверяешь? - с появившейся осторожностью спрашивает меня Марко, и я поднимаю свой взгляд на его лицо.

- Вроде как, да, - нерешительно отвечаю я, ещё крепче стискивая предплечья.

- Так не пойдёт. - Марко неодобрительно качает головой, отстраняя протянутую руку, словно больше его предложение не действительно. - Вот почему я указывал на важность стопроцентного доверия, которого, очевидно, нет. Ты либо доверяешь мне, либо нет, и никаких «вроде как».

Он отступает от меня ещё дальше, словно в точности знает, где находится грань зоны моего личного пространства, когда на меня ничего не давит, и просто стоит, глядя на меня исподлобья, слегка склонив голову. Тихонько выдыхаю воздух через рот, успокаивая взбунтовавшееся сердцебиение. Что может выйти плохого? Мне даже в голову не приходит ни одного подходящего предположения. Это всё только мои предрассудки.

Выдыхаю ещё раз и теперь сама протягиваю руку, раскрывая ладонь.

- Я тебе доверяю.

Марко кивает, но вместо того, чтобы подать мне повязку, обходит и становится за моей спиной.

- Тебе это, возможно, даже понравится, - говорит он, глухо усмехнувшись, и начинает надевать повязку.

Я не успеваю задуматься по поводу «возможно», потому что мгновенно охватывает

напряжённость от полнейшей темноты. Уже наступили сумерки, и теперь я чувствую кожей их прохладу и особую атмосферу таинственности. Тело наполняется нервозностью, остро покалывающей позвоночник. Мне становится неуютно, такое ощущение, что вокруг меня образуется потрескивающий ток. Сердце стучит громче и громче и громче, грудная клетка тяжело поднимается, словно воздуху внутри неё тесно.

Удары всё громче и громче...

- Чик-чик, - шёпот Марко мигот отправляет звук сердцебиения на второй план, совсем далёкий, за грань моего сознания. - Сосредоточься.

Не могу.

Внутри зарождается хаос, беспокойство, его голос витает где-то возле меня, но смущает, что не могу распознать, откуда он звучит. Мне казалось, что секунду назад он стоял ещё за моей спиной, сейчас же...

- Сосредоточься, - вновь повторяет он.

Зажмуриваю глаза сильнее, губы крепко смыкаются, а ладони стискиваются в кулаки. Мой голос дрожит, хотя и не ощущаю озноб в теле.

- Я... я не могу, - прерывисто произношу, - это сложно.

- Неправда, - возражает Марко, его голос звучит уже из другого места, и моя голова начинает кружиться, словно меня всё быстрее несёт карусель. - На самом деле, ты просто нагоняешь на себя панику, неспособная дать объяснение незнакомому чувству, которое призывает тебя собраться.

Когда Марко упоминает это странное чувство, оно начинает сильнее чесаться под кожей. В районе затылка, позвоночника, ладоней. Я не понимаю его. Не понимаю, что должна сделать, чтобы избавиться от него. Дыхание учащается; я всё яростней слышу шорохи, тоскливую песню осеннего ветра, как разбиваются волны, ударяясь о берег....

- Не уходи далеко, - голос Марко повышается, и я вздрагиваю, инстинктивно поворачивая голову в сторону, откуда он прозвучал. - Помнишь, ту сосну, у которой находится сумка.

Сплошная темнота в моём сознании начинает рябить.

- У неё слегка выступают корни, - продолжает напоминать Марко, - представь себе их.

Я не знаю, как такое возможно, но образы произвольно начинают вырисовываться в уме. Первыми появляются очертания сумки, её небольшой наклон, так как правая сторона стоит на одном из корней. А затем - корни, я вижу их, образы бегут всё дальше и дальше, переходят на основание ствола и несутся по нему вверх. Мою грудную клетку сжимает необычайное волнение. Это как кусочек рисунка на абсолютно чёрном холсте.

- Невероятно, - едва слышно лепечу я, захваченная настоящим восторгом.

- В трёх метрах от сосны, начинает расти тонкая берёза...

- У неё почти нет листвы, - заканчиваю за Марко, когда мгновенно же вижу её.

В его голосе слышится улыбка:

- Верно, - подтверждает он, и теперь я знаю, что он сменил своё местонахождение. Оборачиваюсь на девяносто градусов, но теперь передо мной снова темнота. - Где я стою, чик-чик? Опиши то, что ты видишь.

Сложно, мысли едва ухватываются за незначительные образы. Делаю шаг вперёд, но прямо перед тем, как ступить, останавливаюсь, опуская голову вниз, туда, куда бы посмотрела, будь мои глаза открытыми, чтобы увидеть неглубокую впадину. Потому что помню её, неизвестно как, но у меня получается представить, как выглядит под ногами земля.

Уверенная, я переступаю через неё и совершаю ещё один шаг, и второй, третий, когда

под правой ногой хрустят две тонкие, опавшие ветви, я останавливаюсь. Марко прямо передо мной. Не дышит и не шевелится, но его присутствие чувствует моя кожа, покалывающая и наэлектризованная.

- Как такое возможно? - спрашиваю я в пустоту, но когда Марко в итоге выдыхает, образы заполняют последний пробел темноты.

- Это - наша память, - отвечает он. - Мы пребывали здесь достаточно долго, и я потрудился, чтобы ты смогла разглядеть здесь каждый миллиметр во время тренировки.

Резкий вдох срывается с моих губ, неужели, он всё продумал до таких незначительных мелочей?

- Можешь снимать повязку, на сегодня мы закончили, - сообщает Марко, когда начинает обходить меня.

Его шаги бесшумны, словно он так и не вышел из своей роли невидимки, но я всё равно оборачиваюсь, проследить за его возвращением к дереву с сумкой, и только после тянусь к краям повязки, чтобы снять её. Это по-прежнему не перестаёт восхищать.

- Я говорил, что тебе это понравится.

Марко улыбается, улыбкой, которая поблёскивает в наступающей темноте, когда, наконец, я вижу её.

У меня нет слов, чтобы ответить. Не просто понравилось, оно пробралось куда-то глубоко под кожу, витая вокруг моего колотящегося сердца и трепеща его. Это намного больше, чем восхитительно, словно вместе с появлением изображений мой разум отворял запертые двери, делая меня полноценной, и я нашла то, что, кажется, искала целую жизнь.

Спустя два часа я выбираюсь из комнаты, не способная больше и секунды провести в ней. Воспоминания в ней чувствуются острее - они заставляют меня захотеть повернуть время вспять. Только я так и не ответила себе на вопрос, чего я хочу больше: изменить всё или попросту повторить это. Поэтому мне нужно отвлечься, чтобы не найти, наконец, ответа, который я изо всех сил пытаюсь не выбирать.

Очень скоро нахожу ребят в гостиной, но входить туда сразу не решаюсь, оставаясь за пределами порога и раздумывая: действительно ли хочу с кем-то говорить сейчас. В гостиной трое: Никола с Дамьяном пытаются играть в бильярд, так как Несс им значительно мешает, выхаживая утончёнными шагами по деревянной окаёмки стола.

Но уже через полминуты у меня не остаётся выбора, так как через парадную дверь поместья входят вместе Марко с Алеком, и я мигом скрываюсь в пределах гостиной, пытаюсь, походу приближения к ребятам, подслушать их разговор. Безрезультатно, они говорят намного тише, чем смеётся в этот момент Дамьян, и я решаю отступить от этой затеи.

Усаживаюсь на перила, служащие разделением гостиной от некой библиотеки, состоящей из одной огромной стены с книгами и нескольких диванчиков, и начинаю наблюдать за игрой парней в бильярд, изредка поглядывая на дверь, ожидая, что в любой момент сюда может войти Алек.

Я почти отключаюсь от происходящего, снова погружаясь в личные думы, как, наконец, раздаётся смех Марко - вероятно, язвительный, так как тогда, когда он входит в гостиную, закатывает глаза к потолку. Алек входит следом за ним, угрожая взглядом прожечь в затылке друга дыру, но на его губах играет ухмылка, совершенно непохожая на то, что он хоть каплю сейчас негодует. Однако задерживается ухмылка там всего несколько коротких мгновений, пока его взгляд не обращается на меня. Под кожей образуется зуд, ментально становится некомфортно, и я начинаю ёрзать на месте, успешно отводя взор в сторону бильярдного стола, встречаясь при этом с внимательным взглядом Несс. Она перемещает его с меня на Алека до тех пор, пока на её лице не отображается понимание. Ко мне тем временем подсаживается Марко, начинающий сразу болтать о всякой ерунде, привлекая к себе всеобщее внимание.

Алек же пытается избежать любых взглядов в мою сторону, занимая себя делом, забрав кий у Дамьяна. Через несколько секунд, после шуточной перепалки, он выгоняет и Несс со стола, чтобы она не мешала игре. А вторую кий кидает прямо в руки Марко, предлагая ему сыграть, словно хочет согнать его с места возле меня. И это последний раз, когда он открыто смотрит в мои глаза, ясно давая распознать, что ему по каким-то причинам не нравится, что Марко сидит возле меня. Его место мгновенно занимает Несс и мягким толчком плеча, подбадривает меня, призывая искренне сочувствующей улыбкой, улыбнуться в ответ. И я ей благодарна, что она, несмотря на то, что так и не захотела ей объяснить, всё равно не собирается оставлять меня одну.

Через какое-то время на перила перебираются все, понаблюдать за разворачивающимся ещё одним новым соперничеством. Нет, Марко меня обманул, может, конечно, он и сам не понимает до конца, но между ним и Алеком происходит самое настоящее соперничество. Я не представляю, что именно они хотят доказать друг другу, но это, кажется, стало их зависимостью.

Правда, парней так и хочется огорчить, сказав, что всё бесполезно: счёт остаётся равным, сколько бы партий ни играли. Но если для Марко это только повод позабавиться и хорошо провести время, Алек от игры лишь раздражается. Даже, когда выигрывает. Тогда, как Марко переводит всё в потеху, каждый раз кланяясь, когда выигрывает, и бросая нескончаемые комментарии в адрес Алека, на что он, кстати, не реагирует в привычной манере, отстреливаясь в ответ схожими колкостями. Он молчит и сосредоточен только на игре, словно, если попробует отвлечься, проиграет что-то поистине важное.

Они усложнили игру максимально: Алек должен забивать только в правые лунки, а Марко в левые, и обязательно все шары по очередности их номера. Так хотя бы есть реальный шанс на то, что ходы перейдут к сопернику. К тому же, это ещё один отличный способ для Алека, находиться постоянно ко мне спиной.

Но где-то на игре двенадцатой, наконец, хоть кто-то не выдерживает. Им становится Дамьян, когда Алеку остаётся забить последний шар.

- Теперь будет моя очередь играть с победителем.

Все знают, что им будет Алек, и он в том числе. Бросив один равнодушный взгляд в сторону младшего брата, он с небывало скучающей интонацией отвечает:

- Это будет пустой тратой времени.

Алек даже не утруждает себя смягчить слова, тем более, удостоить брата нормальным вниманием. Хотя тот и не сдаётся, пробуя всё же заинтересовать его.

- Ну, мне было у кого поучиться мастерству, разве, не хочешь узнать, каково это играть со своим учеником?

Алек посмеивается.

- Не смейся меня, Дам, - это всё, что он говорит.

И я не могу не посмотреть в этот момент на Дамьяна, который точно не ожидал такого удара от старшего брата. Он не то слово, что просто растерян, его переполняет обида, пусть он и старается улыбаться так, будто Алек сейчас его дразнит. И не я одна смотрю на Дамьяна, Марко периодически перебрасывает взгляд между братьями до тех пор, пока не решает поддержать младшего.

- Брось, Алек, неужели, настолько боишься проиграть и предоставить мне шанс над тобой позабавиться?

В прошлом Алек в сию же секунду принял бы вызов, но нынешний Алек - это тот человек, которого никто не любит в нём лицеизреть. Он мгновенно смотрит на Марко, затем на Дамьяна, и лишь в последнюю очередь мельком на меня перед тем, как улыбнуться - фальшиво и без намёка на искренность.

- Не хочу вас расстраивать, но вы оба заблуждаетесь, - говорит Алек, прочно удерживая пугающую улыбку на губах. - Даму придётся играть с тобой, - заявляет он, перебрасывая

кий поудобнее в руке, прежде чем наклонится и загнать последний шар в лунку – противоположную своей. – Так как победитель – ты.

Все молчат, когда Алек поворачивается и, неспешно подойдя, передаёт кий Дамьяну, после чего просто уходит, сопровождаемый взглядами всех присутствующих. Никто не делает и шороха; все смотрят на дверь, за которой только что скрылся Алек. Тишина расплзается в воздухе чем-то тяжелым, длясь ещё несколько мгновений, пока Марко не решает разредить обстановку.

– Ну, что? – заговаривает он с простодушной улыбкой. – Готов показать мне своё мастерство?

В этот момент Дамьяну сложно улыбнуться также искренне, как это делает Марко, но у него неплохо получается.

– Готовься к поражению, старик.

Дамьян держится молодцом, не показывая никому, как на него повлияло поведение брата, он подходит к столу и сразу же берётся за дело, собирая шары из лунок и размещая их в центре. Мне же чертовски стыдно перед ним, прекрасно осознавая, какая муха укусила сегодня Алека – я. Этот срыв должен был предназначаться мне, а не Дамьяну, поэтому я незамедлительно спрыгиваю с перил и направляюсь вслед за Алеком, не оборачиваясь и ускоряясь, чтобы наверняка успеть его нагнать и не позволить нагрубить кому-нибудь ещё.

Через полминуты, я нахожу его на крыльце, и мне кажется сейчас Алек позволяет себя догнать, дожидаясь меня. Он стоит ко мне спиной, засунув руки в передние карманы джинс. Белый хлопок его футболки постепенно покрывается россыпью маленьких капель, морозящего дождя, которые заносит под навес буйствующий ветер.

Алек действительно ждал меня, понимаю я, потому что стоит мне закрыть за собой дверь, он начинает говорить:

– Тебе не стоит этого делать.

Я не могу распознать интонацию его голоса и хочу, чтобы он повернулся, но Алек не собирается смотреть на меня.

– Делать что? – уточняю я тихо, держа себя в руках, когда нетерпение буквально разрывает всё тело нервной дрожью.

– Пытаться поговорить со мной, – отзывается он сухим, натянутым практически до уровня безразличия голосом. – Это плохая идея.

Я усмехаюсь, но абсолютно непроизвольно, так как усмеяться – это последнее, что было благоразумным в данной ситуации.

– Тогда что, по-твоему, было бы хорошей идеей?

Плечи Алека поднимаются и опускаются, когда он делает вздох, едва заметно качая головой.

– Я хотел, – говорит он уже не той пустой интонацией, обретая в своём хриплом голосе некую муку. – Правда, хотел, сделать вид, что всё нормально, – а затем его голос за считанные мгновения срывается. – Но единственное, что я на самом деле хочу, это сидеть рядом с тобой, а не играть в этот проклятый бильярд, удерживая себя от тебя.

После этих слов Алек спускается и начинает идти, оставляя меня одну, совершенно растерянную и сбитую с толку.

– Алек! – окликаю его, приходя в себя. – Ты не можешь просто взять и уйти!

Он оборачивается на сто восемьдесят градусов; его блестящие, охваченные чем-то безумным глаза впиваются в мой взгляд.

– Правда? – ехидно бросает он, разводя руками в стороны и двигаясь спиной вперёд. – Я

уже это делаю!

Алек снова разворачивается обратно и продолжает уходить. Что это значит, чёрт подери?

Вероятно, кто-то невидимый толкает меня с крыльца, потому что в следующую секунду я уже следую за ним, выходя прямо под капли дождя, которые ледяными иголками колют лицо.

- Не будь таким кретином, Алек! - кричу ему в спину, даже не осознавая, что разумом начинает управлять злость. - Ты должен хотя бы объяснить, что всё это значит.

Ещё одна хриплая усмешка, но сам Алек не оборачивается, хотя и его шаг значительно замедлился.

- Объяснить? - переспрашивает он всё с той же усмешкой. - Было бы отлично, если бы я сам хоть что-нибудь понимал. - Одно мгновение, и его голос вновь отражение самой серьёзности: - Поверь, ты не хочешь слышать то, что я могу сказать тебе сейчас. Это плохо закончится, - предупреждает Алек, но меня уже не напугать.

Настроенная, во что бы то ни стало, получить от него объяснений, я упрямо следую за ним, не обращая никакого внимания на мерзкий, усиливающийся дождь.

- Это не тебе решать: хочу я или нет; а мне! - кричу я, а затем убавляю пыл голоса, зная, что он всё равно услышит меня. - Не все трусливо бегут от разговоров, как ты, Алек!

Что-то из сказанного мной, наконец, удосуживается его внимания, он резко останавливается и, поворачиваясь, смотрит на меня, мигом застывшую на месте, тем взглядом, которого я бы предпочла никогда не видеть - глубокое разочарование; оно по-прежнему там, прочно пропитало его глаза тьмой.

- Хочешь поговорить? Окей, - отзывается он, сиюсь выдать голос за язвительный, и, скрестив руки на груди, махает одной из них в позволяющем жесте. - Я тебя слушаю.

Моё сердце спотыкается. Из меня вырывается смешок - сиплый звук почти отчаявшегося на безумие человека. Я смотрю на него, не веря своим ушам.

Он серьёзно? Что я могу сказать ему, если сама толком не понимаю, что он от меня ждёт?

Однако, его взгляд не на шутку серьёзен, пристальный и совершенно немигающий. И я осознаю, что ощущаю непомерную тяжесть в груди только из-за него - натиска его взгляда, наделённого нескрываемым осуждением.

- Ладно, - произношу я медленно, - очевидно, что вчера...

- Правильно, вчера, - подтверждает он, равнодушно кивнув.

Я злюсь, теряя контроль над своими эмоциями.

- Знаешь, ты ни черта мне не помогаешь, - указывая пальцем на Алека, скалюсь я, перестав пытаться справиться с негодованием.

Но на него это не действует.

- Не поверишь, и не собирался, - всё с той же надетой на лицо маской непроницаемости отзывается он.

И на этом моё терпение официально исчерпывается. Я скидываю руками вверх.

- Что я сделала, Алек? - требуя ответа, хотя прекрасно осознаю, что он мне его так просто не предоставит. - Чем я обидела тебя?

- Обидела? - удивлённо переспрашивает он и внезапно приглушённо смеётся, звуком, от которого по коже проходят мурашки. - Ты что, правда, так ничего и не поняла?

Возможно, и поняла, но его сопротивление нечто большее, чем я могу осознать. Мне не

хватает ясности некоторых вещей, что вынуждают его быть настолько суровым.

- Чёрт, - бросает он, качнув головой, когда с моей стороны не происходит никакой реакции. - Я не хочу этого делать, Лена, не заставляй меня. Ты уже смотришь на меня так, словно я тебя предаю.

Лена? Алек даже не подозревает, как легко выдаёт, насколько он зол на меня. Я вновь трясую головой, словно собираюсь стряхнуть с себя эти мысли.

- Потому что я ничего не понимаю, Алек, - не отступаю я, зная, что он не меньше меня хочет выяснить сейчас всё до единого, сколько бы этого ни отрицал.

- Нет, - перечет он, - ты всё прекрасно понимаешь, просто никак не сподобишься признаться мне в этом.

Неправда. Хотя, возможно... некоторое я всё же понимаю, но всё равно его поведение для меня остаётся непостижимым. Мы зашли дальше. Намного дальше, чем обычно. И мои мысли в тот момент, моё желание безоговорочно поддаться ему, вероятно, не заслуживают поощрения. Но Алек был там со мной, именно он придал мне абсолютной уверенности, что останавливаться - не нужно.

Мы молчим слишком долго. Настолько долго, что мои пряди волос успевают превратиться в стоки воды для всё никак не понимающегося дождя.

Но я молчу. И Алек молчит. Хотя взгляда никто из нас не отводит.

Тишина. Тишина. Тишина. А потом...

- Знаешь, а ты права, - внезапно говорит он, и от тона его голоса мой желудок предупреждающе сжимается. - Нам действительно стоит поговорить, потому что я больше не могу изводить себя одним единственным вопросом, который буквально сводит меня с ума. - Алек поднимает подбородок выше, глядя на меня каким-то снисходительным взглядом. - Ответь мне: как далеко ты вчера собиралась зайти?

Из моих лёгких вырывается воздух.

- Я? - переспрашиваю, и тон моего голоса передаёт всё недоумение, в котором сейчас пребываю. - Мне показалось, что ты тоже принимал в этом участие.

- Чисто теоретически, - бросает он равнодушно.

И теперь я по-настоящему прихожу в замешательство.

- Не понимаю, - молвлю, трясая головой, и тут же решаю всё пояснить. - И поверь, говоря: не понимаю, именно это и имею в виду.

Глаза Алека опасно сужаются на моих. Я знаю, что он делает. Снова пробует пробраться в мою голову, проверяя, насколько я искренне с ним, и от этого становится только обиднее, желая, чтобы он не поступал так по отношению ко мне. Однако я прохожу это испытание, потому что выражение его лица слегка смягчается.

Он прикрывает на секунду глаза.

- Я не могу объяснить, что вчера со мной произошло, - всего лишь сообщает он, когда снова смотрит на меня.

- Это - не ответ, Алек, - мой голос срывается, когда я практически кричу на него, и уже ничего не могу поделать с тем, что в нём слышится отчаяние.

- А я и не могу дать тебе другого, - громко говорит он. - Потому что это не поддаётся объяснению. Потому что это очень сильно смахивает на бред. - Алек долго молчал, теперь, когда он начал, уже не может себя остановить, произнося слова всё громче и громче. - После того, как ты попросила остаться, я просто перестал совладать сам собой, словно потерял контроль над своей волей. Однако был по-прежнему там, но только всё, что я мог - это наблюдать со стороны, как совершаю самую большую ошибку, - его лицо кривится в гримасе отвращения, будто ему противно от собственных слов. - И я всё это

время пытался остановить себя, но я не мог. Словно мной кто-то управлял. Словно меня кто-то заставил делать то, что я совершенно не хотел.

Его слова ранят, и мне становится дико невыносимо от них. Алека заставили? Он не хотел всего того, что произошло?

- Не понимаю, - вновь отзываюсь этими жалкими произнесёнными мной уже миллион раз за сегодня словами.

Но Алек меня больше не слышит.

- Но ты! - Он делает шаг, указывая на меня пальцем. - Ты, Лена, явно понимала, что происходит. Я видел это в твоих глазах. - Алек качает головой, будто сам не верит, что должен следующее произнести вслух. - И ты даже не попробовала всё это остановить.

Он замолкает на какое-то время. Дышит так тяжело, будто его злость уже перешагнула все допустимые границы. И эта злость направлена на меня.

- Поэтому ответь, - продолжает он, склонив голову на бок. - Как далеко ты хотела зайти?

Мои губы дрожат. Трясёт всё тело в беззвучной истерике.

- Я? Но я... - мой голос ломается. Я хочу продолжить говорить. Говорить уверенно, но всё, что могу это запинаться. - Я думала, что это просто... Думала, что ты тоже хотел этого.

- Хотел, чего? - нетерпеливо перебивает Алек. - Ну же! Давай подумаем вместе, к чему бы всё это привело. И ты думаешь, что я действительно пошёл бы на такое? Серьёзно? Именно такого ты обо мне мнения? Думаешь, я смог бы пожертвовать тобой ради одной ночи?

На этом всё - мои глаза наполняют слёзы. И Алек смотрит на меня так, словно я вlepила ему пощёчину. Он больше не скрывает уязвимости, будто я действительно могла растоптать его. Вот только я точно не делала ничего подобного, и никогда не собиралась его чем-то обижать, а теперь не имею ни малейшего представления, как всё исправить.

Алек всё смотрит и смотрит в мои глаза; в его же глазах я вижу неподдельную муку, и ничего не могу ему сказать, чтобы избавить его от неё. Всё это будет - ложью. Поэтому очень быстро увожу взгляд в сторону, но, кажется, делаю это зря. Потому что, пусть я ничего не подтвердила вслух, это сделало за меня всего лишь одно действие.

Я мгновенно слышу, как Алек шумно втягивает воздух.

- Скажи, принцесса, пожалуйста, что мне всё померещилось, и ты не хотела этого, - требует он от меня невозможного, поэтому я удерживаю взгляд на земле. - Скажи, пожалуйста, что я ошибаюсь, и ты просто не предавала отчёта происходящему.

Вновь просит Алек, но я ничего не говорю. Просто стою, проглатывая солёные слезы.

- Дерьмо! - рычит он, и до меня доносится звук, очень похожий на удар об дерево.

Мгновенно скидываю голову и наблюдаю, как он в очередной раз начинает уходить, когда я ещё не готова его отпустить. Так не должно это закончиться.

- Куда ты собрался? - слова даются с трудом, глухо срываясь с губ.

Алек оборачивается, и в его взгляде я безошибочно читаю новую вспышку осуждения.

- Я не доверяю более себе. И пока я не разобрался, что со мной произошло, буду держаться на безопасном расстоянии и поживу в одном из гостевых домиков, потому что, прости, но тебе я тоже больше не доверяю, - от резкости в его голосе у меня сжимается горло.

- Не делай этого, пожалуйста, - прошу я, когда возвращается способность говорить.

- Ты не оставила мне выбора! - не отступает Алек.

Он смотрит на меня несколько секунд, будто на самом деле ему сложно сейчас уйти. Его плечи поднимаются и опускаются, я понимаю - это вздох.

- Иди, Лена, в дом, ты промокнешь насквозь, - говорит Алек тем своим голосом, как будто ему не всё равно.

И я бы не поверила в это, после всего того, что он уже сказал сегодня, но сейчас Алек действительно беспокоится обо мне. Его лицо видно совсем смутно и смазано, однако впервые за весь вечер оно наполнено сожалением.

- Но это не мой дом, Алек... - голос у меня срывается, но я всё равно должна попытаться найти хоть одну причину, из-за которой он захочет остаться.

Потому что он лучше всех знает, несколько я ненавижу поместье. Знает, что нахожусь здесь только из-за него. И это промелькивает в его глазах, на секунду я вижу в них желание успокоить меня. Но Алек не поддаётся желанию, он пятится спиной назад, качая при этом головой, словно говорит сам себе, что не может ко мне подойти.

- Прости меня, Лена, но как я уже сказал: ни у тебя, ни у меня сейчас ни в чём нет выбора.

«Ни в чём», - так и продолжает звенеть в воздухе, пока я наблюдаю, как Алек уходит.

Он действительно оставляет меня здесь одну. Обхватываю себя крепко руками, пытаюсь изо всех сил справиться с эмоциями, но у меня не получается.

Лихорадит. Ломает. Сердце бьётся всё сильнее, разбухая в груди до невыносимой тяжести.

Потому что Алек действительно делает это - уходит, оставляя меня одну.

- Это Алек? - слышится голос, пытающийся перекричать шум дождя, позади меня.

Вздрагнув от неожиданности, я мгновенно оборачиваюсь на звук голоса. Спустившись с крыльца, стоит парень, который ёжится от падающих на него капель дождя. Я помню его, он один из тех парней, которые прибыли сюда самыми первыми, когда гибриды напали в лесу, но с тех пор вижу его первый раз, кажется.

Парень вглядывается в моё лицо, и я надеюсь, что дождь смывает с него слёзы.

- Он уходит? - снова спрашивает он, пытаюсь разглядеть Алека в темноте.

И что-то в его осторожном взгляде, который он перемещает с темноты за моей спиной на меня, невольно вызывает неприятные ощущения в позвоночнике. Я не могу найти этому причину, потому что быстро ищу слова, чтобы избавиться от ощущений.

- Не совсем, - бессмысленно отвечаю я, так как не знаю, как объяснить постороннему человеку, что происходит.

И мне приходится сразу же начать двигаться в сторону крыльца, так как объяснить, почему я стою под дождем, тоже не могу. Подхожу к парню, собираюсь обойти его стороной, но тут он произносит.

- Даниил, - представляется он, и я, задержавшись около первой ступени, просто киваю, не называя своего имени в ответ, потому что даже если оно ему неизвестно, это не имеет никакого значения.

Парень смотрит на меня странным взглядом - заискивающим, раздумывающим. В его глазах бегают какое-то смутное сомнение, только к чему оно относится, мне совсем не разобрать. Затем он вновь оборачивается в том направлении, в котором ушёл Алек, и, кажется, что-то там видит. По крайней мере, это что-то неизвестное избавляет его от сомнений.

- Лучше тебе пойти в дом, ночью здесь небезопасно, - предупреждает он так, будто с его языка слетает некая колкость, вызывающая на его губах тёмную улыбку, а затем просто

уходит в сторону парковки.

Я не способна устоять перед необъяснимой необходимостью посмотреть в ту сторону, что ушёл Алек, вызванную точно не желанием увидеть его ещё раз, скорее, в поисках ясности, и без проблем могу разглядеть не двигающееся, маленькое белое пятно его футболки сквозь рябь усилившегося дождя.

Он стоит там и, по-видимому, ждёт, когда я зайду в дом. И хоть внутри меня слегка теплеет от данного понимания, боли в ней не убавляет. Тогда я снова смотрю на удаляющегося Даниила, глядя на него с подозрением. Подозрением, которое никак не могу отбросить от себя, словно разглядела в его глазах что-то недоброе.

Глава 8

Моим планом было страдать. Страдать настолько основательно, чтобы весь мир мог понять, насколько мне было плохо. Но моим планам не суждено было исполниться. В первое же утро, после случившегося, когда я даже не предпринимала и единой попытки попробовать отодрать себя от постели, Марко удалось поднять меня всего за несколько минут. Этот ученик самого Сатаны смог найти моё слабое место, предложив довольно выгодную сделку: «Чем лучше и упорнее я тренируюсь, тем ценнее и правдивее информация, которой он готов со мной поделиться». И я купилась.

Мне по-прежнему хотелось знать всё, что только можно и нельзя, с ключевым «нельзя», а Марко был согласен мне это предоставить. Единственное, и здесь нашлось одно ограничение – Алек. Марко посчитал, что его секреты – это только его секреты; и раскрывать их имеет право лишь он.

И снова невероятно, но я без проблем с ним согласилась. Правда, причины были далеко не из ряда этичных. Его имя, любое напоминание о нём зарождало тоску. Нет, возможно, я и понимала, что мотивы Алека были направлены лишь на моё же благополучие. Но он был несправедлив, обвинив одну меня. И по-прежнему несправедлив, продолжая избегать своей комнаты, словно она помечена самым наихудшим проклятием. Забавный получается парадокс, потому что в каком-то смысле оно так и есть.

Но это в сторону.

Я выбрала тренировки с Марко ещё из-за одной мотивации: меньше мыслей про Алека. И вот за спиной уже два дня – два невероятно тяжелых и сумасшедших дня – а что я знаю? Практически ничего, ровно так же, как и усвоила уроки. Но Марко мне всё же кое-что вчера рассказал. Что-то, что с трудом укладывается в голове. Я даже не могу сказать, что мне не противно от этого.

– Зачем нужно было подстраивать такие ситуации? Вы могли пострадать, – спрашиваю я, когда свешиваю ноги через край обрыва.

Я бежала быстро, Марко даже не удалось меня ни разу задеть, поэтому считаю, что имею полное право задавать изводящие непониманием вопросы.

Марко садится рядом со мной и устремляет взгляд вдаль, рассматривая нависшую над лесом туманность.

– Только в крайних ситуациях наши инстинкты работают в полную мощь. В основном, это требовалось, чтобы развивать навыки стратегии и самоконтроля в предельно быстрые мгновения. Ты знала, что людьми движет всего три вещи: страх...

– Да-да. – Старая песня. – Знала, – смотрю на него, прижав подбородок к левому плечу, и заканчиваю список, – вина и злость. Только не могу понять, причём здесь это.

Марко медленно переводит на меня косой взгляд.

– Частенько, чтобы пробудить скрытые способности, нужно испытать сильные эмоции. В особенности, страх за собственную жизнь. Ничего так не мотивирует.

Морщусь и качаю головой, смотря хоть куда, только не на него. Это выше моих

пониманий.

- Но гибриды, в смысле, настоящие, только, чтобы развить способности - это жестоко, - когда я заканчиваю говорить, мой голос едва различим от ветра, а Марко старается на меня не смотреть.

Я всё время думаю, что это была и жизнь Алека, и тогда мне становится тошно. Хотя Марко сдержал обещание, никак не касаться его, не сложно обо всём догадаться.

После смерти отца Марко, их мать не смогла взять на себя его обязанности, зато это смог сделать его самый близкий друг - отец Алека. Который, к несчастью, тоже скоропостижно умер, так и не успев заложить до конца всё то, что знал. Парни же росли вместе, с единственным желающим взять на себя такую обязанность - Софией, которая постоянно меняла для них наставников за годы обучения. И, возможно, я проявила бы уважения к этой женщине, если бы в итоге Марко не рассказал её неадекватный стиль обучения - гибриды. Пойманные, а затем специально выпущенные их убивать, гибриды.

От этого мерзко, но как оказалось, их отцы при жизни делали тоже самое. Ловили гибридов и держали их на цепях, словно адресированных домашних животных, а затем использовали для своих целей.

- Ладно, - нарушает тишину Марко, когда становится ясно, что тема исчерпана. - Мы должны начать то, зачем сюда забрались.

Когда я сразу же послушно киваю, парень встаёт и помогает подняться мне.

- Сегодня тебя ждёт кое-что новое.

Когда я полностью отряхиваюсь, настаёт моя очередь задавать один из своих привычных вопросов, о дальнейших действиях, но вместо этого с языка слетает абсолютно другое.

- Надеюсь, вы такое больше не практикуете?

Мою нервозность выдаёт натянутая улыбка, которая по идеи должна сгладить вопрос, а не усугубить всё, выдав, насколько меня это тревожит.

- А если практикуем, это что-то меняет?

По отсутствующему выражению лица Марко вообще не понять: колкость это или безразличие. Я неуверенно пожимаю плечом.

- Просто... - Я мнусь, мне сложно объяснить свои взгляды на то, что считаю: какими бы ни были гибриды чудовищами, они не заслужили такой участи. Моя пауза выходит значительной, поэтому приходится поторопиться, так ничего и не придумав. - Просто, мне не по себе от того, что...

- Алек такого точно бы никогда не одобрил.

Оу, хорошо у него получилось прикрыть мой рот. Нарушая свои же правила и идеально уходя от ответа. Но мне и без того теперь он известен, поэтому я, поникшая, молча следую за ним к центру поляны.

Марко быстро меняет тему.

- С завтрашнего дня, эта вершина будет конечной точкой наших утренних пробежек.

Я машинально оборачиваюсь на пологий склон и единственную извилистую тропинку на нём. Кажется, он всерьёз задумал загонять меня до смерти.

- У нас на самом деле слишком мало времени на твоё обучение. Поэтому мы будем использовать все методы, которые нам смогут помочь добиться желаемого.

Я тяжело сглатываю, у меня не находится ни одного возражения против таких убедительных слов, и просто киваю.

- Хорошо.

- Единственное, в чём заключается твоя задача на сейчас - просто ударить меня.

Из меня вырывает шокированный смешок, и я округляю глаза. Серьёзно? Просто ударить?

Ха, звучит намного проще, чем это можно осуществить на самом деле. К тому же, посмотрите на меня и на Марко. Чем букашка может навредить стене? Разве что, только пощекотать её. Надеюсь, Марко боится щекотки, потому что это будет моим единственным преимуществом.

- Шутишь? - спрашиваю я с придыханием. - А почему бы сразу не поставить мне задачу: вырубить тебя?

Марко с сердитым видом склоняет голову в бок и прищуривается на моём лице, явно не одобряя мой сарказм.

- Что не так с твоей самооценкой?

Ауч! Это был удар по больному.

- Ты про что? - делаю я вид, что не понимаю его.

- Почему ты настолько не веришь в свой успех? Да для таких, как ты, это проще простого. Это всё заложено в тебе, как ходить или моргать. Тебе даже не приходится для этого контролировать свои способности, как нам.

Он заблуждается, приходится, и каждый раз ничуть не проще предыдущего. Все мои способности ощущаются подавленными. И мне постоянно приходится доставать их из себя.

- Марко... - пытаюсь я начать оправдываться, потому что в какой-то степени мне даже стыдно перед ним, зная, чего стоит им так идеально находиться на высоте.

- Ничего не хочу слышать, - отчеканивает он. - Даже если ты и не уверена в чём-то, прямо сейчас ты это исправишь.

Глаза Марко, как два вспыхнувших огонька гнева, мгновенно вытуривают из меня любые возражения. Ему, разве что, только не хватает таблички над головой «скажешь ещё слово, и сию секунду же пожалеешь об этом».

Кажется, это не будет такой уж и веселой тренировкой.

Когда Марко отдалается, стараюсь держаться достойного вида и сразу же занимаю спарринг-позицию, согнув руки в локтях. Он махает мне рукой.

- Начинай!

Шумно вдыхаю воздух и медленно выдыхаю, пытаюсь прогнать с ним всё напряжение, пусть не очень-то и удачно, и... делаю свой первый провальный выпад. Марко мгновенно уклоняется, мало того, ещё и отпихивает меня назад, отчего теряется равновесие и прибавляется несколько очков к никчёмности.

Просто отлично.

- Ещё! - командует он, и меня перетряхивает от раздражения.

Однако этого недостаточно, чтобы разгорелось бушующее пламя эмоций, способное взять надо мной вверх. Я всё ещё импровизирую, когда пробую подобрать выгодную дистанцию, выбирая место удара верхнюю часть его плеча, используя на этот раз угловой удар...

Я не успеваю даже подступить к Марко ближе, когда он, перехватив моё запястье, выкручивает его и снова отталкивает назад.

- Ещё!

Я злюсь всё больше, начинаю дышать тяжелее и глубже. Но и следующие три попытки

по-прежнему нет результата – Марко отпихивает меня назад, словно я назойливая мошка, пробующая посягнуть на великана, что ничуть не отличается от предположений о моих шансах. Марко не устает выдавать снова и снова своё: ещё, ещё и ещё. Каждый раз жёстче, чётче и громче.

Замечаю тусклый блеск свечения в его ярких глазах, который подсвечивает их насыщенный зелёный цвет обрамляющим радужки скудным золотом. Даже сверхъестественное свечение на фоне их настоящего цвета выглядит бледным. Но я всё равно буравлю напряжённым взглядом его глаза, стараясь не моргать. И что поистине удивляет, что Марко совершенно не требуется, отводить их от моего лица для того, чтобы молниеносно пресекать мои попытки нанести удар. Он просто продолжает отталкивать меня, неустанно произнося «ещё». Пожалуй, единственное, что меняется в нём – растёт его негодование. Марко злится из-за того, что у меня ничего не получается.

– Задействуй не только руки, чик-чик. Мы не боксируем. Твоя задача – ударить меня. Сделать это так быстро, чтобы я и заметить не смог. А каким именно способом ты это осуществишь – без разницы. Поняла? – спрашивает он.

Я сразу же киваю в ответ с невозмутимым видом, дабы не злить его ещё больше. Хотя на самом деле все мои извилины разом подорвались в панике отыскивать другие варианты в голове. Но безнадежно. Разочарование разрывает всё моё тело, заставляя меня принимать поспешные действия, что делает попытки всё более неуклюжими. Мышцы начинают гудеть и пульсировать. Тело ощущается тяжёлым от усталости, и я начинаю замедляться, всё меньше предпринимая попыток. И в момент, когда я уже обдумываю вариант усесться на землю, Марко неожиданно начинает на меня наступать.

Сердце подпрыгивает к горлу, когда я едва успеваю отступить назад, чтобы избежать удара от Марко. Меня будто резко приводят в чувства. Зарождается неумолимое волнение, что сбивает дыхание в груди, когда я пытаюсь понять, что происходит.

Не то чтобы у меня действительно имелось на то время...

Марко не останавливается, он продолжает быстрое наступление, и снова я ретируюсь назад, избегая ударов. Страх обжигает кровь пониманием, что ещё немного и мне будет некуда отступать, но я даже не успеваю что-то придумать, мозг буквально проглатывает каждую вспыхивающую мысль. Я лишь осознаю, что Марко специально гонит меня к обрыву, не оставляя ни единого выхода, кроме как начать нападать.

Ещё несколько отступлений, и следующий мой шаг будет последним. Внезапно меня накрывает жар, Марко вновь заносит руку назад, и в это мгновение, кажется, может уложиться вся моя жизнь, когда на секунду я замираю на вдохе, а потом резко уклоняюсь и проскальзываю под его рукой, мигмом оказываясь справа от него. Но Марко быстрее, следующее, что происходит: он уже стоит ко мне лицом и снова готовится нанести удар, и вместо того, чтобы уклониться, меня настолько распирает злость, что он действительно собирался скинуть меня с обрыва, я блокирую его удар, выставляя левую руку перед собой.

Впервые, его глаза сменяются блеском озорства, да, это именно то, чего он хотел от меня.

Со следующим ударом происходит то же самое – я блокирую его, моя рука сама поднимается и сгибается для этого. Ноги двигаются быстрее, чем я успеваю это зарегистрировать в голове. Моё тело наконец-то обретает над разумом полный контроль. Я не замечаю, как проходит минута, затем вторая, когда мне приходится увильнуть, отбиваться и обороняться от ударов Марко. Он, безусловно, быстрее меня, и кажется, что всей скорости не использует, однако и спасовать не позволяет, гоняя по всей доступной территории возвышенности.

Спустя ещё минуту я чувствую слабую усталость, но главная задача так и не выполнена. Я на стороне защиты, но уж точно не нападения. Напоминание питает утомлённое тело дополнительной энергией, и я начинаю двигаться с удвоенной скоростью, не теряя теперь возможности пробовать подобраться ближе к Марко и застигнуть его врасплох.

Обращаю внимание, что каждый раз, когда Марко наступает, он оставляет открытой полностью правую сторону. Пытаюсь туда не смотреть, чтобы не показать Марко своих

намерений, но, прикинув возможности, понимаю, что он вовсе не оставляет её беззащитной. Расстояние – вот главная моя проблема, и дотянуться можно только ногой.

Моё тело уже трясётся от перенагрузки, и я не совсем уверена, что получится поднять на такую высоту ногу, но это мой единственный шанс.

Сейчас или никогда.

Марко, наконец, открывается, и я, крутанувшись в другую сторону бью ногой прямо в цель. Я готова закричать, когда вижу на тёмной ткани его толстовки отпечаток =пыльной подошвы. Или нет, я кричу. И даже прыгаю, потому что Марко останавливается, опуская взгляд на свою грудь, а затем, ухмыльнувшись, одним молниеносным движением выбивает из-под моих ног землю.

Больно приземляюсь на спину и ударяюсь головой. Марко возвышается надо мной, и его силуэт фигуры то раздваивается, то снова собирается в один.

– Ударила – добивай, – говорит он, сияя улыбкой. – Но никогда не останавливайся, позволяя сопернику нанести ответный удар.

Я определенно усвою этот урок навсегда, но сейчас меня интересует абсолютно другое.

– Мы закончили? – спрашиваю я молящим, почти скулящим голосом.

Марко поднимает бровь.

– Сейчас только одиннадцать утра. Ещё даже не обеденное время, чтобы сделать перерыв, не говоря уже о том, чтобы вообще закончить тренировку.

Я всё ещё лежу на земле, не волнуясь о том, что она холодная. Моим мышцам явно нравится такое поощрение.

– Но ведь ты сказал, что я должна тебя просто ударить, – напоминаю я. – И я сделала это.

– И? – отзывается он непониманием. – Мы только что убедились, что ты можешь это сделать. А значит теперь, мы можем перейти к более усложнённым тренировкам.

Услышав «усложнённым», вытаращиваю в изумлении глаза.

– Что может быть ещё сложнее того, что было несколько минут назад? – с чересчур очевидной тревогой интересуюсь я.

Хотя не уверена, что желаю знать ответ. Я бы предпочла вместо этого, так и покоиться на земле, совершенно бездействуя. Но Марко не собирается позволять мне прохладиться и дальше. Он протягивает руку, чем подтверждает худшие опасения.

– Вот сейчас и узнаешь.

Несколько секунд я пытаюсь смириться с пониманием, что мне всё равно некуда деться, кривясь в недовольной гримасе и глядя на его протянутую руку. Разочаровано вздыхая, я стараюсь вложить в это как можно больше драматизма, но выражение лица Марко ни на секунду не меняется.

– Твоя взяла, бесчувственный сэнсэй, – бормочу я, хватаясь за его руку, и начинаю вставать, но в это же мгновение моя ладонь соскальзывает, и я почти падаю обратно.

Почти, Марко успевает, перехватив поудобнее, остановить падения, и я инстинктивно впиваюсь в его кожу ногтями.

Одним резким движением мой мучитель ставит меня в вертикальное положение.

– Правда, я всё равно предпочла бы немного отдохнуть, – отряхивая одежду, ворчу я, так как секунду назад нам двоим было весьма очевидно, что даже мои руки больше не считают нужным меня слушаться.

– Хорошо. Отдохни, – внезапно сжато и коротко выдаёт Марко.

Замерев, я перестаю отряхиваться и анализирую услышанное.

Не поняла.

Подняв голову, с подозрением смотрю на Марко. Если он решил так пошутить над моими слабостями, то выбрал не самое удачное время. Однако, всё, что я вижу – это совершенно пустой расфокусированный взгляд. Затем Марко несколько раз быстро моргает, словно пытается избавиться от соринки в глазах, и пристально смотрит на меня. Как будто в его голове растёт огромный вопрос, и ответом на него являюсь непосредственно я. Это длится всего пару секунд, прежде чем Марко опускает взгляд на свою руку.

- Ты меня поцарапала, – медленно и задумчиво произносит он.

Я растеряна, чувствуя вину.

- Эм, прости. Я нечаянно это сделала, когда испуга... – я прочищаю горло, – испугалась, что упаду.

Мой голос стихает, и я, всё такая же растерянная и смущенная, смотрю на Марко виноватым взглядом. А вот его взгляд так и не отрывается от двух маленьких царапин. Но он глядит на них так, словно я превратила его кожу в ужасное месиво.

Подумаешь, всего-то какие-то две жалкие царапины, которые, между прочим, уже начали затягиваться, а он делает из этого такую трагедию.

- Ладно, – вдруг резко бросает он. – Похоже, на самом деле пришло время сделать перерыв.

Проговорив последнее, Марко, не задерживаясь, обходит меня и направляется к спуску. Я провожаю его озадаченным взглядом, удивляясь тому, что умудрилась под самый конец сделать что-то такое, что легко разозлило его.

- Пойдём, чик-чик, – доносится его голос, когда самого Марко уже и не видно.

Я недолго остаюсь неподвижной, не следуя за ним, но всё же мне требуется несколько секунд, чтобы переварить произошедшее. Это было странно. И не первая странность, которая случается со мной за последнее время. Поэтому я отпускаю её слишком просто, желая выкинуть ненужное из головы. Потому что, честное слово, на странности в моей жизни у меня уже развивается аллергия.

Следующие шесть дней проходят идентичным образом. Тренировки – тренировки – немного разговоров – и снова мои любимые тренировки. В какой-то момент их стало слишком много. Настолько, что, кроме как есть, выпивать лошадиную дозу кофеина и спать, меня перестало вообще что-либо волновать. И я этому отчасти даже стала благодарна.

Марко невероятно хороший наставник, которому действительно удалось совершить невозможное. К тому же, он сдержал обещание, рассказать мне всё, что знает. А он знал о многом. Различные истории и прежние законы. Как развивалась и состояла жизнь сотни и даже тысячи лет назад. Как выработывались нынешние устои, и что ранее за смешивание чистокровных и полукровных наказывали. Наказывали жестоко и беспощадно, пока не поняли, что время для нарушителей лучшая расплата, потому что все, без исключения, совершившие проступок, рано или поздно приходили сами к наихудшим последствиям. И со временем, это стало, своего рода, табу с самого рождения, немногие отважились нарушать его, а если и нарушали, то последствия незамедлительно, в очередной раз, могли наглядно доказать, чего стоит соблазн и искушение.

Марко много рассказывал мне о проклятии, хотя не думаю, что преследовал конкретные мотивы. Напротив, тем самым, я поняла, что вот из этих же рассказов состояла большая часть их жизни.

Печально, особенно, учитывая, что в реале, это совершенно не помогало избежать подобной же участи. Даже всегда правильному и слишком чтившему устои Алеку, как однажды выразился Марко, это не помешало нарушить все возможные правила, что, как

оказалось, до сих пор для него остаётся непостижимым.

«Если уж он-то плюнул на всё и начал жить против системы, боюсь представить, как бы быстро я провалился, попав в подобную же ситуацию, – обмолвился мне Марко, немного забывшись, что мы по идеи про Алека не разговариваем».

Что стало для меня одним небольшим толчком, чтобы взглянуть на нашу последнюю ссору иначе. Теперь я понимала, почему Алеку приходится так нелегко. Но в итоге решила, что если мы уже ввязались в это, то он самостоятельно должен до конца принять факт неизбежного.

Однако он не принимает. Нет, не то чтобы Алек даже не пытался поговорить. Он пытался, и не один раз, хотя и упорно продолжает избегать своей комнаты, подлавливая меня лишь в редком одиночестве, когда я добираюсь до неё и обратно. Когда я, в свою очередь решила, что разговаривать с ним буду лишь тогда, когда он перестанет избегать нашей «главной проблемы». И благо, всякий раз меня спасает внезапно появляющийся из ниоткуда Марко. Что мне даже кажется, он – мой личный демон-хранитель. Просто думаю, что называть Марко «ангелом» будет совершенно неправильным для него определением. Возможно, даже обидным. Ведь сложно называться «ангелом», когда ты так тащишься от крови и насилия. Без которого, кстати, он становится частично раздражительным и гиперозабоченным тренировками, открыто заявляя, что он уже устал от продолжающегося затишья.

Дошло до такого, что вчера мы закончили тренировку только в полночь, и шесть часов мне абсолютно не хватило на нормальный сон и отдых.

Но... будильник верещит громким, невыносимым звуком, заставляя меня всё же открыть глаза.

Ненавижу Марко.

Минут пять меня питают сладкие мысли уговорами послать его сегодня куда подальше и позволить себе один выходной. Но потом я думаю, что тогда мне придётся бездельно слоняться по поместью, с угрозой наткнуться на Алека и сдаться, позволив ему одержать ещё одну победу надо мной.

А этому просто не бывать.

Я буквально соскребаю тело с кровати, вздрагивая и морщась, когда мышцы жалуются, потом максимально быстро собираюсь, пытаюсь выкрасть себе лишние пятнадцать минут, так как уверена, что сегодня мне без крепкого кофе точно не жить. Но, когда внезапно без двадцати семь раздаётся стук в дверь, я со стойкой решительностью, намереваюсь всё же послать Марко в самые экзотические места на свете.

Ничего не ощущая, кроме как в огромных масштабах недовольства, я с размахом открываю дверь, готовая уже накричать на него, но перед глазами не он.

– Никола? – уточняю я, прищурившись и проверяя ясность зрения. Всякое ведь может померещиться в таком состоянии. Но, нет, перед глазами именно он. – Что ты тут делаешь?

Никола улыбается, причём буквально натягивает улыбку на лицо, стараясь выглядеть полным балваном, что ему совсем несвойственно. Отчего и улыбка смотрится так, словно его по лицу ударило страницей глянцевого журнала, на которой находилась реклама зубных протезов.

– Ты знала, что Марко сдаёт тебя в аренду, выставляя на аукционе, как хорошую возможность попрактиковаться, так как все уже заскучали из-за продолжающейся мирной и тихой жизни, – говорит Никола точно таким же несвойственным ему тоном голосом, одновременно сиюсь удерживать эту улыбку на губах, которая явно уже зарабатывает план побега.

Три секунды я хлопаю ресницами, соображая, что это было.

– Ты что, на самом деле сейчас пошутил? – спрашиваю я, попробовав всё же прояснить для себя эту бессмыслицу.

Как внезапно что-то знакомое привлекает внимание, и настораживает странное чувство. Чего-то... чего-то похожего на дежа вю. Или, нет...

- Типа того, - отвечает Никола, выдёргивая меня из мыслей, и сам же усмехается, когда, по-видимому, обдумывает сказанное.

На этот раз он искренне улыбается - едва заметно. Вот, что ему свойственно. Но, в любом случае, я решаю поддержать его.

- Что же, тогда полагаю, мне положены проценты с продажи, - говорю, выходя в коридор, и решаю воспользоваться выпавшей возможностью, - кстати, я предпочитаю их получить в качестве порции ко...

Резко осекаюсь, когда чёткое понимание как божественный молот Тора ударяет меня по голове.

Это не какое-то там дежа вю - это Алек.

Поворачиваю голову вправо, уверенная на целый квадралиат процентов, что он стоит возле меня. И не ошибаюсь. Мой желудок опрокидывается. Он всё это время находился здесь, скрываясь чуть поодаль дверного проёма.

Наши взгляды сталкиваются, и на секунду в его глазах промелькивает сильное, дразнящее меня желанием мгновенно всё высказать, чувство раскаяния, но Алек быстро моргает и принимает свой неизменный дерзкий вид. Уголок его губ поднимается в улыбке, заставляющей моё сердце биться с удвоенной скоростью.

Я слишком давно не видела эту улыбку, и ненавижу себя за то, что она способна производить на меня такой эффект. Алек собирается что-то выдать. Уверена, это что-то из его безмерного арсенала сарказма, но я опережаю его.

- Что ты тут делаешь? - мой голос звучит резко, и Алек может слышать, насколько он отличается от того, которым я говорила минуту назад с Николой.

Что мгновенно сбрасывает с его лица улыбку, и он снова собирается заговорить, но его перебивает Никола.

- Мы оба так и не смогли перебить за тебя цену, - очевидно решает разредить обстановку он, - и нам пришлось тебя поделить.

На лице Алека меняется уже третье выражение за последнюю минуту, когда он переводит взгляд на Николу.

- Знаешь, ты хреново шутить, Ник, - обращается к нему Алек, по-прежнему глядя на него так, словно Никола танцует за моей спиной неуклюжую джигу-джигу. - И я бы тебе посоветовал, больше даже не пробовать этого делать.

Мой взгляд становится испепеляющим, явно намекающий: «почему бы тебе не заткнуться». И, кажется, Алеку становится из-за этого некомфортно.

- Если ты считаешь, что самый остроумный здесь, то почему бы тебе не записать все свои глупые шуточки в словарь и не подарить его Николе, - огрызаюсь я, неизвестно почему желая вступить за Николу. - Уверена, он станет весьма популярным среди придурков.

Хотя, нет, знаю, почему вступилась - ради этого выражения лица Алека. Он в полном сокрушенном недоумении, а я добавляю:

- Заодно, можешь предложить Марко соавторство. Вот тогда-то это получится точно бестселлер.

На одну секунду мне становится не по себе, что приплетаю сюда ни в чём неповинного Марко. Всего на секунду, пока не понимаю, что он играет во всём происходящем главную роль - предателя.

Алек вновь возвращает своему виду непроницаемую надменность.

- Мне жаль тебя расстраивать, принцесса, но ты тоже не очень-то хорошо шутишь, - говорит он, улыбаясь. Однако улыбка даётся Алеку вовсе нелегко, ровно так же, как и интонация голоса. Блистательная выдержка, которой я могу только позавидовать. Одно слово «принцесса», и внутри меня всё горит огнём абсолютно противоречащих друг другу эмоций. - Но не переживай, - продолжает Алек, сохраняя невозмутимую небрежность, - я обязательно подарю тебе самый первый экземпляр словарика, подписав его лично для тебя.

Оу, как мило, что я почти ему улыбаюсь. Правда улыбка бы эта вышла из ряда «я сейчас тебя медленно и нежно задушу».

Промолчи. Отступи. Отступи. Сильно стискивая зубы, уговариваю себя я, понимая, что из продолжения ничего хорошего не выйдет.

Мне приходится несколько раз вздохнуть, прежде чем заговорить.

-Так что ты тут делаешь, Алек? - я хотела, чтобы мой голос прозвучал обычно, но никак не могу на себя повлиять, делая чёткий акцент на «ты».

Потому что мне без разницы, что здесь забыл Никола, но Алек... Я ещё не готова во всём разбираться и разговаривать на его территории. Но уже ничего не могу поделать с тем, что мои чувства вырвались наружу, сколько бы я ни сдерживала их.

Я вижу в глазах Алека схожее с моим чувство потери. Чувство безысходности, которое кричит и пробивается через эту непобедимую маску безмятежности. Отчего я считаю, что Алеку вообще полагается Оскар за сногшибательное актёрское мастерство.

- Не *ты*, а *мы*, - исправляет меня он, вздёрнув подбородком в сторону Николы. Даже тон его равномерного и дарящего мне всегда такое сладкое спокойствие ни на мгновение не меняется. - Требуется кое-что проверить, чтобы убедиться наверняка.

И так он со мной разговаривает только тогда, когда речь заходит о важных вещах. Поэтому стараюсь не обращать внимания, какое осязаемое напряжение растёт между нами с каждым проведенным моментом рядом. Как если бы у моего тела имелось собственное право голоса, которое абсолютно не желает поддерживать мнение разума. Это очень тяжело, но я наконец-то понимаю, что сейчас не подходящее время показывать обид Алеку, тем более ещё и втягивая постороннего человека.

- Что проверить? - уточняю я, тщательно контролируя голос.

- Марко считает, что ты привыкла к его скорости, - вступает в разговор Никола, подойдя к Алеку, - или, наоборот, это он привык себя сдерживать. Но, так или иначе, он уже два дня не может тебя догнать.

- О, - выдыхаю я удивлено, а затем пропускаю хриплый смешок, выражающий моё замешательство. - Вы, должно быть, разыгрываете меня?

Такого не может быть. По крайней мере, не в этой Вселенной. Тем более, я точно знаю, что Марко в буквальном смысле дышит мне в затылок на пробежках.

- Ухум, - отвечает мне Алек, а Никола лишь пожимает плечами.

Я перевожу взгляд от одного к другому.

- Ладно, - соглашаюсь я, хотя внутри меня всё отзывается отрицанием. Это неправда, и доказать мне обратное ни у кого не получится. - А вы-то здесь при чём?

Мне отвечает Алек:

- Проверим так ли это на самом деле.

- Вдвоём?

В большей степени я стараюсь смотреть на Николу, как бы призывая отвечать именно его, но кажется, что он старается избежать моего взгляда, словно ему неловко, и снова отзывается Алек. Он кивает.

- Боюсь об заклад, ты уже соскучилась по нашим с тобой пробежкам, принцесса, - дразнится он, и тон голоса сообщает мне, что иронии в его словах больше, Алек сам не верит в правдивость сказанного.

Мне приходится в очередной раз взять контроль над эмоциями и выдержать его взгляд.

- Подробнее не желаешь объяснить, что всё это значит? - обращаюсь я уже непосредственно к Алеку, раз Никола так любезно позволяет нам пообщаться.

Он ухмыляется, и у меня появляется дурное предчувствие, словно Алек мог затеять что-то недоброе. А потом рождается следующий вопрос: Алек ли затеял это? Потому что оба ведут себя так, будто играют какую-то роль.

- Мы просто проверим предположение Марко. Вот и всё, - отвечает Алек натянуто ровным голосом, который ни на мгновение не колеблется. - Ничего особенного.

Как бы ни так! Мой разум буквально кричит: не верю!

- И где же сам Марко?

- Уехал по делам, - будто по заранее подготовленному списку продолжает вести диалог Алек.

Становится всё интереснее.

Я впадаю в несколько секундное раздумье. Мой позвоночник зудит от неверия, чутьё никогда меня не подводит, и как бы восхитительно ни играл свою роль Алек, словно он тот самый Алек, каким я его знаю лучше всего, всё в нём именно наигранно.

Однако, не смотря на чувство предосторожности, я решаю позволить им вовлечь меня в эту игру. Как-никак, мне искренне интересно, что же происходит на самом деле.

- Хорошо, - соглашаюсь я.

Стиснув губы, прохожу между ними и направляюсь в сторону лестницы, желая поскорее всё выяснить. Мы выходим на улицу, и я поворачиваюсь к ним лицом. Где-то с полминуты мы втроём молчим, единственная разница - они ждут чего-то от меня, а я, наоборот, от них. И я не выдерживаю первая.

- И что дальше? - спрашиваю я, раздражаясь от всей этой безумно неправильной ситуации.

Алек машет рукой, словно намекая двигаться.

- Как обычно, просто беги.

Смотрю в сторону возвышающихся холмов, затем на Николу, на Алека смотрю в самую последнюю очередь.

- Я так не могу, - внезапно смутившись, сообщаю я.

- Почему? - не понимает Алек.

Я вскидываю рукой в их сторону, не до конца уверенная в решении сказать правду. Но уже поздно, слова просачиваются сквозь губы раньше, чем прикидываю, как на них отреагирует Алек.

- Потому что вы - не Марко.

И вот только тогда, когда глаза Алека буквально набрасываются на мои, понимаю, насколько это было опрометчиво. Я вижу в них проблеск какого-то ярого чувства. Необходимо секунд пять, чтобы понять, что это чувство ревности. Стойкая непроницаемость Алека трещит под весом его реакции, он сухо усмехается, затем натягивает на губы ухмылку, которая, как две капли воды, похожа на оскал.

- Очаровательно, - едва слышно цедит он.

Его прищуренный взгляд просверливает во мне, как минимум, уже сотую по счёту дыру за ту минуту, которая проходит в полной напряженной тишине, и я ощущаю, как меня стремительно покидает чувство стойкости. Всё в Алеке даёт мне понять, что он больше не намерен вести ранее затеянную игру. Теперь им управляют эмоции.

- И чем же таким особенным Марко отличается от нас? - Алек отчётливо выделяет «нас», но я слышу обвинение в каждом звуке его голоса.

Однако я не могу объяснить Алеку, что он думает совсем не о том, а этот вопрос попадает в категорию ещё большей неловкости. Мой рот открывается, затем снова закрывается, и так продолжается некоторое время. Куда подевалась вся моя злость на него, когда она так необходима? Остался лишь её слабый шёпот, говорящий мне, что я вовсе не обязана перед ним оправдываться, но его всё больше и больше заглушает другое чувство. То, что всегда сильнее меня.

- Ну, и? - не выдержав, подсказывает мне Алек, что пора уже отвечать.

- Так, стоп! - неожиданно вмешивается Никола, и мы с Алеком оба смотрим на него. - Я знаю методы Марко, - продолжает он, можно сказать, спасая меня от объяснений, - но необходимо, Лена, чтобы ты обошлась сегодня без этого. Вот, почему мы заменяем Марко.

- Что ещё за методы? - нападает Алек на Николу, сузив потемневшие глаза практически до тонких щелок.

Он ждёт несколько секунд, но, когда ответа не поступает, очевидно, что Алек доходит до него сам. В знак понимания он пару раз кивает, но остаётся выглядеть чересчур недовольным. И это вызывает моё замешательство: их разногласие только что подтвердило, что здесь не всё так чисто, как они хотят преподнести.

Когда Никола перестаёт переглядываться с Алеком в ожидании дальнейшего разговора, он переводит взгляд на меня

- Сегодня всё по-другому, Лена. Просто беги, как можешь. Либо кто-то из нас тебя догонит, и всё остановится, либо не догоним, и Марко окажется прав.

Чушь! Но чем быстрее это всё начнётся, тем скорее я выясню их мотивы. Выдыхаю едва заменное облачко пара вместе с напряжением и киваю, соглашаясь с ними.

- Уверена, что готова? - интересуется Никола.

Алек же не смотрит в мою сторону и выглядит всё таким же недовольным, словно вообще больше не хочет учувствовать в задуманном. Я снова киваю, уверена, что просто желаю, чтобы меня они догнали, и всё побыстрее закончилось.

Поэтому, как только разворачиваюсь, сразу начинаю бежать. Первые несколько секунд, я знаю, что за мной никто не следует, давая возможность значительно вырваться вперёд, но уже через пару мгновений чувствую в теле напряжение. Я привыкла к подобному ощущению, неизвестно каким образом это работает, но невиданные инстинкты действительно помогают знать больше, чем видят глаза.

Мельком бросаю взгляд через плечо и замечаю только Николу по правую сторону, держащегося от меня, как минимум, на расстоянии пяти метров. Вот только не позади, а сбоку, без каких-либо проблем равняясь с моей скоростью. Первая галочка, подтверждающая мои ранние сомнения.

Оглядываюсь через левое плечо, Алек придерживается примерно такого же расстояния. Вторая галочка. Теперь я точно уверена, что здесь что-то не так.

В груди вновь собирается осязаемое волнение. Мне не нравится - не нравится - то, что я никак не могу понять их мотивов. Но как бы там ни было, это привлекает меня ещё больше втянуться в их неизвестную игру. Я ускоряюсь, немного изменяя выбранный курс по прямой, двигаюсь влево, к самой кромке воды и на перерез Алеку, отчего вижу, как Николе приходится повернуть в нашу сторону, а Алеку затормозить.

Затормозить, а не воспользоваться возможностью.

Мои чувства наострились до максимального предела, словно говоря мне быть осторожней. Но одновременно во мне вспыхивают желания нарушить их мотивы, и, как только ступни начинают утопать в мокром песке, я снова сворачиваю, но уже вправо.

Ускоряюсь вдвое, второе, до тех пор, пока не начинает жечь мышцы болью, однако всё равно на этом не останавливаюсь. Меня что-то подтапливает, не позволяет, поддавшись усталости, сбавить практически невыносимую для тела скорость. Я виляю между стволов деревьев, постоянно меняя своё направление, но не отходя от намеченного маршрута, пока передо мной не появляется единственная узкая тропинка, ведущая к подъёму на холм.

Вдоль обеих её сторон густой стеной растут многочисленные кустарники и невысокие деревья. Если меня и можно догнать, то только здесь, поэтому я уговариваю тело потерпеть ещё минуту и проскочить этот промежуток, похожий на узкий коридор...

Внезапно слева, прямо из гущи кустарников появляется тело,двигающееся в моём направлении, и я взвизгиваю, так громко, что собственный же крик оглушает меня. От неожиданности резко шарахаюсь вправо, спотыкаясь, и только в падении понимаю, что тело – это чертов Марко.

Но уже поздно, я не успеваю сгруппироваться и неуклюже приземляюсь на кисть левой руки. Острая боль пронзает запястье, и из моих уст без остановки летят самые искромётные проклятия. Переворачиваюсь на спину, прижимая здоровой рукой поврежденное запястье к груди, и натываюсь при этом плечом на низкорастущие ветви кустов. Они вонзаются в кожу, и от этого мои ругательства только набирают обороты.

Я определенно пожелала всем троим самой наихудшей смерти, как минимум, тысячу раз.

- Ты провалилась, чик-чик, - с ехидством констатирует Марко, подходя ко мне.

- Катись к чёрту! - огрызаюсь я, жмурясь от боли.

Марко пропускает смешок и наклоняется, чтобы помочь мне подняться, но я буквально рычу на него.

- Отвали!

Он игнорирует мой - всего лишь слабый - намёк на нежелание принимать его помощь и, ухватив меня за здоровую руку, поднимает на ноги.

Мои глаза видят только его, не замечая ничего вокруг. Я знаю, что рядом Алек и Никола, но в первую очередь ненавижу его. Да я готова поставить голову на отсечение, что эта идиотская затея принадлежала ему. Кто же ещё настолько ненормальный, чтобы придумать подобное.

Распаленная своей злостью, я набираю побольше воздуха в лёгкие, чтобы выдать новую порцию ругательств, но взгляд Марко, пылающий ещё пущим негодованием, буквально заставляет застрять их в горле.

- Реакция и контроль - это единственное наше преимущество перед гибридами, - произносит он, и его жёсткий, твёрдый голос переворачивает что-то внутри меня в противоположную сторону. Ещё вчера он бы подействовал на меня, но не сейчас. Однако Марко на этом не останавливается, он собирается отчитать меня по полной программе, не обращая внимания, что в моих глазах просветления даже не предвидится. - Было множество способов, которыми ты могла воспользоваться, я знаю это, я все просчитал...

Внезапно меня пробирает дикий, безрассудный смех, что в какой-то малой степени меня пугает собственная реакция. Но я смеюсь, едва осиливая вставлять слова.

- Ты знал, что я не справлюсь. Не обманывай себя.

Странный смех угасает, но я по-прежнему улыбаюсь, раздражая этим Марко ещё больше.

- Издеваешься? - скалится он, но следующего, чего бы ни хотел сказать Марко, он не

успевает озвучить.

- Хватит разговаривать с ней таким тоном, – раздаётся озлобленный голос Алека, и мне кажется, что все разом вспоминают о его присутствии.

По крайней мере, я точно забыла.

- Алек не вмести... – отзывается Марко, махнув рукой в его сторону.

- Я согласился участвовать в этом, – вновь не даёт Алек продолжать ему говорить, – но никогда не обещал, что не стану вмешиваться.

Теперь Марко поворачивается лицом к Алеку.

- Ты не помогаешь ей, как думаешь, а только делаешь хуже, – пытается он донести свою истину до Алека спокойным тоном голоса.

Но, если честно, от одного взгляда Алека, он уже должен понять, что сейчас его истина вполне может быть отослана в самые отдалённые места мира. Адамово яблоко на шею Алека движется, когда он тяжело сглатывает, явно едва сдерживая себя.

- Может, это мне решать: что лучше для неё, а что нет?

- А может это только мне решать? – резко обрываю я их спор, мгновенно зарабатывая за это бушующий огнём взгляд Алека.

Но мне плевать, особенно сейчас, когда он так открыто заявляет, что взял на себя право моего голоса. Несколько секунд все смотрят на меня, по-видимому, ожидая ещё каких-нибудь слов, однако мне добавить нечего. Я предельно ясно дала понять, что решения за себя принимаю только сама. И следующее, которое принимаю: просто уйду, оставляя это безумие у себя за спиной. Проходит от силы минута, когда Алек нагоняет меня, оказываясь передо мной. Я останавливаюсь, но смотреть ему в глаза отказываюсь, отворачивая голову.

- Дай мне посмотреть руку, – просит Алек мягким, задевающим всё живое внутри меня голосом.

На глаза едва ли не наворачиваются слёзы от той борьбы, что мне приходится вести с самой собой. Я хочу поддаться чувствам, позволить им снова управлять мной и бездумно окунуться в их теплоту. Но это было бы так просто и так неправильно. И поэтому, когда Алек тянется к моей руке, я отступаю назад, по-прежнему удерживая взгляд подальше от его глаз.

- Она в порядке.

- Не упрямясь, Лена, – тихо, но настойчиво уговаривает Алек. – Она может быть вывихнута или, того хуже, вообще сломана. Кости могут срастись неправильно, и тогда её снова...

- Моя рука в порядке, – на этот раз жёстче говорю я и наконец-то осмеливаюсь встретить его взгляд.

Он именно такой, каким я его себе и представляла – родной, заботящийся и излучающий беспокойство, словно я до невозможности хрупкая и способная развеяться даже от слабого порыва ветра. И я люблю этот взгляд, больше всего на свете люблю и хочу, чтобы Алек смотрел на меня так ежесекундно.

Но сейчас, когда впервые пытаюсь сделать что-то самостоятельно и доказать себе, что способна на большее, чем сваливать постоянно все проблемы на его плечи, этот взгляд губителен для меня, как яд, разъедающий всю мою стойкость.

Поэтому именно сейчас мне следует срочно остановить себя, прежде чем позволю себе утонуть в нежности его взгляда навсегда. Я отхожу от него ещё на один шаг назад, будто это поможет мне отстраниться не только физически, и, стараясь ни разу не поморщиться, поднимаю руку так, чтобы ладонь находилась на уровне моего лица. Я прокручиваю ей в области запястья.

- Вот видишь, она не сломана, - мои слова звучат уверенно, но так оно и есть, боль стихла и движение не вызывает практически никаких неприятных ощущений. - А с простым ушибом я вполне способна справиться самостоятельно.

Кажется, что мои последние слова вызывают в Алеке что-то болезненное, но сам он кивает. И прежде, чем он может сказать что-нибудь ещё, я обхожу его и делаю то, что у меня получается лучше всего - вновь начинаю бежать.

Глава 9

Спустя три часа моя рука полностью излечивается и функционирует нормально, да и сама я становлюсь достаточно успокоившейся, чтобы наконец-то поговорить с Марко. Поэтому направляюсь в сторону холмов. Я знаю, что Марко там, он слишком упрям и будет ждать меня до последнего, даже если сам будет уверен, что я не приду.

Но я иду, и это он тоже наверняка знал заранее.

Странное чувство сомнения одолевает меня, когда остаётся сделать несколько шагов, но, когда я ступаю на самую вершину и вижу там Марко, внутри вновь разгорается злость. Разум предлагает отказаться от дурной затеи, но я его не слушаю. Поздно, я уже стремительно приближаюсь к нему и, замахнув руку для удара, бью его в плечо.

- Ты знал, что я не справлюсь! - почти кричу на него, снова готовясь ударить.

Понятия не имею, почему он позволил осуществить это в первый раз, и уж тем более поражаюсь, когда он позволяет мне ударить его во второй раз. Но вот на третий, он перехватывает мою руку и удерживает её между нами.

- Не глупи, чик-чик, - говорит он, отталкивая меня назад. - Ты несёшь бред.

Я снова наступаю на него, он лжёт, мы оба это знаем, и я не успокоюсь, пока Марко не признается, что сделал всё преднамеренно, чтобы что-то доказать мне.

- Зачем нужен был весь этот спектакль тогда?

Подобравшись максимально близко, я целюсь ему в грудь.

- Чтобы отвлечь тебя от главного, - откинув притворство, объясняет Марко, блокируя мой удар.

Он перемещается левее, сегодня Марко держится оборонительной позиции, очевидно, позволяя мне выпустить пар.

- Хорошо, - принимаю его ответ, кивая, и, быстро сдунув выпавшую прядь волос, вновь занову локоть назад. - Но зачем они оба учувствовали в этом?

Марко нагибается, проскальзывает под моей рукой и бьёт меня в бок. Передышка окончена.

- Так было сложнее, - разъясняет он, когда я оказываюсь к нему лицом. - Плюс нервозность из-за присутствия Алека. - Марко делает выпад, пробуя захватить мою руку, я отстраняюсь назад. - Правда, я рассчитывал, что ты не захочешь провалиться перед ним.

На этот раз Марко не позволяет мне подобраться поближе, вместо того, чтобы блокировать мои удары, он наносит их сам.

- Значит, ты всё же рассчитывал на мой провал, - усмехаясь, не упускаю я возможности кинуть обвинение.

Мне приходится постоянно отступать назад, дабы избежать его кулаков, проносящихся всего лишь в нескольких сантиметрах от меня.

- Конечно, я не исключал вариант, что ты не справишься. Это была ловушка. Но ты бы меня очень порадовала, если бы прошла испытание, - наконец-то начинает признаваться Марко. - Такая ситуация далеко не исключение. Тебя могут преследовать сразу двое, соответственно ты должна за ними постоянно следить, мгновенно принимая решение. И

ты с этим справилась. Ник сказал, что под конец ты начала даже хитрить. – На секунду он замедляется и ухмыляется, давая мне лёгкий передых, затем снова наступает, правда уже не с такой частотой ударов. – Но последнее было самое сложное. И ты провалилась именно на этом.

Я замечаю, что Марко, отвлекшись на разговор, перестал держать меня закрытой от возможности увильнуть. И я этим незамедлительно пользуюсь. Когда в очередной раз он открывает левую сторону, я пинаю его в ногу чуть выше колена и, резко метнувшись влево, оказываюсь сбоку от него. Я вновь заново ногу, но Марко поворачивается, прежде чем моя ступня достигает цели. Он отбивает её тыльной стороной руки, причем кажется, что для меня это было намного больше, чем для него.

– И какие у меня были варианты? – тяжело дыша, осиливаю вопрос. – Назад путь был закрыт, по обе стороны колючие кусты, а впереди – ты. Мне не хватило бы времени подумать.

Теперь я слишком отвлекаюсь на разговор, не замечая, как Марко пробрался чуть правее, он пинает меня в бедро, и у меня едва-едва получается устоять на ногах. И времени, пока я сражаюсь с земным притяжением, хватает ему, чтобы оказаться у меня за спиной и схватить за шею.

– Ну, давай посмотрим, – протяжным голосом начинает Марко. – Кусты – это вообще не проблема. Подумаешь, поцарапаешься, зато останешься живой. – Я барахтаюсь, пытаюсь просунуть кисть под его руку, но ничего не получается. – Это был первый вариант. Кстати, самый лёгкий. Второй – это вырубить меня, но ты же... – Марко глубоко и шумно вздыхает, и я ощущаю, как он качает головой. – Ты, чик-чик, умудрилась упасть. Причем ещё и растерялась, из-за чего не сгруппировалась и повредила руку. Полный. Сокрушительный. Провал.

Марко так крепко держит захват на моей шее, что у меня с трудом получается даже дёрнуться, но я не оставляю попыток.

– Значит, я настолько плоха, – объявляю я, уже размышляя о том, что мне большего никогда и не светило.

О чём говорить, если я уже минуту не могу освободиться, хотя сам Марко без проблем может трепаться, жестикулируя второй рукой.

– О-о-о, именно это ты скажешь, в случае чего, следующему гибриду, который сможет схватить тебя? – спрашивает Марко, и то, что я слышу в его голосе смех, начинает задевать за живое. – Я прямо-таки представляю ваш короткий диалог. «Эй, не мог ли ты отпустить меня, а-то я настолько никчёмна, что не смогу с тобой справиться», – изображая писклявый голосок, несёт полную чушь Марко, а затем меняет его на грубый. – «Что же ты сразу не сказала», ответит гибрид и шарахнет от тебя со словами: «Пойду тогда поищу себе более обученную закуску». – Я ощущаю, как Марко склоняет голову вперёд, пытаюсь взглянуть на моё лицо. – Я так понимаю, на это ты и рассчитываешь. Однако я что-то не припомню, чтобы это подействовало в прошлый раз с твоим другом, – он замолкает всего на секунду, за которую отчётливо слышно, как я громко втягиваю воздух, и тогда Марко тихо повторяет: – Даже с другом.

Что-то переключается во мне. Какое-то чувство, сидящее глубоко внутри. Страх, который я испытывала раньше, вспоминая тот вечер, перевоплощается в гнев – чистейший и настоящий. Он извивается под кожей, разрывая её, желая вырваться наружу. Каждая мускула в теле напрягается вместе со мной, и я впиваюсь ногтями в удерживающую меня за шею руку Марко. А следующее происходит на автомате – я резко запрокидываю голову назад. В этот же момент тупая боль пронзает затылок, а Марко ослабляет хватку, но мне приходится проигнорировать её, чтобы скользнуть вниз, наконец-то освобождаясь от его руки.

Я мгновенно разворачиваюсь к нему лицом, опасаясь снова оставлять Марко за спиной. И делаю это, как раз вовремя, чтобы отразить его удар. В глазах Марко плещется дьявольское веселье, а губы растягивает не менее злорадная ухмылка, когда он, не позволяя мне даже расслабиться и на секунду, заносит руки для ударов. Я блокирую их один за другим, отступая назад. Но он на этом не останавливается, подключая ноги.

Отлично, я разозлила Марко, и теперь мне определенно грозит неминуемая смерть. Так он не наступал ещё никогда.

- Почему с вами девушками всегда сложно? - возмущается Марко ровным тоном голоса, который полностью противоречит его скорости.

Я бы с удовольствием показала ему своего непонимания по поводу его вопроса, но - куда там? Если я это сделаю, то оно будет последним в моей жизни.

- Почему, пока вас не разозлишь, вы даже не удосуживаетесь начать защищаться? - продолжает Марко выдавать вопросы, и на этот раз моя бровь всё же взлетает вверх от удивления.

Разве, это я сейчас злюсь? Все, что я делаю - спасаю себе жизнь. Ну, и слушаю не обоснованные претензии в свой адрес.

- Правда, с моей сестрой это сработало быстрее, чем с тобой. Ники в отличие от тебя более вспыльчивая...

Я пропускаю мощный удар ногой по моему боку. По телу стремительно пронесется боль, заставляя все внутренности скрутиться. Равно хватаю ртом воздух и уговариваю желудок оставаться на месте, когда он уже намеривается подняться к горлу, и, согнувшись по палам, падаю, приземляясь задницей на землю.

Я всё ещё пытаюсь вздохнуть, лёгкие жаждут кислорода, однако не уверена, что меня больше поразило: удар или последние слова. Желание посмотреть на Марко велико, но боль буквально вырывает из меня все мысли. Я сконцентрирована только на ней.

- Переборщил, - раздаётся где-то надо мной огорчённый голос Марко, едва пробивающийся сквозь гул в ушах. Такое ощущение, что их залило водой, но следующие слова я всё равно слышу, даже если и хочу этого избежать. - Оказывается, что ревность выбивает тебя из равновесия, а не злит, как я предполагал.

Мне всё же удаётся поднять голову и посмотреть на Марко поражённым взглядом.

- Ты это специально сказал?

Неохотно, но он кивает.

- Как мне ещё было вывести тебя из себя окончательно? Ты достаточно разозлилась, чтобы обороняться, но недостаточно для того, чтобы нападать.

Я трясую головой.

- Это - подло, - заявляю я громче, чем на самом деле способна себе позволить с таким запасом кислорода в лёгких.

Он по-прежнему поступает затруднительно. Но удар Марко по-настоящему был не физическим. Это больше сейчас волнует, чем всё остальное.

- Знаю. Но я должен быть уверен, что, хотя бы разозлившись, ты постоишь за себя. Потому что сегодня заключительный день тренировок. Вот я и подумал, что если Алека можно задеть только тобой, то это будет работать и в твоём случае.

Я пропускаю мимо ушей информацию, о завершение тренировок, и, всё ещё качая головой, начинаю вставать. Мне больно и тяжело подниматься на ноги, но помощь Марко не собираюсь принимать, игнорируя его протянутую руку. Теперь я точно злюсь, на кого именно сама не понимаю, просто такая правда кажется несправедливой. Словно я предала саму себя, настолько доверившись Марко.

Смогла бы я так к нему относиться, зная заранее, кому он приходится братом? Зная, кто именно скрывался те несколько раз, когда он упоминал о своей сестре. Это всё разрывает меня, мысли вертятся в голове водоворотом множества различных пониманий.

Но все обращаются в одно.

- Николь - твоя сестра, - просто говорю я, словно обязана произнести это вслух, чтобы до конца поверить.

- Николь и Никола - двойняшки, если быть точнее, - вновь сокрушает меня Марко.

Холодный воздух проскальзывает сквозь губы и пробует остудить то пламя, что уже начинает разжигаться во мне. Я пытаюсь изо всех сил взять себя в руки. Но не получается.

«Всё детство», думаю я. Или же проще сказать «всегда» - вот, что связывало Алека с ней.

Моя голова кружится. Я всё ещё пытаюсь понять, на кого должна злиться.

- Ревность, серьёзно? Думаешь, меня только так можно разозлить? - спрашиваю я голосом, похожим на шипение.

Кажется, я наконец-то нахожу, на кого мне злиться. Марко пожимает плечами, и на его губы взбирается довольная ухмылка.

- Это уже работает. Не так, как мне хотелось бы... Да и слегка запоздало. Но всё же работает.

Я не понимаю, отчего Марко выглядит таким развеселившимся, но сама из-за этого начинаю посмеиваться нервным, обрывающимся звуком. На самом деле, мне даже хочется ударить себя по лбу с криком «Как же всё было очевидно»; и сделать пометочку, что не мешало бы купить себе витаминки для развития мозгов.

Как глупо, как глупо...

Я не замечаю, что уже не стою на месте, расхаживаясь по кругу и пытаюсь обуздать закипающие внутри меня эмоции, пока голос Марко не раздаётся у меня за спиной.

- Вот же какая получается ирония, что задел я вас с Ники одним и тем же человеком, - произносит он раззадоривающим последние ясные частички моего разума ехидным голосом. - Правда, Ники в отличие от тебя хотела...

Что-то внутри меня срывается. Глубокая ярость, разрастаясь до огромного шара, взрывается - я молниеносно разворачиваюсь и, желая заткнуть Марко рот, бью его, даже не осознавая куда. Оказывается, я ударила его в лицо, и он отшатывается назад, но уже в следующее мгновение вновь попадает ногой в тот же бок. Правда, на этот раз мне плевать. Гнев горит во мне, охватывая жаром всё тело, заглушая другие чувства, поэтому мне без труда удаётся не замечать боли.

Марко добился того, чего хотел. Разозлить? Пожалуйста, получите двойную порцию.

И он этим довольствуется. Улыбаясь, он поднимает руку и жестом манит меня, предлагая нападать. На этот раз я принимаю вызов.

Спустя минут пятнадцать я едва дышу и ощущаю тело. Мне кажется, что оно похоже на трясущееся желе. Марко тоже выглядит слегка усталым. Но всего лишь слегка. Однако больше не нападает, позволяя мне пользоваться передышкой. И только сейчас я замечаю, что его правый висок охвачен перламутровым цветом. Кровь резко приливает к лицу, и мне становится не по себе, что поставила ему синяк. Наше главное правило: не бить выше шеи; и я его бездумно нарушила из-за какой-то глупой ревности.

- Прости, - неожиданно для меня говорит Марко, что вызывает во мне ещё пушиль стыд, так как это я должна извиняться. - Мне не следовало выводить тебя из себя подобным образом. Половина сказанного - даже не является правдой.

Я забираю назад своё желание перед ним извиниться и, скрестив руки на груди, принимаю сосредоточенный на его словах вид. Марко начинает говорить что-то ещё, но отсекается, не успевая озвучить и нескольких букв. Он обращает взгляд за мою спину.

- Очень вовремя, - едва слышно бормочет Марко вместо того, что теперь останется для меня навсегда неузнанным.

Но как бы там ни было, меня это тоже перестаёт волновать. Моё нутро сжимается, когда осознаю, кто именно к нам приближается.

- Соскучился по мне, Алек? - напустив любезности, спрашивает Марко и натягивает на лицо обновлённой версии хитрую улыбку, за которой так очевидно скрывается недобрый замысел.

По непонятным причинам, я ощущаю всем своим телом напряжение Алека, даже не видя его самого. Это выражается в его затянувшемся молчании, в его неспешных, почти бесшумных шагах, в его тихом дыхании - как всегда, идеально наигранная спокойность.

Когда Алеку остаётся сделать ещё шаг, чтобы сравняться со мной, он наконец-то отвечает, однако без привычной колкости в голосе, что совершенно противоречит ему.

- Соскучился, но не по тебе.

Меня удивляет, что он обходится без сарказма, и я хочу взглянуть на него, но переживаю, что сейчас у меня самой не получится удержать себя от язвительных комментариев в его адрес.

Алек останавливается прямо возле меня, и я вижу боковым зрением, что его глаза неотрывно скользят по мне сверху вниз и обратно. Он ждёт, что я обращу на него внимание где-то с секунд десять, и когда он не получает желаемого, обращает взгляд к Марко. Его плечи резко вздёргиваются, словно он смог увидеть что-то ошеломляющее. Теперь у меня не получается удержаться от желания посмотреть на Алека, но сам он пристально изучает глазами Марко.

- Это что, синяк? - спрашивает он, прищурившись на лице друга.

Мой взгляд машинально направляется к источнику вопроса, и я замечаю, что Марко выглядит так, словно только и ждал этого.

- Что, зрение подводит? Странно, с нашими-то способностями стыдно сомневаться в увиденном, - не упускает возможности сострить Марко.

На этот раз Алек не остаётся в стороне от их излюбленной манеры общения. Он ухмыляется и делает пару шагов в сторону Марко.

- Это тебе должно быть стыдно, что он вообще у тебя есть. - Алек склоняет голову на бок, и я слышу в его голосе веселье, когда он продолжает говорить. - Как это случилось? Неужели, споткнулся и напоролся на камень?

Марко кривит губами в беззвучной усмешке.

- Не угадал. Просто чик-чик сегодня немного погорячилась, забыв, о нашем уговоре. - Марко как бы невзначай смотрит на меня. - Но я совершенно не злюсь на неё за это.

Алек в то же мгновение поворачивается ко мне. Несколько секунд в его глазах мечется ярко-выраженное сомнение, а потом в них вспыхивает какая-то мысль, словно он неожиданно вспомнил что-то очень смешное. Он заинтересовано приподнимает бровь.

- Я так полагаю, ты снова смухлевала и опробовала уже на Марко тот запретный свой приём, - в звуке его голоса буквально через край сочится язвительность. Я прожигаю Алека злостным, переполненным обидой взглядом, и он становится более серьёзным. - Если нет, то я скорее поверю в версию, что ты споткнулся и ударился об её кулак, нежели в твою чепуху.

Алек говорит это Марко, но его глаза прикованы к моим. Что он делает? Злит меня, или же мстит? Я хочу что-нибудь ответить из разряда разгромно-жалящих слов, но за меня это делает Марко.

- Не советую тебе злить эту девочку. Понятия не имею, чем, но ты уже это сделал неделю назад, что, кстати, и помогло мне добиться подобного результата. - Он снова

показывает пальцем на светлеющий желтизной синяк. – Я – разозлил.

Плечи Алека напрягаются в два раза сильнее, и происходит это тогда, когда Марко упоминает, о нашей ссоре, поэтому его настрой сразу становится мрачнее. Он больше не собирается поддерживать эту душевную беседу, словно Алека раздражает сама мысль, что я смогла сделать такое.

– Очень хорошая попытка, Марко, – недовольно бормочет он. – Но даже если бы Лена находилась в ярости, вряд ли сделала такое.

Будто подтверждая мои догадки, заявляет Алек, и я чувствую странный укол в груди – это был настоящий удар по моей гордости.

– Я бы не был таким уверенным. Ведь это я обучал Лену, а моя работа всегда идеальна, – вступает за меня Марко и, посмотрев в мою сторону, подмигивает. Я слышу в это же мгновение странный звук, похожий на приглушённое рычание. Необходима секунда, чтобы до меня дошло, что это был Алек. Но Марко, не придавая этому значения, обращает взгляд к нему и, как ни в чём не бывало, улыбается. – Поэтому, если придётся выбирать между вами, то я, скорее всего, поставлю на чик-чик, а не на тебя.

– Шутишь? – спрашивает Алек с явным намёком прекратить этот разговор.

Марко пожимает плечами.

– Кто знает, кто знает, – дразнит он Алека хитрой ухмылкой и игривым вскидыванием бровей.

Он что, сейчас натравливает нас друг против друга? Провоцирует Марко не меня, но зато ответы Алека делают это за него. Однако сам Алек теперь остаётся нерушимо серьёзным, точно так же выкупая замысел Марко.

– Оставь свои попытки спровоцировать меня. Они не действуют. Я не бью девушек, в особенности своих.

Что-то внутри меня вспыхивает с новой силой, знакомое и гадкое чувство мгновенно просачивается в кровь, захватывая над разумом контроль.

– В чём дело, Алек? – теперь я беру на себя инициативу спровоцировать его. – Переживаешь, что Марко окажется прав, поставив на меня? Или ты настолько не веришь в мой успех?

Мой неожиданно прозвучавший голос мгновенно заполучает всё внимание Алека целиком. Он смотрит на меня недоумевающим взглядом. Потому что он и понятия не имеет, что мной по-прежнему управляет ревность. Он не бьёт «своих девушек», обеих из которых, по *счастливой* случайности, тренировал Марко.

Действительно получается ирония, и эта мысль довольно сильная мотивация доказать что-то Алеку. Возможно, провалиться. Но я хотя бы попробую, потому что устала выглядеть в его глазах уязвимой.

Алек недоумевает всего несколько секунд, затем его взгляд проясняется, обретает блеск заинтересованности, и он усмехается.

– Прости, принцесса, но Марко лишь задурил тебе голову, внушив, что ты можешь быть сильнее его или меня.

Я не отступаю от попытки, приближаясь к нему на шаг.

– Так давай выясним это. Докажи мне, Алек, что Марко неправ. Потому что ему – я верю больше.

Его глаза сужаются, я явно вызвала в его мыслях спор, продолжая задевать его эго с помощью большей веры в Марко.

– Ты это не серьёзно, – продолжает отрицать Алек.

Ещё два, три шага с моей стороны, я подкрадываюсь к нему, словно дефилирующая,

хитрая кошка.

- Более чем, - лепечу я сладким дразнящим голоском.

Ещё один шаг, и вот нас разделяет всего лишь метр.

В глазах Алека проносится яркая ослепляющая вспышка, и я даже не успеваю моргнуть, как он приближается, намереваясь, сделать подсечку, выбив землю из-под моих ног. Но зато я успеваю мгновенно отпрыгнуть, и Алек проходится ногой лишь по пустой земле, поднимая пыль в воздух. На одну крохотную секунду он ошеломлён моей реакцией, и я решаю этим воспользоваться. Крутанувшись, пробую ударить Алека ногой, направляя её в область его груди. Но он слишком быстр, стоит моей ноге только устремиться в намеченную цель, как он перехватывает её за лодыжку и резко поднимает вверх, рассчитывая снова опрокинуть меня на спину.

Мне ни разу не приходило на ум вычудить подобное, тренируясь с Марко, но сейчас озарение, как я могу выкрутиться и не упасть, приходит само по себе. Я использую ладонь Алека, как опору для своей ноги, и, отталкиваясь второй от земли, делаю сальто назад. Когда приземляюсь, я поражена не меньше, чем Алек, но вида на то точно подавать не собираюсь. Смотря прямо в его изумлённые глаза, с дерзостью ухмыляюсь: гимнастика определённо пошла на пользу для этой жизни. Хотя тут же понимаю, что сделала это зря. Что-то неожиданно в его глазах меняется, ментально вытесняя из них удивление. Мне даже не хватает времени, чтобы понять, что это было, как Алек уже оказывается за моей спиной.

Молниеносно, словно его тело могло принять форму воздуха, или же он позаимствовал у Света скорость.

Он обхватывает первым делом мою талию и тесно прижимает меня спиной к своей груди, и уже только потом его правая рука обвивает шею. Но даже это движение со стороны Алека было осторожным, нежным и ласковым. А когда его губы касаются кожи за ухом, оно становится и вовсе интимным. На секунду я забываю, что происходит вокруг. Моё тело просто расслабляется в его объятиях, вспоминая это ни с чем не сравнимое чувство спокойствия.

- Надеюсь, я достаточно ясно доказал тебе, принцесса, что это всего лишь самообман? - звук его низкого, приглушённого до шёпота голоса прокрадывается в меня, вибрирует, обостряя все ощущения, и я расслабляюсь ещё больше, пока...

...пока его слова не проясняют разум.

Обвожу глазами небо, собирая в голове большее количество доводов, выступающих за идею выбраться из его объятий. Алек даже не удерживает меня, он просто наслаждается моей беспомощностью, вызванную силой моих чувств, но не силой его тела.

Глубоко вдыхаю, пытаюсь рассеять застилающий удовольствием туман мысли, они кажутся неясными и скрытыми за пеленой тепла. Но где-то в глубине сознания всё же есть чёткое понимание, что так быть не должно.

Неправильно так легко уступить Алеку, постоянно поддаваясь чувствам.

Я знаю, что это уже несправедливо с моей стороны просить своё и так уставшее тело продержаться ещё немного и выкинуть что-нибудь действенное, что поможет освободиться. Как вдруг, осознаю главное, что подмечала ранее: Алек так уверен в себе, что даже не удосуживается напрягать руки, удерживая меня.

Улыбка сама расползается на губах от мысли, что Алека подводит собственное же самолюбие. И следующее, что делаю, сохраняя всю ту же довольную улыбку, я сгибаю ногу и тут же ударяю Алека пяткой в колено. И пусть его руки мгновенно же полностью расслабляются, я всё равно не упускаю возможности вдобавок заехать локтём ему в живот.

Когда я вновь свободна, разворачиваюсь к нему лицом, но абсолютно без каких-либо предположений, что делать дальше. Хотя этого и не требуется, на ногах я нахожусь ровно миллисекунду. Один рывок со стороны Алека, и вот я уже лежу на земле, а сам он возвышается надо мной.

Немного злой, немного удивлённый, но в большей степени уже серьёзный, он оценивающе бродит по моему лицу потемневшими от переизбытка эмоций глазами. Алек тянет один уголок губ вверх, но его ухмылка не выглядит высокомерной. Скорее, она больше выражает его глубокую задумчивость.

Падение выбило из меня вместе с воздухом огромную долю решительности, но всё же я еще могу ощущать тот тлеющий огонёчек собственного достоинства. До последнего не погасает надежда, и её хватает, чтобы осилить следующее. Я видела, как тогда воспользовался подобным приёмом Марко, и делаю всё в точности так же – вцепляясь в лодыжку Алека, я со всеми силами, что ещё остались, резко опрокидываю его на землю. Действие буквально пожирает весь запас моей энергии, но, когда Алек оказывается на спине, не могу устоять желанию пойти до самого конца. Я переворачиваюсь и взбираюсь на Алека так быстро, как только могла представить в своих лучших фантазиях. Стискивая его бёдра коленями, упираюсь ладонями в его плечи и наклоняюсь к лицу Алека максимально близко, готовясь прошептать ему на ухо что-нибудь такое развязное, что было бы подходящим в данной ситуации.

Но меня ожидает разочарование.

Не проходит и секунды, как Алек резко переворачивает моё тело полностью под своё. Он прижимает меня к земле своим весом, нависая надо мной, и это... это уже слишком сильно воздействует на меня, чтобы продолжать сопротивляться. Алек склоняется к моему уху, и пульс на шеи мгновенно подскакивает.

Он делает то, что несколько секунд назад так идеально спланировала я.

– Мне кажется, ты путаешь понятия, принцесса. Это не драка, это называется – прелюдией, – шепчет Алек так тихо, чтобы слышала только я, и теперь мне становится сложно дышать по-настоящему.

Он приподнимается, чтобы встретить мой взгляд. Голова моментально становится пустой от любых мыслей. Я чувствую только жар, исходящий от его тела, его тёплое дыхание на моих губах и такое знакомое, что у меня сводит живот некой энергией и натяжением. Тлеющий взгляд концентрируется на моих губах, и я понимаю, что он задержал дыхание, собираясь меня поцеловать. Внезапно всплывает какое-то отрицание, и мне кажется, что должно быть что-то очень важное, почему Алек не должен этого делать, но я никак не могу решить, что именно.

Поэтому просто закрываю глаза, сосредотачиваясь на ощущениях, на руке Алека, которая скользит вверх по изгибу талии, собирая попутно складки из ткани моей толстовки и поднимая её, оголяет кожу, покрывающуюся мурашками, и на его губах, которые мягко касаются моих...

Внезапно я резко втягиваю воздух, непроизвольно шикнув от боли в боку. Алек в то же мгновение отстраняется, поднимаясь надо мной, и когда открываю глаза, меня встречает его переполненный тревогой взгляд.

– Я сделал тебе больно? – спрашивает Алек, но, мне кажется, что больно сейчас на самом деле только ему от собственных же слов. Я не успеваю ответить, он начинает говорить снова, осматривая меня спешным взглядом. – Чёрт, прости меня... прости, я не должен был вообще поддаваться провокации...

Алек умолкает и тяжело сглатывает, когда у меня не получается остановить его, и он поднимает толстовку. Поначалу мы видим только маленький багровый кусочек синяка, окрашивающего мою кожу. Но потом Алек задирает толстовку выше, оголяя больше кожи и открывая полный вид на этот ужас, охвативший мои ребра по левую сторону. Алек снова сглатывает и снова, и снова, пытаюсь очевидно успокоиться и принять увиденное, но у него не получается. Его глаза воспаляются злостью, он озирается по сторонам. По-видимому, отыскивая Марко. Но его не оказывается поблизости.

В следующее мгновение Алек уже встаёт, пытаюсь как можно аккуратнее поднять меня с собой. И меня раздражает эта опека. И то, как Алек начинает снова вести себя со мной. Не так сильно и болит, если бы он не коснулся бока, то вряд ли бы это вообще выяснилось для него, а я сейчас не ощущала бы себя такой слабой перед ним.

Алек смотрит на меня с небывалой интенсивностью секунду-другую, словно подбирает слова, дважды обдумывая их.

- Я хочу, чтобы всё закончилось, - чётко проговаривает он, и тон его голоса не был еще никогда настолько озлоблен. - Все эти ваши тренировки с Марко, - цедит с оттенком омерзения и тычет пальцем, указывая на мой бок, - пробежки до изнеможения и синяки. Ты - не обучающийся под его началом охотник, и хватит уже притворяться, что когда-то могла это осилить!

- Нет, Алек! - парирую я, удивляясь при этом, сколько резкости прозвучало в моём голосе. - Это тебе пора перестать думать, что несёшь ответственность за меня. За все мои решения и ошибки. Ты должен смириться с тем, что это был мой выбор, и прекратить пробовать его изменить. Для меня это важно, и моё мнение останется неизменным.

Неизвестно по каким причинам, но я ощущаю себя виноватой за последние слова. Возможно, от того, что в его глазах читается непостижимая боль и усталость, словно внутри него кровоточит какая-то глубокая рана. Но я останавливаю себя от этих мыслей. Это не я причиняю ему боль, а только его же нерушимые убеждения.

Он качает головой.

- Ты даже малого представления не имеешь, что тебя ждёт, - с каким-то явным предостережением говорит Алек. - И я не хочу, чтобы ты через это проходила.

Меня порывает желанием сказать Алеку, что уже всё закончилось, что больше ему не нужно беспокоиться. Но я этого не делаю. Я не могу говорить только то, что он желает услышать.

- И всё же, когда я принимала решение, ты согласился, что это действительно нужно. А теперь, когда у меня что-то начало, наконец, получаться, ты решил рассказать, чем это чревато?

Лицо Алека искажает гримаса крайнего недовольства.

- Оу, скажи ещё, что ты бы отказалась от этого, когда у тебя был такой реальный шанс поступить мне наперекор? - Он секунду молчит, чтобы окончательно сделать тон своего голоса презрительным. - Разве не в этом всегда заключалась вся суть?

Меня поражает удар в грудь. Поверженная его словами, я чисто машинально трясую головой.

- Если до этого и было, что ты ещё не успел испортить, то именно сейчас ты это и сделал.

У меня болит горло, и такое ощущение, что слова расцарапали его. От себя я тоже подобного не ожидала.

Алек смотрит на меня несколько мгновений, самое опасное спокойствие застыло в выражении его глаз. А затем он ухмыляется, вскидывая руками вверх.

- Даже не сомневаюсь, мисс-совершенство, - бросает он, отходя спиной назад, и у меня, должно быть, останавливается сердце. - Я попытался, а теперь могу лишь пожелать тебе не пожалеть о своём решении.

Пока Алек удаляется, я не могу даже нормально вдохнуть, стоя, как поражённая молнией. И только, когда он начинает спускаться, на меня резко накатывает вся ярость и злость, от которой колотит всё моё тело.

- Идём, принцесса, - кричит откуда-то снизу Алек настолько пренебрежительным тоном голоса, что мне хочется в эту же секунду его задушить. - Ты знаешь, я не могу оставлять тебя здесь одну.

Знаю. Поэтому ничего не могу поделать с тем, что мне нельзя запустить в него камнем, и вместо того, сжав кулаки, приходится заставить себя следовать за ним. Хотя мы оба до самого последнего решаем идти на довольно значительном расстоянии.

Когда я возвращаюсь в комнату, на моё тело резко обрушивается вся усталость сегодняшнего дня. Такое впечатление, что оно попало под бетоноукладчик, и его раскатали до бесчувственной тонкой пластины. Я ничего не ощущаю и едва осиливаю принять душ. И стоит только добраться до кровати, проваливаюсь в глубокую беспробудную яму сна. Но всего лишь на пару часов. И так происходит несколько раз. Я просыпаюсь, по-прежнему чувствуя всю ту же небывалую усталость в изнывающем теле, один раз спускаюсь вниз, чтобы прихватить еды, и возвращаюсь обратно в комнату. Сегодня я решаю завершить день старым способом забыться и отдать всё оставшееся время первой попавшейся книге.

За окном неумолимо темнеет, и чем основательней, тем я всё больше ощущаю странную, изводящую чем-то неприятным нервы тревогу. В поместье никогда ещё не было так тихо. Конечно, я и раньше подмечала для себя, что иногда здесь царит мертвецкая тишина, но чтобы ни шороху... По кожи проходится холодок.

Мне известно лишь то, что Несс с Дамьяном отсутствуют с самого раннего утра, а на счёт остальных - не уверена. Истерзав себя догадками, всё же откладываю книгу и встаю с кровати, выглядываю в окно, обнаруживая на парковке, как минимум, две хорошо знакомые машины. Это немного успокаивает, однако странное чувство дискомфорта так и не даёт покоя. Тело ощущается напряженным, и тишина по-настоящему воздействует на меня не самым лучшим образом. Кожа нервно почёсывается, кажется, что на неё буквально давит воздух, и появляется желание просто укрыться, почувствовать, в какой-то степени, хоть малую, но отгороженность от всего этого. Поэтому возвращаюсь в кровать, натягиваю практически до носа одеяло, дважды проверяя, чтобы не осталось даже просвета, и стараюсь уснуть. И где-то минут через двадцать у меня наконец-то получается привыкнуть к тишине, после чего я всё же снова засыпаю.

Такое ощущение, что проходит минута, но неясность мыслей и тяжесть в веках говорят о том, что спала я долго... или нет? Потому что определено что-то изменилось, снова вернулась необъяснимая тревога, словно мои чувства пробудились быстрее меня, и именно они заставляют сейчас прислушаться.

Неожиданный шорох, на который я даже не успеваю среагировать, как на моих губах оказывается чья-то ладонь. Мне хватает мгновения, чтобы распознать, что это не Алек - единственный, присутствие которого не вызвало бы страх, и уже в следующее мгновение, распахнув глаза, я знаю это наверняка.

Надо мной возвышается Никола.

- Тсс, - едва слышно предупреждает он, приложив палец к губам. - Лена, не шуми и говори шёпотом, хорошо?

Его просьба поражает практически до шока, но я всё равно киваю, и, когда Никола убеждается, что я его поняла, убирает свою руку. Я сразу же сажусь.

- Что ты здесь делаешь?

Никола как-то нервно оглядывает комнату, и тут же до меня доносятся непонятные звуки, исходящие из глубины поместья. Я стараюсь разобрать их, машинально посмотрев на дверь.

- Надо уходить, и побыстрее, - произносит Никола, глядя на дверь так, будто бы может видеть, что творится за ней.

- О чём ты? - зато я никак не могу сообразить, что происходит.

Темнота вокруг поглощает всю сосредоточенность, сознание ещё рассеянное, по-видимому последствия чрезмерно тяжелого дня, и мои мысли едва ли волочатся в голове.

Никола садится подле кровати на корточки и поворачивает меня за плечи лицом к себе.

- Послушай меня внимательно. В поместье гибриды. И их очень много. А большинство

наших охотников сегодня уехали на одно важное дело. Поэтому осталось всего несколько человек, – он говорит спокойно, как обычно, просто формально, словно зачитывает напечатанный текст, но его глаза при этом интенсивно вглядываются в мои, будто проверяя насколько я хорошо его понимаю. – Они здесь, скорее всего, из-за тебя. Сейчас Алек, Марко и другие отвлекают их, стараюсь оттянуть, как можно больше времени, чтобы я вывел тебя. Понимаешь?

Я на автомате киваю, но на самом деле – не очень. Слышу лишь обрывки слов, которые с трудом пробираются сквозь гул в ушах, словно от миллиона поездов сразу же. Чистейшая паника, наполняет кровь холодом, однако это не будоражит, наоборот, заставляет тело деревенеть.

Алек. Марко. Гибриды. И Никола в комнате.

«Почему он?», хочется мне спросить, но язык прирос к небу, да и у меня не выпадает возможности его перебить.

– Мы должны уходить, на улице у нас будет намного больше шансов тебя увести, – повторяет он твёрже, забывая о допустимой громкости, которую сам же и установил. – Идём.

Никола встаёт и направляется к окну. По неизвестным причинам, моё тело слушается его лучше, чем разум. Как в тумане, встаю, ощущая под ногами прохладный пол.

Марко каждый вечер говорил мне одно и то же наставление: «Держи всегда обувь возле кровати!». И я оставляла её там, но сегодня... Проклятие, я понимаю, что её там нет, неимоверно сожалея об этом и предполагая, что мне уже придётся...

Внезапно я спотыкаюсь, ударяясь обо что-то большим пальцем ноги, и, опустив голову, сразу же понимаю обо что. Кроссовки. Мои, и они находятся на своём месте.

Секунду хмурюсь, вспоминая, когда их сюда поставила, но звук, открывающейся створки окна, моментально выкидывает этот вопрос из головы. Никола машет рукой, призывая подойти.

– Лена, не медли! – почти рявкает он, выводя из оцепенения.

Наконец-то до меня доходит. Это реально?

Я хочу выкрасть для себя минуту и просто хорошо всё обдумать, но взбадривающая волна адреналина говорит мне двигаться, и намного быстрее, чем это сейчас делаю я. Надев кроссовки, я подхожу к окну. Никола выбирается на карниз и поворачивается ко мне.

– Давай сюда.

Я с опаской выглядываю на улицу. Второй этаж, он что, всерьёз?

– Я... – неуверенно начинаю я, но он обрывает только зарождающийся протест.

– Лестница и главный выход – заблокированы. Нам придётся прыгнуть! – Я качаю головой, уже намереваясь отойти, однако Никола хватает меня за запястье. – Ну же, давай, это не причинит тебе ни малейшего вреда.

Никола тянет меня наружу, помогая перебраться через подоконник, и пока я это делаю, всё ещё не могу поверить, что вообще пошла на такое. Сильный порыв ветра пронзает каждую клеточку неприкрытой кожи холодом, на мне всего лишь футболка и – спасибо, Всевышний, – пижамные штаны. Но если честно, то они-особо-то и не защищают, состоя из тонкой трикотажной ткани. Я чувствую, как кожа покрывается мурашками, но меня беспокоит совсем другое. Да и кажется дрожу я только из-за одного.

Мысли не устают задаваться вопросом про Алека. Где он? Что с ним? Когда я его увижу? Очень странно в данной ситуации думать только о нём, учитывая, что он-то точно способен справиться с гибридами.

Но гибриды! И они здесь, в поместье.

Мне хочется себя ущипнуть. Это наверняка сон. Наверняка сон. Зажмурив глаза, я даже не осознаю, что мои губы беззвучно выдают каждую мысль.

- Лена, давай же! - в очередной раз голос Никола так неоспоримо доказывает, что это далеко не сон.

Неохотно, но открываю глаза и снова смотрю вниз. И, честное слово, земля, там, где предполагается, необходимо оказаться через секунду, не выглядит такой уж и приветливой. Сплошной и твердый асфальт дорожки, ведущей к парковке, явно не может сулить мягкого приземления.

- Это легко для нас. Тут нечего бояться, - утверждает Никола, и я обращаю взгляд к нему. Он стоит рядом со мной и совершенно ни за что не держится, как это делаю я, впиваясь пальцами в холодный металл водостока. - Просто старайся приземлиться на переднюю часть стопы, согнув при этом колени. - Никола отводит взгляд, устремляя его вниз. - Смотри, как это сделаю я.

Не проходит и секунды, как его тело оказывается в воздухе, а уже следующее, что я вижу, как сам он приземляется на асфальт, встречающий его мягко и бесшумно, а не так, как я представляла. Даже звука, подходящего моим представлениям, не слышится. Это меня немного успокаивает. Если у него получилось, то почему не получится у меня?

Делаю глубокий вдох, которым рассчитываю унять разрастающийся трепет, и...

Моё внимание привлекает шум, доносящийся из открытого окна, затем грохот, и моя нервная система теперь определенно готова, чтобы прыгнуть. Я делаю шаг и чувствую, как внутри меня что-то мгновенно натягивается и так же резко обрывается, когда моё тело начинает рассекать воздух.

Что там Никола сказал...

Я даже не осознаю, что мои глаза были закрыты, а уже всё закончилось, пока под ладонями не ощущается шероховатый асфальт. Кожу на них немного жжёт, но больше ничего. Мозг даже не успевает отреагировать и насладиться выбросом в кровь адреналина, как Никола в считанные мгновения помогает подняться на ноги и кладёт руки на мои плечи.

- Послушай, - говорит он невероятно спокойно для окружающей нас обстановки. - Алек позвонил Даму, и нам повезло, что сам он был уже на полпути к поместью, поэтому сейчас он должен уже подъезжать сюда. - Секунду Никола молчит, собираясь с мыслями, что немного на него не подходит, и оне на шутку тревожит меня. - Ты должна, как можно скорее, добраться до трассы.

- Я? - Не понимаю. - А как же - ты? Алек и Ма...

- За нас не переживай, мы как всегда справимся. - Никола пробует выдать фальшивое подобие улыбки, но не слишком-то и старается. - Не забывай, ведь это именно то, чем мы всегда занимались.

Неубедительно; мои жилы пульсирует от напряжения, неверия и тревоги, голова идёт кругом; я снова пытаюсь возразить, но едва ли успеваю открыть рот, как Никола меня перебивает.

- Главное, что ты должна помнить, тебе нужно добраться до Дама так скоро, как только можешь. Наша цель - вытащить тебя отсюда любой ценой.

Теперь неутешительно, но Никола находит, чем меня подбодрить.

- И как только ты окажешься в безопасности, мы сразу же выберемся следом.

Он два раза чётко кивает головой, заверяя этим больше себя, чем меня. Но, чёрт, со мной это тоже работает.

- Давай, вперед! - командует он, и дважды повторять ему не приходится.

Не знаю, что управляет мной, но слова «сразу же» оживляют меня, мгновенно приводя

тело в неведанный режим подчинения. За считанные секунды я оказываюсь за пределами ворот, но стоит мне едва ли преодолеть ещё несколько метров, как вся столбенею от ужаснейшего звука, раскалывающегося бетона.

Удар. Борьба. Удар.

Я останавливаюсь не в силах продолжать двигаться. Паника бьётся во всём теле, когда разворачиваются и вижу, что происходит. Никола лежит на земле, прямо возле серой стены поместья. Лицом вниз, в неестественной позе, словно его просто туда швырнули, полностью обездвиженный, обмякший и...

Нет-нет! Даже не думай!

Моё тело подкашивает, и я прикрываю рот рукой, припадая спиной к ближайшему дереву. Мозг опустошается. В груди всё сводит. Не могу отвернуться. Не могу шевельнуться, когда смотрю на его тело. Отсюда он выглядит таким беззащитным, таким беспомощным. Тогда, когда прямо над ним возвышается сразу три смазанные из-за слёз, тёмные фигуры, одетые все, как один, в чёрную одежду, похожую на военную униформу. Самый высокий из них пинает Николу по руке, затем по ноге, делает это с такой небрежностью, словно проверяет на признаки сознания, но я и отсюда могу безошибочно понять, что их нет.

С раскрывшихся губ срывается всхлип и резкий вдох в попытке его остановить, и в это же мгновение красные глаза гибридов обращаются вглубь чащи. Они заискивающе просматривают каждый сантиметр, тщательно обводя ими стволы сосен.

Наконец-то я понимаю, что не должна оставаться здесь. Никола ясно приказал мне уходить, и только тогда они смогут уйти тоже. Перебираюсь на другую сторону ствола, скрываясь от безостановочно сканирующих пространство глаз, и пробую взять себя в руки.

Давай же, соберись, соберись...

Тыльной стороной руки грубо стираю слёзы и выглядываю из-за дерева. Все троя в рассыпную движутся в сторону леса, оставляя Николу одного, и это - хорошо. Когда он придёт в себя, а он точно придёт в себя, поблизости не будет ни одного гибрида.

Перевожу взгляд с Николы, обращая его к гибридам: в моём направлении бежит всего лишь один.

Дерьмо...

Он точно видит меня, его глаза, даже на таком расстоянии, смотрят прямо в мои.

Вдох.

Спокойно, я справлюсь.

Выдох.

Резко развернувшись, я бегу так быстро, как только могу, концентрируюсь на неестественном напряжении тела. Оно чувствует угрозу, предельно точно знает, какой стороны держится гибрид, и сейчас я на все сто процентов полагаюсь на его ощущения.

Горячее жжение, смешавшихся эмоций, проносится по венам, заставляя пространство вокруг меня измениться. Стать яснее, краше и чётче. Моё тело буквально разрезает воздух, словно острым ножом, и постепенно я начинаю понимать, что тот гибрид значительно отстаёт.

Однако всё равно остаётся что-то тревожащее, волнующее, и исходит это не сзади, а с левой стороны. И оно нарастает...

Мне достаточно бросить туда быстрый взгляд, чтобы убедиться, что там ещё один гибрид. И эта мерзость явно движется мне наперерез. Он быстрее, намного быстрее, и что-то в его движениях отличается от тех гибридов, что остаются за спиной. Даже его глаза горят неистовым красным пламенем. И это ощущение присутствия гибрида, точно

такое же, как и прежде, но оно появляется только сейчас.

Вот оно – абсолютное доказательство присутствия опасности.

Что за чёрт?

Последнее понимание вышибает меня из сосредоточенности. Всё не так. Я чувствую необъяснимое и пугающее своей ясностью различие, и даже не замечаю, что моя скорость значительно спала. Стала почти человеческой, а вот его... его...

Он настигает меня.

Так внезапно и скоро, что я окончательно теряю бдительность, и в этот же момент гибрид на полной скорости сбивает меня с ног, толкнув в сторону. Весь воздух выбивает из лёгких, когда я глухо впечатываюсь в дерево, но всё равно успеваю выставить руки, чтобы смягчить падение наземь. Я приземляюсь на согнутые локти, и кожу мгновенно саднит, но зато у меня благодаря этому получается без промедлений подняться.

Как раз вовремя, чтобы помешать гибриду схватить меня. По крайней мере, я так думаю, что он намеревался схватить меня за волосы, а не рывком оторвать мне голову.

Гибрид рычит диким, вырывающимся из самой глубины его ярости звуком. Он зол. Чертовски зол, что ему приходится быстро и неуклюже повернуться за мной, когда я проскальзываю под его рукой. В его и так пылающих красным заревом глазах вспыхивает ещё пущий огонь. Это должно вызвать во мне дрожь, но, напротив, наполняет решительностью.

Он пытается снова ко мне подобраться, но ему явно мешает его собственный рост, значительно превосходящий мой, поэтому мне легко удаётся нагнуться и сразу ударить его в грудь.

Но не тут-то было...

Гибрид даже не шелохнулся, хотя я точно вложила в удар всю свою силу. Вместо этого он просто хватает рукой меня за горло, и его толстые, мясистые пальцы вцепляются в мою кожу, душа меня и поднимая в воздух. Издавая гортанный, дикий возглас, он с размаха отшвыривает меня в сторону, и на этот раз необходимость жадно вдохнуть воздуха превосходит нужду сгруппироваться.

А зря.

Новая боль вырывает из меня весь воздух, когда грудная клетка приземляется прямо на торчащие, угловатые корни. Зажмуриваюсь и переворачиваюсь на спину. Втягиваю огромными глотками воздух, пытаюсь побороть внезапную тошноту и головокружение. Мне надо собраться и встать на ноги.

У меня нет времени на передышку, тяжелые шаги становятся всё ближе.

Открыв глаза, я сразу же начинаю отползать назад, отталкиваясь ногами и перебирая руками, как внезапно мы оба слышим быстрое приближение, но только я успеваю увидеть кого именно, а гибрид нет. В одно мгновение на него кто-то налетает, сбивая с ног и швыряя в сторону. Моё сердце совершает мощный толчок, когда неизвестный, сбивший гибрида, поворачивается ко мне.

Он один из тех трёх гибридов, преследующих меня. Стоявших над Николой. Сделавших это с ним...

Страх помогает очнуться, и я начинаю быстрее перебирать руками, чтобы в итоге суметь подняться на ноги. Но что-то в этом гибриде настораживает, словно его лицо я уже могла где-то видеть. Пробую приглядеться, и в этот момент тот – сбитый мгновение назад – гибрид оказывается на ногах.

– Беги! – неожиданно выкрикивает второй гибрид, поворачиваясь при этом к первому гибриду, что выглядит на его фоне намного огромней и устрашающей.

Однако второй во множество раз проворнее. Он поднимает ногу в колене и пинает его,

когда тот только успеваешь подобраться к нему, и со всей силой отталкивает назад, затем вновь оглядывается на меня.

- Уходи же! - кричит он на меня.

К-какого дьявола?..

Я ничего не понимаю. Не понимаю, почему двое гибридов дерутся между собой. Не понимаю, почему второй говорит мне убираться. И уж точно не понимаю, почему, чёрт побери, я ещё остаюсь на месте.

Последнее, как отрезвляющая пощёчина, выбивает всё оцепенение. Мгновенно оказываюсь на ногах и, прямо перед тем, как повернуться и побежать, вижу, что в руке кричащего на меня гибрида что-то блеснуло. Но мне не до разбирательств. На самом деле мне плевать, почему эти двое вообще дерутся. В голове настоящий хаос, мысли нечёткие и едва способные переваривать происходящее. Я полностью дезориентирована, не понимая, где нахожусь, не понимая, в какую сторону двигаюсь.

Я просто устала. Всё, что я хочу сделать, это закрыть глаза, чтобы этот ужас закончился...

Втягиваю так много воздуха, как только могу, фокусируюсь на одной мысли, не дающей развалиться на части. Мне необходимо добраться до дороги. Поэтому я пробую ускориться... и слишком поздно замечаю чье-то приближение.

Почти столкновение, но...

Прямо на полной скорости меня останавливают. Чьи-то руки обхватывают талию. Моё тело отрывается от земли и по инерции прокручивается в воздухе вокруг того, кто в это же мгновение, как я останавливаюсь, прижимает к своей груди. Я ощущаю, как натянутая до предела пружина внутри меня расслабляется. Это ни с чем не сравненное чувство спокойствия - я знаю его.

Алек.

Как только я понимаю, что это точно он, даже не поднимая головы, вцепляюсь в его плечи и, прижимаясь, прячу своё лицо у него на груди.

Я знаю, что должна ему что-нибудь сказать. Пересказать всё, что случилось с Николой, и всё, что случилось минуту назад.

Но всё, что слетает с моих губ - это рыдания. Алек сильнее сжимает вокруг меня руки.

- Тшш, - шепчет он в мои волосы. - Успокойся, принцесса, всё хорошо. Слышишь, всё хорошо.

Именно в этот момент я понимаю, что он один, и немного отстраняюсь, чтобы посмотреть по сторонам. И когда полностью в этом убеждена, обращаю взгляд на его лицо. Алек выглядит совершенно спокойным, целым и без единой царапинки. Вот только в его глазах читается странное беспокойство. Не из-за происходящего, он ни капли не насторожен. Алек смотрит на меня, словно боится, что со мной что-то не так.

- Ни-икола, о-он... - пытаюсь начать я, но вместо голоса слышится лишь осипший хрип. Я вздыхаю, пробуя прорваться через собственные слёзы. - Он там... - я изо всех сил тычу рукой в предполагаемую сторону поместья, - и он...

Внезапно Алек берёт моё лицо в свои руки и заставляет смотреть только в его глаза.

- Успокойся, пожалуйста, это всё было не по-настоящему.

О чём он говорит? Я хмурюсь и убираю со своего лица его руки. Мне просто необходимо, чтобы он меня выслушал.

- Нет, - говорю настойчивее, качая головой, и сама не понимаю, откуда берутся силы быть настолько убедительной. - Там гибриды, и они что-то сделали с Николой!

Алек вновь пытается взять меня за плечи, словно переживает, что я могу не устоять на

ногах.

- Знаю, что ты думаешь, будто бы всё произошло по-настоящему, но послушай меня... - с губ Алека слетает усталый вздох, и он покачивает головой, вытирая с моего лица слёзы. - Они не должны были это проворачивать с Николой. Марко обещал. Прости, я знал, как ты отреагируешь, и должен был проверить...

Я снова откидываю от себя его руки, отступая назад и глядя на него во все глаза.

- О чём ты говоришь? - спрашиваю, отступая всё дальше и дальше.

В выражении лица Алека столько сожаления, столько вины, словно он сотворил самую непростительную вещь на свете. Он качает головой и трёт лицо руками, прежде чем сказать:

- Говорю, что это была всего лишь инсценировка. С Николой всё в порядке.

Секунд десять я безмолвна, тупо прокручивая его слова снова и снова.

- Нет! - твёрдо произношу я. - Ты не понимаешь, там были гибриды!

Мой голос полностью окреп, такое ощущение, что ещё немного, и я сорвусь на крик. Но как он может такое говорить, когда я сама лично видела их.

Однако Алек в очередной раз трясёт головой.

- Они тоже не настоящие.

- Нет же! - вот теперь я кричу, и мне кажется, веду себя, как сумасшедшая, но даже Алек смотрит на меня так, будто я ей и являюсь. Словно хочет подойти, утешить и просто гладить по головке, говоря, что мне всё привиделось. Но я точно знаю, о чём говорю. - Алек, я видела их! Я уверена, это ощущение гибридов...

- Послушай, Лена, - перебивает Алек, при этом смухлевав и оказавшись рядом быстрее, чем я смогла бы отойти. Он удерживает меня за талию одной рукой и делает именно то, что должно успокоить душевнобольных. Его пальцы нежно перебегают по моим волосам. - Здесь не было ни одного настоящего гибрида, - слишком мягким голосом утверждает он, - а если бы были, я точно знал бы...

- Лена говорит правду, Алек, - доносится за моей спиной слова поддержки, и я тут же оборачиваюсь, чтобы посмотреть на Марко.

И не только. Прямо рядом с ним находится Никола - абсолютно живой и невредимый. При встрече с моим взглядом, он виновато отводит свой, поджимая губы в тонкую полоску.

- О чём ты? - недоумеваю, спрашивает Алек, и я слышу, сколько появляется в его голосе резкости.

- Здесь на самом деле находился гибрид, - Марко смотрит на Алека, и в его взгляде сквозит что-то такое, что я никогда в нём ещё не видела. - Ян успел вовремя, когда он напал на Лену...

Ян? Вот почему он казался знакомым? Ну, конечно же, я видела его несколько раз в поместье с остальными охотниками. Мне ничего не примерещилось. Я по-прежнему смотрю на Николу. Потому что он - ещё одно доказательство того, что я не схожу с ума.

Марко с Алеком начинают громко разговаривать, но я не понимаю, о чём. На меня накатывает странное состояние, словно вокруг образовался вакуум. Грудь Алека за моей спиной тяжело вздымается, и меня из-за этого начинает раскачивать. Я немного отступаю от него, обращая теперь взгляд на Марко, он становится всё более и более виноватым. Вот, что я усмотрела в его глазах - вину.

Всё путается в голове, их голоса звучат приглушенно, пока я прокручиваю произошедшее. Тщательнее, останавливаясь на каждой детали, которая могла подсказать, что всё было не по-настоящему. Всё было заранее подстроено.

- Ты ведь знал? - неожиданно мой тихий и слабый голос умирляет их спор, и все обращают взгляды ко мне, но я смотрю только на Алека. - Это ты поставил обувь, - произношу я ещё тише, а мои слова едва слетают с губ.

Но я не хочу, чтобы он сейчас подтверждал мои догадки. Однако поперёк моего желания Алек всё же кивает.

- Прости, но ты сама хотела идти до конца.

Это что? Я пытаюсь разобрать его интонацию голоса, и у меня не сразу получается. Но всё же спустя секунду понимаю: он только что кинул упрёк. И возможно, он прав. Но всего лишь - возможно. Хотя это и не означает, что они имели право так играть с моими чувствами. А я чувствую. Так явственно и хорошо чувствую эту зияющую обидой дыру в груди, что не способна с ней справиться.

По моим щекам вновь текут слёзы, отчего выражение лица Алека быстро меняется. Он пробует ко мне подобраться, но я мгновенно отступаю. Я не хочу, чтобы он касался меня. Хотя и не знаю, почему виню во всём, что произошло, только его. Не знаю, что на меня внезапно находит. Всё, что я ощущаю по отношению к нему - всепоглощающие чувства злости и ненависти. И именно Алек становится причиной моей неистовой, раздирающей грудь и скопившейся за все эти дни боли.

Но я знаю, чего так нестерпимо жаждет каждая клеточка моего тела и каждая частичка моего разума - я размахиваюсь и со всей силой отвешиваю Алеку пощечину.

Глава 10

Шесть утра. Сегодня не нужно вставать так рано для пробежки, хотя даже если бы и надо было, это совершенно не та причина, которая меня беспокоила бы: я бы на неё всё равно больше не согласилась никогда.

Мозг кипит событиями, а пропущенное ещё с вечера сообщение от мамы и вовсе отбило сон на всю ночь. Вдобавок, это было бы всё равно невозможно, из-за непрекращающихся споров Алека с Марко, которые, думаю, не предназначались для моих ушей.

И не то чтобы они меня как-то задевали, просто я довольно в ярких подробностях узнала, какого Алек теперь придерживается мнения о Марко. Последнее, чего бы я хотела, чтобы он ругался с другом из-за меня. Но они сами всё это устроили, когда Марко уверил меня, что Алек подобные инсценировки точно не одобрил бы.

Ложь.

Не первая, кстати.

Однако, к чёрту их...

У меня находится несомненный плюс в том, что имеется теперь достаточно времени, чтобы нормально собраться. Настало время выбраться из этой клетки.

Вначале восьмого мои сборы в самом разгаре, как их неожиданно прерывает стук в дверь. Мне не надо открывать её, чтобы узнать, кого я увижу. Я и так знаю это. Марко.

И по тому, с какой энергичностью его кулак встречается с деревом, могу предположить, что находится он не в самом лучшем расположении духа. А когда открываю дверь, могу убедиться, что попала прямо в яблочко.

- Я сказал, что наши тренировки закончились, но не отменял утренних пробежек.

Я киваю, но говорю абсолютно противоположное этому.

- Знаю. Их отменила я.

Не сказать, что Марко удивлен ответу, ни одна мускула на его лице даже не дрогнула. Но и не сказать, что не могу не заметить при этом, насколько он выглядит уставшим: под его глазами впервые появились заметные тени, а в их уголках собрались слабые

морщинки.

Он вздыхает один раз и бросает мимолетный взгляд по сторонам.

- Надо поговорить, - сообщает Марко и проходит мимо меня, прежде чем даю согласие.

Я не хочу разговаривать, но выхода очевидно у меня нет. Поэтому, как только закрываю дверь, прижимаюсь к ней спиной и жду, когда Марко начнёт, глядя на пряди волос и перебирая их пальцами.

- Я знаю, ты злишься, но это было необходимо, чтобы в будущем ты ясно осознавала, что тебя ждёт, - голос Марко звучит на редкость обыденно, словно в нём вообще отсутствуют эмоции. Он на какое-то время замолкает, возможно, предоставляя мне шанс что-нибудь сказать, но я не подаю ни единого признака заинтересованности. - На самом деле, подобные инсценировки обязательная часть, когда кто-то готовится стать охотником, только в ином случае, мы использовали настоящих гибридов...

- Как вам это удалось? - перебиваю, резко вскидывая голову. - Красные глаза. Их было практически не отличить от глаз гибридов.

Вот она - единственная не состыковка, изводящая меня всю ночь. Я прокрутила в голове произошедшее раз сто и поняла, что из-за рассеянности пропустила чересчур многое. Но я и думать не могла, что всё не по-настоящему, и всему этому сопутствовали именно глаза - главный признак гибрида. Марко улыбается, причём так, словно находит мой вопрос самым смешным старинным анекдотом, выставляя указательный палец для пометки.

- Самое простое, но зато беспрекословно вводит всех в заблуждение. - Его глаза прищуриваются на моём лице, когда на губах остаётся лишь едва заметная ухмылка. - Наши глаза плюс красные линзы. Мы живём в прекрасный век всевозможных изобретений, чик-чик. Нет ничего невозможного, даже подделать гибридов.

Стоит словам Марко дойти до моего ума, и я непроизвольно усмехаюсь. Действительно, что может быть проще этого? Но в этот же момент наступает очередь затянувшегося молчания, и впервые со вчерашнего вечера я не чувствую, что злюсь на Марко.

- Почему было всё так? - спрашиваю, на этот раз испытывая искренний интерес. - Никола вывел, а Алек встречал меня? Это ведь именно ты всё планировал.

Секунду-другую Марко смотрит в одну точку над моей головой, словно представляя, каким образом лучше подать слова.

- Если бы на месте Николы был Алек, вообще бы ничего не получилось. Во-первых, он бы выдал себя уже в следующее мгновение, как только тебя увидел, а во-вторых, ты не смогла бы самостоятельно принять решения, что было главным в данной ситуации. В-третьих, он бы не оставил тебя одну, будь это всё реальностью. - Он кривит губами в сомнении. - Думаю, ко мне бы это тоже относилось. А Никола играл эту роль ни один раз. Вдобавок, его инициированная смерть не повлияла бы на тебя так, как, например, Алека или моя. - Марко делает перерыв, потирая затылочную часть, и оглядывает комнату. - Алек не хотел, чтобы мы этого делали, - продолжает он, словно на него навяли какие-то мысли, когда вспомнил, чья это комната. - Он был уверен, что возможная смерть Ника тебя подкосит. И мне пришлось его заверить, что я изменил план. Но мне именно этого и нужно было добиться - ввергнуть тебя в сильнейший эмоциональный стресс. Иначе тогда бы было всё зря. Поэтому Алек и нужен был в завершении всего этого, он один смог тебя успокоить.

Однако стал лишь главным объектом моей злости, думаю я, глядя в пустую точку на полу. Затем быстро отмахиваюсь от любых мыслей про Алека и смотрю на Марко.

- А какую роль играл ты?

- Я наблюдал за всеми твоими действиями издалека.

- Значит, ты видел гибрида? - медленно проговариваю я.

На выражение лица Марко мгновенно набегают мрачные тени, и он кивает.

- Я был самым первым, кто его заметил. - Он сглатывает. - Собственно, об этом я и пришёл поговорить. - Ещё секунду Марко колеблется, затем качает головой. - Я находился довольно далеко, когда всё это произошло, и хорошо, что Ян был так близко, чтобы почувствовать гибрида и добраться до тебя быстрее, чем смог бы сделать это я. Но... зато я кое-что увидел, чего не мог бы увидеть Ян, и это тоже хорошо.

Я хмурюсь в настороженности.

- Увидеть что?

Ещё одна затяжная пауза, когда Марко сомневается и, что-то обдумывая, трёт пальцами переносицу, прежде чем всё же вернуть взгляд ко мне.

- Твои глаза, чик-чик. Всего один момент - тот, когда ты увернулась и нанесла удар, - твои глаза святились.

Что?

Ровно на одну долгую минуту я впадаю в настоящий шок, не способная не произнести и слова.

- Что? - всё же прихожу я в себя, чтобы спросить вслух. - Что значит святились? Это... как... как у вас?

Марко становится в десяток раз мрачнее, когда отрицательно качает головой.

- Они святились голубым цветом.

Голубым...

Не янтарным, как у Омег. И даже не красным, как у гибридов. А неизвестным - голубым.

Что это значит, чёрт возьми?

Мы оба смотрим друг на друга не моргая, затем Марко прохаживается по комнате, описывая шагами полукруг.

- Я не видел никогда ничего подобного. У Альф не светятся глаза, как у нас или гибридов, - рассуждая вслух, озвучивает мои мысли Марко. - А ты - точно Альфа, я готов голову поставить на отсечение на это. Мы, полукровки, вас чувствуем, а ты ощущаешься так явственно, как ни один из чистокровных. Но... - Он останавливается, обращая на меня взгляд. - Помнишь тот день, когда ты меня случайно поцарапала?

Марко смотрит с каким-то чересчур напряжённым ожиданием, словно от моего ответа зависит чья-то жизнь. А вот я смотрю на него, как будто он неожиданно съехал с катушек. Серьёзно? Прямо сейчас Марко решил припомнить тот случай? Бог ты мой, да я же извинилась за это!

Внезапно Марко кивает, словно слышит мои мысли.

- Судя по выражению твоего лица, помнишь. Так вот, в тот момент, произошло кое-что странное, - он почти шепчет последние слова, так тихо они звучат, а его взгляд так далёк, словно его мысли в тысячах километров отсюда. Я вся напрягаюсь и уже не представляю, что может быть ещё хуже последнего. - Что это было - я так и не понял, но на одно мгновение я... словно был не здесь.

Марко прочищает горло, делая паузу, и на меня в этот момент обрушивается дурное чувство, я уже слышала подобные слова.

- Я наблюдал все эти дни за тобой, - продолжает он, но мне всё ещё нехорошо, однако я заставляю себя выслушать его до конца. - Твои ногти, они отличаются от наших, почти обычные, как у человека, но они вообще не меняются. Словно это тоже самое, что и часть тела, которая никогда не изменит форму.

Машинально опускаю взгляд к ногтям. Они действительно стали другими, и сколько бы я их ни подпиливала, ногти так и остаются острыми. И как я не придавала этому вообще никакого значения? Не понимаю...

Тем временем, Марко по-прежнему говорит:

– У меня есть единственная мысль. Помнишь, мы уже рассказывали тебе с Ником, что мы – Омеги – можем только перевоплотиться в ту часть, которую позаимствовали у вас? Однако в обычное время у нас ничего не проявляется. Но ты, чик-чик, делаешь это бессознательно, по-видимому, даже не желая этого. Вот я и подумал, а что, если тебе даже не надо перевоплощаться для этого?

– Марко... – молвлю я едва ворочающимся языком. – Ты пугаешь меня. Я тебя совсем не понимаю.

– Знаю, чик-чик, потому что пока я сам ничего не понимаю. Это лишь мои ничем необоснованные догадки, и мне надо в них разобраться. – Он покачивает головой, глядя на меня с настоящим сожалением. – Но теперь мне становится понятно, почему ты так нужна Ордену. И на это есть основательная причина, потому что ты – непохожая ни на кого.

Марко умолкает, устало проводя ладонью по лицу. А я? Я просто даже не знаю, что и думать. Потому что нет предположений, что со мной происходит. И если Марко хотел свергнуть меня в сильнейшее эмоциональное состояние, то немного прогадал с методом.

– Я не говорил Алеку, – вскинув голову, неожиданно сообщает он. – Тут ты сама решаешь: стоит ему знать или нет.

Марко всё смотрит на меня этим взглядом – смесью жалости и подозрения, но он не ждёт ничего в ответ. Скорее, он просто предоставляет время принять информацию. Хотя этого не требуется, пока я не впала в глубокое разбирательство своих чувств, запрещаю себе много об этом думать. Я выберу другое время, а не тот день, который мне необходим, как воздух.

Потому натягиваю на лицо невозмутимую маску, выдавая слабую-слабую улыбку, на большее я сейчас не способна.

– Хорошо, – отзываюсь я, кивая. – Я подумаю про Алека.

Ложь – я не собираюсь об этом думать. Мой ответ уже ясен, как божий день, и не только мне, иначе Марко сказал бы обо всем Алеку ещё до меня.

Пока я так старательно строю из себя равнодушную, пытаюсь не поддаться обрушившемуся на меня шоку, Марко подходит ко мне, и его взгляд откровенно говорит мне: не верю. Но вслух он ничего не произносит, просто кладёт на моё плечо руку и немного наклоняется, чтобы посмотреть мне в глаза.

– Я найду способ узнать. Обещаю.

На одно мгновение мой наигранный образ ускользает, поэтому я без какой-либо фальши произношу чистое и искреннее:

– Спасибо.

Он кивает всё с тем же непередаваемо мрачным видом, и я отступаю, чтобы его выпустить из комнаты.

Мне необходимо сесть и задуматься. Необходимо просто до посинения разглядывать ногти и глаза, отыскивая ответы и проверяя предположения Марко. Но я не могу пустить в голову даже одну мысль обо всём этом. В горле по-прежнему стоит тошнота, и я глубоко вздыхаю, прежде чем начинаю, как сумасшедшая, носиться по комнате, швыряя на кровать первые же вещи, которые нахожу.

Мне надо убраться отсюда, как можно скорее – вот, что действительно необходимо.

Я вообще не забочусь о внешности. Быстро расчесываю волосы, влезаю в джинсы и в тот момент, когда начинаю надевать через голову свитер, дверь в комнату распахивается. А я так и остаюсь стоять в одном лифчике и в наполовину надетой кофте, и смотрю на Алека, наверное, не менее ошалевшим взглядом, чем он на меня.

Алек моргает, но что-то не замечаю, чтобы он хоть на одну секунду стал выглядеть смущённым, в отличие от меня. И это настолько злит, что решаю бросить его выдержке вызов, оставляя всё, как есть, раз он не счёл нужным постучать или отвернуться. Однако всё равно стремительно заливаюсь краской, когда он в то же время не упускает возможности изучить темнеющими глазами каждый обнажённый миллиметр моего тела буквально за одну секунду, пока в коридоре не раздаются шаги. Алек в мгновения ока приходит в себя и торопливо закрывает дверь, очевидно, не желая, чтобы кто-нибудь ещё смог так досконально изучить мою анатомию тела.

Как мило с его стороны.

И на этот раз Алек, как истинно испорченный джентльмен, лишь украдкой бросает взгляд через плечо, пока я быстро натягиваю свитер до конца. Он поворачивается и несколько секунд, приоткрыв рот, по-видимому, подбирает слова. На его лице застыло выражение, будто бы спрашивающее меня: «что ты делаешь?». Так, словно это я сейчас выудила что-то нахальное, а не он.

Раздражаюсь сильнее, складывая руки на груди.

– Мне кажется, ты комнатой ошибся, – наконец-то говорю я, предположительно отвечая на его не озвученный вопрос.

Очевидно, что мой брошенный комментарий помогает ему прийти в себя. Алек моментально становится недовольным, хмурится и качает головой.

– Нет, я-то, как раз, не ошибся, – достаточно грозно отзывается он. – А вот Марко, вышедший отсюда пять минут назад, вполне возможно...

Я обрываю его прежде, чем он сможет закончить это возмутительное предположение.

– О, ради всего святого, Алек! Ты это не всерьёз!

Но на его лице буквально написано, что в его мыслях прорисовываются разные образы, от которых Алек одновременно и мрачнеет, и кривится. Ему требуется совсем немного времени, чтобы обдумать сказанное, а затем он просто прикивает спиной к двери, теряя с выражения лица все эмоции.

– Я уже и не знаю, что думать, – тихо произносит он.

Алек проводит ладонями по лицу и, опуская руки, заводит их за спину. Слегка запрокинув голову, он обводит комнату внимательным взглядом, словно отыскивает кого-то ещё, кого я могла припрятать в шкафу или под кроватью. Но именно тогда, когда его взгляд достигает кровати, понимаю, что на самом деле ему здесь просто непривычно находиться. Он слишком давно не был в своей комнате, а сейчас Алек смотрит напряжённым взглядом прямо на причину своего отсутствия.

И я не знаю, что должна испытывать к нему в этот момент. Чувствую лишь слабую тягу в груди, словно сердце прибавило в весе. Это немного остужает пылкость раздражения, обращённого только на одного Алека. Особенно сейчас, когда я замечаю, что он устал не меньше моего или того же Марко: события этих дней выжали из нас все силы до последней капли.

Я понимаю, что задумалась, а прошла уже, как минимум, минута, когда вижу, что Алек больше не стоит на месте, а медленно подходит ко мне. Отвожу взгляд, и он падает на пояс его джинс: на одной из петель для ремня болтается брелок от машины, это значит, что он недавно откуда-то вернулся или, наоборот, только собирается уехать. И я с радостью осознаю, что больше не помешана на вопросах: «где» и «куда».

– Нам надо поговорить, принцесса, – предлагает Алек, подходя ко мне практически вплотную.

Я усмехаюсь, потому что это действительно смешно, как-то много на сегодня выпадает разговоров. Поднимаю голову, чтобы встретить его взгляд – померкший, тоскующий.

– Какая ирония, – отзываюсь, стараясь держать голос беспечным. – Не поверишь, но разговаривать – это последние, что я хочу сейчас делать.

Меня сама поражает моё поведение, но в действительности я просто не способна вынести ещё один разговор. Мозгу и так едва получается удержать предыдущий подальше от рассуждений, что грозит мне полным уничтожением. А я не готова отступить от намеченного, мне надо сбежать – и я это сделаю любым способом. Но стоит мне сделать шаг в сторону, как Алек пересекает путь и едва заметно качает головой.

– Не в этот раз, принцесса, – заявляет он, встречая мой взгляд, и его голос понижается: – Я и так очень долго не мог заставить тебя одну. И не отпущу тебя, пока мы не поговорим.

Мои глаза прищурились на его лице. Хочется сказать ему, что он знал, где можно заставить меня одну, но ведь именно это он сейчас и сделал.

– И как же ты заставишь меня разговаривать, Алек? – спрашиваю я, и то, что в моей интонации проскакивают нотки насмешливости, ему точно не нравится. – Запрёшь в комнате и будешь ждать, пока я не сдамся? Очень-очень глупо с твоей стороны на это рассчитывать, особенно учитывая то, что ты сдашься – первым. – Я выдерживаю короткую паузу, чтобы шагнуть к нему ближе. – Ведь именно ты стараешься избежать этой комнаты, а не я. А мне потребуется лишь раздеться до нижнего белья и оказаться в постели, чтобы ты сбежал отсюда, как это сделал в прошлый раз.

Алек роняет на меня поражённый взгляд, и выражение его лица именно такое, какое и должно быть, когда получаешь удар ниже пояса. Грубо, низко и подло с моей стороны швырять в Алека его же заботу обо мне таким образом, но я устала держаться хороших манер, когда мне постоянно из-за этого больно.

Пока Алек принимает мои слова, я, не теряя возможности, обхожу его, подпитываемая неизвестно какими источниками дерзости и злости, и уже в следующее мгновение опускаю ступни в приготовленные заранее ботиночки.

– Куда это ты собралась? – будто резко очнувшись, спрашивает он.

– На учебу, – отвечаю я, прихватывая сумку и куртку.

Выхожу из комнаты первая, пока не нашлась причина остановиться, но Алек пулей вылетает за мной. Я едва успеваю накинуть куртку, как он хватается за локоть, разворачивая к себе.

– И думать забудь, чтобы вообще выходить из поместья, – жёстко отрезает он. – Даже на улицу.

Моя бровь сама поднимается в недовольстве, когда я смотрю на его руку, сдерживающую меня за локоть.

– С чего вдруг ты решил, что я буду слушаться тебя?

Алек склоняется к моему лицу, не разрывая наших взглядов, и это он делает не для того, чтобы прошептать что-то личное.

– С того, что вчерашний гибрид не был случайностью, – его голос на редкость жесток, но злится Алек не на меня, разве что, самую малую долю, которую я разожгла в нём несколькими минутами ранее. – Кто-то должен был сказать Ордену про инсценировку. И этот кто-то сейчас находится среди нас в поместье.

Он отпускает мою руку, но отстраняться не собирается. Глаза Алека испытующе сверлят мои небывалой интенсивностью, словно он желает силой взгляда усмирить меня. И у него на самом деле весомый аргумент, из-за которого я должна сейчас уступить. Но не тут-то было. Мой разум застилает яркая красная пелена гнева, превосходя собой любые ясные мысли.

Это мой последний день, и я ни за что на свете не упущу возможность. Настают отчаянные времена хитрить.

Прижимаюсь к Алеку всем телом, стараясь выглядеть настолько обольстительной, насколько могу, и, повесив сумку на плечо, кладу одну руку ему на грудь, а вторую опускаю на пояс джинс. Мышцы его пресса мгновенно напрягаются, когда мой палец скользит прямо по краешку грубой ткани пояса. Поднимаю взгляд к его глазам,

просовывая палец в петлю на поясе. В них застыло миллион эмоций, но вот выражение его лица грозит в любую секунду расколоться от переизбытка настороженности и подозрения.

- Я поеду, Алек, на учебу... - говорю, как можно, слаще и начинаю отступать спиной назад.

По мере шагов, уголки моих губ тянутся всё выше, когда глаза Алека в это же момент становятся всё Уже. Он догадывается, что что-то пошло не так, вот только никак не может понять, что же именно заставляет меня выглядеть такой довольной.

И тогда, когда оказываюсь на безопасном расстоянии, заканчиваю предложение, подняв руку вверх, на одном из пальцев которой висят ключи от Доджа:

- Хочешь ты этого или нет.

- Какого?.. - едва получается выдавить у него, и я действительно никогда не видела его настолько поверженным в шоковое состояние. Алек, будто не веря, качает головой. - Ты этого не могла сделать... - всё также сокрушённо объявляет он, начиная медленно идти.

- Ооо, ещё как могла! Поверь, вся жизнь стоила того, чтобы увидеть твоё выражение лица сейчас, - заявляю я с безгранично-счастливой улыбкой и, разворачиваясь, тороплюсь к лестнице.

- Лена! - окликает меня его до невозможности суровый голос.

При чём я могу догадываться, что в его голове уже стремительно пополняется количество идей о расплате со мной. Вот именно поэтому я и удираю. Хотя Алек явно не отстаёт, но его слышащиеся шаги нагоняют на меня лишь больше будоражащих ощущений.

- Лена, остановись! - взрывается он, когда я достигаю лестницы. - Это не шутки, и мне сейчас определенно не до веселья!

Я смеюсь, продолжая спускаться.

- Не верится, что я дожила до того дня, когда тебе не до веселья, а мне - да.

Его шаги по-прежнему раздаются эхом во мне, вызывая своей грозностью дурманящий кураж.

- Я не хочу этого делать, - предупреждает он, - но ты прекрасно знаешь, что мне и секунды не потребуется, чтобы забрать их у тебя.

Ого, вот теперь, я могу быть на сто процентов уверенной, что Алек достиг предела своей серьёзности. Я как раз миную последнюю ступень и разворачиваюсь к нему лицом. Мой разум буквально долбит в эту - выстроенную злостью - стену, призывая сейчас же остановиться. Но стена слишком толстая.

- Правда? Применишь силу? - интересуюсь, изогнув в любопытстве бровь, и когда он без раздумий кивает, делаю совершенно бесшабашную вещь, грозящую мне окончательной потерей рассудка. Подняв руку с ключами, демонстрирую их Алеку, а в следующее мгновение опускаю их в лифчик. - Даже у тебя есть слабости, Алек, и я наконец-то их обнаружила.

Его губы размыкаются, и я слышу, как шумно выходит воздух из его лёгких, и в эту же секунду открывается парадная дверь, привлекая наше внимание. На пороге оказывается Марко, на одну секунду он улыбается нам, но обращая взгляд к лестнице, он сразу же меняет в лице. Мой взгляд тоже возвращается к Алеку, и я готова поклясться, что температура воздуха поднимается градусов на сто от его ярости, когда он смотрит на Марко.

- Ты! - рычит Алек, указывая на него пальцем. - Не знаю, что ты с ней сделал, но просто обязан вернуть мне мою девушку обратно.

Марко таращится на нас во все глаза, совершенно обескураженный нападением Алека.

Он что-то собирается ответить, но я решаю воспользоваться заминкой, мгновенно проскальзывая под его рукой.

В следующую секунду я уже на улице спускаюсь с крыльца. А ещё через две секунды рука Алека обвивает мою талию, останавливая неудавшийся побег.

Он прижимает меня к себе настолько тесно, насколько это вообще можно сделать. И так, как я всё равно предполагала, что эта затея не выйдет удачной, перестаю брыкаться, позволяя Алеку осуществить всё, что бы он там ни задумал.

Однако, я точно не ожидаю такого, от которого у меня так захватит дыхание...

Ещё до того, как Алек окончательно переходит все реальные границы, чувствую, как все мышцы его груди и рук напрягаются, когда он делает глубокий вдох прямо перед тем, как его правая рука пробирается под мой свитер.

- Возможно, то, что я сейчас сделаю, - говорит Алек около моего уха, опалая кожу рваным дыханием, - обойдётся мне самыми беспощадными фантазиями, которые лишат меня на ближайшее время сна...

Я даже не успеваю ахнуть, как он подцепляет указательным пальцем середину моего лифчика, и ключи, скользя по коже живота, оказываются в его ладони.

Святые небеса...

Интонация его голоса выравнивается, становится привычно-надменная, когда Алек подводит итог своим действиям:

- Но это - определенно того стоило.

Он отпускает меня, и я моментально поворачиваюсь к нему лицом. Алек ликует.

- Ладно, это заняло больше секунды, но, учитывая отвлекающую составляющую, я ещё быстро управился.

- Доволен собой? - интересуюсь, оценив уровень высокомерия его ухмылки и поняв, что она достигла всех высот.

- Ооо, ещё как!

- Отлично, - спокойно говорю и разворачиваюсь обратно в сторону парковки, к своему плану «А».

Туда, где меня поджидают Несс с Дамьяном, которых я ещё с самого раннего утра попросила меня забрать. Теперь и моими губами завладевает не менее довольная улыбка.

Два-один, любимый.

План «Б» был, конечно, куда более заманчивее, в желании побесить Алека, но я ведь ясно осознавала, что он был изначально обречен на провал.

Очевидно, что Алек наконец-то тоже их замечает, потому что он снова сгребает меня обеими руками за талию. И вот сейчас я начинаю по-настоящему нервничать, пытаюсь освободиться. Запасного плана у меня точно нет.

- Отпусти меня! - требую я, не переставая брыкаться.

Алек смеётся.

- Попробуй сама выбраться, - не упускает он возможности поиздеваться, - ты же у нас нынче стала придерживаться изодранных методов. Так и придумай что-нибудь действенное, особенно тогда, когда Дам прямо сейчас уедет.

Стоит ему только сказать, как он поднимает руку и машет Дамьяну, показывая уезжать. Я качаю головой, уже готовая начать просить, чтобы они меня не бросали, как Алек кричит:

- Уезжай, Дам!

И я уверена, будучи, даже не видя его лица, что Алек в это мгновения послал Дамьяну, как минимум, десяток предупреждений взглядом. Несс поворачивается и что-то говорит своему парню, и в выражении лица Дамьяна появляется смятение. Но думает он недолго, разводя руками, пожимает плечами. В это же момент Несс закатывает глаза и бросает на Дамьяна короткий, предупреждающий взгляд, но он снова качает головой.

Я никогда еще не испытывала такого разочарования, особенно, когда возможность ускользала прямо на моих глазах. Глупо было надеяться, что я могу состязаться в данной ситуации с Алеком. Когда их машина заводится и уезжает, на меня обрушивается вся мощь разочарования, и я со всей злости наступаю Алеку на ногу.

- Ауч! - выдаёт он, мгновенно отпуская меня.

Я готова зарычать от переполняемой меня ярости, когда поворачиваюсь лицом к Алеку.

- Я закажу такси! - не отступаю я.

Алек лишь пожимает плечом на моё заявление.

- Я закажу самый лучший памятник на похороны того таксиста, который осмелится посадить тебя в машину, против моего желания.

Мысли так и несутся нескончаемый потоком.

- Я пойду пешком, - но последняя угроза звучит уже не так уверено, потому что сама осознаю её нелепость.

Он кивает головой в сторону дороги.

- Попробуй, и мы посмотрим, насколько далеко ты сможешь уйти, учитывая то, что пока я быстрее тебя.

Вот теперь я рычу по-настоящему, сквозь стиснутые зубы, запрокинув голову и зажмурив глаза. Мои кулаки сжимаются.

- Хватит, Алек! - а ещё я кричу. Кричу, как никогда, на него не кричала.

И я должна успокоиться, пульс так и стучит в висках. Переходить на крик - плохая идея. Алек всё равно остаётся непоколебим моей реакции.

- Нет, это ты, принцесса, перестань вести себя так, как будто не понимаешь, чем всё грозит.

Но Алек не помогает успокоиться, каждое его слово, словно масло в огонь. Я подхожу к нему и тычу пальцем в его грудь - яростно и интенсивно.

- Нет, Алек! Ты просто не уступаешь мне из-за своих долбанных принципов!

- Возможно, - просто отвечает он, и теперь я, не выдержав, бью его в грудь кулаком несколько раз.

- Вот видишь! Ты даже не отрицаешь этого!

Наконец, что-то всё же мелькает в его глазах, и он перехватывает мою руку за запястье, удерживая её между нами.

- Ты зла на меня, я знаю это, - его голос невероятно спокоен, но он абсолютно отличается от эмоций в его глазах. - Я обидел тебя, но оно того...

- Какая чертовски отличная проницательность, Алек, - иронизирую я, больше неспособная оставлять в себе скопившуюся обиду. - Знаешь, тебе следует занести её на первое место в список своих талантов.

- Лена... - устало говорит Алек, и он никогда ещё не произносил моё имя настолько чувственно, но даже этот факт не может внести в разум хотя бы каплю ясности.

- Ты должен отпустить меня, Алек, - перебиваю я его, прежде чем он сможет запустить во мне механизм отступления.

- Назови мне хотя бы одну вескую причину для этого.

Его способность всегда находить подходящие ответы невообразимо раздражает, и моё лицо мгновенно кривится в возмущенной гримасе, когда я скрещиваю руки на груди.

- Почему я вообще должна называть тебе причину?

В ответ он тоже скрещивает руки.

- А почему тогда я должен тебя отпускать? - без единой заминки отбивает моё возражение Алек.

Ну вот, опять в голове появляются красные вспышки, и моя злость достигает нового предела.

- Знаешь, ты такой засранец, - шиплю я, до боли стискивая челюсти.

Алек хрипло посмеивается, умилено глядя на меня, словно находит слова забавными.

- А ты, знаешь, принцесса, что это был твой самый слабоватый комплимент в мой адрес из всех, что ты когда-то говорила.

К списку раздражителей я добавляю его безмятежность к таким ситуациям, она буквально убивает меня. Нельзя быть настолько твердолобым, как он. Уверена, что Алека можно с лёгкостью занести в «красную книгу» как единственный подобный экземпляр. И я больше не могу с ним спорить. Тело начинает потряхивать. Я готова вопить и швыряться, крушить, громить, творить самые неподобающие вещи, чтобы хотя бы на толику избавиться от разрывающей меня ярости.

Но вместо всего, я просто, отчаявшись, выдаю:

- Алек, пожалуйста...

Стоит словам слететь с губ, как он моментально становится серьёзным. Алек внимательно изучает меня, его карие глаза впиваются в мои, как будто он не может что-то никак понять.

- Объясни, что такого важного может быть в универе, из-за чего ты так стремишься туда? - в его голосе появляется раздражение, и думаю это из-за того, что могут быть в моей жизни вещи, которые ему непостижимы.

Взгляд Алека приобретает дополнительную мощь, теперь он просто желает пробраться в мои мысли, и я очень скоро отвожу глаза в сторону. Мне не нравится идея: сейчас всё рассказать ему. Не думаю, что тогда вообще у меня появится шанс провести этот день нормально. Поэтому удерживаю себя, рассчитывая, что ещё может произойти чудо.

- Хотя, знаешь, что? - внезапно начинает Алек, и если бы не тон его голоса, то я бы не повернулась. - Не говори ничего, я лучше сам всё увижу.

Мои глаза округляются. Я ведь не ослышалась? Я правильно его поняла? Очевидно, что да. Так как Алек выдаёт замысловатую ухмылку. Пусть она и не предвещает ничего хорошего, я за неё не переживаю. Зачем ему знать, что он всё равно не увидит ничего из того, что ожидает.

Но затем он всё портит, добавляя всего лишь пару слов:

- Но! У меня есть условия.

Я застонала. Громко. Условия. Конечно, всегда есть грёбанные условия. И с чего я решила, что всё будет легко и просто, особенно, когда дело касается Алека?

Тем временем, «разрушитель грёз» выставляет указательный палец, начиная перечислять свои требования:

- Первое, ты не отходишь от меня и не упрямисься, если я скажу тебе что-то делать. Вообще. - добавляет с акцентом, вкладывая в последнее слово большее значение, чем во все предыдущие. - Договорились? - Вздохнув, я всё же киваю. Могло быть и хуже. - И второе. Мы поговорим с тобой за то время, пока едем до универа.

Вот оно «хуже».

- Это шантаж, Алек!

- Это - моя компенсация, - поправляет он, придав словам выражения. - Мне придётся провести несколько часов, переживая за тебя. И я требую для этого существенной мотивации.

Я даже не заметила, что мой пыл по угас, пока снова не чувствую, как моё лицо начинает гореть. Сверлю его хмурым, недовольным взглядом, но согласия по-прежнему не даю.

- Ну так, что? - теряет терпение Алек. - Идёт?

- Идёт... - ворчу себе под нос, чтобы, в случае чего, списать всё на то, что и вовсе ничего не произносила.

Пять минут наедине с Алеком, в маленьком закрытом пространстве, развивают во мне никогда не беспокоящую ранее клаустрофобию. Кожа зудит, мне тесно, неудобно, воздуха мало, жарко - и ещё огромный список вещей, вызывающих дискомфорт. Я не перестаю ёрзать на сидении. То вытягиваю ноги, то поджимаю, да и вообще борюсь с желанием притянуть их к груди. Откидываю голову назад, прислоняю её к стеклу и считаю деревья.

О, да, я успеваю считать деревья, так как скорость невероятно низкая.

Я понимаю, что Алек тянет время, откладывая разговор. Возможно, он рассчитывает, что я начну его первая - да ни за что в жизни.

Но спустя ещё пять минут, я меняю своё решение и не выдерживаю.

- Ты ведь можешь ехать быстрее?

Алек награждает меня лишь одним взглядом - косым и с зажжённым огоньком хитрости.

- И что мне за это будет? - интересуется он, словно может найти в этом что-то заманчивое.

Улыбка отсутствует на его лице, но скулы поддёргиваются, силясь её скрыть любым способом.

Я скептически шурюсь.

- Ты ведь никогда ничего не делаешь просто так, да?

- Смотря на то, как меня об этом попросить, - отвечает Алек и поворачивается ко мне. - Ты это делаешь - так себе.

Смеряю его сердитым взглядом с минуту, раздумывая стоит ли оно того.

- Забудь, - отворачиваясь к окну, бормочу я. - Это всё равно была плохая затея.

Один глубокий вдох, второй - явные признаки того, что Алек себя останавливает от попытки заговорить. Но на третий раз он всё же не сдерживается.

- Слушай, принцесса, это всё равно не может длиться бесконечно.

Хм, его слова заставляют невольно задуматься. Но всё сходится к тому, что сейчас я даже не способна рассматривать вариант поговорить «о нас», хотя ещё вчера была

близка к тому, чтобы поцеловать его. И что же изменилось со вчерашнего дня?

- Может, - отвечаю я, вспомнив события, усугубившие ситуацию. - Если ты так и будешь меня постоянно обманывать.

Моя голова сама поворачивается налево, чтобы понаблюдать за его реакцией.

- Я никогда не обманывал тебя! - довольно вспльчиво защищается он.

- А что тогда было вчера? - безупречно контролируя голос, спрашиваю я.

Алек кривится и смотрит на меня.

- Эй, - выдаёт он протяжный звук, выражающий его крайнее возмущение. - Это ведь не я всё спланировал, а Марко.

Секунду я думаю и не нахожу доводов, опровергающих его правоту.

- Неважно, - зато вот, какой я нахожу довод. - Ты всё равно знал.

- И предупреждал тебя.

- Плохо предупреждал.

Алек рычит, на секунду отпуская руль, и уже через мгновение снова стискивает его руками, качая головой. Скорость порядком прибавляется, и цифры на спидометре неумолимо поднимаются: на десять, двадцать, тридцать, сорок километров.

- Знаешь, иногда ты... просто... невозможна...

Алек злится, и очевидно, что возрастание скорости напрямую зависит от уровня его злости. Но по крайней мере, я могу наглядно увидеть на спидометре, когда мне будет лучше всего остановиться. А сейчас я собираюсь оспорить последнее его замечание. Но стоит мне едва открыть рот, как Алек перебивает.

- Почему мы просто не можем обсудить то, что произошло? Это ведь не так сложно, - из интонации его голоса, я понимаю, что это не вопрос, а самое настоящее утверждение.

Однако он всё равно ожидает ответа, не переставая бросать в мою сторону взгляды. Но я до последнего собираюсь увилить.

- Если это не так сложно, что же ты только сейчас решил поговорить, когда миновала уже неделя?

Отвечать вопросом на вопрос - любимый метод Алека, и я без раздумий у него заимствую его. И сразу же вижу, как это действует на Алека, точно также, как и каждый раз на меня - я злюсь ещё больше.

Плюс десять километров.

Желваки на его скулах ходят ходуном, когда он разминает шею, словно готовясь принять бой.

- Я пытался, - говорит Алек, удерживая взгляд перед собой. - Но тебя было вообще не застать без Марко, словно он стал твоей тенью.

Мой взгляд тоже обращается к дороге.

- Плохо пытался, - просто констатирую я факт.

Но мы оба знаем, о чём я говорю.

Краешком бокового зрения замечаю, что на этот раз Алек повернулся. Несколько секунд он сверлит в моём виске дырку.

- Да, неужели? - спрашивает он, когда возвращает внимание к дороге. Теперь она

становится мишенью его прожигающего взгляда. – А может просто это ты так хорошо меня избегала?

Вот оно – Алек попадает прямо в самый центр всего. Что-то отворяя внутри меня, выпуская наружу. Я хорошо притворялась, что контролирую себя. Но всего лишь притворялась. И попытка Алека списать всю вину на меня разрушила все старания.

– Ты знал, где точно можно меня найти, – с горечью говорю я, поворачиваясь к нему. – И знаешь, что? Это и есть самое обидное из всего, что ты сделал. Ты не заходил в комнату, словно напоминая мне, что в тот раз именно я затащила тебя туда против твоей воли... – я умолкаю на последних словах.

Внезапно будто бы раздаётся звон колокольчиков в голове, что-то напоминающий... Что-то такое важное, словно я упустила это. И я никак не могу вспомнить что. Но Алек не замечает заминки, принимая её как окончание предложения.

– Я не мог, – всего лишь отвечает он, заставляя забыть всё то, что только что меня беспокоило.

Моя реакция не устаёт удивлять. Я смеюсь, но только всё та же горечь присутствует даже в звуке моего смеха.

– Ты говоришь, что не обманывал меня, – мой смех стихает, но так и не угасает до конца, переходя в редкие, глухие смешки. – Но даже сейчас ты это делаешь, Алек. Ты не *не мог*, ты просто *не хотел*. – Я трясую головой, когда Алек не отрицает. – И это, кстати, не первый раз. Точно также, как ты и солгал, когда сказал, что не хотел всего этого, свалив всю вину на меня...

– Я не хотел этого, – перебивает Алек, и сейчас в звуке его голоса слышится раздражение и настойчивость одновременно.

– Это ложь! – упёрто не отступаю я, на этот раз у него не получится так легко обвинить во всём меня. – Я очень хорошо могла чувствовать в тот момент, что ты хотел меня.

Очевидно, что до Алека доходит то, что ещё секунду назад он не понимал. Он кривится, но старательно удерживает взгляд подальше от моего.

– Конечно, я хотел тебя, – подтверждает он, но не тем тоном голоса, который предполагает мою правоту. – Я – парень. Ты – девушка, – произносит Алек так, словно «на случай, если я могла об этом не знать». – И мы целовались. Это обычное физическое влечение.

Голос Алека звучит настолько буднично и расслабленно, будто он ничего такого важного и не сказал. Но он ошибается, говоря не те слова.

Я щурюсь, смотря на него неверующим взглядом.

– То есть, ты чувствуешь ко мне всего лишь «физическое влечение», но не больше?

Алек взрывается, я вижу это во всём: линия его подбородка напрягается, руки сжимают руль до белых костяшек на пальцах, а скорость движения машины вот-вот достигнет космической.

– Нет – как раз-таки не просто «физическое влечение», – почти срывается на крик он, от которого старательно удерживает себя, но его голос всё равно скачет различными высотами. – Поэтому, черт возьми, я тогда и остановился, хотя это было сложнее всего, поверь мне! Будь на твоём месте любая другая, я точно не стал бы этого делать, и не делал никогда, потому что мне было всегда плевать. Вот, что значит чертова простая физика...

Внезапно я ощущаю тошноту.

– Останови машину, – перебиваю я, но мой голос практически не слышен.

Алек бросает на меня быстрый взгляд и шумно сглатывает. Именно в этот момент на его лице отражается то, что он полностью осмысливает свои слова.

- Я...

- Останови машину, Алек! - выдаю на этот раз намного громче и не узнаю свой голос.

Сильные эмоции окутали моё горло так, что я совсем не могу дышать.

- При...

Пытаюсь сказать Алек, но я его снова перебиваю.

- Останови эту грёбаную машину, Алек! - вот теперь я кричу слишком громко для того, чтобы Алек повернулся ко мне.

Он что-то видит в моих глазах, то, что вызывает в его собственных отчаяние. Отвернувшись, Алек зажмуривается, сжимая губы так, словно пытается вытерпеть самую невероятную боль, и ударяется затылком об спинку сидения, но уже в следующий момент, открыв глаза, начинает сбавлять скорость.

Это самые долгие секунды, которые я когда-либо переживала. И едва успеваю раздаться звук торможения, я распахиваю дверцу и выскакиваю на улицу. Хватаю ртом воздух и начинаю расхаживаться, но это совсем не помогает. Все внутренности извиваются так, будто бы я проглотила что-то живое.

Алек оказывается рядом и пробует подойти ко мне, но я скидываю руками, останавливая его.

- Нет! Не надо, Алек.

Прислоняюсь к машине и закрываю глаза. Я не хочу, чтобы меня вывернуло наизнанку прямо на его глазах. И уж точно не из-за того, что он сказал.

Алек делает вдох, собираясь что-то сказать, но я пресекаю его попытку.

- Просто помолчи, пожалуйста, - говорю я спокойнее в тысячи раз, чем несколько секунд назад.

Моё сердце стучит, как никогда, громко. Уж как-то слишком громко и часто, и я стараюсь сконцентрироваться только на нём, считая удары.

Один, два, три... Он никогда не останавливался.

Семь, восемь, девять... С другими девушками.

Пятнадцать, семнадцать, двадцать... Боже, сколько же у него их было?

Десять, двадцать, тридцать... Я что, всерьёз сейчас прикидываю их количество?

Я перестаю считать. Почему тогда Алек остановился со мной, когда я хотела обратного? Потому что со мной он не хотел этого.

Открываю глаза, мгновенно встречая пристальный взгляд тёмных глаз Алека.

- Я что, хуже всех? - спрашиваю я надламывающимся голосом.

Алек хмурится в недоумении.

- Ты, о чём?

Он не понимает меня. Конечно же, Алек не понимает. И не поймёт, почему меня вообще это беспокоит. Но меня это беспокоит, и я ничего не могу поделать с собой.

- Почему ты остановился со мной, когда никогда этого не делал?

Потрясённый вид Алека говорит мне о том, насколько несуразно для него звучит вопрос. Он проводит ладонью по лицу и устало поднимает взгляд к моему.

- Мне жаль, что я вообще это всё наговорил тебе...

- Алек, ответь, - настаиваю я, но мой слабый голос едва годен для этого. - Чем я хуже их?

Теперь он смотрит на меня так, словно я говорю самые омерзительные вещи в мире.

- Ты издеваешься сейчас?

- Нет, - отвечаю я, хотя сама вообще не уверена в том, что делаю.

Алек оглядывается по сторонам, будто отыскивая слова в первых попавшихся предметах, но, когда он возвращает ко мне взгляд, кажется, по-прежнему не нашёл ничего подходящего.

- Ты ведь понимаешь, о чём спросила меня? И насколько твой вопрос... - он замолкает, не зная, как правильно выразиться. И тогда Алек находит намного более подходящее утверждение: - Это самая большая глупость, которую ты когда-либо вообще произносила.

Возможно. И возможно, мне стоит перестать выглядеть глупо. Но всё, что вызывают его слова - злость, которую я не способна обуздать.

- Я понимаю, Алек, что спрашиваю. Но я должна знать, почему ты не хочешь меня. Потому что ты накричал на меня из-за того, что я этого хотела. А после не разговаривал со мной и избегал собственной же комнаты...

Внезапно Алек приближается так быстро, что я вздрагиваю и перестаю говорить. Он упирается ладонями в машину по обе стороны от меня и долго-долго просто смотрит в мои глаза. Его челюсть сжимается, незнакомый взгляд впивается в меня, его глаза очень-очень яркие, дикие, как у настоящего животного. Алек выглядит так, словно чертовски взбешён, сдерживая желание что-нибудь разорвать.

Его дыхание учащается и учащается, и учащается, а затем...

А затем он запускает руку в мои волосы на затылке и, рывком притягивая, целует меня. Целует с сумасшедшей пылкостью, с отчаянной яростью, так, словно наконец-то сорвался с цепи после долгих недель голодания. Так, как никогда ещё не целовал меня. И каждый новый поцелуй грубее предыдущего, более страстный, более требовательный.

Я мгновенно таю в нём, утопаю в ощущениях: сладости вкуса его губ, знакомом запахе его кожи, прикосновении его руки на моей талии, когда его тело вжимает меня в машину, и мне это нравится. Мои ноги становятся ватными и, кажется, что я вот-вот упаду на землю...

Но в этот же момент я понимаю, что есть в его поцелуе что-то неправильное и неестественное. Словно так не должно быть. Словно это ошибка...

Отстраняюсь от Алека, толкая его в грудь, тяжело дыша, едва способная собраться и сконцентрироваться на происходящем. Я полностью одурманена его близостью, его поцелуем, пониманием, как я скучала... как мне его не хватало. Моё тело стонет и жалуется, желая притянуть его обратно. Но вместо этого, я выставляю перед собой руку, позволяя пространству между нами замедлить учатившийся пульс, и нахожу в себе совсем толику сил, чтобы произнести следующее.

- Ты не можешь просто брать и каждый раз целовать меня, избегая разговора, - мой голос практически трещит от горечи слов.

Но я смотрю на Алека, уверенная в том, что это самое правильное из всего того, что могла сказать ему сейчас.

И он не выглядит возмущённым, когда просто отвечает:

- Я знаю.

Однако спустя секунду добавляет:

- Но вместо того, чтобы оспаривать, лучше показать наглядно, что ты не понимаешь, о чём говоришь. Я хочу тебя, принцесса. Вернее, ты - это единственное, что я хочу. Ты - это всё, чего я хочу. Ежеминутно. Ежесекундно. Ты - это единственное, что занимает все мои мысли. Ещё никто и никогда не пробирался в мою голову так, словно я помешался только на тебе, - на одном дыхании заявляет Алек, и моё сердце жжёт в груди от волнения и желания в его голосе, от его слов, которые, вполне возможно, перевернули мой мир, как минимум, несколько раз.

Мне кажется, что воздух рядом с нами начинает потрескивать, я ещё никогда не воспринимала так тишину, позволяющую повторять его слова про себя снова и снова... И эти несколько секунд, длящиеся до невозможности долго, что-то между нами меняют.

Алек передвигается ближе и нежно проводит рукой по моим волосам, отводя мою голову немного назад, чтобы я смотрела только на него.

- Вот, почему я остановился. Вот, почему я разозлился из-за того, что этого не сделала ты. Потому что ты слишком много значишь для меня, и я не могу допустить того, чтобы с тобой что-то случилось, - продолжает он, и его голос чистый и глубокий теперь дополняет идеальную тишину вокруг нас. - И ты, принцесса, должна быть на одной стороне со мной в этом вопросе. Но даже сейчас ты ведёшь себя безрассудно, доказывая, что тебя особо и не волнует, чем это всё может обернуться. А я должен быть уверен в тебе тогда, когда вдруг... - Алек вздыхает и, поджав губы, качает головой. - Что-то пошло не так тогда, и что именно я до сих пор не понял...

- И ты оставил меня тогда из-за этого, вместо того, чтобы нормально разобраться во всём... - вставляю я замечание, подумав, что это самое отличное место для него.

- И совершил самую большую ошибку, - принимает его без пререканий Алек. - Но я думал, что так будет лучше. Ты ведь даже не отрицала своего желания пустить всё к чертовой матери, - его голос мгновенно повышается, наполняясь сильными эмоциями. - Я не знал, как на это реагировать. Я растерялся, понимаешь? Для меня чувствовать - вообще незнакомо. Я привык опираться только на логику. И именно это я и сделал тогда. Мне показалось, что это единственный способ, чтобы отгородить себя от ошибок, - намного тише произносит Алек, прислоняясь своим лбом к моему. - Я должен отгородить тебя от себя. Но я не могу... - просто добавляет он, глядя только в мои глаза.

Он так долго в них смотрит, будто хочет спросить у меня на что-то разрешение, однако делает совершенно другое.

- Прости меня, Лена, - вновь Алек делает это со мной, произносит моё имя так, что сердце начинает стучать в груди сверхурочно, и на этот раз я хочу наслаждаться своими ощущениями, а не игнорировать их, как в прошлый. - Я действительно верил, что так будет лучше. Лучше, если я вообще не буду находиться рядом, пока не пойму, как себя контролировать, исключив возможность за это время навредить тебе. - Он делает короткую паузу. - И прости меня за то, что я даже дня не продержался, попробовав уже на следующий день поговорить с тобой...

Этого было для меня достаточно, чтобы захотеть его поцеловать. Слегка поднявшись на носочках, я касаюсь его губ своими один раз. Чувственно и нежно, именно такого поцелуя заслуживают подобные слова.

Я чувствую, как его мягкие губы прикасаются к моему лицу, оставляя на нём легкие, почти воздушные поцелуи.

- Обещаю, что больше никогда не оставлю тебя одну, чтобы ни случилось, - вполголоса говорит он, отстраняясь и возвращая взгляд к моим глазам. - Теперь я уверен, что это не выход. К тому же, неважно влияет на твоё поведение.

Мне не удаётся удержать улыбку из-за того, что даже сейчас Алек не может обойтись без своих глупых подколов. Но впервые за эту неделю я не хочу себя отговорить от этого, мне действительно становится легко и спокойно.

Алек отстраняется ещё дальше, оставляя расстояние между нами, и вновь упирается ладонями в машину, а его взгляд приобретает интерес.

- Теперь скажи мне, принцесса, связано ли твоё стремление отправиться на учебу с желанием насалить мне? Или в этом есть действительно что-то важное?

Ох... Улыбка стремительно сползает с моего лица. Мне больше не скрыться от этого, как бы сильно я ни хотела вообще не думать о новости. Не говоря уже о том, чтобы произнести вслух. Но другого выбора у меня нет, Алек должен знать, что времени у нас больше ни на что нет.

- Послезавтра приезжает мама, чтобы забрать меня. А это значит, что сегодня, возможно, последний день увидеть Лесю, - мой голос затихает, и я беспомощно пожимаю плечами. - Я собиралась сказать тебе вечером, чтобы не удручать день этими мыслями...

Снова пожимаю плечами, больше не зная, что добавить. Но вот она - моя единственная и настоящая причина такого стремления.

В переливающихся глазах Алека видно беспокойство, когда он кивает.

- Ладно. Тогда нам надо ехать.

Не ожидавшая такого быстрого согласия, решаю переспросить.

- Ты правда не против?

Теперь наступает очередь Алека пожимать плечами.

- Надеюсь, что один день ничего не решит.

Ему это не нравится, я вижу всё по его лицу, и когда Алек отталкивается руками от машины, останавливаю его, чтобы спросить.

- Значит, ты думаешь, что кто-то, из живущих сейчас в поместье, сообщил Ордену про инсценировку?

- Другого объяснения нет, - Алек оглядывается по сторонам, кажется его обременяет сама мысль об этом. - Чересчур удачно подобранное время. Среди нескольких псевдогибридов оказаться всего одному настоящему. Это не может быть случайностью.

Договорив, он сразу же берёт мою руку в свою ладонь и тянет к пассажирской двери.

- Поехали, принцесса. Здесь оставаться тоже не такая уж и отличная идея.

Возможно так оно и есть, но сейчас дело только в разговоре. И поэтому просто сажусь в машину, понимая, что помимо всего того, что происходило между нами, последнее не меньше отразилось на нём, и мне не хочется заставлять Алека вести разговор, который явно влияет на многое.

Когда мы заезжаем на парковку, лицо Алека приобретает по-настоящему мрачный оттенок. Я не знаю вызвано это новостью о маме, или же его настороженностью из-за нахождения за пределами поместья. Но, так или иначе, его что-то очень сильно беспокоит, и беспокоило всю дорогу.

Он заглушает двигатель и поворачивается ко мне. Смотрит так, словно хочет о чём-то попросить, но сам ничего не говорит. Вместо этого Алек, поджав губы, тянется к бардачку и достаёт оттуда мортэм.

- Больше не теряй, - как-то сердито говорит он, удерживая руку протянутой, но сам даже не смотрит в этот момент на меня, хмуро оглядывая прохожих мимо машины.

Прочищаю горло, в нём образуется комок от воспоминаний прикосновений к холодному металлу, ассоциирующихся со смертью, поэтому до последнего не решаюсь взять его в руку.

- Ты же не думаешь, что я смогу воспо...

- Думаю, - настаивает Алек, мгновенно обращая ко мне взгляд.

Он настолько серьёзен, что у меня отбивает желание оспорить его слова. Беру мортэм в руку, и моё тело моментально пробивает дрожь. Алек внимательно наблюдает за моей реакцией. Он знает, что нет никакого смысла кого-то обманывать, я вряд ли смогу им воспользоваться.

- По крайней мере, ты всегда можешь его обронить, чтобы им воспользовался я, - произносит Алек, стараясь при этом говорить непринуждённо.

Я киваю и опускаю мортэм в сумку, и от этого напряжение в плечах Алека ослабляется. Он быстро накидывает куртку и так же поспешно выходит из машины, оказываясь с моей стороны, как раз вовремя, чтобы открыть мне дверь.

Пока мы направляемся к корпусу, меня не покидает дурное ощущение в груди. Непривычно находиться где-то помимо поместья. А может так воздействует на меня состояние Алека, накалённое до самого предела его настороженности. Его прищуренный взгляд, скрупулезно сканирующий пространство вокруг, говорит, что что-то не так. И мои подозрения подтверждаются, когда, подойдя к учебному корпусу, Алек останавливается прямо перед входом.

- Зайди внутрь, принцесса, и не выходи на улицу, - говорит он, по-прежнему оглядываясь по сторонам.

- Алек... - начинаю я, но он обрывает, поворачиваясь ко мне.

- Я напишу Даму, он найдёт тебя в холле. Никуда не уходи, оставайся постоянно у кого-нибудь на глазах, поняла?

Под натиском такого многозначительного взгляда невозможно отказать, и я поспешно киваю.

- Что происходит? - всё же не упускаю я возможности узнать. - Гибриды?

Меня действительно пугает его вид, Алек словно увидел настоящее привидение, в существование которых никогда не верил.

Он отрицательно качает головой.

- Нет. Но что-то здесь не так.

Я чувствую, как грусть кольнула в груди только от появления этой мысли, но всё же решаю озвучить её вслух.

- Может, тогда нам стоит уехать обратно?

Я до последнего верила, что один день в моей жизни пройдёт нормально, но теперь понимаю, что пора прекратить быть настолько наивной.

- Думаю, нет никакой на то причины, принцесса, - отвечает Алек, стараясь держаться привычной для него манеры общения. - Кажется, это первый раз, когда меня подводят инстинкты.

Пока я обдумываю его слова, взирая на Алека непонимающим взглядом, он подходит ко мне и быстро целует в висок, бережно скользнув ладонью по моим волосам.

- Заходи, - шепчет он, оставляя губы на моей коже. - Я просто кое-что проверю и вернусь.

Стоит его словам сойти с уст, как Алек отстраняется и, убедившись, что я открыла дверь и направилась внутрь, быстро скрывается из виду.

В холле находится всего два охранника, один из которых, проверив мой студенческий, пропускает за изгородь, а сам направляется на улицу. Прохожу до первой скамьи и, ещё раз оглядев длинный коридор, ведущий к аудиториям, сажусь на неё, прислоняясь спиной к стене. Я тоже что-то почувствовала на улице - незнакомое, образующее какое-то натяжение в груди. Но это точно не гибриды. Нервы? Возможно. Однако, тревога не отступает, словно она захватила внутри меня что-то живое, и, сжимая, удерживает в

своих прочных руках.

Секундная стрелка, больших настенных часов, тикает слишком громко, будто бы специально играя на нервах. Мне не нравится, что Алека так долго нет. Накатывает волнами панический жар, и уже через минуту лоб покрыт выступившей испариной. Жарко. Смахнув со лба волосы, вновь оглядываю холл и ближайший коридор. До конца пары ещё минут пятнадцать, и я решаю, пока не хлынул огромный поток студентов, быстренько воспользоваться умывальником в уборной.

Мне просто нужен холод и ясная голова.

На всякий случай, пишу Алеку смс, чтобы он меня не потерял, и, убрав телефон, встаю и направляюсь в лабиринтообразный коридор первого этажа. Зайдя внутрь уборной, ставлю сумку на подоконник и несколько раз сбрызгиваю лицо ледяной водой. Но ощущение дурноты не уходит, оно лишь усугубляется. По позвоночнику вниз скользит неприятный холодок, а затем я буквально спинным мозгом чувствую резко нахлынувшую опасность.

На мой затылок что-то давит, пока я не понимаю, что это...

Медленно выпрямляюсь, и в зеркальном отражении меня встречает хитро-довольная ухмылка Тимура. Даже сквозь его чёрные солнцезащитные очки, я могу распознать его не менее хищный взгляд. Хотя хищный – на данный момент и есть самое правильное определение.

Я знаю это ощущение, и уже точно знаю, что с ним не так, оборачиваясь к нему лицом.

– Долго же я тебя ждал, красавица, – лепечет Тимур, снимая очки и открывая мне вид на свои красные глаза гибрида.

Глава 11

Три метра – вот какое расстояние отделяет меня от сумки. В ней находится единственный шанс выбраться из этой ситуации. Правда, я на неё даже не смотрю. Все мысли заняты другим – буквально вопят в один голос об одном и том же по кругу: Тимур – гибрид.

Как такое возможно? Чертовщина какая-то...

Стоп!

Я приказываю себе собраться! Мортэм, мне нужен только мортэм. Почему-то теперь я почти уверена, что смогу им воспользоваться, сколько бы противоречивых чувств у меня ни возникало.

Тимур снова вызывающе ухмыляется, и делает это настолько по-дьявольски эффектно, что никакие призывы собраться не помогают. Он выглядит не то чтобы просто предвкушающим победу, он ведёт себя так, словно уже её одержал. И такой вариант далеко не исключение...

Медленно, даже можно сказать лениво, Тимур поворачивается к двери полубоком и блокирует ручку, вращая маленькую защёлку, и снова смотрит на меня.

– На самом деле у нас очень мало времени, вездесущий Белинский скоро догадается, что его водят за нос, – сообщает он, небрежно разводя руками в сторону. – Но... несколько минут мы всё же можем провести в своё удовольствие. Ты так не считаешь?

Ни черта подобного.

Я бросаюсь в сторону окна, но Тимур оказывается настолько быстр, что в ту же секунду, больно схватив меня за локоть, рывком возвращает обратно. Он впихивает меня меж двух умывальников, и его бёдра устраиваются прямо напротив моих, вжимая меня и блокируя собой любой способ вырваться.

- Ты не представляешь, как ранишь мои чувства, постоянно желая сбежать от меня, - напустив обиды, прямо-таки мурлычет Тимур, продолжая напирать на меня своим телом.

К горлу подступает тошнота, я не могу убедить себя не реагировать на такую близость, он слишком противен мне. Отворачиваю голову, пытаюсь снова собраться, взглянув в сторону сумки, но он не позволяет этого сделать, впиваясь пальцами в мой подбородок, заставляет смотреть в его яркие глаза.

- Возможно, это наша последняя встреча, - продолжает Тимур, сохраняя всю ту же вибрацию в голосе. - Разве мы не должны этим воспользоваться?

Скверное чувство сводит живот спазмом, нарастающее отвращение, такое сильнейшее, что моё тело само рефлекторно реагирует. Дёргаюсь, пытаюсь оттолкнуть его руками, но Тимур перехватывает одну из них, заламывая её за спину, и вжимается своими бёдрами в мои сильнее, что причиняет боль. Сжимаю губы плотнее и снова дёргаюсь, но теперь собственное же движение причиняет боль в несколько раз хуже.

- Ну же... - с искренним расстройством маленького ребёнка тянет Тимур. - К чему сопротивляться?

На этот раз вопрос не чисто потешающий его самооценку, как предыдущие, он на самом деле ждёт от меня ответа. Но всё, что мне хочется сделать, плюнуть ему в лицо. Ох, как мне этого хочется. Однако я этого не делаю, позволяя ему отвлекаться на собственную болтовню. Я уверена, что этот ублюдок наслаждается звуком своего голоса, не говоря уже о том, что излагает его голос. Гибрид - это худшее, в кого он мог воплотиться, если его ранняя версия и так недалеко уходила от этого.

Что же касается относительно «сейчас», то он просто приобрёл дополнительную силу, омрачающую его гнилую сущность ещё больше.

И пока Тимур болтает, я рассматриваю варианты, которые позволят освободить руку, а второй по-прежнему упираюсь в его грудь, сохраняя хоть какое-то расстояние.

Его близость... просто... невыносима.

Когда Тимур в свою очередь дышит так глубоко, задерживая в себе воздух, что моё отвращение нарастает. Молчание длится с добрую минуту, и Тимур по-настоящему злится из-за этого. Он совершает толчок бёдрами, призывающий меня среагировать.

- Знаешь, я ведь могу тебя никому и не отдавать, - заявляет он уже не так приторно сладко, откидывая притворство.

Он сжимает губы, начиная дышать часто и обжигающе. И смотрит на меня взглядом, который я могла бы квалифицировать как поглощающий.

- Боже, я знаю, почему он от тебя не отходит... - словно успокаивая самого себя, бормочет Тимур.

Его тело напирает, заставляя мою руку сгибаться в локте. Он склоняется к моему лицу ближе, и у меня невольно вырывается судорожный всхлип, когда у него получается коснуться носом моей кожи, а затем и губами.

- Ты так божественно пахнешь...

Я содрогаюсь. Меня разрывает на части от отвращения. Сама не ожидаю такого, но всё моё тело бьёт дрожью энергии - чистой и необузданной. В голове раздаётся щелчок, когда Тимур ослабляет нажим своих бёдер, и этого как раз хватает, чтобы протиснуть коленку между его ног и со всей силы ударить в промежность. И не один раз, а столько, сколько успеваю, пока он не погибает, отпуская меня, и стонет от боли.

В согнутом состоянии он делает несколько шагов назад и, упираясь руками в колени, начинает выпрямляться. В его глазах так много ярости, что моментально понимаю - теперь невредимой мне точно не выбраться. Нас разделяет два шага, Тимур не торопится, смакует этот момент, наблюдая, как во мне нарастает жуткая паника. Я загнана в ловушку... или нет?

Всего миллисекунда требуется мне, чтобы осознать, что между нами всё же есть расстояние, и его мне должно хватить. Я не зря столько тренировалась. Тимур только делает шаг, я мигом вцепляюсь в края умывальников, используя их для опоры, и отталкиваю ногами его в сторону кабинок. Он ударяется головой об одну из них и, теряя координацию, скатывается по двери вниз.

Я бросаюсь в сторону сумки, хватая её и встряхивая содержимое на кафель, чтобы не терять время на поиски мортэма. Будучи самым тяжелым, он выпадает первым с брякающим звоном, и когда он только начинает переворачиваться, собираясь прокатиться дальше по полу, я подхватываю его и сразу же выпрямляюсь, прямо в то же мгновение, когда Тимур оказывается возле меня.

Отреагировав, как никогда безукоризненно, успеваю выставить между нами руку, нажав при этом кнопку. Нас разделяет тонкое острое лезвие, и я всецело рассчитываю, что Тимура это немного отпугнёт. Но нет – его рот изгибается в довольном оскале, когда он вплотную упирается грудью в самое остриё. На светлой футболке растекается пятно крови, которое привлекает только моё внимание, но никак не его.

Рука начинает трястись от волнения, и я сильнее сжимаю Мортэм, пытаюсь ощущением защиты придать себе больше уверенности. Но она так и дрожит, и Тимур это с лёгкостью замечает, роняя свой взгляд туда, где соприкасаются ткань его футболки и поблескивающее остриё. Когда он поднимает взгляд к моим глазам, в его глазах горит настоящее безумие и потеха.

– Ну же, сделай это, – не навязчиво предлагает Тимур. – Давай, – теперь он подначивает меня, пропуская гадкий смешок, и моя злость начинает расти, проявляясь в учащённом сердцебиении.

Нет, я не боюсь Тимура. Ни капли. Но я боюсь смерти. Самой мысли, чтобы хотеть кого-то убить.

Я говорю себе: так надо! У тебя нет другого выхода. Думай об этом.

– Давай! – рявкает Тимур, заставляя меня вздрогнуть и многократно же отреагировать.

Я действительно делаю это – заносу руку для удара в сердце. Но Тимур реагирует вместе со мной. Как только моя рука направляется назад, он её перехватывает, загибая запястье и принуждая мою ладонь разжаться.

Мортэм падает на пол, и Тимур мигом отпихивает его в сторону кабинок.

От этого моё сердце совершает тревожный толчок. Меня наполняет решительностью, и я бью Тимура в лицо, чисто инстинктивно, но метко и сильно для того, чтобы его голова дёрнулась назад. Стыкая зубы, я сразу же пробую вывернуть свою руку в то положение, что поможет мне...

Картинка перед глазами искажается.

Я слышу хруст своих костей ещё до того, как из груди вырывается пронизывающий крик. Потому что его мгновенно заглушает собой ладонь Тимура, зажимающая мой рот. Наступает кратковременная темнота, в которой только одна невозможная пульсирующая боль в запястье.

Я не могу ни на чём сконцентрироваться. Боль. Одна боль.

Жмурюсь и пытаюсь схватить ртом воздух, но тут же задыхаюсь собственными же всхлипами, которые буквально возвращает в меня его рука. Перед глазами только начинают образовываться силуэты, как Тимур хватает меня за волосы, отводя мою голову назад, и наклоняется ближе.

– Ты знала, что именно это было первым местом, где Белинский сломал мне руку, ммм? – его голос дрожит, когда он шепчет над моим лицом. – Но я не он... не он. Это вышло случайно... почти случайно.

Слова Тимура похожи на настоящий бред, с нотками лишившегося здравого ума человека, и теперь я осознаю, что ему на самом деле присуще определение

«маниакален», как выражался ранее Алек.

Господи, он ведь может хотя бы один раз не оказаться правым?

Потому что Тимур меня пугает. Лицо полосуют тонкие струйки слёз, но я пытаюсь не издавать и звука. Пробудившаяся и ясно-работающая логика подсказывает, что лучше терпеть и молчать. Хотя и не уверена до конца, такое ощущение, что Тимур именно и ждёт от меня, чтобы я что-то проявила, показала ему что-то. Возможно, раскаянье?

Он резко отпускает руку, почти отбрасывает, и новая боль, когда обмякшая кисть ударяется о моё же бедро, проносится по ней вверх, активируясь в голове яркой вспышкой.

В глазах снова темнеет, пол под ногами становится мягким.

- Нет, нет, - спохватившись пониманием, что я едва стою на ногах, бормочет Тимур. - Ещё рано.

Ему этого мало. Вся его злость выплёскивается наружу, когда он, схватив меня за подбородок, швыряет к стене. Мир кружится, а под ногами сплошная пропасть, я полностью дезориентирована: свет то появляется, то пропадает.

Всё, что я слышу - пульс в своих жилах...

Тимур бьёт меня головой о стену несколько раз, хотя я уже толком и не осознаю этого. Пока он не останавливается, силы восстанавливаются, сознание за считанные секунды проясняется, обрушивая на меня ощущение боли. Острой и резкой. Голова трещит, рука же безвольно висит, словно от неё оторвалась одна из нитей кукловода.

Темнота рассасывается. Но лучше бы я лишилась зрения, чем снова видеть Тимура перед собой.

Кошмар наяву - продолжается.

- Ну что? - спрашивает он непринужденно. - Теперь я пробудил в тебе желание отвечать взаимностью?

Вместе со зрением возвращается полная ясность разума, и я могу оценить в каком дерьмовом положении нахожусь. Его ладонь на моей шеи держит голову чуть приподнятой, а сам Тимур прижимает меня спиной к холодной кафельной стене. По кожи за ухом что-то стекает, и, могу предположить, по явственному медному запаху, что это моя кровь. И не только по запаху, взгляд Тимура жадно провожает падение каждой капли на мою шею. Но он всё равно возвращает его каждый раз к моим глазам, хотя и приближается в это же время лицом всё ближе.

И ближе.

И ближе.

Я игнорирую пробирающий меня озноб отвращения, позволяя обжигающему гневу нарастать во мне всё больше и больше.

- Ооо, - замороженно протягивает Тимур и совсем отвлекается от стекающей крови, смотря теперь только в мои глаза с восхищением. - Вот оно, - он улыбается, - голубой намного больше тебе к лицу...

Не могу больше его слушать. Ни секунды. Больше ни слова. Больше ни единого миллиметра ближе.

Впиваюсь ногтями в его подбородок, отводя его лицо дальше от своего. Сильно. Ещё сильнее. Просто давлю и давлю. Глубже и глубже. Не обращая никакого внимания на выступающую его кровь, мгновенно окрашивающую мои пальцы в багровый.

Ложь - я замечаю это, и мне оно доставляет неизгладимое удовольствие.

- Отпусти меня! - выплёвываю я, желая, чтобы он слышал, сколько яда в звуке моего голоса.

Хотя и понимаю, что он меня не отпустит, и даже не надеюсь на это, но он должен знать, насколько он омерзителен. И Тимур выдаёт не менее предсказуемую реакцию – он заливается глумливым, лающим смехом.

– Твои фокусы на меня не действуют, прелесть, – бросает он что-то абсолютно не поддающееся моему разуму. – Но, знаешь, – говорит Тимур вполголоса, отстраняя мою руку от своего лица, – теперь я уверен, что не хочу...

Раздаётся резкий щелчок ручки. Звук ломающейся и поворачивающейся ручки за секунду до того, как тело Тимура отбрасывает от меня.

Мне надо бы задуматься о происходящем. С чего вдруг рядом больше нет Тимура? Но я не могу, моё тело просто тянет вниз. Я соскальзываю, позволяя, векам на секунду закрыться. Такое ощущение, что меня придавливает бетонной плитой, пока я не оказываюсь сидящей на полу.

Но я всё равно заставляю себя открыть глаза, слыша трескающийся звук. Это тело Тимура, пробивающие собой дверь туалетной кабинки. Я вижу подходящего к нему Дамьяна за секунду до того, как внутрь влетает Алек.

На самом деле влетает, используя свою настоящую скорость.

Моё сердце подпрыгивает в груди от волнения. Такое ощущение, что в этот миг всё и закончится. Но взгляд Алека, направленный на меня, возвращает в насыщенную действиями реальность. Его глаза завлакивает ослепляющим раскалённым золотом, слишком ярким и безумно агрессивным, когда его тело передёргивает.

Я зажмуриваю глаза – сильно, пробуя избавиться от дурманящей теплотой тело слабости и прогнать из своего зрения светлые оттенки.

Когда я снова открываю глаза, всё выглядит уже не так смутно и радужно. И делаю это в то время, когда Дамьян достаёт из своей куртки мортэм.

– Дам, – окликает его Алек своим совершенным спокойным голосом, хотя на этот раз, он всё же не так идеален, как прежде. Младший брат поворачивается, и Алек качает головой. – Забери Лену отсюда.

Дамьян обращает взгляд на меня так рассеяно, словно и вовсе забыл, что здесь нахожусь, однако сразу же двигается ко мне.

Что? Нет-нет-нет.

Больше я без Алека определённо никуда не уйду. Но я не успеваю выразить своего протеста. И нет, дело не в Дамьяне, хотя он уже возле меня. Всё дело в Тимуре, который, как ни в чём не бывало, оказывается на ногах, выходя из кабинки.

– В чём дело, Белинский, – обращается он к Алеку, взгляд которого поглощает Тимура так, словно его тело удерживают невидимые путы, а сам он вот-вот соскочит с цепи. – Боишься, что теперь, когда мы на равных, уже не сможешь покрасоваться перед своей девушкой? – Тимур на мгновение умолкает и гадко ухмыляется. – Кстати, это очень невежественно с твоей стороны являться вот так не вовремя и мешать мне. Мы как раз только-только договорились с ней о взаимности...

Алек срывается. Я думаю, что его даже больше не волнует, что мы с Дамьяном по-прежнему здесь. Я думаю, что его вообще больше ничего не волнует, в том числе и то, где мы находимся. Потому что Алек впечатывает Тимура в стену. Отстраняет его на миг от неё и снова впечатывает, повторяя это действие множество раз с такой силой, что раздаются оглушительные звуки раскалывающейся и отлетающей во все стороны плитки, покрывающей собой стены.

В воздух мгновенно просачивается плотная цементная пыль, набрасывающаяся прямо на глаза, что оставлять их открытыми становится невозможно. Дамьян садится рядом, закрывая меня своим телом от летящих в нашу сторону острых осколков, достаёт телефон и набирает чей-то номер. Не проходит и секунды, как ему кто-то отвечает.

– Найди Алексея, у нас ЧП на первом этаже, пусть что-нибудь придумает, – голос

Дамьяна взвинченный и громкий, но едва пробирается до меня сквозь звуки ударов.

Вопросы, кто такой Алексей, и что он может придумать, волнуют меня всего лишь миллисекунду, потому что внезапно наступает похожая на расплзающийся в воздухе вакуум тишина.

Алек наконец-то останавливается. Его дыхание грозит вот-вот воспламениться, а его глаза, видящие только Тимура перед собой, уже горят неистовым огнем. В этот же момент Дамьян подрывается с места, оказываясь возле входной двери, и блокирует её своим телом.

Посторонним здесь явно не место. Да и очевидно опасно для жизни.

Горячая волна ужаса сотрясает моё нутро. В таком свирепом состоянии я не видела Алека ещё никогда. Да и, если честно, не могла предположить, что когда-то увижу...

Алек по-прежнему удерживает Тимура в разрушенной стене. Он весь в крови, вернее его голова и лицо в ней, а его глаза с трудом держатся открытыми, но даже при этом его губ не покидает ухмылка. Ядовитая, бросающая вызов и мерзкая ухмылка.

- Это всё, на что ты способен? - глумливо интересуется он, и я могу сказать, что его голос, вопреки всему, чересчур силён для его внешнего вида.

И Алек, возможно, и собирался ответить, но не успевает озвучить и слова.

В мгновение ока Тимур изворачивается, вытворяет со своим телом что-то запредельно гибкое и ловкое, перехватывая руки Алека, и бьёт его в корпус. Да так, что теперь Алек отлетает назад. Я взвизгиваю, когда он ударяется спиной об стену. В это же мгновение в сторону Тимура подрывается Дамьян, но Алек оказывается на обеих ногах ещё до того, как он успевает.

- Нет, Дам! - отрезает он. - Я сам.

Присутствует что-то такое в гладком и чистом голосе Алека, из-за чего внутри меня всё обдаёт холодом. Он пугает меня. Если до этого я думала, что Алек не контролирует себя, то сейчас я понимаю, что он полностью отдаёт отчёт своим действиям. Такова его тёмная сторона, что была скрыта лишь от меня.

Я вздрагиваю. Алек срывается с места, хотя и Тимур уже готов, встречая его удар уклонением. Он хорошо освоился в новом теле. И сейчас он быстр, ловок и довольно умён, что было несвойственно остальным гибридам, кроме Паши. Но его подводит ненависть, он видимо очень долго ждал момента оказаться с Алеком на равных. Его попытки нанести удар выходят спешными и необдуманными, отчего он чаще промахивается, когда за спиной Алека долгие годы в сдерживании эмоций. И ему без труда удаётся его обхитрить. Тимур вновь бросается на Алека, выходя так, словно желает его разорвать, и тогда Алек вместо того, чтобы уйти с его пути, совершает нечто бесподобное. Используя свою скорость, он сбивает Тимура на полном ходу, отбрасывая его снова в сторону кабинок. Всё, что оставалось ещё цело, теперь трещит, опадает на кафель вслед за телом Соболева, от которого исходит слегка сдавленный стон. Алек не торопится его добивать, спокойно ждёт, когда тот вновь окажется на ногах.

Пространство вокруг меня становится более смутным, мне всё сложнее удаётся оставлять веки открытыми, но адреналин помогает оставаться в сознании.

Тимур, более-менее, восстанавливается после полученных повреждений, но всё равно пошатывается, стоя на ногах довольно неуверенно. Однако он не перестаёт провоцировать Алека своей ухмылкой и этим блеском в глазах, как будто он даже сейчас победитель, как будто он всегда абсолютный чемпион во всём. Эта надменность нагоняет скверное неприятное чувство, образующееся в воронку под ложечкой. Словно он точно знает, что, несмотря на всё, чтобы ни произошло с ним в этот момент, мы всё равно останемся в проигрыше.

- Знаешь, в чём самая прелесть, Белинский? - ликующий злорадством голос Тимура буквально вкрадывается в мозг, провоцируя собой все нервные клетки раздражением. - Как бы ты ни старался, ты всё равно её лишишься. Она не будет принадлежать тебе. Она всегда была...

Алек одним рывком сбивает Тимура, а в следующее мгновение прижимает его лицом к полу, упираясь коленом в его спину. Он резко задирает его голову назад, и наклоняется к нему ниже. Если до этого он не поддавался провокациям, то сейчас Тимур окончательно добился своего.

- А знаешь, что я нахожу самым прелестным в данной ситуации, Соболев? - спрашивает его Алек голосом, который даже мне незнаком: тихим, но одновременно жаждущим быть услышанным, жестоким и хладнокровным.

Алек наклоняется ещё ниже.

- У меня наконец-то появилась настоящая причина выполнить своё обещание, без каких-либо угрызений совести, - говорит он, и теперь, я чётко слышу в его интонации, что Алек не просто наслаждается своими словами...

В тот час меня настигают воспоминания об обещании, и я мгновенно зажмуриваюсь, пряча голову между коленей.

В этот же момент Тимур начинает смеяться. Тёмным безумствующим звуком, от которого мне становится жутко. Но его смех совсем недолгий, уже через секунду его рассекает и обрывает другой звук.

Хруст-хруст-хруст-хруст-хруст...

Я зажимаю голову сильнее, закрывая сверху руками, но звук по-прежнему в моей голове отдаётся множественным эхом хруста костей.

Пытаюсь дышать глубже, но моё горло сдавливают эмоции. Мне надо собраться и перестать представлять то, что сейчас произошло. Потому что, даже если я сделаю сотню глубоких вдохов, это всё равно не поможет.

Боже, я бы сейчас всё отдала за стакан воды...

Моя мысль обрывается, когда знакомые и нежные руки обхватывают мое лицо, поднимая голову. Я всё ещё жмурюсь, переживая, что, если увижу картину своими глазами, то точно не смогу больше контролировать состояние.

Но звук хриплого и обеспокоенного голоса Алека внушает мне уверенность, что теперь всё будет хорошо, несмотря ни на что.

- Принцесса, посмотри на меня, пожалуйста, - просит он, и я открываю глаза, понимая, что передо мной снова мой Алек.

Тот Алек, который всегда идеально спокоен и может с лёгкостью успокоить меня. Тот Алек, который всегда будет на меня смотреть так значимо, меняя и переворачивая мой внутренний мир снова и снова.

Взгляд его тёмных глазах проясняется, когда они находят мои. Внезапно всё становится простым и правильным.

- Я хотела его убить, - сишло признаюсь я.

Всё ещё поблёскивающие глаза Алека наливаются беспокойством, и он, качая головой, пытается возразить, но я испытываю потребность сказать ему, что не собиралась так просто сдаваться, что не хотела его подводить, подвергая себя опасности, поэтому не замолкаю.

- Нет, правда я собиралась это сделать. И я сделала бы... я должна была, но я...

Неожиданно громкий вой пожарной сирены обрывает признания, и мы машинально смотрим вверх.

Однако пожарные датчики, находящиеся на потолке, не мигают красным светом, и я осознаю, что это всего лишь учебная тревога. Кто-то её включил. Очевидно, это и есть «что-нибудь придумать», вспоминаю я звонок Дамьяна, которого самого, кстати, не нахожу, оглядывая помещение.

Я перевожу взгляд на Алека, его глаза бродят по моему лицу в поиске чего-то важного. Я ощущаю его смятение, будто неспособность заговорить со мной. Лёгкие прикосновения его пальцев, скользящих по лицу, заставляют снова чувствовать кожу. Секунду Алек ещё просто смотрит на меня, изучая, что-то проверяя... а затем сильная дрожь проходит по всему моему телу от головы до пят, когда он сжимает меня в объятиях, притягивая к себе.

Вокруг, там за дверью в коридоре, что-то происходит. Шумно и оживлённо. Но меня это не волнует. Меня, на удивление, многое не волнует. Я испытываю только облегчение, что всё закончилось.

И закончилось хорошо, а значит мы имеем полное право сидеть здесь, среди обломков и пыли, и просто, молча, наслаждаться исходом. Какое-то время мы безмолвны, затем я решаю, что пора что-нибудь сказать. И точно не то, что несла несколькими минутами ранее.

- Спасибо, что ты всегда появляешься вовремя, - говорю я, и сама же улыбаюсь нелепости своих слов.

К сожалению, мне, в отличие от него, совсем не присуще находить нужные слова. Алек усмехается, и я чувствую, как расслабляется его тело.

- Не обольщайся, принцесса, я делаю это исключительно только для себя, - шутит он, и я начинаю тихо посмеиваться. Впервые его сарказм приходится для меня, как никогда кстати. Но уже через секунду Алек намного серьёзнее добавляет. - Прости, что настолько задержался. Я...

Останавливаю его от ненужных извинений, резко оторвав голову от его груди, я прикладываю пальцы к его губам, но вдруг понимаю, что ощущаю дискомфорт. Моё запястье не выглядит нормально. Оно выглядит как едва держащаяся искусственная конечность.

Алек замечает моё замешательство, перемешавшийся шок с отвращением, и опускает взгляд вниз.

- Проклятие, - сердито бормочет он сквозь мои пальцы.

Мгновенно Алек, мягко обхватывая моё запястье ладонью, опускает руку вниз.

- Не болит, - словно информируя на всякий случай, сообщаю я, наблюдая за действиями Алека.

- Просто не двигай рукой и держи её в нормальном положении, - мрачно говорит он, бросив на меня многозначительный взгляд. - И тогда всё будет хорошо.

Алек собирался продолжать что-то говорить, но в этот момент нас заставляет отвлечься звук открывающейся двери. Первым внутрь входит Дамьян, настолько напряжённый, что от его вида непроизвольно и самой хочется ощущать себя так же. А затем, надменно и вальяжно переставляя ноги, входит мужчина, лет сорока с небольшим, в представительном дымчато-сером костюме.

Его взгляд целенаправленно смотрит туда, где предполагается лежит тело Тимура. Мужчина кривит выражение лица так, что мне впервые за всё время хочется самой взглянуть на Тимура, больше не волнуясь о реакции. Теперь до меня доходит, что он не просто всего этого заслужил. До меня доходит, что я рада исходом. Он был злом. Настоящим, далеко не ошибочно ставшим, а всегда изуродованным самим же собой злом.

Ненароком я пытаюсь выглянуть из-за плеча Алек, но он, заметив моё движение, качает головой.

- Не надо, принцесса.

Я смотрю на Алека всего мгновение, гадая, что же там может быть такого, но вдруг внимание привлекает недовольный голос того самого мужчины.

- И почему же меня не удивляет, что это твоих рук дело, Алек? - он хмыкает. - Ты что, не мог просто его убить? Заодно где-нибудь в другом месте, а не в моём университете.

Мне показалось, что тело Алека напряглось, но его направленный на мужчину косой взгляд и слабая ухмылка на губах говорят совсем об обратном. Его это веселит.

- В следующий раз я позволю гибридам добраться до твоего кабинета, - отвечает Алек, всё так же ухмыляясь. - Вот тогда и посмотрим, насколько тебя это будет волновать.

Бросив последнее, Алек начинает подниматься, придерживая меня и по-прежнему загораживая своим телом весь обзор. Мои ноги ощущаются ватными, а голова кружится, но я не показываю этого никому. Очевидно, что тому мужчине, предположительно Алексею, нечего ответить на заявление Алека, он молчит и тяжело дышит приблизительно с полминуты, но в итоге не выдерживает.

- И что, вы мне прикажете делать со всем этим? - его голос подрагивает от волнения и злости, когда он обводит рукой помещение. - Тысяча учеников сейчас на улице ожидают того, чтобы вернуться к занятиям, а я не могу им этого позволить, когда здесь такой разгром...

Дамьян откашливается.

- Вообще-то, в подвале ещё находится два трупа, - немного виновато сообщает он.

И по выражению лица мужчины, можно определить, что его вот-вот хватит удар. Он скидывает руками.

- Вы издеваетесь? Ещё двое? - теперь его голос взвился по-настоящему. - Три гибрида среди дня?

Алека действительно забавляет его реакция, мне кажется, что он и вовсе отошёл от произошедшего, потешаясь над Алексеем.

- Если быть точнее, то, как минимум, десять, - Алек замолкает, чтобы пожать плечом. - Предположительно. Потому что только трое находились здесь, а другие отвлекали на улице.

Из моих лёгких вырывается потрясённый вздох. Между прочем, я не единственная, чья реакция полностью идентична моей. Вот только я не восприимчива к насмешливой интонации Алека, а Алексей, к сожалению, ещё как восприимчив.

Он впивается в Алека поражённым взглядом с лёгким проблеском призрания, а затем смотрит на меня.

- Чем же ты не угодила Ордену, что они пошли на такое? - спрашивает Алексей голосом, переполненным непонимания, и я чувствую, как напрягается тело Алека рядом со мной. - Обычно, для подобного требуется обратиться, как минимум, с несколько десятков человек, - заявляет он, словно в чём-то меня обвиняет. Он небрежно взмахивает рукой в сторону тела Тимура. - Может так оно и есть? Может и этот твоих рук...

- Осторожнее, - перебивает его Алек, качнув головой, и взгляд Алексея возвращается к нему. - Не советую тебе заканчивать это предложение. А-то я нахожусь сейчас не в том настроении, чтобы на Лену хотя бы просто кто-то голос повышал, не говоря уже о том, чтобы обвинял в подобных вещах, - это угроза. Самая настоящая угроза со стороны Алека, но то, как гладко и чётко он говорит слова, придерживаясь безмятежной любезности, можно принять за простой совет. Однако, даже по моему телу приходится дрожь от холода, исходящего от вида Алека, когда он, выдав незначительную ухмылку, добавляет. - Если, конечно, не хочешь присоединиться к нему, - он кивает в сторону тела Тимура, и мои глаза округляются.

Я не могу поверить, что Алек сейчас угрожал этому мужчине, по виду которого можно определить, что он не обыкновенный человек. Он даже не обыкновенный Альфа. А он Альфа, в этом я отчего-то могу быть уверена.

И очевидно, что Алексей тоже не может поверить в услышанное. Он закипает, его лицо становится пунцового цвета от переполняемой злости, и тычет пальцем в сторону Алека.

- Ты что, угрожаешь мне?

- Всего лишь предупреждаю, - всё также оставаясь непоколебимым, отвечает Алек.

Несколько секунд Алексей чересчур громко дышит, словно разъярённое дикое животное, а затем пренебрежительно фыркает.

- Если ты думаешь, что твоя фамилия тебе позволяет переходить любые рамки, то глубоко заблуждаешься, Алек, - будто по щелчку пальцев Алексей меняет стратегию, принимая такой же спокойный вид. - Ведь насколько я знаю, ты пока что не имеешь должного права вести себя подобным образом. Поэтому, поверь мне, твои действия на этот раз не сойдут тебе с рук.

Алек усмехается - слишком расслабленно для прозвучавших в его сторону слов.

- Вообще-то, я так не думаю, - без доли сарказма парирует он. - Все мои действия сейчас ничто иное как обычная защита от нападения гибридов, а ваша задача сейчас состоит в том, чтобы обеспечить устранение последствий. И я по-прежнему не понимаю, о чём мы тут всё ещё разговариваем. - Алек снова улыбается, хотя я приняла бы это за довольный оскал, вызванный сокрушённым выражением лица Алексея. - Поэтому прошу нас простить, так как нам необходимо вернуться в безопасное поместье Вальховской.

Договорив свою блистательно наигранную в любезности и почтение речь, Алек опускает ладонь на мою поясницу и легко подталкивает к двери. Секунду я колеблюсь, переводя взгляд с Алексея на Алека и ещё мимолетно на Дамьяна, который вообще ни на кого не смотрит и выглядит так, словно побывал только что в комнате страха и смеха одновременно, а затем начинаю неуверенно двигаться. Достигнув двери, я всё же решаю бросить последний взгляд на Тимура, но Алек мне не позволяет. Он старается как можно быстрее вывести меня в коридор, и только тогда, когда мы оказываемся в нём, говорит.

- Не хочу, чтобы ты это видела.

Я останавливаюсь. Глаза фокусируются на лице Алека, внимательно изучая его. Его вид за мгновения становится мертвенно бледным, словно произошедшее обрушивается на него только сейчас. Он устал и измотан. На руках и на лице следы запёкшейся крови, и там не только Тимура, но и его тоже. Я беру его руку в свою ладонь, и он опускает свой взгляд вниз. Указательным пальцем второй руки, он проводит по моему запястью.

- Всё закончилось, Алек, - шепчу я, чувствуя, что ему не менее, чем мне требуется это услышать.

Но в ответ он упёрто качает головой, поднимая взор на меня.

- Всё только начинается.

Мне жутко от его слов, я с трудом сглатываю, решая, что сейчас мы не в состоянии это обсуждать.

- Поехали отсюда.

Это самое разумное, что мы можем сделать. Но Алек не двигается, смотрит на меня тяжёлым, опечаленным взглядом, от которого на сердце становится худо. Я тяну его на себя, но внезапно Алек делает обратное, притягивая к себе, обхватывает меня обеими руками. Держит так крепко, будто меня кто-то у него отбирает. Его сердце стучит в два раза быстрее, когда он шепчет в мою макушку.

- Я не могу тебя потерять.

- Алек...

- Нет, Лена. Ты должна пообещать мне это.

Пообещать? Я осознаю, о чём просит меня Алек, но как я могу дать ему такое обещания, практически уверенная, что не смогу его сдержать.

Я молчу, зарываясь лицом в его грудь.

- Пообещай мне это, принцесса, - его голос добавляет требовательности. - Потому что ты должна наконец понять, что сказать просто, что я люблю тебя, будет слишком слабым объяснением... И я не могу это контролировать. Не могу думать, что с тобой что-то может случиться. Я просто не смогу...

Алек сглатывает и делает глубокий вздох, когда отстраняется от меня ровно настолько, чтобы увидеть моё лицо.

- Поэтому прошу тебя, пообещай мне. Хорошо? - просит он, и я незамедлительно много-много раз киваю.

Глядя в его невероятно тоскливые глаза, я отказать не могла. И мне больно от мысли, что я могу не сдержать своего обещания.

Алек снова обнимает меня, и мы стоим так не больше минуты, слушая доносящийся голос Алексея за дверью, совершающего бесконечные звонки. И всё же, как бы я ни старалась игнорировать головокружение, оно довольно неплохо главенствует над моим телом, пока мы идём в сторону выхода. Я бросаю особый взгляд на дверь уборной, оборачиваясь в последний раз на неё, и тут вспоминаю, что там остались все мои вещи. Однако, когда сообщаю об этом Алеку, он и на этот раз туда меня не пускает, оставляя ждать возле двери. Если честно, то кроме телефона ничего оттуда и не нужно, поэтому говорю ему, чтобы особо не тратил время на поиски других вещей, а сама прижимаюсь к стене, примечая в ней отличную опору и возможность хотя бы на секунду перевести дух и немного расслабиться.

Закрываю глаза, запрокинув голову чуть вверх, и ощущаю расплывающуюся по телу волну чего-то приятного, тёплого и покалывающего. Пол под ногами раскачивается, словно стою сейчас на маленькой шлюпке, гуляющей по слабым волнам. Я осознаю, что мне это нравится, нравится просто стоять и поддаваться этим убаюкивающим ощущением, когда темнота просачивается в мою голову, мои мысли, и они становятся совсем-совсем далекими...

Глава 12

Темно, тепло и приятно - первые мысли, которые посещают мою голову. А потом я понимаю, что лучше бы о своей голове вообще не вспоминала. Потому что она сразу даёт о себе знать, ощущаясь, как неподъёмная наитяжелейшая гиря в килограмм сто, а то и больше.

Проклятие, впервые за такое долгое время я снова просыпаюсь в объятиях Алека, а насладиться этим, как следует, не могу.

Я застонала. Очень-очень тихий звук, вызывающий к Всевышним о справедливости.

Мне даже лень повернуться к нему лицом. Хочется просто лежать целую вечность, кутаясь в одеяло, зарываясь поудобнее лицом в подушку, сладко вытягивая руки и ноги. Но всё же я должна открыть глаза. Ничего не может быть сильнее желание увидеть Алека. Особенно после всего случившегося.

Случившегося... Я резко поворачиваюсь на другой бок, тут же понимая, что Алек спит.

Спал.

Двойное проклятие. Я только что упустила наиредчайшую возможность полюбоваться им спящим.

Его веки лениво поднимаются, и меня встречает его затуманенный сном взгляд.

- Привет, - вполголоса бормочет он, слабо потянув один уголок своих губ в улыбку. - Как ты, принцесса?

Я улыбаюсь в ответ. Сложно не улыбаться, когда это так соблазнительно делают любимые губы.

- Ещё минуту назад, сказала бы «отвратительно». Сейчас скажу, что шкала моего состояния поднялась до уровня «неплохо, но могло быть и лучше», - я так и тарашусь на его губы, совершенно не удосуживаясь приложить хотя бы каплю усилий, чтобы перестать на них смотреть.

Алек подмечает для себя это, и по его расплывающейся самодовольной улыбке могу понять, что ему нравится моё увлечённое занятие.

Он придвигается ближе и легко целует меня в левую щеку.

- А сейчас? - спрашивает он, оставляя шёпот на моей коже.

- Хорошо, но могло быть ещё лучше.

Теперь его губы снижаются на несколько сантиметров, и Алек целует меня около уголка губ.

- А сейчас? - интересуется он, намекая тоном своего голоса, я пересмотрела ответ.

- Восхитительно, и разве, может быть ещё лучше?

Губы Алека достигают цели, на одно крохотное мгновение замирая пред тем, как коснуться моих сладким и нежным поцелуем.

На этот раз я не жду вопроса, когда его ресницы поднимаются, открывая вид на его завораживающие тёмные глаза.

- Идеально. Ничего не может быть лучше, - шепчу я.

Алек улыбается, определённо довольствуясь такому ответу, и устраивает меня в своих объятиях, просовывая свою коленку между моих ног.

Низ живота мгновенно стягивает настоящим дразнящим удовольствием, и я льну к нему ещё ближе, зарываясь лицом в впадинку на его шее. Мне хочется растаять, чтобы моё тело могло устроиться ещё более идеальной, соприкасаясь с его в каждом возможном миллиметре.

Почему всё так хорошо? Разве меня не должно что-то тревожить сейчас? Я не чувствую никакой тяжести. Меня абсолютно ничего не гнетёт. Слишком спокойно и хорошо даже тогда, когда я прокручиваю произошедшие моменты в своей голове.

- Как я оказалась в кровати? - спрашиваю я Алека, поняв, что мои воспоминания закончились отнюдь не на том, что я сама в неё легла.

Алек слегка поёрзав, трётся подбородком о мою макушку перед тем, как ответить.

- Тебя доставили сюда мой рыцарский Додж и мои рыцарские руки, - неохотно бубнит Алек. - Кстати, я думаю, что тебе пора завязывать с этим. Нет, я, конечно, понимаю, что ты просто с ума сходишь от близости моего тела, но оно и так твоё, можешь пользоваться, когда...

Я дёргаю ногой, намекая Алеку заткнуться.

- Ладно, ладно, - смеётся он, однако оттенок юмора в его тоне уже в следующее мгновение испаряется. - Но я серьёзно. Поверь, мне совершенно не нравится, оставив тебя одну всего на минуту, после - находить без сознания.

- Хорошо, - соглашаюсь я, подбирая более нейтральный ответ. - Я попробую исправиться, и больше не отключаться там, где ни попадаю.

Раздаётся тихая одобрительная усмешка.

- Ты уж постарайся.

Мы лежим в тишине несколько невероятно потрясающих минут, наслаждаясь моментом умиротворённости. Но я знаю, что долго избегать реальности у нас не получится.

- У нас много проблем? - наконец, задаю я свербящий язык вопрос.

Алек вздыхает.

- Я хочу воспользоваться правом «хранить молчание».

Не то чтобы это был настоящий ответ, но я знаю, что скрыто в подтексте - много. Теперь наступает моя очередь удрученно вздохнуть.

- Почему ты никогда не говорил мне, что директор нашего университета - Альфа?

- А это так важно? - спрашивает он, как будто всё в точности наоборот.

- Ещё как! - пылко восклицаю я, но, поняв насколько погорячилась, сбавляю обороты. Я немного отодвигаюсь назад, начиная размышлять. - В смысле, как это вообще возможно? Он же - не человек. Но ученики-то - да. И... он ведь постоянно на глазах: родители, преподаватели, министерство и прочие. Это не опасно?

На этот раз усмешка Алека звучит озадаченно.

- Чем? - не понимает он, и, если честно, я сама не нахожу ответа, потому пожимаю плечами. - Наоборот, - говорит Алек, по-видимому, осознавая мою запутанность. - Ты забыла, что мы пробуем ничем не выделяться, придерживаясь обычного поведения. Возможно, многим и не нужно святиться в обществе, но некоторые - такие, как Алексей - предпочитают занимать высокие должности. В основном, это всегда Альфы. И Алексей в данном случае, благодаря своей должности, пробрался в городскую администрацию, так ему без труда получается решать некоторые проблемы. - Он выдерживает короткую паузу, чтобы подвести итог. - Это нормально, принцесса. Вести себя, как обычные люди - самое безопасное из всех других вариантов.

Я отстраняюсь от Алека ещё дальше, чтобы посмотреть на него. Теперь меня волнует совсем другое.

- Значит, он на самом деле может устроить тебе проблемы? - встревожено спрашиваю я, но Алек лишь усмехается, опустив взгляд на меня.

- Нет, принцесса, - его голос звучит так, словно он умиляется моим беспокойством. - Ни малейших проблем. Если бы я убил Соболева-человека, то возможно. Но он был гибридом, поэтому это воспринимается, как необходимость.

«Необходимость» - звучит из уст Алека слегка натянуто, такое ощущение, что он сам пытается себе напомнить об этом. Я приподнимаюсь на одном локте, чтобы видеть полностью лицо Алека. Кажется, наступил тот самый момент, когда я готова задать свой главный вопрос.

- Алек... - тихо произношу я. - Ты задавался вопросом «как Тимур стал гибридом»?

Конечно, он задавался этим вопросом. И по выражению его лица я понимаю, что, скорее всего, он вдобавок ещё и знает ответ.

Алек подпирает голову ладонью, чтобы оказаться со мной на одном уровне. Смотрит на меня так, словно не хочет озвучивать догадки, но в итоге он всё же говорит.

- Орден, - затем он молчит несколько секунд, стараясь не обрушивать на меня самое худшее сразу. - Не знаю, почему они выбрали именно Соболева, но очевидно, что Орден хочет загнать нас в ловушку, показывая, что им известен каждый наш шаг.

Алек старается выглядеть не таким напряжённым каковым на самом деле является, но даже движение его руки, когда он смахивает с моего лица прядь волос, выходит немного резковатым.

- Считай, они уже доказали нам, что они везде, где бы мы ни находились. В поместье, на учебе, и у них есть тот, кто всегда сообщит твоё место нахождения, - продолжает Алек, теперь накручивая ту же прядь моих волос на свой палец и удерживая взгляд на ней. - И стоит нам оступиться... или не доглядеть, как они воспользуются этим. - Он возвращает взгляд к моим глазам. - Хорошая тактика с их стороны, учитывая то, что два раза мы

находились на волоске от того, что Орден чуть не заполучил тебя.

Договорив, Алек отпускает мой локон и кладёт ладонь на одеяло, разглядывая её. Он раздумывает над своими же словами, точно так же, как и я над его. Невольно вспоминаю слова Марко о том, что хватит одного гибрида и пять минут, чтобы Орден получил меня. Как будто в воду глядел, что всё так и будет.

Что если бы Тимур не трепался сегодня столько времени? Или на его месте был другой?

Где бы я сейчас находилась?

Внезапно, я ощущаю сухость в горле и тяжело сглатываю, стараясь избавиться от этих мыслей. Но всё, что мне хочется – снова оказаться в объятиях Алека, чтобы убедить себя на сто процентов, что он всё ещё рядом. Что я не сплю, видя прекрасный сон, хотя на самом деле в этот момент просто отхожу от сотрясения мозга. Трепет окутывает сердце сильнее, сдавливает его, и мне становится сложно дышать. Одно представление, что когда-то может всё быть именно так, и я...

Машинально хватаюсь за руку Алека, сжимая её, убеждая себя в реальности, и он мгновенно поднимает встревоженный взгляд на моё лицо.

– Принцесса? – зовёт он, но меня словно кто-то за горло схватил и удерживает, не позволяя ответить. Алек хмурится, и мрак проскальзывает на выражение его лица, когда он наклоняется ниже. – Тебе плохо?

Он не дожидается от меня подтверждения, прикладывая руку тыльной стороной к моему лбу. Но я оживаю прежде, чем Алек успеет надумать себе что-нибудь, и качаю головой.

– Всё нормально. Правда, – заверяю я его, потянув наши сцепленные вместе руки обратно вниз на одеяло. – Просто... просто, что теперь, Алек? Ты сам говоришь, что они везде. И так оно ведь и есть. Сначала мой друг, потом здесь в поместье – два раза. А сейчас ещё и учеба. – Я даже не замечаю, как мой голос всё больше и больше переходит в истеричный, продолжая тараторить. Ясно лишь одно – у меня начинается паника. – А что дальше? Мой дом?! Господи, мой дом же уже был. – Мои глаза расширяются, и я делаю вдох. – Омойбог! Мама! Она ведь хочет, чтобы я поехала с ней. А я... Как я про неё забыла? Который час?

Именно в тот момент, когда я резко сажусь в поиске часов, Алек берёт меня за плечи, разворачивая к себе.

– Успокойся, принцесса, хорошо? – говорит он, заглядывая в мои глаза. Так глубоко и проникновенно, что умудряется нажать во мне какую-то кнопку и привлечь моё внимание на себя. Я рассеянно киваю. – Вот и отлично.

Его широкая ладонь перемещается на моё лицо, и он проводит большим пальцем по щеке. Я всё ещё потеряна, но ощущения постепенно возвращают ясность разума. Алек хмурит взгляд.

– Ты правда немного бледноватая, – как-то полубормоча, сообщает он, словно делает эту пометку только для себя. Но когда он снова начинает говорить, уже точно обращается ко мне. – Послушай, у тебя довольно серьёзная была травма головы, и судя по тому, как она долго заживала, этот... – Алек на секунду замолкает, чтобы вздохнуть и остаться по-прежнему спокойным, но всё же следующее он выплёвывает со всем отвращением, которое только может присутствовать в нём. – Соболев... умудрился каким-то образом пустить в рану яд, – ещё одна пауза и не менее глубокий вдох, – в общем, ты можешь себя странно чувствовать. Но это временно. Должно уже скоро пройти.

Слабость. Вот, с чем было связано такое сильнейшее желание закрыть глаза, когда только-только там очутился Дамьян. И моя головная боль сейчас – последний на прощание подарок Тимура. Как можно не радоваться его смерти?

Алек продолжает говорить, вновь привлекая моё внимание, и его ладонь скользит теперь на мою шею, немного приподнимая пальцем подбородок.

- Я спущусь вниз, принесу тебе воды и...

- Кофе, - перебив, вставляю я, и Алек кивает, улыбнувшись.

- Хорошо, кофе. - Черты его лица смягчаются от слабой улыбки на губах. - И что-нибудь поесть. А потом мы как раз вернёмся с тобой к вопросу «что теперь делать». Договорились?

Алек ждёт, и я соглашаюсь, выдав лишь жалкое подобие на улыбку.

- Договорились.

Но ему этого всё равно хватает, чтобы расслабиться. Он быстро целует меня и, встав с кровати, направляется к двери.

- Надеюсь, ты никуда на этот раз не захочешь уйти? - уже в дверях спрашивает Алек.

- Если только в лес прогуляться, это будет считаться? - я сама удивляюсь ответу, а Алек скидывает бровями.

Его словно раздражает желанием уточнить: пошутила ли я или сказала правду. Очевидно, сейчас не лучшее время.

- Обещаю, что точно никуда не уйду, Алек.

На этот раз он кивает, принимая такой ответ, и больше ничего не спрашивая уходит, закрыв за собой дверь.

Когда я остаюсь одна, осознаю, как ловко Алек перевёл мою панику в плохое состояние, отвлекая на травму головы. Но, нет. Меня на самом деле тревожит скорый приезд мамы. И не только это. Приложив пальцы к правой стороне головы над ухом, я обнаруживаю, что она отдаёт болью, реагируя на прикосновение, но совсем немного. Не так, чтобы вызвать у меня странное поведение. И не так, чтобы я не могла сейчас нормально думать и ориентироваться.

Обвожу комнату взглядом в поиске телефона, искренне надеюсь на то, что Алек его нашел. Но в ней слишком темно, чтобы что-то разглядеть, так как зрение остаётся по-прежнему затуманенным. Потому я встаю, намереваясь включить свет, но тогда, когда мои ноги освобождаются от одеяла, внезапно осознаю, что на мне нет Джинс.

Чёрт... на мне нет и моего свитера. Вместо всего, на мне лишь футболка Алека. Я моментально заливаю краской, ощущая, как жар наполняет моё тело полностью с головы до пят. Не может того быть, чтобы Алек меня переодевал.

Как я могла такое не заметить?

Я возвращаюсь в лежачее положение. Возможно, мне действительно всё ещё плохо? Потому что мозг вообще отказывается работать и, как минимум, принять факт, что Алек меня переодел.

Он видел меня в нижнем белье? Теперь меня затапливает абсолютно другим жаром, и всё, что меня расстраивает - это то, что сама я пропустила такой момент, будучи в отключке.

Я останавливаю себя от дальнейших рассуждений. Мне явно всё ещё нехорошо, ибо последние мысли совсем не из разряда нормальных.

Вдыхаю воздух, сглатываю, машу руками в сторону лица, делаю всё, чтобы избавиться от жара и краски на лице. Спустя несколько секунд я всё же встаю и трусцой, подпрыгивая с ноги на ногу, добираюсь до стены, чтобы включить свет, а затем, прикрыв от него ладонью глаза, снова осматриваю комнату, находя свой телефон на тумбочке возле кровати.

Могла бы и не проделывать столько ненужных движений.

Взяв телефон в руки, я быстро пролистываю список пропущенных звонков и смс. И больше всего меня поражает, что почти все из них от Леси, а не от мамы.

И последняя смс от неё пришла час назад.

«Я уже не знаю, что думать, Лена. Скажи мне просто, что с тобой все в порядке. Хотя бы напиши, если не можешь позвонить, но дай о себе знать любым способом. Ты поняла меня? Потому что после всего, что произошло сегодня, я всё равно не смогу уснуть. Пожалуйста, отзовись сразу же как сможешь.»

Внутри меня всё щемит расстройством и виной, от понимания, что, скорее всего, она могла подумать. Я обещала ей точно приехать. Более того, я написала ей, что уже еду. А спустя пол часа после моей смс в универе звучит тревога. Леся достаточно умная и сообразительная, чтобы сопоставить произошедшее. Тем более, она практически всё знает.

Вздыхаю, умиряя учащённое сердцебиение, и смотрю на время. Одиннадцать часов, почти полночь, надеюсь, она ещё не спит. Я не могу просто взять и отписаться ей скупой смс, это было бы неправильно с моей стороны. Потому я без раздумий набираю её номер и подхожу к окну. Не проходит и гудка, как она отвечает.

- Боже мой, - выдыхает Леся в трубку. - Я уже намеревалась отыскивать тех людей, которые могут знать номер телефона Алека, - выдаёт она на одном духу. - Конечно, я понимала, что такие люди вряд ли существуют, а если и существуют, то скорее всего вряд ли их найду. И знаешь, что? Мне кажется, что ты обязана дать мне его номер телефона! Потому что я... - Слышу, как она часто и рвано глотает воздух ртом, осознавая, что моя подруга - та самая, что ни разу не проронила при мне и слезинки - плачет. Мою грудь стягивает болью, и на глаза непроизвольно выступают слёзы. - Потому что я даже не знаю, где тебя искать, понимаешь? Не знаю, жива ли ты... - её голос обрывается, и до меня доносится всхлип.

- Лесь... - пробую сказать я, как мне на самом деле жаль.

- Ненавижу тебя, - обиженно бубнит она, но её слова звучат далеко не ненавистно. Слишком горестно и досадно, что снова вызывают лишь новые слёзы. - Просто... Лен, я поняла, что вся эта тревога была отнюдь не учебной. Я пробралась туда. На первый этаж не пускали, огородив его и туалет. Но... но... там было столько крови... столько... - Она снова замолкает. Всего на одну секунду, чтобы глубоко вздохнуть и спросить. - Скажи, что это не твоя кровь, Лена.

- Не моя, - немедленно отвечаю я, хотя не совсем уверена, что правду. Частично. Если моя кровь там и была, то думаю её должно было быть недостаточно, чтобы подействовать таким образом на Лесю. - Это Тимура. Того самого Соболева. Помнишь?

- Тимур? - переспрашивает она поражённо. - Постой... Но он ведь... Господи, ты хочешь сказать мне, что это всё из-за ревности?

Её голос зазвучал самыми настоящими высокими диапазонами крайнего ошеломления, и я быстро пробую исправить то, что ввела её в заблуждение.

- Нет-нет, Лесь. Он был гибридом, как Паша... - теперь и я не могу удержать голос спокойным.

Эмоций как-то уж слишком много приходится на этот разговор, что внезапно мне и вовсе становится худо, сердце находится где-то рядом с желудком, и меня начинает подташнивать. Боже, сколько же всего произошло, и тут меня вдруг осеняет, что для Ордена вообще нет границ.

- Слушай, Лесь, - говорю я намного серьёзней, - ты должна быть внимательнее, в универе сегодня были гибриды. Те самые, что...

Внезапно из моей руки пропадает телефон, а уже через мгновение меня встречает безмерно суровый взгляд Алека, когда я поворачиваюсь к нему. Я сглатываю. И не один раз, потому что в горле сразу же перчит от волнения. До невозможности сильного волнения, потому что не описать словами, что отражается на его лице, когда он смотрит на экран телефона. Я хочу провалиться под землю. Алек сбрасывает вызов и возвращает взгляд ко мне - на удивление, довольно спокойный.

- Сколько ей известно? - задаёт он вопрос голосом, который вообще не соответствует

ситуации.

- А-алеа я... - слабая попытка оправдаться.

И он мгновенно её обрывает.

- Сколько ей известно, принцесса? - вновь спрашивает Алек медленно и чересчур гладко, что вызывает во мне полнейшее непонимание.

Меня поражает его спокойствие. Потому что это не так. Алек словно разочарован во мне. И его разочарованию нет предела. Но я всё равно не могу ему ответить. Одно единственное слово «всё» встаёт поперёк горла, а язык напрочь отказывается его произносить. И тогда Алек несколько раз едва заметно кивает, доходя самостоятельно до ответа, но выглядит так, что мне становится известно: лучше бы я смогла признаться в содеянном.

А затем... затем...

Затем он, буквально за одно невообразимо мизерное мгновение меняясь в лице, швыряет мой телефон об стену. Множество осколков, которые ещё секунду назад были моим телефоном, летят в разные стороны, засыпая собой пол, кровать и любую поверхность в радиусе нескольких метров.

Я чувствую, как мои лёгкие раздуваются от возмущения, когда перевожу шокированный взгляд на Алека.

- Ты!.. Ты!.. - пытаюсь я сказать, но у меня даже буквы вставить не получается. - Зачем ты это сделал, чёрт возьми?! - кричу я, наконец, прорвавшись сквозь ошеломление.

Однако Алек, выглядящий ещё секунду назад дьявольски рассерженным, очевидно, выпустив весь пыл на моём телефоне, сейчас смотрит на меня совершенно нейтрально, словно вообще ничего не произошло.

- Чтобы у тебя не возникло желание попроситься. Он тебе больше не потребуется, - говорит он не менее безмятежно, чем выглядит сам, но от этого моя злость лишь растёт.

Плюс - я нахожусь в крайнейшем недоумении, грозящим в любой момент свести меня с ума. Моё лицо кривится, меня так распирает от недоумения и возмущения, что слова даются с трудом.

- По-по-пращаться? - не понимаю я.

Внезапно Алек прикладывает к моим губам ладонь, в его глазах проскакивает тревога и что-то ещё... Сожаление?

Он кивает.

- Да, принцесса, попроситься, - подтверждает он тихо, и мои глаза принимаются метаться по его лицу, чтобы отыскать подвох. Но он абсолютно серьёзен.

- Что это значит, Алек? - произношу я, не взирая на прикрывающую мой рот его ладонь.

Алек убирает руку и поджимает губы. На горизонте маячит настоящая буря.

- Именно об этом я хотел с тобой поговорить. Правда, рассчитывал на более адекватный разговор.

Я в неверии качаю головой, и Алек быстро пробегаётся рукой по своему лицу, это будет простой разговор.

- Послушай, Лена, я бы не хотел тебе что-то запрещать. Правда. И будь сейчас другая ситуация, это был бы твой выбор, что рассказывать подруге, а что нет. Но сейчас не та ситуация. На данный момент, чем меньше она знает, тем лучше для неё. Понимаешь?

Нет. Я всё ещё просто качаю головой и, распахнув глаза, гляжу на Алека, ничего не понимая. Ничего.

- Если она будет выглядеть по-настоящему расстроенной твоим исчезновением, то Ордену до неё не будет никакого дела. Это необходимая мера, - продолжает он по-прежнему очень тихо, и теперь до меня начинает доходить, что он пытается донести. - Точно также, как и твои родители...

Нет-нет-нет. Я отчаянно трясу головой, отступая назад. Но Алек меня останавливает. Как он может так спокойно говорить о подобном?

- Я не могу, Алек! - не собираюсь соглашаться с ним, заявляю я. - Пропасть? Куда? Ты хоть понимаешь, что я не могу оставить маму без предупреждения. Она будет искать меня и переживать!

- Именно это и нужно, принцесса, - Алек оказывается слишком близко, лоя взгляд, он приподнимает моё лицо за подбородок. В его глазах всё тоже сожаление, и я верю ему, что он не хочет заставлять меня делать подобное, но никак не могу принять его просьбу. - Мне жаль, - мягко говорит он. - Но для твоих же родителей безопасней, если ты не переедешь к ним. Точно также, если они не будут знать о твоём месте нахождения.

Наконец-то я осознаю все слова Алека, они как цунами накрывают меня с головой. И самое худшее в них то, что они являются истинной, заставляющей чувствовать себя пойманной в клетку.

Слёзы, горькие и беспомощные, медленно скользят по моему лицу, но Алек их мгновенно стирает нежными прикосновениями пальцев.

- Мне, правда, жаль, - просто повторяет он, и его взгляд становится тусклым, словно не способным вынести моих слез.

Всклипываю, смотря на Алека долгим, умоляющим взглядом. Мне необходимо донести до него свою правду, которой долго обманывала себя.

- Но мама приедет уже через день, и ей ведь может кто-то угрожать из-за того, что я пропаду, - заявляю, находя жалкий довод, почему не способна сделать так, как он хочет.

Я всё ещё надеюсь, что у меня получится обмануть не только себя, но и реальность. Алек отрицательно качает головой.

- Нет, - твёрдо говорит он. - К тому же, я попрошу Марко, чтобы за ней приглядывали. И сделаю это так, чтобы все знали, что ей ничего неизвестно. А учитывая то, что в поместье сейчас предатель, никто и не подумает, что твоя мама что-то знает, - продолжает заверять меня Алек.

- Марко пока ничего не знает? - доходит до меня, и Алек снова качает головой. - Ты ему не доверяешь? - поражаюсь я. - Почему? Он же твой самый близкий друг.

- Но он - не моя семья. Я доверяю лишь Даму и Несс. А она мне, как сестра. И всегда была ей. Кстати, вот, почему мне было сложно принять, что они вместе. Брат с сестрой, - Алек кривит губами, - как-то неправильно, не находишь?

Его попытка немного разбавить разговор проходит безуспешно. Мне мешает другое понимание.

- Ты всё продумал заранее, не так ли?

Мои слова звучат как обвинение, но обида не даёт нормально дышать, пусть она и не относится сугубо к Алеку.

- Да, - без колебаний признаётся он.

- И давно?

Секунду-другую он не торопится с ответом.

- Тогда, когда сказал тебе про свой «план Б».

Я киваю, и не один раз. Конечно, у него всегда есть план. Алек ведь знает всё наперёд. Отворачиваюсь, озираясь по сторонам, отыскиваю что-то в воздухе, в стенах, в мебели.

Во всём, что попадает на глаза. Надежду – вот, что я настолько отчаянно ищу. Много-много раз вдыхаю, но мои попытки перестать плакать не помогают. Больно. Мне просто на всего чертовски больно. В особенности от того, что я давно должна была перестать отталкивать и избегать этого понимания – я опасна для тех людей, которые мне близки, которых так сильно люблю.

Я знала это, знала и обманывала себя, думая, что у меня получится совместить свою прошлую жизнь и нынешнюю. Но не Алек, он давно предполагал, что рано или поздно именно так всё и выйдет. Вновь смотрю на него, потерянная и разбитая, лишившаяся только что какой-то жизненно важной части своей души. Я сдалась.

Зияющая болью и пустотой холодная пропасть – она там – в моём сердце.

Возможно, это всё отражается в моих глазах, потому что Алек мгновенно прижимает меня к себе, обнимая крепко за плечи, позволяя уютиться в его тёплых объятиях и ещё с минуту просто беззвучно плакать.

– Поэтому ты был такой спокойный всё это время по поводу переезда. Ты знал, что никакого переезда не будет, – озвучиваю приходящие на ум понимания. – И с Лесей позволил сегодня увидеться по той же причине, – мой голос практически не разобрать, когда я говорю в его футболку, но Алек всё равно меня слышит.

– Не совсем так, принцесса. Это был план на самый крайний случай. Когда всё станет так, как происходит именно сейчас. Орден не отступит, и это всего лишь начало, а уже всё настолько плохо, что другого выхода у нас просто нет.

Я немного отстраняю голову, чтобы посмотреть на него.

– А если у нас не получится пропасть? Ты сам сказал, что Орден не отступит.

Алек ощущает моё недоверие, видит его в неодобрительном взгляде, хотя я и понимаю, что не доверять ему у меня нет причин, но ничего не могу с собой поделать. Нутро горит огнём, и я хочу показать ему все свои чувства. Однако Алек его с лёгкостью выдерживает, понимая, что ненавижу я сейчас ситуацию, а не его.

– Там они нас никогда не достанут, принцесса, – заверяет он голосом, в котором нет ни единого сомнения.

И этому голосу я уже точно верю, даже не спрашивая, что за место, куда он собрался меня отвезти. Да и оно сейчас абсолютно неважно. Что бы это ни было за место, там я оказаться хочу меньше всего. Упираюсь лбом в грудь Алека и закрываю глаза. Он понимает, что мне нужна хотя бы минута, чтобы свыкнуться с данной мыслью. Удивительно то, что ещё минут двадцать назад, я ощущала себя самой счастливой на свете. Беззаботные, нежные моменты, которые мы разделили, проснувшись, становятся лишь далёким, словно и вовсе несуществующим, воспоминанием.

– Всё будет хорошо, принцесса, это временная необходимость, – пытается успокоить он, а затем наклоняется к моему уху, опуская руки мне на поясницу. – Но я очень надеюсь, что дома у тебя достаточно зимних вещей. – Я хочу взглянуть на Алека, но он удерживает меня, продолжая говорить. – Не собирай вещей здесь. Вообще ничего. Просто оденься и жди, когда утром за тобой придёт Несс или Дамьян. Больше ни с кем не общайся, сделав вид, что спишь.

Наконец-то Алек достаточно отстраняется от меня, чтобы я снова могла видеть его лицо.

– Вот так просто? – удивляюсь я. – Больше ничего не скажешь?

Алек качает головой, принимая более оживлённый вид.

– Скажу, что я принес тебе кофе и поесть, – Он улыбается, и теперь его глаз даже касается блеск этой естественной проказливой улыбки. – Заодно, вернись под одеяло, пожалуйста, а-то мне как-то уж чересчур сильно нравится, как ты выглядишь в моей футболке.

Щёки опалает теплом. Совсем-совсем неправильная реакция в данной ситуации, но Алек помогает забыться. Ненадолго, возможно даже слишком короткое время, чтобы его

заметить, но всё же это вселяет понимание, что рядом с ним всё будет не так плохо, как чувствует сейчас себя моё сердце... Немного смутившаяся, отхожу от Алека и направляюсь в сторону кровати под его неотрывно следящий за мной взгляд, минуя и обходя части разбитого телефона. Мне никогда ещё не было настолько дурно и паршиво, но я изо-всех сил держусь, понимая, что и для Алека не всё так просто, как он это выражает. И ровно также понимая, что это самое лучшее, что я могу сделать для своих родителей.

Пропасть, собственно, даже и не зная куда, кажется странным, ненормальным и совсем безрассудным. Но это лучше, чем оказаться в руках Ордена. Они ещё более безрассуднее, и чем старательнее они меня пытаются заполучить, тем меня это больше пугает, особенно понимая, что границ для них не существует. Остаётся лишь надеяться, что они действительно не найдут меня никогда.

Глава 13

Никогда бы не подумала, что дорогу можно сравнить с бесконечностью: длинная, прямая, иногда сворачивающая вправо и влево, или совершающая кольцо, но одно в ней всё же неизменно – у неё нет ни конца, ни края.

Мы всё едем и едем, проезжая всевозможные города и посёлки, о наличие которых раньше даже не знала. В салоне стоит полная тишина, хотя нас находится в нём четверо. Не знаю, какие именно причины на самом деле заставили Несс с Дамьяном ехать с нами, но мне она сказала, что ни за что в жизни не упустила бы возможности оказаться в том месте, куда мы направлялись. Я не стала уточнять, что именно это за место. И не потому, что мне совсем неинтересно. Некая враждебная ненависть, вызванная внутренней тоской и болью, не даёт увидеть в нашей поездке что-то хорошее. Я прекрасно понимаю, что виновато не место, не Алек или ещё кто-либо, кто сидит сейчас в этой машине. Кроме меня самой, или же обстоятельств, связанных непосредственно со мной, вынудивших не только меня, но и Алека покинуть наш город.

Хотя по нему тоже не скажешь, что он ненавидит это место, как я. Он рад, как и Несс с Дамьяном, отправиться туда. Однако, есть что-то такое тревожное в глубине его глаз, которые иногда поглядывают на меня через зеркало заднего вида. И это наконец не связано со мной. Алек будто готовится к чему-то волнующему. Странно видеть его таким озабоченным и уязвимым, когда дело не касается гибридов и Ордена. И мне, признаться, радостно видеть его таким человеческим, каким я редко могла его наблюдать раньше.

Спустя несколько часов тишины, поездка становится более нервирующей. Несс уснула ещё в самом начале пути и до сих пор не просыпалась. Я завидовала ей, пытаюсь весь последний час безуспешно занять удобное положение и тоже уснуть, чтобы отвлечься от мыслей. Меня не покидает чувство вины за оставленных в неведении родителей. Мне даже не хватает смелости предположить, что именно они себе надумают, поняв, что я бесследно пропала. Хотя правда – не лучше. Но я отчаянно молилась, чтобы мама сочла исчезновение за бунтарский побег в честь протеста. Так было бы менее больно, зная, что я всё ещё жива. Но сама мысль, что я вообще причиняю родителям боль, терзала меня как голодный зверь, нещадно потрошащий все мои внутренности.

Тоска разрывала грудь, я снова чувствовала что-то недостающее, беспокоящее и скользящее моё нутро даже тогда, когда только начинала парить на задворках своего сознания. А затем я слышу приглушённые голоса Алека и Дамьяна, понимая, что всё-таки смогла заснуть. В основном пустые фразы, которые ничего конкретного из себя не представляют, потому я не спешу открывать глаза. Просто позволяю укачивающему движению машины оставлять мой разум подальше от реальности. Но толком ничего не выходит.

Я всё думаю и думаю, совершенно не замечая ни времени, ни всё тех же разговоров Алека и Дамьяна, пока редкий, отдающий желтизной свет, набрасывающийся на мои закрытые веки, не начинает всё чаще нарушать собой темноту в моих мыслях. Неохотно я приоткрываю глаза, замечая странное, переливающееся мерцания.

Снег.

Открываю глаза полностью и отрываю голову от сидения. Поверить не могу, что в

действительности вижу снег – вот, что кажется самым подлинным сном. Останавливаю мысль ущипнуть себя; даже если это сон, уверена, что желаю в нём задержаться.

Мы по-прежнему едем, но эта дорога узкая, имеющая всего две полосы и совершенно пустая. И если бы не высокие фонарные столбы, выстроенные в ряд, то она была бы ещё и жутко тёмной из-за плотно-растущих деревьев, похожих на беспросветные и высокие стены по обе стороны от неё. Дорога ведёт вверх, туда, где виднеются мириады огней, подмигивающих с подножья и возвышенностей белоснежных выглядящих чересчур сурово гор.

У меня перехватывает дыхание, увиденное производит на меня непостижимо завораживающий эффект.

Не так уж и много требуется времени, чтобы осознать, что это место, затмевающее своим величием всё плохое, – горнолыжный курорт. К тому же, горы повсюду, создается впечатление, что не машина движется в их направлении, а они неумолимо надвигаются на нас, захватывая своим могуществом всё открытое пространство.

Поворачиваюсь и вижу, что Несс так и спит. Мне хочется разбудить её просто для того, чтобы кто-то сейчас восхищался вместе со мной, хотя она и так уже всё это видела, и теперь я понимаю её стремление оказаться здесь. Через секунду я ощущаю на себе взгляд и перевожу свой, чтобы встретить глядящие на меня через зеркало заднего вида глаза Алека. В их уголках образовались едва заметные морщинки от его улыбки на губах, которая сейчас, к сожалению, скрыта от меня. Но этого хватает, чтобы лёд начал оттаивать в моей груди. Улыбаюсь в ответ, мне не составляет труда выглядеть восхищённой. Особенно вновь устремляя свой взгляд к заснеженным Великанам.

Это место похоже на прекрасную новогоднюю открытку, ту самую, при виде которой замирает сердце, и хочется отдать все до единого, чтобы переместиться прямо в нее.

Но чуть позже я понимаю, что поспешила отдать своё сердце виду на горы. Когда машина сворачивает направо и открывается новый вид, мое сердце буквально начинает волноваться от переполняемого его восхищения.

Мне хочется фотографировать, научиться рисовать, сделать всё, что только возможно, чтобы запечатлеть в памяти этот момент навсегда. Запечатлеть свои эмоции и чувства.

Дорога уходит вниз. Моё трепещущее волнение вновь нарастает. Там, в небольшом углублении, расположились домики, сколоченные вместе так, словно это место небольшая сказочная деревушка. Приблизительно их тут от двадцати до тридцати по количеству. Несколько из них высокие, хоть и всего лишь трёхэтажные, похожие на многоквартирные дома в миниатюре. Ещё два из них просто длинные и двухэтажные, с высокими створчатыми окнами. А между ними одно единственное одноэтажное строение, полностью окутанное нитями белых гирляндных фонариков. Возле него растёт высокая ель, также наряженная растяжкой гирлянды, на которой разноцветные огоньки танцуют и переливаются волнами.

– Приехали, – сладко лепечет голос Несс, в котором очень легко распознать улыбку.

Но я не могу оторвать взгляд, чтобы посмотреть на неё.

– Что это за место? – только и осиливаю я.

По вздоху со стороны Несс, можно понять, что она собиралась мне ответить, но её успевают опередить Алек.

– Терпение, принцесса. Я всё тебе расскажу, – говорит он, и я отрываю взгляд, чтобы встретить его в зеркале заднего вида. – Просто одним вопросом этот разговор не обойдётся.

Хорошо, на сейчас принимаю такой ответ. Тем более, до разговора остаётся немного. Мы уже съезжаем на заснеженную колею, и пока мы медленно едем по ней, на мои глаза также попадают прогуливающиеся или просто куда-то направляющиеся люди. Некоторые бросают на машину взгляды, другие же так увлечены разговорами между собой, что не проявляют никакой заинтересованности. Они выглядят непринужденными, расслабленными, в вольной манере поведения, как отдыхающие. Именно в этот момент я

осознаю, что место больше похоже не на деревню, а на лесную базу отдыха. Только в данном случае, скорее всего, они здесь из-за катания на лыжах.

Наконец машина останавливается, и я озираюсь по сторонам: на Несс, Алека и уже выходящего наружу Дамьяна. Несс тоже готовится выйти из машины, но Алек сидит по-прежнему за рулём и не заглушает двигатель.

Когда она выходит, а Дамьян открывает багажник, чтобы достать сумки, я не выдерживаю.

- Алек?

- Нам надо чуть дальше, - не поворачиваясь, отвечает он, и я мгновенно же хмурюсь.

- Встретимся у Зака! - громко выкрикивает Несс, уже прокладывая себе путь по узкой каменной дорожке.

Зак? Я хмурюсь сильнее. Нет, мой мозг определённо ничего знакомого в памяти не находит. В одобрение Алек машет рукой, повернувшись через плечо лицом к Дамьяну, и тот, улыбнувшись, захлопывает багажник обратно, и машина вновь начинает ехать. Оборачивая руки вокруг подголовника водительского сидения, нагибаюсь вперёд, нависая прямо над Алеком.

- Ты не считаешь, что пора бы нам уже поговорить? - как бы совершенно ненавязчиво предлагаю я, но тон моего голоса еще как навязчив.

Слышится усмешка, и Алек запрокидывает голову, чтобы посмотреть на меня.

- Терпение - не твой конёк, принцесса, - констатирует он весело. - Как я мог забыть об этом?

- Может все по тому, что твоё молчание кажется немного странным?

Алек молчит несколько секунд, выглядя при этом размышляющим.

- Просто... - он ещё немного колеблется. - Просто всё довольно сложно.

Сложно. Вот, с чего начинает убывать моё хорошее настроение.

- Насколько сложно?

- Очень сложно, принцесса, - задумчиво произносит Алек, - я должен был рассказать тебе это намного раньше. А теперь даже не знаю, с чего начать.

Машина наконец-то останавливается, и я, откладывая слова Алека до ближайшего рассуждения, нагибаюсь вперёд, чтобы выглянуть в лобовое стекло.

Дом - вот, что я вижу перед машиной. И меня не удивляет его присутствие здесь, всё же мы только что проехали, как минимум, десять подобных. Меня удивляет, что он не похож ни на один из них. Единственным сходством является то, что он тоже бревенчатый. На этом всё и заканчивается. Он больше по размеру, ненамного, но разница бросается в глаза. Двухэтажный, с углубленным крыльцом и двумя балконами, один из которых полностью застеклённый, а второй, напротив, открытый, с выступающей и заострённой кверху крышей.

Но всё это не относится к тому, из-за чего складывается странное ощущение. Даже снаружи дом выглядит так, что создаёт впечатление особого уюта. Но присутствует в нём что-то ещё. Более выраженное. В вечерней темноте, в такой отдалённости от других и наоборот приближенности к лесу он навеивает необъяснимую пустоту.

- Это дом моих родителей, - сообщает Алек, но слова звучат глухо, словно вообще не собирались сходить с его уст.

Поворачиваю голову к Алеку. Одно мгновение наши глаза так близко друг к другу, что кажется они соприкасаются, и я могу впитать в себя все отражающиеся в них эмоции -

они тёмные, глубокие и отягощающие. А в следующие мгновение Алек уже выходит из машины и открывает мне дверь. Но прежде чем вернуться в нормальное положение, я бросаю ещё один взгляд на дом. Стал ли он теперь выглядеть для меня по-другому? Определённо.

Накидываю лёгкую куртку, которая сейчас мне кажется абсолютно бесполезной для такой погоды, и выбираюсь из внедорожника. Алек помогает мне, придерживая за талию. Я снова оглядываюсь, ёжась и охватывая себя руками. Однако, мне не холодно, хотя морозный воздух опалает щёки и режет нос. Но я бы назвала это естественной прохладой, исходящей от покрывающего землю густого снега. Кажется, я наконец-то приняла своё наследие, текущее в жилах, именно оно позволяет мне не так сильно чувствовать холод. Но кожу охватывают пронсящиеся по ней промозглой лавиной мурашки, это не от минусовой температуры на улице, честное слово, это место выглядит жутковато.

Возможно всё из-за того, что минуту назад поведал Алек, и место становится покрытым тенью вопросов и множества неполученных на них ответов. А возможно всё дело в самой темноте, тогда, когда остальные дома связывают между собой тонкие нити золотистых фонариков. И ни одна из них не ведёт сюда, словно этот дом оторван от жизни...

Поспешный вывод с моей стороны.

В одно мгновение всё меняется. Свет, настолько яркий и ослепительный, что кажется я вот-вот могу получить из-за него ожог, вспыхивает за моей спиной. Я поворачиваюсь, и мне приходится сощуриться, чтобы глазам не было так больно, в попытке увидеть Алека.

Я не успела заметить, когда он достал из багажника вещи, но сейчас он находится на крыльце, от которого и исходит большая часть освещения.

Теперь я могу разглядеть дом по-другому. Никогда не видела столько лампочек, зажжённых одновременно, и если минуту назад меня смущала жутковатая непроглядная тьма, укрывающая собой этот дом, то сейчас меня немислимо притягивает к нему, как мотылька на тёплый и манящий свет.

Миллионный по счёту завороженный вдох. В груди пульсирует новая порция волнения, когда я наконец переступаю порог, и Алек зажигает свет.

Нет, я несколько не ошиблась, приписывая дому слово уют. Мысли отходят на второй план, уступая место полной сосредоточенности на вещах и деталях. Не сказать, что обстановка отдаёт какой-то особенной роскошью, но в каждом предмете интерьера будто присутствует своя жизнь. Словно оно само выбрало для себя идеальное место расположение.

Идеальный Алек и его не менее идеальный дом – всё сходится к тому, что, должно быть, его родители сами являлись идеальными людьми.

Тут же появляется противоречие, вспоминая, как не так уж и давно Алек отзывался о отце. Но, возможно, это всего лишь были слова обиды и злости? Потому что нереально быть плохими людьми, при этом воспитав такого сына.

Я обращаю взгляд на Алека, который всего несколько секунд выглядит нерешительным и даже сбитым с толку.

– Добро пожаловать, принцесса, – произносит он медленно, пробежавшись таким же, как и у меня, изучающим взглядом, словно видит свой дом впервые, а затем, повернувшись ко мне лицом натягивает на один уголок губ притворную ухмылку.

Что действует на меня странным образом.

Я не могу объяснить, что сейчас происходит с моим состоянием. Мне хочется восторгаться, радоваться и предвкушать ближайшее время нахождение здесь. Но в тоже мгновение унывать, ненавидеть это место и не желать находиться здесь ни одной секунды.

Хочется остаться, хочется вернуться. Хочется говорить, расспрашивая обо всём Алека, и одновременно молчать, никогда не узнавая его секреты и подробности жизни.

Пока я снимаю сапоги, Алек уже проходит внутрь, направляясь к единственной деревянной, боковой лестнице, пристроенной к противоположной стене. Я же не спешу за ним, вместо этого, решаю исследовать первый этаж.

Мои глаза впитывают каждую мелочь, отмечая сколько светлых оттенков присутствует только в одной гостиной, которая и начинается прямо с порога. На самом деле весь первый этаж – это, по сути, гостиная, кухня и две двери, скрывающие за собой что-то неведанное. У правой стены находится открытый, красивый камин, над которым висит плазменная панель. Но мой взгляд долго на ней не задерживается, всё моё внимание сосредотачивается на рамках с фотографиями. И за короткий, беглый осмотр, я нахожу практически на каждой Алека, но не успеваю рассмотреть кого-то ещё. На втором этаже слышатся шаги, и я торопливо отхожу, словно только что украла одну из них.

Смотрю на лестницу, и мой взгляд мгновенно встречают тёмно-карие, насыщенные теплотой глаза Алека. Они переливаются присутствием на губах терпеливой, я бы даже сказала частично миловидной, улыбки. Алек прислоняется плечом к стене, стоя на самой верхней ступени.

- Нравится? – сразу же спрашивает он голосом, который словно что-то знает, чего не знаю я.

Скорее всего, это ответа на его вопрос. Потому что хоть я и ощущаю себя так, будто получила бесплатный билет в рай, непрошенное шестое чувство подсказывает мне, что билет этот – поддельный. Потому я ухожу от вопроса, задавая другой.

- Почему Дамьян не здесь, если этот дом ваших родителей?

Я ожидаю, что улыбка в тот час покинет его губы, а выражение лица сменится холодом. Но на этот раз ошибаюсь.

- Дам не любит его и предпочитает обходить стороной.

- А ты?

Алек непринуждённо пожимает плечом.

- А мне всё равно. Я не был здесь достаточно долго, чтобы успеть забыть.

Я не спрашиваю «что» забыть, но приглядываюсь к его глазам с особой интенсивностью, пытаюсь уловить в них смену эмоций. Но его взгляд по-прежнему непоколебим. Неважно, чтобы я ни спросила, они остаются такими же тёплыми, говорящими мне, что Алеку нравится всё происходящее.

Он изменился. Причём за те несколько минут, которые провёл наверху. Словно принял что-то и смирился. Или это снова хорошо замаскированный один из тех его образов, которые он принимает всякий раз, когда требуется скрыть от меня своё состояние? Я всё гадаю, пока Алек спускается вниз. Он подходит ко мне и смотрит на мои ноги. Задорная улыбка снова привлекательно поднимает уголки его губ.

- Думаю, тебе не следовало разуваться, – говорит он, возвращая взгляд ко мне. Скулы на его лице подрагивают, словно улыбка держится на его губах изо всех сил. Внезапно она становится больше похожей на оборонительную, готовящуюся сгладить в любой момент неловкость ситуации. Алек не уверен, когда продолжает. – Нас, вроде как, кое-кто ожидает, чтобы познакомиться с тобой.

И если бы не его настолько откровенно нервное состояние, я бы не ощущала себя сейчас такой настороженной.

- Зак? – предполагаю я, и попадаю в цель.

- Ага.

Мои брови хмурятся в недопонимание.

- И кто же он?

Алек делает глубокий вдох – что означает мне не особо понравится его ответ.

***

Снег умиротворенно покоится на земле, застилая её небольшим покровом, едва ли достигающим щиколотки. И лишь опавшие осенние листья, изредка встречающиеся на вытоптанной дорожке, беспокоят такую чистейшую картину белизны. Тихо. В морозном воздухе кроме звука, похрустывания под ногами раскалывающегося снега, ничего не слышится. Даже дыхание Алека умудряется каким-то образом слиться в унисон вместе с моим, пока мы идём в направлении бара.

Кто бы мог подумать, что буквально через каких-то жалких пять минут, я познакомлюсь с дядей Алека? Или уже остаётся пару минут? Разноцветные бусины, искрящиеся пляшущими огоньками, на той самой одинокой украшенной ёлки, становятся всё ближе. И чем ярче они отражаются на темном цвете моей куртки, тем быстрее бьётся моё сердце. Прямо за ней, в здание, что буквально оккупировали собой сотни светящихся лампочек гирлянды, а Алек назвал его местным и единственным здесь баром, находится Зак. Он им управляет. А если быть ещё более точнее, то всё здесь принадлежит его дяде.

И после всего нескольких объяснений, предоставленных мне от Алека, многие вопросы, терзающие меня по дороге сюда, получили практически полный ответ. Даже Софии до сих пор неизвестно, куда ездила каждый год её дочь, хотя к кому – она точно знала. Не говоря уже об Ордене, который никогда не находил «Грозную долину», хотя и много лет подряд не отпуская попыток.

Я не спрашиваю, почему Орден искал это место, также, как и не задаюсь вопросом: «кого именно они искали». Зато волнует другое. Станет ли этот год исключением?

Когда моя ладонь наконец касается холодной дверной ручки, моё сердце начинает сильнее скакать в груди от беспокойства. Отпускаю её, оставляя дверь закрытой. Набрав воздуха в лёгкие, я разворачиваюсь лицом к Алеку, собираясь сказать, что мне нужна ещё минутка, но он опережает.

– Не волнуйся. – Алек дарит мне одну из своих лучших улыбок и придвигается ближе, чтобы обнять меня за талию. – Зак тебе понравится.

С моих губ срывается непроизвольный смешок.

– Я не об этом волнуюсь, Алек. Это я могу не понравится твоему дяди.

Он приподнимает бровь в удивлении.

– Такого не может быть, принцесса.

– Почему, нет? – взвизгиваюсь я, безуспешно пробуя сохранять безмятежность. – Я нервничаю, ясно? А когда я нервничаю, то всегда несу полный бред. Тебе ли это не знать.

Алек склоняет голову набок, и в свете красивой игры, приливающих огней, его упавшие пряди волос на лоб, отдают тепло медовым цветом, что не может не притянуть мой взгляд. Плюс, это хороший способ увести глаза подальше от его настырно-пытливого взгляда, от которого похоже ничего не может ускользнуть.

– Существует множество причин, по которым ты уже нравишься Заку. Стоит ли тебе напоминать, что ты единственная девушка, которую я привёз сюда, – непринуждённый с каплей хрипотцы голос Алек возвращает мой взгляд обратно к его. – Просто позволь Заку заполнить твою симпатию к нему. Поверь, он специалист по покорению сердец.

Мне хочется задать ему вопрос, почему он никогда не приезжал сюда с Ники, но понимаю, что любопытство сейчас неуместно. К тому же, не уверена, что мне понравится ответ, поэтому оставляю эту тему нетронутой.

- Ладно, идем, - соглашаюсь в итоге я и, собираясь новым запасом решимости, открываю дверь.

Едва ли первые нотки знаменитой песни касаются моих ушей, как сильный голос рок-певицы годов так восьмидесятых мгновенно затягивает меня в воцарившуюся атмосферу, когда захожу внутрь. Мягкий свет, исходящий от настенных бра, нависающих над каждым столиком, заливает пространство таинственностью. Народу внутри присутствует не так много, сколько исходит от них шумного веселья, максимум человек пятнадцать. В основном виновниками столь бурного оживления становятся компания из пятерых мужчин, окруживших бильярдный стол, стоящий в самом отдалённом углу заведения. Они смеются, хлопают друг друга по плечу и самозабвенно катают шары по бархатному волокну, выглядя при этом так, словно игра для них способ занять себя чем-то подобно просмотру телевизора в перерывах между разговорами. Остальные присутствующие сидят по парам, и одна из них хорошо знакома нам.

Несс с Дамьяном занимают места возле высокой деревянной барной стойки, тянущейся на добрую четверть всей стены по левую сторону от входа. Завидев нас, Несс с улыбкой машет рукой, подзывая к себе. Алек стягивает с моих плеч куртку, вешает её на прибитую к стене вешалку, и мы направляемся к стойке.

Я взбираюсь на высокий стул рядом с Несс, гадая есть ли среди присутствующих сейчас здесь Зак и внимательно осматривая каждого, и только в этот момент замечаю, что не усмотрела с самого начала наличие второго этажа, представляющего из себя один длинный балкон прямо над нами. Там довольно сумрачно и пусто, однако на нём так же расположено несколько уединенных столиков. Когда я опускаю взгляд перед собой, то сразу же вздрагиваю. Мои глаза натываются на искрящиеся настойчивым интересом глаза напротив, насыщенно зелёного цвета.

Это мужчина - лет тридцати пяти, с точёными чертами лица, широким подбородком и красивым оттенком кожи. В сочетании таких эффектных глаз и каштановых волос, его оливкового цвета кожа буквально выглядит совершенно в мягком свете, отбрасываемым на его лицо. Одежда мужчины не менее броская, на белой футболке в области груди располагается огромная жёлтая табличка, обведённая в красную рамку. А надпись на табличке мелким шрифтом перечисляет правила поведения в баре, зачеркнутые крестом, а ниже ещё одна надпись, выделенная уже жирным шрифтом и гласящая: «В этом баре существует всего одно правило - только я знаю, чего желает выпить твоя душа».

- Закария, - представляется незнакомец, широко улыбаясь, однако в следующее мгновение серьёзничает, вскидывая руками вверх. - Но! Называй меня исключительно Заком. Нам с моим братом повезло на старомодных родителей, придерживающихся традиции давать своим детям общепризнанные предками имена. Благо, мне повезло больше, чем Гавриилу, и я не унаследовал эту традицию в отличие от него. - Зак снова улыбается и подмигивает поочередно Дамьяну к Алеку, который стоит за моей спиной, а затем вновь протягивает мне руку для пожатия.

Я ещё не успеваю пожать её в ответ, как с левого боку, вплотную ко мне, оказывается Алек, нагибаясь на локтях через стойку.

- Вообще-то, я ничего не имею против своего имени, - заявляет он с неприкрытой гордостью. - Не меня же назвали Дамьяном.

Алек незамедлительно направляет косою, горящий блеском вызова взгляд в сторону брата, но тот лишь фыркает в ответ, закатывая глаза.

- Очень остроумно, Алек, не забудь подсказать, когда нужно смеяться, - парирует Дамьян, выглядя при этом как никогда самодовольно.

Алек легонько пихает меня в плечо и словно делится каким-то секретом понижает голос, когда говорит, касаясь губами моего уха.

- Кажется, что я нашёл первого будущего читателя моего словаря. - Он усмехается, и я не могу удержаться от улыбки.

Каким образом Алек умеет всегда обернуть даже негатив во что-то хорошее для своего

эго?

Мы обмениваемся с ним короткими взглядами, и на губах Алека я обнаруживаю слишком живую и красочную улыбку. Которая становится новым бесподобным открытием для меня. Я возвращаю ему свою копию этой улыбки, пока не понимаю, что буквально за одну минуту мне открылось как минимум несколько тайн семьи Алека. Едва ли я успеваю оторвать взгляд от улыбки на губах Алека, чтобы посмотреть, услышал ли Дамьян слова старшего брата, как к моей руке, покоящейся на стойке, подкатывает из ниоткуда прозрачная бутылка с мутно медного цвета жидкостью. И лишь одна надпись на совершенно белой этикетке – яблочный сидр. Я с сомнением щурюсь на буквы, написанные от руки.

– Не переживай, – звучит справа звонкий голос Несс. – Это очень вкусно. – Я перевожу не её недоумённый взгляд. Несс хихикает, поднимая в воздух открытую бутылку, идентичную моей. – Просто Зак считает, что ни этикетка и ни известный бренд делает напиток стоящим. Приглядись.

Она указывает горлышком бутылки на деревянные полки, находящиеся за спиной Зака, который, кстати, не отрывает от меня наблюдающего взгляда. Но Несс права, я не замечаю ни на одной из бутылок настоящей этикетки. Вместо них точно такие же, как и на моей, написанные всё тем же почерком. И, если честно, даже не знаю, законно ли это?

Я вновь смотрю на Несс. Её щёки украшает румянец, по-видимому, от разыгравшегося алкоголя в крови, а её улыбка нереально живая. Как мгновение назад у Алека или сейчас у того же Дамьяна. Их глаза искрятся не только отблеском искусственного света, а настоящим счастьем, словно эти ребята наконец-то оказались там, где были спрятаны их сердца от внешнего мира всё то время, что я их знаю и видела раньше.

– За знакомство? – предлагает мне Зак, протянув темную бутылку, очевидно, что с пивом, и я киваю.

Что бы там ни было налито, решаю, что сейчас самое подходящее время об этом узнать. Мы чокаемся, и мои глаза широко распахиваются, когда я делаю небольшой глоток, от насыщенности сладкого яблочного вкуса. Поверить не могу, что алкоголь бывает таким вкусным.

– Эй. А где наше с Дамом пиво? – возмущается Алек.

Зак усмехается, но выходит так, словно он с глубокой задумчивостью хмыкает.

– Если бы я постоянно угощал племянников, то разорился бы ещё несколько лет назад, – отвечает он с подначивающей улыбкой на лице, прищурив взгляд на Алеке, будто бы желает получить от него какую-то информацию.

Братья в унисон издают звук, ясно выражающий их протест. Однако вслух озвучивает его один Алек.

– Знаешь, это не совсем честно, – напустив на тон голоса серьёзности, говорит он. – Если Дам успел выпить все твои запасы, прохлаждаясь здесь каждый год, то, когда я находился здесь последний раз, ещё даже не был знаком с термином алкоголь.

Ох, на секунду в выражении лица Зака прокрадывается мрак, но он его быстро откидывает, отзываясь тем же образом. Я принимаю сосредоточенный вид на их словесной баталии, опасаясь, что вот-вот она может свернуть в запретном направлении.

– Ну он хотя бы сюда приезжал, – практически причитая, бросает Зак, и я вижу, как эмоции пробуют пробиться на непроницаемую маску спокойствия, натянутую на лицо Алека.

Но тщетно. Алек с лёгкостью удерживает их, закалённый долгими годами тренировок. И вместо ожидаемой реакции, на его губы с некой неохотой взбирается дьявольская улыбка, за которой скрывается очередная колкость.

– Не обольщайся, Зак. Дам приезжал сюда не ради тебя. К сожалению, я понял это только сегодня, что меня долгие годы держали за дурака. – Алек вскидывает бровями,

изображая удивление. – Вот же как ирония, ведь именно им я и был. Так что, очевидно, и ты тоже.

Всего лишь на одну нано-при-наносекунду всё затихает и меркнет, как перед раскатом грома. Мне хочется укорить Алека, зная, сколько он уже мучает своей обидой брата, но, взглянув на его лицо, понимаю, что он это делает неумышленно.

– Это не так, мы не... – пробует вставить Несс, но Алек, не позволив ей закончить, отмахивается, игнорируя её слова и заостряя пронизательный, сияющий рьяной настойчивостью взгляд на лице дяди, приготовившись услышать ответ.

– Ты не можешь винить мальчика за его чувства, Алек, – абсолютно серьёзно говорит Зак, словно ему не нравится поведение племянника.

– Поверить не могу, – усмехаясь, Алек качает головой с таким видом, будто больше не желает ничего слышать. – Я что, единственный, кто не знал об их отношениях?

– Брось это, – добавив поучительной грозности, отзывается Зак. – Никто не виноват, что ты не замечал этого, ослепленный убеждениями, которыми затмил твою голову отец. Дамьян начал бегать за Несс, как только научился ходить. Это видел каждый, кто хотя бы украдкой обращал на него внимание. – Всего одно мгновение Зак молчит, позволяя печали охватить черты его лица. – Немудрено, Гавриил тебе вздохнуть не давал даже во время... – почти бормочет он, оставляя утверждение неоконченным.

Последний поворот, и вот разговор зашёл на минную зону, где одно неверное слово и прогремит взрыв. Я делаю сотый по счёту глоток напитка, пытаюсь унять нарастающий в груди трепет тревоги. Как всё зашло так далеко? Ещё недавно все веселились и улыбались, а теперь груз старых обид и долгого молчания разом заваливает всё хорошее тяжелейшим весом мрачности.

Чёрт, а как отлично всё начиналось, что я почти поверила, что попала в рай.

Смотрю на Алека, поражённая тем, что его губ так и не покидает ухмылка, пусть от её вида и ползут по коже колючие мурашки. Он впился взглядом в глаза Зака, который с такой же непреклонностью отвечает ему взаимностью, но Алек остаётся по-прежнему упрямо верен своим принципам, никто и ничто не сможет переубедить его, и глупо на это кому-то рассчитывать.

Наконец-то Зак оживает, словно не выдерживает больше сложившейся обстановки.

– Ладно, – выдаёт он, закатив глаза. – Так и быть, Алек. Я готов пересмотреть свои прошлые утверждения.

Зак улыбается, и раздаётся поочередно два щелчка, открывающихся пробок. Этот звук словно смахивает разом напряжение, потому что на кого бы из ребят я ни посмотрела, все они улыбаются. Ничего не понимаю. Спустя секунду Зак пододвигает Алеку открытую бутылку, затем подтолкнув, направляет вторую в сторону Дамьяна.

– А ему-то за что? – вновь возмущаясь, заявляет Алек. – Это я подставлял себя под обстрел, когда Дам тихо отсиживался в стороне.

Снова ничего не понимаю.

– Ха! – отзывается Дамьян, и я не могу разобрать, чего в этом звуке больше: веселья или возражения. – Если бы я не являлся главной темой, то тебе бы нечем было заговаривать Заку зубы.

Очевидно, что веселья. Мой взгляд не устает перемещаться между братьями, соображая, о чём вообще эти двое толкуют. Алек кривит губами в раздумьях.

– Ты чертовски прав, Дам, – соглашается Алек, а в следующее мгновение где-то на середине между мной и Несс раздаётся хлопок, когда они дают друг другу «пять».

Моё лицо опускается на ладони. Либо это я не дружу с головой, либо эти двое. Но кто-то определённо сегодня не дружит с ней. Поднимаю взгляд обратно и ещё несколько секунд свыкаюсь с мыслью, что возможно произошедшее – норма их поведения. Но так

или иначе, чем больше проходит времени, льётся разговоров и взаимных подшучиваний, тем усердней хочу верить, что произошедшее было шуткой. К тому же, я замечаю ещё более странную вещь. Зак наливает выпивку всем присутствующим так, будто точно знает по времени, когда и что подавать. А ещё, как я понимаю, никто за неё не расплачивается.

И когда мы с Несс отходим в дамскую комнату, я спрашиваю её об этом бессмысленном на мой взгляд факте, однако об инциденте мы обе предусмотрительно умалчиваем. По словам Несс, в основном сейчас здесь находятся постоянные гости (и, да, это я заметила ещё сама, но она всё равно подтверждает, что некоторые из них Омеги, живущие или часто гостящие в «Грозной долине»), которые и так неплохо оплачивают своё пребывание здесь. Плюс, это личная фишка Зака, и именно по этой причине от постояльцев у него нет отбоя, и в ближайшие выходные я смогу сама в этом убедиться.

Перед выходом Несс неожиданно меня останавливает. Смотрит в мои глаза так долго, словно никак не решается заговорить, а потом наконец подбирает слова.

- Зак не плохой человек, не думай, - пробует она начать мне что-то объяснить.

- Я так и не думаю, - заверяю я, не понимая, отчего её взгляд остаётся виноватым.

Она дотрагивается до моего предплечья, неуверенно сжимая его.

- Мы не хотели. Прости, - внезапно произносит она поникшим тоном голоса. - Ты не должна была видеть всё с этой стороны, потому что обычно здесь слишком хорошо, чтобы хотеть вернуться.

Секунду назад я не понимала, к чему её извинения, теперь осознаю, что никто не хочет выносить сор из избы, потому что в действительности это касается только их троих. Она опасается моего сложившегося мнения, но могу с уверенностью заявить, что какое бы оно ни было час назад, по его истечению все изменилось. Что бы ни было испорчено - исправлено.

- Мне так и так хочется вернуться, - не знаю почему говорю именно такие слова, просто хочется, чтобы она по моему настроению не судила, что на самом деле испытываю. - Но если бы был другой случай, вряд ли Вы смогли меня отсюда вытащить. - Я искренне улыбаюсь и добавляю. - Даже за уши.

Несс отзывается на мои слова взаимной улыбкой, затем кивает, и мы возвращаемся обратно.

Общение становится лёгким и непринуждённым. Зак задаёт мне много вопросов, и мне без проблем получается на них отвечать, потому что они только посредственные. Ни одного личного о семье, о настоящих родителях, и что вообще нас привело сюда. Уверена, постарался Алек. Но ничуть не возмущена, что сегодня я думаю только о хорошем.

Ко всему прочему, у меня есть ещё один повод чувствовать себя хорошо. Алек баз каких-либо проблем справляется уже с четвёртой бутылкой пива. Нет, не сам факт меня радует. А тот, что он не ведёт себя напряжённо. Как тогда в парке - всего несколько слишком быстро-прошедших часов - он был идеально расслаблен. И вот поэтому, когда моя душа не устаёт оттаивать, благодаря поведению Алека, мне всё же хочется поверить, что вскоре грусть пройдёт.

Мы сидим ещё от силы час, так как вскоре все выглядят уставшими и утомлёнными прошедшим днем. Ближе к полуночи мы расходимся, и, возвращаясь обратно к дому, я прошу задержаться Алека на улице, ощущая, что многий груз наконец-то ушёл, и сейчас способна посмотреть на местность другим взглядом. Без ложных суждений, что именно это место отобрало у меня родителей.

Невероятная красота в сочетании с невыразимой тишиной переворачивают что-то в моей душе. Я не забываю. Прекрасно осознаю, что никогда не смирюсь, но нечто большее держит меня, напоминая, что не имею права сдаваться. Ещё не всё потеряно, ещё есть надежда, что всё прекратится и вернётся на свои места. Хотя сердце так и тянет вниз неимоверной болью. Оно горит и кровоточит, но трещины на нём немного затягиваются,

когда я внушаю себе, что плохих концов не существует.

Очень скоро мы с Алеком оказываемся в доме его родителей. И у него довольно хорошо получается оставаться на высотах своего настроения. И моё настроение, как выясняется, напрямую зависит от Алека. Чем проще он ведёт себя, тем легче мне отталкивать мысли, что здесь когда-то произошло что-то плохое. Возможно, и не совсем здесь, но по крайней мере этот дом что-то нагоняет на Алека, наверное, то самое, что является причиной у Дамьяна избегать его.

Спустя минут пятнадцать мы начинаем разбирать вещи, раскладывая их по ящикам. А ещё минут через пять я узнаю, что в моих вещах нет ни одной пижамы. И слишком-слишком самодовольная ухмылка на губах Алека даёт мне довольно красноречиво понять, насколько ему приходится по душе данный факт, когда он, ни капли не стесняясь, подтверждает это, говоря, что ему нравится куда больше, как смотрится на мне его футболка, нежели даже самая откровенная коротенькая пижама.

На несколько долгих секунд я впадаю в растерянное смущение. Во-первых, это Алек – он не мог заявить такого вслух, когда постоянно пробует избежать подобных разговоров и держит всё под контролем. Во-вторых... Ну, а во-вторых, мне самой нравится, быть одетой в футболку Алека, когда его запах сопровождает каждую пройденную секунду времени.

Прикусив губу, стараюсь придать себе невинный вид, когда беру из его руки футболку, но моё лицо предательски полыхает жаром. Не знаю, насколько подобное правильно и уместно, когда ты пробуешь откидывать запретные мысли ещё в зародыше, но ничего не могу с собой поделаться, когда это вызывает такие непривычно новые чувства. Я переодеваюсь, а заодно и нахожу все же несколько пар спортивных шорт, одни из которых решаю всё же надеть, перед тем, как спустится вниз к Алеку.

Оказывается, что он готовился к нашему переезду с неделю. Собрал много вещей, позвонил заранее Заку, обдумал многие детали, чтобы мы смогли уехать незамеченными. Алек настолько хорошо организовал наш побег, что даже если бы кто-то захотел придрататься, то точно бы не смог. Это ещё одна черта его характера, которая не перестаёт меня изумлять. Иногда, она его губит бесконечным анализом ошибок, когда что-то отходит от плана и срывается, но тогда, когда всё получается, можно увидеть его в совершенно отличном настроении.

Наш холодильник также был подготовлен к приезду, Алек делает по виду вкусные сэндвичи, но мой аппетит так и не желает сегодня пробуждаться, и, налив себе кружку фруктового чая, устраиваюсь с ней на мягком ковре перед зажжённым камином, разглядывая на нём фотографии.

Меня удивляет насколько Алек с Дамьяном были похожи в детстве, нежели сейчас. Волосы у обоих светлые, почти золотистые, как утренние лучи едва взошедшего на горизонт солнца. Черты лица у Алека мягче, и вместо острых скул присутствуют милые детские щёчки. Мои губы тянутся в улыбке. И только сейчас, я знаю, что он очень сильно похож на мать, а не на отца, как думала ранее. Это Дамьян похож на него. По крайней мере, те братья, которых я вижу на сегодняшний день.

Кладу подбородок на колени и концентрирую внимание на молодой девушке, находящейся на одном фото в обнимку с Заком, чей цвет волос ослепительно светлый, и ловлю себя в этот момент на мысли, что её глаза я где-то уже видела. Прищуриваюсь, разглядывая их цвет. Голубые, успеваю подумать я, прежде чем мои мысли сбиваются.

Алек садится за моей спиной, притягивая к себе. Он устраивает меня так, что его ноги оказываются с двух сторон от моих бедёр, после обнимает и включает телевизор.

– Мы больше не будем драться за просмотр фильмов, – заявляет он довольно будничным тоном, сосредоточенно переключая каналы. – Зак просто лучший человек на свете, даже не стал спрашивать, для чего нам нужно два телевизора.

Устраиваю голову на его плече и переплетаю между собой лодыжки.

– Всё ещё существует такая вероятность. – Кривлю губами. – Например, нужно решить, кто смотрит в спальне, а кто внизу.

- Проклятие, - усмехается он, качнув головой. - А я-то рассчитывал на перемирие... Хм, хотя... вот и возможно оно.

Внезапно Алек прекращает переключать. Чувствую, как моя бровь ползёт вверх, и издаю озадаченный звук.

- Серьёзно? Ты готов смотреть «Сверхъестественное»?

Слышится ещё одна усмешка возле моего уха.

- Почему бы и нет? Теперь никто не застучает меня за просмотром этого сериала. - Набираю воздуха, пробуя сказать, что у меня появился наконец способ его шантажировать, но не успеваю. Алек рушит едва ли зародившуюся надежду. - Даже не мечтай, я найду множество способов, чтобы ты потом об этом смогла пожалеть. - Он выжидает несколько секунд, чтобы произвести больший эффект. - В конце концов, хочешь ты смотреть его или нет?

В ответ звучит мой хриплый смех.

- Я готова пожертвовать сериалом ради такого.

Неожиданно губы Алека касаются мочки моего уха, легко целуя её, и сильнейшая дрожь пробивает всё моё тело. Его руки на моей талии сжимаются в кольцо, словно пытаюсь удержать мою дрожь. Или усилить её, тут я так и не могу разобраться.

- А этим? Тоже готова пожертвовать? - шепчет его низкий тихий голос.

Приходится значительно постараться, чтобы вернуть над трепещущим телом контроль.

- Ты хоть представляешь, чего будет стоить реакция Дамьяна или того же Марко, после того, как ты упрекал их и подшучивал за «Дневники вампиров» и «Игру престолов»? - ещё заставляю звучать голос уверенней, так как его губы по-прежнему легко скользят по кожи за ухом. - Поэтому советую придумать мотивацию по существеннее.

Алек отстраняется от меня и демонстративно выставляет пульт, словно готовится переключить.

- Кажется, где-то там показывали «Пилу», - наигранно угрожает он, отводя руку дальше, когда я пробую перехватить пульт.

Тянусь вперёд, но вторая рука Алека, находящаяся на моём животе, возвращает меня назад. Приглушённый наглый смех за моей спиной подначивает бороться упорней, но теперь Алек поднимает руку вверх, и я вынуждена сдаться, однако не забывая при этом пихнуть его локтем в живот.

- Хорошо, - отступаю я, издав драматичный вздох. - Твоя взяла.

Грудь Алека содрогается от слабого смеха.

- Перестань, нужно было соглашаться, когда я предлагал тебе компромисс. Твоя попытка изначально была обречена на провал.

Закатываю глаза, беззвучно подражая его надменному тону.

- Пульт по-прежнему у меня, - предупреждает он, словно видел только что моё дурачество.

Испускаю ещё один театральный вздох, на этот раз уже окончательно признавая проигрыш, и снова устраиваю голову на его плече. Но от мыслей избавиться не получается, хотя и серия попадает одна из самых захватывающих. Сегодняшний вечер, наполненный спутавшимися противоречиями и впечатлениями, никак не отпускает от рассуждений. И какое-то время мы увлечены молчанием, пока я не чувствую спиной, как грудь Алека замирает на вдохе, удары его сердца становятся всё менее ощущаемые. Он откидывает голову на диван.

- Знаешь, - говорит он на выдохе. - Мне жаль, что в первый день здесь, ты стала свидетелем наших старых обид. Я должен был молчать...

- Всё нормально, Алек, - мгновенно перебиваю его. - Я понимаю.

Алек качает головой, по-прежнему глядя на потолок.

- Я не должен продолжать винить Дама. Он просто переживал за мою реакцию, зная насколько я бываю вспыльчивым иногда. - У него выходит грустная усмешка. - Кто бы мог подумать, что я когда-то это признаю.

Одно мгновение, я не могу выдать и слова, зная, чего стоило Алеку признать, что он неправ. Я поворачиваю голову, наблюдая за его выражением лица. Оно простое, без тени смятений и прочих волнений. Такое, словно ему могло полегчать от собственных слов.

- Обещаю, вечно хранить этот секрет при себе, - пробую я придерживаться иронии, как это делает Алек.

Его глаза яркие и озорные, когда он смотрит на меня из-под ресниц.

- Думаешь, я поверю тебе после всего, маленькая шантажистка? - спрашивает он с искренне прозвучавшей неверующей усмешкой. - Боюсь, за такой компромат мне предложить нечего. - Алек вновь обращает взгляд к потолку, тихо добавляя, так, что я даже не могу разобрать интонацию его голоса. - Предложил бы душу, но она уже твоя, принцесса.

Моё сердце замолкает. Причём по-настоящему перестаёт на один миг стучать, замедляя идущее время вокруг. Не могу объяснить, как действуют на меня его слова. Просто знаю, что хочу слышать подобное постоянно. А ещё знаю, что не хочу, чтобы такой момент разбавлялся с иронией, потому решаю оставить всё так, как есть, и поворачиваю голову обратно.

Взгляд вновь встречает ту самую фотографию, что привлекла мой интерес. Глаза - всё дело в глазах. Их нежный васильковый цвет так знаком... Даже их выражение, эта пленительная доброта, которая так и манит сердце открыться и довериться.

Несс.

Озарение словно яркая молния проносится в моих мыслях. Невозможно быть настолько похожими, если только не является друг другу родственниками.

Кусаю внутреннюю часть щеки, удерживая себя от вопроса, и прислушиваюсь к действиям Алека за моей спиной. Он уже выпрямился, и неизвестно на самом деле ли он смотрит сериал или просто позволяет сменяющимся картинкам отвлекать его от задумчивости. Но в итоге не выдерживаю, решая, что когда-нибудь придётся попробовать узнать больше.

Почему бы не сейчас?

- Алек, - зову его, но голос мой так и не зазвучал уверенно. Боковым зрением замечаю, что он повернулся ко мне, и тогда указываю на фотографию. - Кто эта девушка на фото рядом с Заком, - аккуратно начинаю я. - Мне показалось или она действительно похожа на Несс?

- Это Натали. Она была младшей сестрой Софии, - отвечает он совсем без промедлений, чем сильно удивляет меня. - Так что, тебе не показалось, Несс действительно очень сильно похожа на неё.

В горле встаёт вопрос, и мне требуется секунда, чтобы озвучить его.

- Была?

- Да, - теперь его слова звучат чуть черствей. - Вдобавок, Натали была и женой Зака.

- Ох... - не удерживаю я ошеломления.

Проклятие. Первый же вопрос с моей стороны, и я зарулеваю на то самое минное поле. Мои губы по-прежнему приоткрыты, не знаю, что сказать дальше. Сижу, не шевелясь и надеясь, что сейчас всё забудется. Но Алек продолжает смотреть на фотографию. А

затем искоса на меня, и я замечаю, как черты его лица смягчаются. Он вновь опрокидывает голову на сидение дивана.

- Если ты хочешь что-то спросить, не бойся, принцесса, спрашивай, - озвучивает Алек потерявшим все оттенки интонации голосом.

Но в ответ лишь качаю головой. Пусть что-то внутри меня и подначивает выпалить целый шквал вопросов, это будет чересчур нагло. Ещё давно я пообещала себе: Алек сам решает сколько может мне рассказать.

Молчание растягивается минуты на две, мы оба остаёмся неподвижными, в своих мыслях. Алек так и смотрит в потолок, когда внезапно начинает говорить.

- Натали тоже была Альфой. И они с Заком стали первыми в нашей семье, кого возненавидел отец за их запретные отношения. В принципе, точно также, как и София. - Алек делает паузу, я поворачиваюсь и внимательно слежу за эмоциями на его лице, когда он продолжает. - Помню, как Зак с отцом много ссорились по этому поводу. В любой удобный момент отец не упускал возможности вразумить его, напоминая, что он должен был быть следующим после него, кто займет место лидера. Но Зак никогда не хотел этого, к тому же, он точно не собирался расставаться с Натали, и тогда он решил, что нужно скрыться. Ко всему прочему, к тому времени это было необходимо из-за Натали, когда её начали искать.

Алек временно молчит, и тогда я решаюсь предположить.

- Орден?

Он кивает и даже странно усмехается.

- Натали была прекрасной девушкой, но её нрав ни с кем был несравним. Возможно, Несс унаследовала это от неё, - задумчиво произносит он, на мгновение прерываясь. - Протест с её стороны повлек тогда за собой много проблем для всех, когда она захотела доказать Софии, что её чреватو пробовать переубедить. - Ещё одна пауза, он поднимает голову и что-то в этот миг происходит в его глазах. Они темнеют, взгляд становится холодным. - Зак начал строиться здесь ради Натали. Конечно был период, когда они какое-то время пытались бороться, расходились, а потом он просто взял и увёз её сюда. Год или два от них не было ничего не слышно, но вскоре, он связался с отцом. Сказал, что хочет помириться, и даже построил для него собственный дом.

Мои глаза машинально приходятся по стенам того самого дома, точно также, как и Алек осматривает его. Неожиданно осознаю, что задержала дыхание, когда воздух шумно вырывается из моих легких. Это привлекает взгляд Алека, он выпрямляется и, разворачивая, усаживает меня на одно колено, словно я маленький ребёнок, а он готовится мне что-то поведать. Теперь его взгляд не отрывается от моих глаз, он пристальный и глубокий. На его скулах выступили желваки, создав на выражении лица серьёзную озабоченность. Я понимаю, что на данный момент, Алек обдумывает, что сказать мне. Продолжить или сменить тему, и сама я не знаю, что было бы лучшим решением. Под ложечкой ноет, этот разговор необъяснимо тревожит, чем бы он ни начался, завершится он так и так одним исходом.

Наконец-то Алек принимает решение, это моментально отражается в его глазах - темнота в них становится бездонной, затягивающей.

- Мама любила этот дом и Натали, - говорит Алек совсем не тем тоном голоса, что я ожидала услышать, в нём много теплоты, абсолютно противоположной взгляду. - А мы все очень сильно любили маму, потому без единого возражения ездили сюда на каждый праздник. Казалось, она хотела, чтобы отец помирился с Заком и переключился хотя бы ненадолго с меня на отдых. Но... - Алек тихо качает головой. - Я стал для него единственной надеждой на продолжение нашего предназначения. - Он опускает взгляд, ловя на палец мой локон, и, вспомнив, что Алек уже второй раз делает так при серьёзном разговоре, думаю, что это повод отвлечься от внутренних эмоций. - А с Заком он так и продолжал ссориться буквально всякий раз, когда тот попадался ему на глаза. Однажды они даже подрались, разгромив как только могли бар, и тогда мама приняла решение больше не приезжать сюда, потому что примирить их всё равно не получится, к тому же, Зак являлся для отца напоминанием о разрушенных надеждах, что он на него

возлагал, и от этого его внимание на моё обучение усиливалось...

Алек прерывается, опустив глаза. Он поворачивает мою руку ладонью кверху и что-то долго на ней рассматривает, прежде чем коротко усмехнуться.

– Вдруг, под последний новый год, отец сам предложил нам сюда поехать. Я помню, как радовалась мама и безоговорочно согласилась, потому что думала, что отец наконец-то принял решение брата... Только потом, мы уже узнали, что София попросила его снова попробовать поговорить с Натали. Даже впервые не выступила против, что Несс ехала с нами. Хотела сделать всё, лишь бы Натали пошла на разговор. И конечно отец был только рад ухватиться за такую возможность – Внезапно Алек, словно вспомнив что-то очень забавное, смеётся, затем возвращает взгляд на моё лицо. – И по непонятным причинам, Натали, та самая, что была самым упёртым человеком в мире, решила согласиться. Я не знаю, чем это было вызвано. Причём никто и подумать не мог, даже сам Зак был шокирован её согласием. Но в любом случае, останавливать её не стал, хотя сам ехать не решился, что немудрено, ведь отец даже на него не смотрел. А мама до последнего сомневалась: оставаться нам на праздник или ехать с ними. Но потом Натали ей что-то сказала, возможно попросила поддержать, – не знаю, – но, по-видимому, мама решила, что бросать её одну в окружении двух, одержимых идей, что их с Заком необходимо разлучить, будет неправильным. И они втроем уехали, оставив нас всех здесь...

Алек прекращает рассказывать. Так резко, словно его последние слова, обрываясь, падают сами по себе, и я даже не думаю что-то спрашивать дальше, понимая всё без объяснений. Не думаю шевелиться; дыхание стараюсь держать незаметным. Впервые я вижу Алека другим. Незнакомым. Как он произносит слово «мама», сколько вкладывает в него чувств. Это все слишком непохоже на того Алека, которого я знаю. Даже то, что он рассказывает, не похоже на того Алека. Слишком спокойно, слишком доверительно и открыто. И я мгновенно роюсь в голове в поиске нужных слов. Самых-самых подходящих, что могу сказать. Он этого достоин. Мне нельзя сейчас молчать. Но Алек не даёт мне много думать, спустя всего полминуты он снова говорит. Смотрит на меня ожившим взглядом, словно в нём зажёгся нетерпеливый огонёк чего-то нереально серьёзного.

– Знаешь, принцесса, совсем недавно я наконец-то понял, что Орден заранее знал, что они приедут. У Ордена, по-видимому, всегда кто-то был среди наших людей. И теперь я никак не понимаю, как мой отец, тот, который в жизни не допустил ни малейшего промаха, это упустил. – Алек чётко качает головой. – Это самое странное сейчас для меня. Их ждали, чтобы забрать Натали, и застigli врасплох едва ли машина успела въехать на территорию поместья Вальховской. У Ордена это получилось слишком легко. – Его глаза остро всматриваются в мои. – И ты не представляешь, сколько времени я пытался понять, как у них это получилось. А ответ всё это время находился прямо передо мной – предатель.

Алек вновь качает головой, потирая лицо ладонями. В тот момент, когда он опускает руки на мои колени, и его взгляд устремляется в сторону разбушевавшегося огня в камине, я не могу понять, полыхают ли вкрапление в радужках его глаз или это так ярко отражаются мелькающие искры пламени в них. Он обращает взгляд ко мне. Однако его глаза теперь становятся пустыми, словно огонь выжиг из них за секунду все чувства. Мы молчим кажется целую вечность, просто глядя друг другу в глаза. И в тишине повисает намёк на неопределенность. Вновь отыскиваю в бесконечном, кажущимся сейчас бесполезным, словарном запасе стоящие данного момента слова и наконец нахожу нужные, готовясь озвучить их вслух. Но внезапно Алек прикладывает ладонь к моей щеке, так мягко, что моё сердце невольно замирает, и останавливает мои слова поцелуем, всего лишь лёгким прикосновением.

– Я знаю, принцесса, – шепчет он в мои губы, скользя по ним своими едва ощущаемыми касаниями. – Знаю, что ты хочешь сказать. С недавнего времени, я понял, что твои глаза говорят больше, чем звук твоего сердца, – насыщенная нежность в его голосе наполняет меня хаосом в чувствах, смесью грусти и трепета, и я не знаю, на чём должна остановиться, зажмуривая на мгновения глаза. – Но жалость это единственное, что я ненавижу. Я рассказал тебе всё, потому что ты должна это знать. Чтобы у тебя не было вопросов и недопонимания. – Словам Алека неправильно звучать с такой непринужденностью, но они так легко слетают с его губ, словно он говорит сейчас о самых простых вещах на свете. Он немного отстраняется, перехватывая мой взгляд. – Ты

должна знать, что мой отец был одержим своими обязанностями. И он выбрал попробовать спасти Натали, которая так и так была обречена. Хотя должен был выбрать свою жену, и тогда бы они оба были сейчас живы. – Чувствую, как слёзы, обжигая глаза, норовят вырваться наружу, но не смею себе этого позволить. Если Алек может бороться с эмоциями, то я подавно должна быть сильнее. Тем более, когда его губ касается незначительная улыбка. – Отец не заслуживал матери. Она была как якорь всего хорошего в нашей семье, умела сгладить любую ситуацию, прекратить спор. И если бы не она, отец бы стал по-настоящему жестоким, развязав войну с Орденом, как только занял своё место в совете. Мама – единственное, что его сдерживало все эти годы. Потому я не понимаю, как он мог пожертвовать ею, и никогда не прощу ему этот выбор. Знаю, что для него было так же важно, что Натали жена его брата, и он попросту не смог бы смириться, что не попытался, но... – он резко качает головой, – никогда бы не поступил так, как поступил он. Раньше, возможно, я просто успокаивал себя этим, но, благодаря моим чувствам к тебе, знаю, что осуждал его справедливо. Мне плевать на весь мир и на его мнение... – Алек поднимает руку к моему лицу, плавно проводя большим пальцем по линии моего подбородка, пробуждая миллионы невыразимых ощущений. Взгляд его глаз так быстро теплеет, зажигается и наполняется яркостью, когда он обращает его к моему. Улыбка на его губах тает, становясь слегка лукавой. – Пусть он хоть сгорит дотла в адском пламени, если тебя не будет в этом мире, Лена, он теряет для меня всё значение...

Я не выдерживаю. Столько чувств, столько эмоций, признаний и слов, что они разрывают меня, словно не могу оставаться в собственной коже и мне необходимо просто сделать хоть что-нибудь. Сердце тарабанит по груди так громко, как капли косоного ливня стучатся в окно. Пальцы цепляются за ворот его футболки и, притягивая Алека ближе, с отчаянной нуждой впиваюсь в его губы. Не знаю, правильно ли было это делать, такое впечатление, что я просто теряю контроль, не спрашивая, чего хочет он. Но сам Алек ни на секунду не теряет, он целует настойчивее, с ответным желанием, не упуская возможность получить ещё больше, словно я утоляю сейчас неимоверно изводящую его жажду. Все это действует на меня сильнее, влияет и заставляет целовать его до головокружения, потери разума и темноты в сознании, позволяя себе полностью раствориться в Алеке.

Поцелуй длится несколько коротких мгновений. Контроль над эмоциями возвращается так же быстро, как был потерян. Останавливаюсь, не открывая глаз, и оставляю ещё один лёгкий поцелуй около его губ. Чувствую, как Алек глубоко вдыхает, касаясь носом моей кожи на лице, его губы продолжают скользить по ней, обжигая все мои нервные окончания. Внутри меня всё трепещет, и дрожь проступает наружу. Мои пальцы вновь небрежно сжимают ткань его футболки. Прислоняюсь своим лбом к его, открываю веки и его глаза оказываются очень близко к моим. На удивление в них только тлеющий жар, скрывающий всю его внутреннюю уязвимость.

Я по-прежнему не знаю, правильно ли было целовать Алека в такой момент, но в моём сердце томилось так много боли, накопленной всего за одни сутки, и она разрывала его, что получить другие эмоции казалось таким идеальным решением. Но ответ на мой вопрос ближе, чем я думаю. Мой взгляд ненароком падает на губы Алека вновь, и я обнаруживаю там улыбку – лёгкую, манящую, самую настоящую, что я люблю больше всего на свете. Уголки моих губ невольно поднимаются вверх, не способные устоять перед ней.

Наши взгляды снова встречаются, но мы продолжаем молчать. Тридцать секунд, сорок, и даже целую минуту. Затем Алек немного отстраняется, и его взгляд косится за мою спину.

Он хмыкает.

– Серия закончилась, – сообщает Алек таким тоном, словно его данный факт действительно расстраивает. – И стоило так бороться за этот сериал, если вместо того, чтобы смотреть его, ты набрасываешься на меня с поцелуями?

Искренняя заинтересованность охватывает его черты лица, когда он возвращает ко мне взгляд. Я усмехаюсь, мотнув головой, и смотрю украдкой на телевизор.

– Я видела предыдущую серию множество раз, а вот следующая по-настоящему интересная, – отвечаю я, уже устраиваясь обратно лицом к телевизору. – Так что, я

просто оттягивала до неё время.

Теперь усмехается Алек.

- Вот, значит, как? То есть, получается, я выступил сейчас всего лишь, как средство, оттягивающее время?

- Ага, - без каких-либо сомнений соглашаюсь я.

- Ты не представляешь, принцесса, сколько у тебя дурных манер, - будто причитая, говорит он. - Мне жизни не хватит, чтобы перевоспитать тебя.

Я дёргаю Алека за руку, и он смеётся, тем самым звуком, что никогда не устану слышать. Однако руку его не отпускаю.

- Т-шшш. Серия начинается, - напустив серьёзности, ворчу я.

- Хорошо. Займёмся перевоспитанием с завтрашнего дня.

Закатываю глаза, но благо, Алек не видит мою расплывающуюся улыбку, иначе бы, не дай бог, подумал, что меня прельщает идея о перевоспитании. Затем я на самом деле пытаюсь сосредоточиться на сериале, у нас как всегда хорошо получилось вернуть обстановку в прежнее русло, но в действительности всё изменилось. Каждая клеточка моего мозга теперь воспринимает окружение по-другому, чего бы оно ни касалось. Сжимаю руку Алека сильнее, знаю, и всегда знала, что он не любит проявление любого рода сочувствия, но что-то внутри подсказывает, что так надо. И он отзывается, немного разворачивая ладонь и переплетая свои пальцы с моими. Алек притягивает меня, заключая со всех сторон в объятия. Руками, ногами, так, что я оказываюсь в колыбели его тела. И когда я кладу голову на его плечо, практически уверена, что мне потребуется совсем ничтожное количество времени, чтобы уснуть. Но вес сегодняшнего дня слишком тяжелый, и мне просто хочется, чтобы следующий день наступил, как можно скорее.

Надеюсь, ночь заберет с собой, как можно больше боли, ведь именно она превращает худшее «сегодня» в лучшее «завтра».

Глава 14

«Кровь за кровь»

Босые ноги стоят прямо над надписью на снегу. Это кровь. Свежая, только начинающая превращаться в маленькие замерзшие рубины, кровь. Она не моя, но я знаю, за что пролита эта.

Холодно, здесь всегда так холодно, словно я оказываюсь раз за разом запертой в ледяной могиле. Воздух вокруг мёртвый, не движущийся. У него нет запаха, только один привкус ржавчины.

Картина знакома: сейчас по идеи я уже должна сворачивать вправо, чтобы встретиться с мамой, как и в предыдущие дни, но сегодня я отчего-то знаю, что моё место здесь. Игнорировать звук её голоса с каждым разом даётся сложнее. Она там, зовёт меня, и я так хочу идти к ней... Но меня держат эти слова. Что-то говорит мне, что в них весь ответ. Я всматриваюсь в буквы на снегу интенсивней, до тех пор, пока голова не начинает болеть от напряжения.

В них весь ответ.

Крики матери становятся всё истошней. Она просит меня спастись, и я понимаю, что пора бежать к ней. Настаёт тот самый момент, на который я никогда не могу повлиять, как бы я ни старалась бороться. И я бегу, лёд под ногами режет голые стопы, но я всё равно бегу, хотя уже поздно.

Я застаю одну и ту же картину...

Мамина кровь стекает с её повисших рук, перерезанных на запястьях, её горло разодрано, тело застыло в неестественной позе, в открытых глазах стоит ужас, она всё ещё шепчет и шепчет, и шепчет...

Глубоко внутри меня пробует зародиться мощное чувство боли, но я его больше не впускаю. Пережив этот момент столько раз, я осталась опустошённой.

Она всё равно умирает. Как бы я ни кричала, как бы ни молила, как бы я... она всё равно умирает. Моё горло сдавливает спазмом, подступающих слёз; в них нет смысла – это просто вода, которая не выразит то громоздкое чувство, что распирает мою грудь, и которое на этот раз я игнорирую. Сдерживаю что есть мочи, оставаясь до жути тихой.

Я пытаюсь разобрать её почти призрачный шёпот.

– Кровь за кровь, кровь за кровь, кровь за кровь, – продолжают повторять её мёртвые, синие губы, и мелкая дрожь пробегается по моей спине.

Это то самое, что я раньше не слышала, заглушая всё собственными криками.

Но... наконец, спустя столько времени, я понимаю их смысл.

Слева раздаётся рычание и из темноты на меня смотрят десятки красных глаз. Первородный страх затопливает меня так, что я переполнена им, ощущая себя парализованной. Я знаю, что сейчас будет. Боль, одна боль. Надо бежать, но здесь я беспомощна: без воли и выбора, какие бы усилия ни прилагала, я всё равно остаюсь неподвижной, даже если меня разрывают за живого на части...

В тот момент, когда на меня внезапно кто-то набрасывается, я точно знаю, что от них ни у кого не будет спасения.

Это мы виноваты.

Это мы выпустили их.

Кожу дерут когти. Моё горло, руки и грудь; бесконечно, заставляя кричать и кричать, ощущая, как захлёбываюсь собственной кровью, пока мой крик наконец не утопает в кромешной тьме...

Меня выбрасывает из сна, словно кто-то швыряет тело об стену. Горло по-прежнему жжёт, а кожа покрыта холодной влагой. Я пропитана адреналином и ужасом, и никакое глубокое, равномерное дыхание не помогает усмирить тяжёлое сердцебиение. Мне больше не страшно, но мозг не может отойти от таких ярких картин. Всё настолько реалистично, словно сон высекли в моей памяти.

Оглядываюсь по сторонам: Алека, как всегда, уже нет. Это хорошо, он не должен застать меня в таком виде, дабы избежать объявления новой тревоги. Не сейчас, когда всё настолько хорошо для него. Он привык оставаться расслабленным, настоящим, когда его ежеминутно не терзает чувство опасности. И у меня довольно легко получалось его обманывать всю прошедшую неделю, притворяясь спящей, когда он собирался на пробежку. Но сейчас я не хочу притворяться. Мне не хватает духу даже просто закрыть глаза, боясь больше с этим не справиться.

В темноте сидеть неудобно, не после того, как она начала ассоциироваться с красными глазами повсюду. Возможно, так надо мной шутит моё подсознание, вырисовывая во снах самые худшие страхи. Но что-то во всём этом имеет чёткий признак реальности, словно это вовсе и не сон, а страшное воспоминание.

Встаю и прохожу до выключателя, чтобы зажечь свет. С ним сразу становится лучше. Взгляд машинально обращается к окну, чтобы удостовериться в том, что я и так знаю. Крупные хлопья снега проносятся мимо стекла по ту сторону, продолжая засыпать Долину белоснежным покрывалом. Именно со снегом пришли мои кошмары, до этого две недели, прожитые здесь, я действительно считала это место настоящим раем, каковым его и называла, когда Алек подшучивал, что я как спящая красавица начала спать до

обеда. Тогда я сказала ему, что тут просто нет поводов для беспокойства и вечной спешки, чтобы любым способом занять время, лишь бы убить скуку. Здесь только одно ощущение полноты жизни.

Я непроизвольно съёживаюсь. Правильнее сказать – не было, и за последнюю неделю я спала от силы часов двадцать, если не меньше. Пытаюсь оттолкнуть вновь вспыхивающие образы из моего сна подальше, всё моё тело каждый раз напрягается, словно я снова и снова ощущаю на себе тот леденящий холод. Но холод остаётся глубоко во мне, в моих изнывающих костях, даже если я стараюсь изо всех сил побороть это чувство. Сейчас поможет только душ: обжигающий кожу и расслабляющий мышцы; даже с кошмарами со временем привыкаешь сосуществовать, если оставаться к ним равнодушной.

Не то чтобы это был полностью мой случай, но, по крайней мере, я научилась игнорировать этот сон, не смотря на то, что он похоже высосал все мои жизненные силы.

В душе я нахожусь недолго. За последние три дня Алек возвращался в одно и то же время, поэтому я спешу одеться и сварить кофе к его приходу.

Целая тонна снега опадает с капюшона Алека, когда он, переступив порог, снимает его с головы. Кажется, он немного удивлён моему присутствию в кухне в столь раннее время. Несколько хмурый вид взбирается на выражение его лица.

– В раю поменялся режим, и теперь ангелы просыпаются раньше?

Щёки обжигает теплом в ответ на его вопрос, и я улыбаюсь ему поверх кружки.

– И тебе доброе утро! – пытаюсь ускользнуть я от объяснений.

Мне стоило подумать заранее, что говорить ему, зная, что для него любой повод для беспокойства, как красная тряпка для быка.

Алек снимает куртку и вешает её на петлю, а когда поворачивается, склоняет голову в бок. Его вид продолжает быть недоверчивым.

– И чем же я заслужил утреннее кофе от самой «спящей красавицы»?

– Ха-ха, – отзываюсь я без веселья, – Можно просто сказать спасибо.

Пока Алек приближается к кухне, я пытаюсь смотреть только в свою кружку. Мне не нравится, как неодобрительно взирают на меня карие глаза. Я знаю этот взгляд, когда кажется, что Алеку известно всё, таящееся в моей голове.

Он встаёт надо мной, и мне приходится поднять взгляд на него, стараясь казаться не такой уставшей и измотанной. Но меня выдают вялые движения, мысли рождаются в голове слишком лениво, в глазах теперь отображается истина, которую я не могла отыскать всю прошедшую неделю.

Мы сделаем что-то ужасное.

Я растягиваю губы в вынужденной улыбке.

– Как пробежка? – мой голос слишком уверенный и бодрый, чтобы заставить Алека чуть расслабиться.

Он отвечает с промедлением, пытаюсь до последнего уличить меня в обмане. Но в итоге сдаётся.

– Неплохо, – говорит он и, оставив быстрый поцелуй на моей щеке, проходит до холодильника, чтобы взять из него бутылку с водой. – Кстати, раз теперь мы знаем, что на умеешь просыпаться раньше, могла бы присоединиться ко мне.

Он отпивает воды и искоса наблюдает за моей реакцией, когда я оборачиваюсь через плечо.

– Чтобы лазить по горам и пытаться свернуть себе шею? – качаю головой. – Спасибо, но я воздержусь.

Алек издаёт протяжное «хम्म», словно взвешивает в уме мой ответ, а после воцаряется продолжительная тишина. Не могу никак отделаться от мысли, что обманывать плохо, даже если я затеяла это из благих намерений, но меня подкупает спокойная жизнь. Нормальная жизнь, словно мы обычные люди, которой мне так не хватало в последние месяцы. Пусть меня и преследуют кошмары, переполненные кровью и монстрами, существование которых вполне может быть реальным. Так проще. Я надеюсь, что если игнорировать проблему, то она просто перестанет существовать. Было бы идеально...

Я вновь отсеиваю все всплывающие образы, молчание нагнетает, в воздухе витает слишком много недосказанности. Перевожу взгляд на Алека и отыскиваю тему для разговора, которая сможет отвлечь его от подозрений. Его поза, едва ли не возвышающаяся надо мной, действует немного на нервы.

- Кофе? - предлагаю я ненавязчиво мягким голосом, чтобы это не выглядело так, будто пытаюсь к нему подлизаться.

И Алек мгновенно оживает.

- Не сейчас, - отказывается он. - Сначала в душ, потом я присоединюсь к тебе.

Он делает ещё пару глотков воды и ставит бутылку обратно в холодильник. Напряжения в нём как ни бывало, словно он понял сам, что ведёт себя слишком недоверчиво, и я получаю противный укол вины, что воспользовалась этим.

Пытаюсь увести глаза подальше, когда он проходит мимо меня, ощущая себя по-прежнему скверно, как вдруг меня перестаёт всё это волновать.

Алек начинает рассказывать что-то про Дамьяна, останавливаясь возле дивана и поворачиваясь полубоком ко мне. По крайней мере, я думаю, что он говорит про него, улавливая только обрывками: Дам и лыжи; так как Алек стягивает с себя футболку и отбрасывает её на спинку дивана.

Мой пульс учащается, и я тяжело сглатываю.

Не то чтобы я его никогда не видела... Нет, это именно то. После того единственного случая в моей комнате, когда мы проснулись первый раз вместе, был всего один, но тогда было темно, да и занята я была только тем, что обследовала наощупь его тело. Больше мы не переступали этих границ ни разу. Мы не искушаем себя напрасно, оставаясь предусмотрительными во всех планах, то, как мы себя сдерживаем, почти сверхъестественно, стараясь избежать соблазна всеми способами.

Поправочка - старались...

Алек продолжает что-то говорить, но это всё слишком далеко от моего сознания. Каждый миллиметр меня сосредоточен на том, как выделяются его мышцы, когда Алек тянется всем своим гибким телом, подняв руки над головой и сложив пальцы в замок. Снова сглатываю и моргаю, но всё проходит безрезультатно. Мои глаза жадно впитывают в себя очертания изгибов и линий его спины, чёрных закрученных узоров, изображённых на левом плече и лопатке... и неожиданно его груди.

На несколько чересчур гулких ударов моего сердца в воздухе только тишина и невероятно высокая температура.

- Принцесса, - будто недоумевающая и одновременно возмущаясь, зовёт меня Алек.

Было бы легче выколоть себе глаза, чем оторвать их от его торса. Но - чёрт - очевидно это я сейчас и делаю.

- Ммм? - выдаю я заинтересовано, словно вовсе и не пожирала его взглядом.

Алек щурится на моих глазах с мгновение, пока странная озадаченная ухмылка взбирается на его губы.

- Ты смотришь на меня, как на... как на тело... а это, знаешь ли, немного смущает меня.

И если бы я умела думать, прежде чем говорить, наверняка, попробовала бы себя

оправдать. Но я сдаю себя по полной программе.

- В свою защиту могу сказать, что смотрю я сейчас на очень даже сексуальное тело.

Алек точно так же, как и я, не верит, что только что заявила подобное вслух. Его лицо становится удивлённым, однако своё удивление Алек явно находит приятным для себя открытием; весьма самодовольная улыбка медленно тянет уголок его губ вверх.

Я же больше не имею власти над своим разумом, испорченность всего мира в этот момент выбирает атаковать именно меня, заставляя глаза бесстыдно продолжать странствование по его телу.

Вниз... и ещё ниже... и мой пульс учащается.

Да так, что готов прямо в эту секунду побить все рекорды по скорости. Пояс его спортивных штанов опустился неприлично низко, обеспечивая мне тёплое местечко в аду за вызываемые мысли. Они слишком громкие, и сердце моё стучит слишком громко, и температура воздуха... - дьявол, ещё немного, и я точно поверю, что попала в ад.

- Алек, - произношу я заплетающимся языком, намекая, что гормоны уже не оставили в покое ни единую часть моего тела.

Звучит короткая усмешка со стороны Алека, и я так увлечена фантазиями, разглядывая его пресс, что замечаю летящую в меня футболку только тогда, когда она оказывается прямо перед глазами, а затем и на моём лице.

- Просмотр демоверсии окончен, - весело подраживает Алек. - А чтобы продолжить его, приобретите, пожалуйста, лицензионную версию.

Даже несмотря на то, что моё лицо по-прежнему закрывает его футболка, всё равно закатываю глаза, да и улыбку удержать не получается. Однако, когда я стягиваю её, Алек уже находится в ванной, а все мои мысли занимает вопрос: где бы приобрести эту лицензию.

К обеду мы с Несс добираемся до соседнего города, расположенного всего в получасе езды на машине от Долины. Наша поездка была запланирована заранее, правда, Алеку эта идея пришлась не по душе из-за ухудшения погодных условий. Снег очевидно посчитал, что у сугробов не может быть предела, засыпая землю с новыми силами. Поэтому Алек отдал ключи от машины весьма неохотно, и то только с условием, что за рулём будет Несс, так как он посчитал, что выгляжу я в последние дни слегка уставшей. Я не стала спорить, учитывая уровень заснеженности и моего водительского стажа, его опасения были оправданы. Сами ребята, напротив, обрадовались несносной погоде, убеждая, что более экстремального катания на лыжах точно не придумаешь. Мы с Несс не возражали, к тому же, это была ещё одна причина, почему в итоге нас отпустили одних.

Но я никогда бы не подумала, что затея прогуляться с подругой по магазинам может быть едва ли невыполнимой. Усилившись, снег неразборчиво бьёт крупными хлопьями прямо в лицо, исключая любые попытки хоть как-то увернуться от летящих гигантско-снежинок. Забавно, учитывая то, что обычно я люблю, когда идёт крупный снег, но сейчас кажется кто-то не пожалел для него сыворотки роста, превратив во что-то опасное для жизни.

Колокольчики приветственно звенят над моей головой, когда я открываю дверь небольшого книжного магазинчика. Несс толкает её следом, ворча, что стоило сначала оставить пакеты с только что купленной одеждой в машине, а не таскать их везде за собой. Но думаю, что если бы мы сначала дошли до машины, то до книжного вряд ли захотели добраться. Ну, уж нет, я протаскалась за Несс больше двух часов, ни разу не возмутьившись, не для того, чтобы потом уехать отсюда с пустыми руками.

Мне нужны были книги. Много. Столько, сколько могла унести. Алек не раз настаивал на том, чтобы я чаще выходила из дома, а не отсиживалась, прячась за книжкой, но он не понимал главного. Снег, лес и камин - пожалуй, три самые заветные мечты заядлого книжного маньяка. Ну и кружечка какао в совокупности с остальным, несомненно,

возводила это место до уровня Рая.

Несс тоже выбирала для себя книги, хотя и отдавала большее предпочтение нон-фикшну, а не всевозможным романам, как я. Но так у нас находилось взаимное желание погулять среди книг, не торопя друг друга и дёргая, что было в мою прошлую поездку с Алеком, который, в итоге не выдержав, отправился ждать в машину, присылая мне через каждые пять минут смс.

Да, я определённо была рада, что сегодня он остался в Долине.

Пока Несс направляется к кассе, я ещё на какое-то время задерживаюсь у стеллажа, раздумывая брать четвертую книгу или нет, как неожиданно меня передёргивает, словно по затылку начинает сползать липкая холодная жидкость. Совсем необъяснимая тревога, заставляющая внутренние ощущения мгновенно наостриться с правого боку, и меня одолевает дикое желание повернуть в том направлении голову, но одновременно что-то и держит, не советуя делать этого прямо сейчас.

Ставлю книгу на место и, изобразив заинтересованность к соседней полке, двигаюсь вдоль стеллажа, бросая мимолетный взгляд на застеклённую витрину. Образ искажается заметающим косым снегопадом, что разглядеть досконально не получается, но неподвижный тёмный силуэт видно отчетливо. Прохожу ещё немного вперёд и беру первую попавшуюся книгу, делая вид, что изучаю обложку.

Пульс на моей шеи начинает биться в десяток раз быстрее, но это не мешает мне сосредоточиться. Не понимаю, откуда во мне вдруг находится столько решимости, в прошлом я предпочла бы уже уноситься со всех ног. Сейчас же, несмотря на все предостережения внутреннего голоса, уверена, что должна разобраться. Не хочу, чтобы снова имелись причины чего-то опасаться. Спокойствие слишком шикарная вещь, с которой не желаю прощаться из-за какой-то там очередной разыгравшейся паранойи.

Смотрю исподлобья, внимательно прислушиваясь к окружающим звукам. Это молодой мужчина, явно выделяющийся своим полностью чёрным обликом при такой невероятной белизне. Он неподвижен, его сердцебиение умеренное, не похожее на то, что его что-то в этот момент может беспокоить. Однако он точно смотрит в упор на меня. Не волнуюсь и совсем не переживая, что может быть замечен, потому что как раз этого он и добивается. Но я изображаю полную незаинтересованность, словно за окном, кроме воздуха, ничего нет, и ставлю книгу на место. Сжав пальцы в кулак, выдыхаю и неспешным шагом направляюсь к кассе, где меня уже с нетерпеливым видом ожидает Несс.

Пока я расплачиваюсь за книги, вновь бросаю взгляд через плечо, но за витриной больше никого нет. Возможно ли, что мне могло все показаться? Или я снова набралась слишком много мнительности, заскучав по старым временам?

Однако, беспокойство не исчезает даже на улице, и, двигаясь по узкой пешеходной дорожке прямо за Несс, я не перестаю оглядываться.

«Тебе показалось», шепчет надежда. Прошло три недели, если бы кто-то и знал, где мы находимся, не стали бы выжидать, оставаясь в тени. Но то, что я чувствую своим нутром, считает иначе. Противный ком в груди мешает дышать. Постепенно нервозность охватывает меня, оседая в душе всё глубже и глубже. Это не та тревога, которая кажется необъяснимой. У неё имеется твёрдая уверенность, что сейчас лучшее время постараться добраться до машины быстрее. Если бы это действительно помогло...

Вновь оборачиваюсь, замедляя шаг и немного отставая от Несс, когда меня внезапно сотрясет от неожиданного столкновения, и острые края книги врезаются в грудь. Вздвогнув, роняю книги прямо на снег и сразу же приседаю, чтобы страницы не испортила его влажность, но вижу руку, облачённую в чёрную кожаную перчатку, которая поднимает выпавшие две книги вперёд меня.

Сердце останавливается. Взгляд напротив моего забирает воздух из лёгких, посылая по позвоночнику дрожь. Глаза цвета раскалённой стали, внимая, пожирают мои очень сосредоточенно.

- Осторожнее, - почти шепчет тот самый незнакомец, наблюдающий за мной в магазине,

а теперь находящийся передо мной.

Он протягивает мне руку с книгами, и, когда я забираю их из его руки, мне кажется, что на самом деле принимаю гнилое яблоко. Медленно встаю под его неотрывно цепляющийся за мои глаза взгляд и тяжело сглатываю.

- Спасибо, - отвечаю я, но слово сходит с языка с таким трудом, что обжигает его.

Всё во мне кричит, что неправильно благодарить его. Это чувство не преодолимо, я не могу ошибаться.

К моему везению, минуя неизвестную реакцию, что мог выдать мой разум, меня спасает Несс, появляясь рядом. Словно ощущая моё недоверие, она буравит мужчину озлобленным взглядом. Может ли она чувствовать, что в действительно источает его необъяснимо-довольная ухмылка на губах, когда он хочет казаться вежливым?

- Ты в порядке? - спрашивает Несс, внимательно осматривая меня.

- Да, - мгновенно отзываюсь я, и она больше не медлит.

Несмотря на десяток пакетов в её руках, Несс цепляет меня под локоть, и мы быстро обходим мужчину, остающегося до последнего неподвижным. Сколько бы раз я ни оглянулась на него, он продолжает стоять, просто наблюдая, как мы удаляемся.

- С тобой точно всё хорошо? - вновь интересуется Несс, забираясь на водительское сидение.

И теперь не получается скрыть дрожь, когда я протяжно выдыхаю, но удаётся хотя бы натянуть равнодушие на выражение своего лица.

- Да, конечно, - поспешно выдаю, чтобы она ничего не заметила в моём голосе.

Хмурый вид Несс сообщает мне, что актриса из меня никудышная.

- Просто... - она заводит мотор и включает заднюю передачу, - ты выглядишь так, будто увидела приведение.

Я нервно усмехаюсь, потому что она не представляет, насколько близко попадает в цель. Но лучше ей об этом не знать. Я не уверена, что вообще стоит кому-то об этом знать.

Небрежно пожимая плечами, улыбаюсь, но губы по-прежнему косит от чрезмерной нервозности.

- Всё хорошо, Несс. Я не много устала. Ты разве, нет? - это попытка отвлечь её на другой разговор.

И у меня без труда получается. Издав преувеличенный вздох, Несс наконец приводит машину в движение и поддерживает мою тему. К концу пути она и вовсе забывает, что сегодня вообще что-то произошло, и даже не обращает внимание на моё поведение, когда я всю дорогу то и делаю, что настороженно осекаюсь по сторонам и вглядываюсь в каждую возможную щель. Никого нет, поэтому к тому моменту, когда мы приезжаем обратно в «Долину», я всё же начинаю думать, что мне это просто причудилось.

Спустя два часа я так и не рассказываю Алеку о случившемся в магазине. И спустя четыре часа я по-прежнему остаюсь безмолвной. Совесть, будь она проклята, грызет меня, призывая поговорить с ним и всё рассказать.

Он будет зол. Крайне зол, что я предпочла столько времени утаивать. Но я не могу, каждый раз, когда уже подбираю нужные слова, меня сбивает с пути его невероятная улыбка. Мне больно даже просто думать, что я стану причиной её исчезновения.

Потому что его настрой - единственное, за что я держусь. Только его счастье наполняет меня радостью и становится причиной улыбаться. Кто бы мог подумать, что самые простые вещи в мире в действительности являются самыми дорогостоящими. Бесценными.

Наверное, по этой же причине, я так и не смогла рассказать Алеку то, что поведал мне Марко о моих глазах. И об одном его предположении, а теперь, как мне уже точно известно, некой способности, которую за три недели смогла проверить несколько раз.

Я умею убеждать. На самом деле, я могу заставить человека делать то, что попрошу, всего лишь коснувшись его своими ногтями. И это не кажется естественным даже для нашей природы. Потому-то я сохраняю молчание. К тому же, какого это будет признаться, что тогда Алек был прав, говоря, что им кто-то управлял?

Слишком много я накопила причин, чтобы он смог во мне разочароваться раз и навсегда. Став причиной его постоянного беспокойства. Став причиной всех его проблем.

Имела ли я на это право? Сомневаюсь.

А теперь мне ещё и кажется, что наступает фатальный предел всего возможного. Словно что-то нереально плохое находится прямо за углом. Оно ждёт, как самый смертоносный хищник, готовый вот-вот напасть.

И я понятия не имею, сколько остаётся до этого времени. Секунда? Час? Или же сутки? Просто знаю, что скоро.

Потому, кто сможет осудить меня, что я предпочитаю оттягивать момент потерять самое хорошее в своей жизни? Даже моя совесть бессильна перед такими убеждениями. Я выбираю продолжать молчать. Завтра, клянусь я себе. А сегодня... я выполняю то, что попросил меня утром Алек и отправляюсь со всеми в бар Зака.

В выходные он становится буквально резиновым, вмещая в себя столько народу, учитывая начавшийся горнолыжный сезон. И хотя здесь и обитают несколько полукровок, остальные приезжие в основном обычные люди.

Люди, от компании которых я уже успела настолько отвыкнуть, что иногда сдерживать свои силы даётся не так просто. А ещё от нахальных взглядов я тоже успела отвыкнуть, в отличие от Несс. Это девушка, клянусь, состоит из чистой доброты и милости, вежливо отсылая всех, кто временами к нам подкрадывается. Она умудрилась вытащить меня танцевать и больше не отпускает, отговариваясь тем, что тогда ей будет сложнее отделаться от желающих познакомиться, если останется одна. Это работает, потому что я солидарна с ней, что парней не хочется втягивать в бессмысленные разборки.

Сами они помогают Заку по бару, обеспечивая своевременную поставку выпивки и продуктов со склада и порядок в заведении, хотя он и нанял на весь сезон несколько работников. Мы с Несс тоже вызывались помочь, но от нас тактично отказались, объяснив тем, что попросту в этом не нуждаются, но именно по данной причине нам приходится самим придумывать себе развлечения.

По словам Зака, в этом году желающих провести время в Долине стало намного больше, поэтому ему даже пришлось отказаться от своей фирменной фишки, так как за всеми уследить у него не получается. И то правда, здесь собралось столько народу, что воздуха на всех не хватает. И где-то ближе к одиннадцати я всё же беру перерыв, отправляясь на улицу подышать.

Проходя по веранде мимо нескольких человек, бурно разговаривающих между собой, я закутываюсь в куртку и сворачиваю за угол, где никого нет. Взбираюсь на перила и перевешиваю ноги через них, устраиваясь возле угловой перекладины. Здесь спокойно, и даже некоторые бродящие туда-сюда люди не могут нарушить присутствующее в самом воздухе умиротворение. Мне нравится это ощущение, полного отсутствия городской суматохи, и каждый вечер я себе об этом напоминаю, выбираясь на улицу, чтобы посидеть в тишине, когда до мыслей добирается тоска по родителям. Или же как сейчас, когда произошедшее днём мешает отвлечься.

- Интересно, - раздаётся с боку от меня приглушённый голос Алека, и я оборачиваюсь на него, благодарная, что он избавился от привычки пугать меня неожиданностью. - Мне полагается компенсация за нарушенное обещание? - спрашивает он, упираясь локтями в перила возле меня и глядя перед собой. - Если да, то я предпочитаю, чтобы ты их почаще нарушала.

- Это в зависимости от того, какого рода компенсации ты ждёшь?

Алек делает вид, что задумался, медленно поднимая уголок своих губ в хитрой ухмылке.

- Хммм, - протягивает он, а затем, выпрямившись, подходит ко мне и обнимает за талию, встав за моей спиной. - На всё, что касается тебя, принцесса, у меня одна валюта - много-много поцелуев.

Я улыбаюсь и кладу голову на его плечо.

- Звучит заманчиво, но смею тебя разочаровать - я не нарушала своего обещания, а всего лишь вышла подышать свежим воздухом.

Алек бесшумно усмехается, но тему дальше не продолжает.

- Там стало довольно опасно находится: Несс метит громом и молниями, что Дам едва ли не врезал одному бедолаги. - Звучит ещё одна усмешка. - Я рад, что ты вовремя улизнула оттуда и мне не пришлось разделить участь брата.

Я же не разделяю энтузиазма Алека и прикрываю лицо руками.

- Боже... это я виновата, что оставила её одну.

- Это вряд ли, парень уже изрядно поднабрался, - спешит оправдать меня он. - Его бы даже стена не остановила от желания с ней познакомиться. - Алек пожимает плечами в неопределённости. - В любом случае, всё закончилось хорошо, и никому не понадобился гроб.

Я слегка шлёпаю Алека по его руке, когда он начинает смеяться.

- Не вижу здесь ничего смешного, Алек. Ты знаешь, как я отношусь к подобным твоим шуткам.

- Не я виноват, что люди переходят границы, не задумываясь о последствиях, - он говорит это серьёзно, показывая своё отношение к сказанному. - Можно нарваться на *того, кто* не сможет себя контролировать.

Я понимаю, на что намекает Алек. Их сила и эмоции иногда не поддаются голосу разума. Просто эта тема мне по-прежнему досаждаёт. Мысли не останавливаются на одном перепившем парне, они уходят дальше и снова умудряются задеть во мне что-то неприятное. Дремлющее, но не забытое.

На наших руках останется много крови невинных.

По плечам пробегает дрожь, и я морщусь, стараясь отмахнуться от всплывающих образов. Сама не понимаю, что всё это значит, но меня продолжает пробивать озноб от дурного предчувствия, сжимающего моё нутро. Алек это замечает и сильнее оборачивает руки вокруг моей талии.

- Ты замёрзла? - от его дыхания, вблизи моей шеи, на меня набегают лишь новые мурашки.

Я так сосредоточена на этих ощущениях, что тяну с ответом, стараясь забыть в них, а затем слабо киваю, но выглядит неправдоподобно, поэтому Алек внезапно решается дать мне понять, что всё замечает.

- Не хочешь, наконец, поговорить о том, что с тобой происходит?

У меня сдавливают горло. Застигнутая врасплох, целую минуту я подбираю правильные слова, чтобы объяснить с ним именно сейчас, но в итоге просто качаю головой.

Алек протяжно вздыхает.

- Хорошо, - молвит он, но ничего такого подобного он не имеет в виду.

- Алек, дело не... - не находя, что сказать, я мотаю головой. - Я просто пока сама ничего не понимаю. Хотелось бы мне для начала разобраться в себе, но... ничего не выходит.

Не знаю, что действует на Алека больше: мой заблудившийся в поисках истины взгляд, когда я смотрю ему в глаза, или мой тусклый, неуверенный голос, но неожиданно он меняется в выражении лица.

- Уйдём отсюда? - мой рот почти сразу открывается, чтобы запротестовать, но он качает головой. - Не домой, я давно хочу тебе кое-что показать.

Мои брови собираются на переносице, когда на губах Алека расцветает загадочная улыбка.

- Давай, - он отходит и протягивает мне руку, - перебирайся сюда.

- А как же Зак? - спрашиваю я, взяв его руку и спрыгнув с перил. - Разве тебе не нужно ему помочь?

Алек без намёка на совесть пожимает плечами.

- Это не я ему задолжал, а Дам. Думаю, они справятся без нас.

Ещё секунду я сомневаюсь, ощущая неловкость перед Заком, Дамьяном и Несс, но чем дольше смотрю в зажжённые чем-то удивительным глаза Алека, тем меня это всё менее интересует. Я киваю и вкладываю свою ладонь в протянутую ко мне руку Алека, и он ведёт меня за собой.

Мы идём недолго по едва вытоптанной узкой дорожке, углубляясь всё дальше в лесную чащу, пока она внезапно не заканчивается, а перед нами появляются горы. Вблизи одной из них виднеется тёмное, среднего размера строение. Мы направляемся прямо к нему, и, походя ближе, у меня получается разглядеть за ним клубы пара, плавно взмывающие в воздух.

С непониманием я поворачиваюсь к Алеку, но тот лишь ухмыляется, продолжая вести меня вперёд. Когда он поднимается на единственную ступень и включает свет на крыльце, мне становится всё очевидно. Это ещё один небольшой жилой корпус, нынче пустующий, исходя из полной тишины в нём, и я даже не уверена, что мы можем здесь делать, когда он находится на сигнализации...

Находился. Всего пару движений пальца Алека по цифровой панели, и раздаётся пикающий звук. Он проходит внутрь и придерживает для меня дверь.

- Почему здесь никого нет? - спрашивается вопрос, когда ступаю через порог и оглядываюсь по сторонам.

Холл тёмный и весьма прохладный, всё вокруг выглядит забытым и брошенным.

- Зак управлял баром, а Натали... - Алек прерывается, чтобы найти выключатель, и наконец зажигает свет. Из меня вырывается замороженный вздох. - А Натали управляла горячим источником.

И я его уже вижу. Прямо в конце коридора находится большие стеклянные, раздвижные двери, ведущие к огромному бассейну, внутри которого играет различными цветами подсветка. Как под гипнозом я двигаюсь к дверям, чтобы разглядеть поближе, что находится снаружи.

- В этом году Заку придётся его снова открыть, потому что мест уже не хватает, и он хотел попросить тебя и Несс, чтобы вы с понедельника взяли за его управление.

Я резко оборачиваюсь на Алека, ошеломлённая таким поворотом событий. Он остаётся стоять возле стойки регистрации, опираясь на неё боком, и с интересом изучает мою реакцию. На его лице отражено лукавое умиление, явно ожидающее мой восторг, словно он знает наверняка, что мне это необходимо. Но у меня не сразу получается отойти от потрясения.

- Меня и Несс?

Алек пожимает плечом, при этом кривит рот в немом вопросе.

- Почему бы и нет? Идея очень даже хорошая. Вам с Несс будет чем заняться, и ты не будешь целыми днями пропадать в книгах, - говорит он, а затем добавляет. - А то боюсь, наш дом скоро станет публичной библиотекой с тем количеством книг, что ты покупаешь почти ежедневно.

Алек смотрит на меня с надеждой в глазах, и я задаюсь вопросом, полностью ли Заку принадлежит эта идея. Но само понимание, что Алек делает всё это для меня, необычайно будоражит восхитительными эмоциями.

Не давая окончательного ответа, снова оглядываюсь по сторонам, представляя это место, наполненным жизнью и представляя себя частью этой жизни. Мой ответ ясен, как божий день. Конечно, я хочу. Если только...

- А что ответила Несс? - интересуюсь я, подходя к дверям и сразу раздвигая их.

Мне не терпелось увидеть всё в полном объёме, и теперь... Теперь мне не хватает воздуха, чтобы вдохнуть в полную меру того, какой вид открывается передо мной. Он не просто прекрасен. Я ощущаю себя так, словно всю жизнь только и искала это место. Перед глазами только горы и огромное чернильное небо, усыпанное звёздами. Края бассейна выполнены в образе искусственных, переливающихся на свету сугробов, а его противоположная сторона будто обрывается в воздухе.

- Несс ещё не знает об этом, - слышится голос Алека за моей спиной. - Мы пришли к этому решению совсем недавно. У нас с Дамом появилось занятие, но вас мы и близко не хотим подпускать к бару, потому что из этого не получится ничего хорошего. А вам приходится придумывать, чем занять время, вот мы и подумали, что было бы неплохо, если вы смогли быть также чем-то увлечены. Собственно, мы собирались рассказать вам только завтра, но я не смог удержаться и, кажется, испортил весь сюрприз.

Я качаю головой.

- Нет, ты сделал его ещё лучше.

Трудно оторвать взгляд, но у меня всё же получается посмотреть на Алека. Его едва показывающая себя улыбка делает этот момент в десятки раз прекрасней.

- Спасибо, - шепчу я, не добавляя, что только что он вернул моему сердцу настоящую способность жить.

- Иди сюда, - улыбаясь, произносит Алек, потянув меня на себя, и в тот час заключает в роскошь своих объятий.

Мое тело не сопротивляется, мгновенно расслабляясь в тепле, исходящим от Алека. Запрокидываю голову и смотрю на небо. Черное, как смола, глубокое и безграничное. Закрываю глаза, вдыхаю глубоко воздух и позволяю своему воображению представить небо наощупь. Оно похоже на мягкий бархат с россыпью белых, переливающихся в свете луны, маленьких снежинок в виде звезд.

- Никогда не видела такого красивого неба, - на выдохе говорю я, чувствуя, что не могу оставить эти ощущения при себе.

- Знаю, принцесса, я и сам забыл, какое оно здесь.

Голос Алека наполнен схожим восхищением, и внезапно я понимаю, что всё это время отталкивала происходящую вокруг жизнь. Я видела её, наблюдала, но не принимала участия, решая злиться на весь мир, что он так несправедлив. Но он, напротив, щедр. Забирая одно, он дарит ещё более лучшее. И я думаю, мы согрешим, если не воспользуемся таким превосходным моментом только для себя.

Затяжка кажется дичайшей. Но почему бы и нет? Мой взгляд обращается к панели с красными цифрами: 39 градусов - температура воды.

Я выбираюсь из объятий Алека, и, когда поворачиваюсь к нему лицом, вижу лёгкое недоумение, тронувшее черты его лица.

- Что?.. - выдаёт он, хмуря брови, когда я начинаю расстёгивать куртку.

Ночь сегодня тёплая, не соответствующая началу зимы. Возможно, меня греют собственные мысли.

Я улыбаюсь, пытаюсь скрыть небольшое волнение.

- Почему бы нам не искупаться? - без иронии предлагаю я. - Ты сам сказал, что с понедельника здесь не получится остаться одним.

Алек находит мое заявление оспариваемым.

- Да, но... - он замолкает, а я приподнимаю бровь.

- Но? - подсказываю я.

Теперь Алек готовит полноценный ответ.

- Будет ещё завтра и воскресенье для этого. Не поверишь, но нормальные люди купаются днём.

Завтра уже не будет таким. И наши мысли станут испорчены возможной проблемой. Алеку, конечно, я этого не говорю.

Когда куртка оказывается на ближайшем лежаке, я принимаюсь за кардиган, вызывая этим ещё несколько хмурых складок на лбу Алека.

- Ты сам говорил, что не относишь себя к числу нормальных людей.

- *Это* совсем другое, - мгновенно отмахивается он.

Его протест кажется мне непонятным, который вдобавок читается ещё и в переливающихся тревогой глазах, но я всё равно не теряю решимости.

- В чём дело, Алек? Почему мы просто не можем этого сделать?

Секунду подумав, он категорично выдаёт.

- Ты можешь заболеть, принцесса.

Перестав расстегиваться на последней пуговице, я наклоняю голову.

- Серьёзно? - раздражение пробует захватить интонацию моего голоса. - Мы - не болеем, Алек. Ничего другого придумать не мог?

Алек скептически окидывает меня взглядом, прищурив в сомнении глаза.

- С твоей-то «закадычной» дружбой с удачей, невозможное становится возможным, - пробует он отшутиться, но его голос наполнен серьёзностью.

Однако я не останавливаюсь, на этот раз его шутка не пройдёт, оставшись проигнорированной.

От кардигана я тоже избавляюсь, и, ступив, на мягкую поверхность, предназначенной для ног, снимаю поочередно сапоги. Когда мои пальцы касаются пуговицы на джинсах, слышу, как Алек резко втягивает воздух.

- Это уже слишком, Лена, - бормочет он, отворачиваясь.

Вот она самая главная причина его протеста. Однако, такая проблема очень легко скрывается водой. Потому, как только мои джинсы оказываются там же, где и остальные вещи, оставив лишь майку и нижнее бельё на себе, разворачиваюсь и ныряю в бассейн.

Множество острых иголок мгновенно колют кожу теплом, и каждая частичка меня, каждая нервная клеточка чувствует невероятный восторг, окутавший тело. Горячая вода так приятно ласкает мою кожу, что несколько секунд я не спешу выныривать обратно, проплывая вперёд, пока не чувствую давления в груди.

Прохладный, наполненный ароматом снега воздух касается моего лица, вокруг медленно

взмывает к небу пар. И мои эмоции снова находятся на грани передозировки восхищением. Я улыбаюсь, когда понимаю, что на меня устремлѐн упрямый взгляд. Чутьочку насупившийся Алек качает головой, стоя на самом краю бассейна. Но назойливая улыбка в стороне от его губ не остаѐтся, едва приподняв оба уголка его рта вверх. Он больше не сопротивляется ей. Уступает. Ровно также, как и его взгляд сменяется блеском теплоты.

Я подплываю ближе.

- Может наконец присоединишься? - сладко прощепетав, предлагаю я.

Хоть он улыбается, головой качает упѐрто.

- Давай, Алек, - не отстаю я, завидев на его лице отчѐтливую борьбу с желанием. - Зачем тогда ты вообще привел меня сюда, если не позволяешь пользоваться возможностью? - С вызовом наклоняю голову. - Это ведь ты просил меня сегодня перестать прятаться от жизни. Вот оно, пожалуйста, - развожу руками в сторону, с хитрецей улыбаясь, - именно это я и делаю.

С секунду в глазах Алека мечется очевидное возражение, но он оставляет его при себе. Однако и согласия не спешит давать.

- Ты сошла с ума, принцесса. Только ты можешь бросаться из крайности в крайность: либо полное «ничего», либо чересчур «я согласна».

- Что в этом плохого? - Мой взгляд умоляет. - Давай, Алек, - настойчиво уговариваю я, а затем шѐпотом добавляю. - Пожалуйста. Когда ещё выпадет такой шанс?

Ещё мгновение Алек продолжает едва заметно покачивать головой, а затем обращает взгляд к небу, смотрит на него так долго, будто кроме звѐзд может обнаружить на что-то ответ. Но очевидно, что он на самом деле что-то находит, потому что, когда возвращает ко мне свой прояснившийся взгляд обратно, его стойкость рушится.

Теперь мне останется до конца жизни только гадать, что он мог там увидеть, что так быстро изменило его решение. Потому что избавляется Алек от одежды ещё быстрее, чем я.

Дыхание замирает, и я боюсь, что тело не вынесет того жара, что жжѐт изнутри и сжигает снаружи, как множество поднесенных факелов к коже.

Глаза неспешно скользят вверх, словно вычерчивают контуры его тела острым ножом. Неправильно приписывать парню слово потрясающий, но сейчас это единственное, из чего состоит весь мой словарный запас, глядя на высокое, гибкое тело Алека в полный рост.

Мне дурно, сердце кажется и вовсе забыло, как нужно работать - оно то ёкает, то ускоряется, а то и полностью отключается. Волнение зашкаливает, угрожая пульсу проломить собой вены...

На мгновение я вновь погружаюсь в воду, скрывая своё желание вместе с собой. И даже горячая вода, помогает остудить мои закипевшие мысли. Вынырнув, понимаю, что Алек готовится прыгнуть. И в тот момент, когда он оказывается в воздухе, может улечься целая вечность. Но не проходит и доли секунды, прежде чем его глаза оказываются напротив моих.

Его улыбка, такая тёплая и яркая, ослепляет своей лукавостью, но я могу лишь наблюдать, как соблазнительно скользят по ней маленькие капли воды.

- Теперь довольна? - шепчет Алек вопрос, но мысли мои уже не здесь, чтобы я могла его разобрать.

Тысячи всех земных сил притягивают меня к его губам с опаснейшей скоростью. Мой срыв равняется катастрофическому бедствию, но всё, что я знаю, что ни одна часть моего разума не считает это неправильным.

Я целую его - действительно набрасываюсь - измученная и утомлѐнная вечными

опасениями и предостережениями. И любое внезапно вспыхнувшее противоречие моментально отправляется ко всем чертям – я хочу целовать Алека так, словно он единственный воздух на всей этой невзрачной планете, и мне плевать, как далеко это зайдёт.

На мгновение Алек теряется, подавшись телом назад. Но всего на мгновение, ничтожное и едва заметное. А в следующее моя талия в его руках, плотно сжимающихся в кольцо.

Сердце вновь готовится к мировому рекорду по скорости. Ломится в грудь так, что становится больно. Мои пальцы в его волосах – бродят в них хаотично и неосознанно. Я жмусь к Алеку ещё ближе, сильнее, хочу получить максимальный контакт с его телом. Тело ломит, трясёт и нуждается в чём-то необъяснимом.

Ближе – вот, что за желание рвёт мою кожу.

Просто хочу ещё и ещё ближе.

Я могла бы раствориться в нём, утонуть в каждой частичке его кожи, забыться в его поцелуях, отдаться этому моменту всем своим существом...

Мысли сплошная неразбериха и путаница, настолько опьянённые происходящим, что я не сразу понимаю неразборчивые движение его ладоней: они то оказываются по бокам моей талии, вжимаясь пальцами в кожу, то снова оборачиваются вокруг неё, притягивая обратно к себе, и теперь желание оказаться ближе к Алеку становится вполне объяснимым.

Алек отстраняет меня. Сознательно или нет... Хотя, кого я обманываю? Конечно, он делает это сознательно, а вот притягивает, наоборот, нет.

Этот поцелуй грозит в любой момент прерваться, подавшись рациональной части Алека.

Но я всё равно получу желаемого.

Толкаю его вперёд до тех пор, пока спина Алека не прижимается к белоснежной поверхности бортика бассейна. Но не проходит и миллисекунды, как он меняется со мной местами, прижимая теперь меня к бортику.

Я ожидаю, что он вновь вопьётся в мои губы пылким поцелуем, но вместо этого он останавливается и просто смотрит в мои открывшиеся от поражения глаза.

– Ты должна прекратить делать это, принцесса, – говорит Алек, легко улыбаясь, и на удивление его голос звучит слишком ровно, что не сродни пульсирующей сонной артерии на его шею.

Я падаю с небес на землю, но умело скрываю это, заставляя себя беззаботно улыбнуться.

– Делать *что*? – притворяюсь я, что ничего не понимаю.

Ложь. Ложь. Ложь. Я знаю, чего хочу, находя миллионы причин, оправдывающих мое поведение.

Алек сглатывает, но отвечает мне такой же улыбкой – притворной во всех своих смыслах. Глаза так цепко устремлены в мои, что я могу видеть зарождающийся в его мыслях ответ. Но вся его решимость улетучивается, когда его взгляд ненароком падает вниз. На мою шею. Ещё ниже.

Его тело напрягается, плечи становятся каменными, когда ладони упираются в бортик по обе стороны от меня. Он закрывает глаза, качая головой.

– Эту кофточку необходимо жечь за то, что она сбивает мысли своим непристойным видом, – Алек пробует пошутить, но его сломленный голос говорит о том, что он вполне серьёзно рассматривает озвученный вариант.

Я опускаю взгляд и обнаруживаю, что вырез съехал, подавшись тяжести мокрой ткани, и теперь большая часть моего чёрного лифчика открыта взору Алека так, что и майка

собственно больше не нужна.

– У меня есть идея получше, – мой хриплый голос полон волнения, хотя решимости во мне в десятки раз больше. – Нужно просто от нее избавиться.

Мои слова мгновенно призывают глаза Алека открыться. Я вижу в них большее, чем непонимание, что-то очень сложное и неразборчивое. Но его ладонь уже на моём запястье, едва успевают мои пальцы коснуться края майки. Он смотрит вниз, и на его скулах проступают желваки.

Медленно он поднимает взгляд к моим глазам; дыхание его сравнимо с внезапным затишьем, грозящим расколоть воздух напряжением.

– Осторожнее, – вполголоса произносит Алек. – Ты снова переходишь эту границу.

Знаю. Но ещё отчетливее я знаю, что борьба в его глазах близится к поражению.

Прочный узел обтягивает сердце, дышать с каждой секундой почему-то сложнее. Робко, словно касаясь дикого животного, я расцепляю пальцы Алека на моём запястье и отпускаю его руку.

Воздух становится горячим и опаляющим, когда я, положив ладони на его лицо, сокращаю расстояние между нашими губами и оставляю на них нежный и мягкий поцелуй.

Алек делает судорожный вдох.

Выдох:

– Лена... – моё имя, произнесенное его взволнованным голосом, пронизывает меня дрожью.

Такой необъяснимо сильной дрожью, оставляющей на кончиках моих пальцев покалывание.

Я снова целую его. И снова. Пока его губы, сдавшись, не приоткрываются, и я углубляю поцелуй, касаясь его языка своим, с некоторой опаской, хотя я и пытаюсь вернуть горящую страсть между нами.

Большими пальцами рук я глажу его впалые скулы, уже раздумывая, что знаю, как можно получить желаемое. Но пока я оставляю выбор за ним.

– Пожалуйста, Алек... – произношу я прямо в его губы, однако в следующие мгновение теряю с ними полный контакт.

Алек отстраняется от меня, как ужаленный, прекрасно осознавая, что я имею в виду.

– Ты не понимаешь, о чём просишь меня, принцесса.

Я понимаю, о чём прошу. Ко всему прочему, я прекрасно осмысливаю, какова цена за желание. Это он не понимает, что я готова заплатить эту цену уже давно. Ровно также, как и не понимает, что он того стоит. Не принимает того, что он стоит в десятки раз больше. Он никогда не примет того, что кто-то может хотеть чем-то жертвовать ради него. Никогда не примет того, что кто-то готов отдать свою жизнь за него.

Он не знает насколько прекрасен. Всё его воспитание построено только на самопожертвование, хотя жертвовать надо ради него.

Моё сердце сжимается. Больно. Чертовски больно любить его с ограничениями.

Мне всегда было недостаточно Алека. И причина была только в том, что он сам не позволял мне любить его больше.

Сейчас же...

Мягко, осторожно и робко я касаюсь его лица.

- Алек...

Но он не даёт мне сказать. Из его груди вырывается звук – отчаянии и бессилия, когда он резко отстраняется от меня, заставляя затихшую гладь воды разволноваться.

- Чёрт! – рычит он. – Да что с тобой такое, принцесса!

Никогда я не слыша и не видела в нём столько обиды.

Алеку хватает одного мгновения, чтобы выбраться из бассейна. И пока я разворачиваюсь, собираясь следовать за ним, он что-то пинает по дороге к дверям.

Он не думает одеваться, кажется, единственное, что ему нужно – избавиться от злости и ярости. И если честно, моя идея его остановить выглядит до ужаса безумной. Но я не могу его отпустить. Не так. И не сегодня.

Через секунду и я выбираюсь из бассейна, ловя его как раз, когда он переступает порог дома.

- Остановись, Алек...

Я делаю это ненамеренно, но вцепившись в его запястье, снова играю не по правилам. Мои желания берут надо мной вверх. Моя сущность управляет моими действиями. И только тогда, когда меня встречает затуманенный взгляд Алека, резко повернувшегося ко мне, осознаю, что мои ногти вонзаются в его кожу.

Пылко отбрасываю его руку, начиная тихо нашёптывать проклятия вперемешку с сожалениями. Но поздно. Алек приходит в себя. Он знает. Да, он определённо всё знает.

Несколько секунд моё сердце не бьётся. Я не могу вынести то, как смотрит на меня Алек.

Как на врага.

Медленно он сглатывает.

- Что же... Пусть будет по-твоему.

Это звучит без эмоций. Так сухо и холодно, что мне кажется ещё немного, и он меня возненавидит. Или уже ненавидит. Мне не достаточно времени, чтобы понять.

Внезапно Алек хватается за руку и рывком притягивает к себе. Его хватка на моей руке почти болезненная. Это длится мгновение. В следующее он буквально сгребает меня в охапку и несёт в неизвестном направлении. Я не сопротивляюсь, не брыкаюсь. Есть что-то взрывоопасное в его поведении, действиях, тишине.

Пара секунд – и он отпускает меня на пол. Мы в комнате, в тёмной, холодной.

Несколько мгновений мы стоим молча, опасная спокойность Алека доводит меня до края нервозности. Я остро впитываю в себя каждое мгновение в тишине, ожидая, когда начнётся гроза.

Он делает шаг. Ещё один. На третий я начинаю пятиться спиной назад, дрожа и обхватывая свою талию руками, прижимая мокрую майку вплотную к коже. Нервозность нарастает с каждым его шагом, и когда моя спина внезапно упирается в стену, с моих губ срывается обрывистый вздох.

Нас разделяет какие-то жалкие сантиметры. Алек знает, что под его невероятно уничтожающим взглядом я распадаюсь на части. Но на этот раз он не даст мне пощады. Если я и хотела вытащить все его чувства наружу, сейчас у меня получилось это сделать, как никогда, масштабно.

Он склоняет голову в бок, намного большее, чем простой интерес, источает глубина его глаз. Алек хочет заглянуть туда, где бьётся моё сердце.

- В чём дело, принцесса? – хрипотца в голосе Алека делает его ещё более устрашающим. – Разве не этого ты добивалась?

Возможно.

Нет.

Не таким образом.

Есть миллион вариантов, как я могу ответить, но ни один не могу озвучить. Язык прирос к небу. Я забыла все слова на свете, оставшись поверженной и растерянной.

- Я так и думал.

Он не задерживается возле меня и секунды и начинает идти в сторону двери, получив в очередной раз стопроцентную победу надо мной.

В очередной раз...

И только в этот момент я понимаю, по каким правилам он ведёт игру.

- Это не честно, Алек! - бросаю я, когда он уже почти достиг выхода.

В первые несколько секунд он остаётся неподвижен, а затем медленно поворачивается ко мне, глядя так, словно взвешивает смысл моих слов.

- Никогда бы не подумал, что скажу тебе подобное, но сейчас я не хочу с тобой разговаривать.

Это почти пощёчина. Но далеко не неожиданная.

- А придётся, - моему удивлению над собой нет предела, но я устала молчать, постоянно поддаваясь его властвованию. - Не всегда будет всё так, как тебе хочется, Алек.

Едва заметная усмешка трогает уголок его губ.

- Я в этом сомневаюсь, принцесса.

Грубо. Даже чересчур для него, но я не собираюсь так быстро сдаваться. Злость огнём наполняет моё нутро и воспаляет кожу, лицо обдаёт жаром.

- Ты не сможешь каждый раз подавлять меня, используя силу и запугивания! Это низко, даже для тебя.

И вот наконец я зацепляю его за живое, потому что уже в следующее мгновение он возле меня.

- А что мне остаётся делать, Лена? - рычит он, и я вздрагиваю, когда его ладони ударяют об стену по обе стороны от меня. Но это не жест злости, а чистой беспомощности. - Думаешь, мне самому нравится вести себя, как конченный кретин? - Алек склоняется ниже, и мне приходится запрокинуть голову вверх, чтобы встретить его полыхающий эмоциями взгляд. Расстояния между нами почти нет, но мы оба выдерживаем это мгновение. - Ты снова не оставляешь мне выбора. Я не могу защищать тебя, когда у тебя напрочь отсутствует инстинкт самосохранения.

Я знала, что он снова прибегнет к этой манипуляции, поэтому тут же отбиваю его слова, давно поняв, что так он оправдывает лишь свой страх.

- Не будь лицемером, Алек! - твёрдо проговариваю я. - Ты защищаешь не меня, а лишь свои чувства. Это ты не можешь справиться с моим решением.

- Чего ты хочешь от меня? - его дыхание учащённое и тяжёлое, глаза заискивающе всматриваются в моё лицо. - Что я по-твоему должен сделать? Принять, что тебе абсолютно плевать, что станет с тобой? Позволить...

Я прерывая его, приходя в неимоверный гнев.

- А я и не спрашиваю твоего позволения.

Я совершаю попытку тут же выбраться, увильнув в сторону, чтобы хоть немного сбавить

обороты и не наговорить лишнего.

- Мы не закончили, - рычит Алек, перехватывая меня за талию и пригвозждая обратно к стене.

Его взгляд наполнен не то яростью, не то глубоким отчаянием, но оба проявления меня до жути злят.

- О, ну конечно же, я всё время забываю, кто у нас принимает решения. - Я сама уже не отдаю отчёта своим словам, знаю лишь, что говорю чистую правду. - С самого начала ты только и делаешь, что принимаешь решения за нас обоих. Это ты разрешил нам быть вместе. Это ты то отвергаешь меня, то снова принимаешь. Только ты решаешь, как далеко мы можем заходить и когда нам следует остановиться.

- Ну, если бы ты принимала решения, то уже бы с месяц назад была под могильной плитой.

Я ахаю.

Алек моргает, его глаза чуть проясняются. Он слышит себя в тот же момент, когда я слышу резкий хлопок по его лицу. И только спустя миллисекунду мы оба приходим к осознанию, что каждый из нас сделал.

Я толкаю его в грудь, хотя моя ладонь по-прежнему горит от того, как я приложилась к пощёчине. Но я не жалею, всё, что мне нужно - убраться подальше, пока не покалечила его ещё больше.

Однако проще было бы сдвинуть стену, чем его. И каждая моя попытка оттолкнуть его проходит безрезультатно.

- Нет, - говорит он твёрдо, - ты не уйдёшь.

Он произносит это коротко, и я больше чем уверена, не придаёт даже отчёта тому, что просто боится меня отпустить сейчас. Хотя и не извиняется за слова. И в этот момент я понимаю, что он делает. Снова. Заставляет себя ненавидеть.

- Скажи, что я должен сделать, чтобы ты прекратила желать этого.

- Для начала произнеси это вслух, Алек! Ну же! Это не так сложно - тебя! Но ведь в этом и проблема. Я хочу - только тебя. Настоящего. Не телохранителя. Не наигранный образ всегда правильного человека, который никогда не уступает. Не того, кто убегает от своих желаний и боится даже прикоснуться ко мне лишним раз... - Я сглатываю, эмоции рвут нутро силой, образуя в груди давку. - Я хочу любить тебя, Алек. Не так, как ты мне всего лишь позволяешь это делать, а так, как я чувствую *это*.

В глазах Алека тлеет мука, мои слова бьют прямо в цель, хоть никто из нас и не был готов к правде, но я всё равно не останавливаюсь.

- Я устала притворяться, что мне достаточно тебя, Алек. Но ещё больше я устала себя чувствовать неправильной на твоём фоне, какой ты меня всегда выставляешь, притворяясь, что сам держишься идеально. Ведь так удобнее тебе, неправда ли?

- Правда.

Сокрушённая таким ответом, я моргаю. Однако потрясение не последнее, потому что дальше следует оглушающая тишина.

- Серьёзно? - изумляюсь я до глубины души. - И это весь твой ответ? Я только что выложила тебе все свои чувства, а ты даже не потрудился дать мне хоть каких-то объяснений? Неужели так сложно быть хоть раз со мной настоящим и сбросить уже с себя этого эгоистичного придурка, каким ты бываешь девяносто процентов всего времени? Очнись, Алек, мир не вертится только вокруг твоих чувств, у меня они тоже есть, и мне каждый чертов раз больно, когда ты ведёшь себя со мной подобным образом!

Я не ожидала от себя такого масштабного срыва, но все слова жалили менч изнутри, оставаясь несказанными, теперь я чувствую лишь пропасть в груди, её холод и

отсутствие боли. К тому же, я наконец говорю те слова, которые мгновенно распалют Алека, неспособного больше удерживать на лице безразличие.

- А что я должен сказать тебе, Лена? Что я облажался? Этого ты хотела от меня услышать? - срывается он в ответ, тоном своего голоса давая понять, насколько глубоко и в нём сидит наша ситуация. - Что каждый день мне приходится бороться с самим собой? Что я ни разу не держался идеально, провоцируя эти грёбанные ссоры, потому что только заставив тебя меня ненавидеть, я оттягивал неизбежное? Как ты не можешь осознать: если ты перестанешь хотеть этого, я никогда не смогу тебе навредить, потому что сам я никогда не перестану желать тебя. Но это должно было стать только моим наказанием, а не твоим! Это я не оказался на столько сильным, чтобы отказаться от тебя в самом начале. А сейчас ты... - Он вздыхает, берёт паузу и проводит рукой по лицу, и только потом на мгновение прикрывает глаза, словно ему сложно говорить. - Ты говоришь, что я не настоящий, но только ты заставила меня снова что-то чувствовать. Сначала любопытство, потом недопонимание, я уже не говорю про тот гнев, когда ты меня назвала геем. - Алек нервно усмехается, словно сам понимает насколько это было нелепо. - А потом, когда я поймал тебя в туалете, жажда проучить, внезапно понял, что мне нравится эта игра. И с каждым днём я буквально пропадал в влечении к тебе, желая тебя всё больше и больше. Именно тебя. Потому что ты - лучшее, что случилось со мной за всю жизнь, полную этого вечного дерьма, связанного с моим положением, - выговаривает он, вкладывая в свой голос как можно больше значения. - Как я могу разрешить себе потерять тебя? И я ненавижу себя за мысли о тебе, которым вообще запрещено существовать. Мысли, которые ежедневно подводят меня к краю, - тихо добавляет он, и внутри меня всё сжимается. - Поэтому ты должна отталкивать меня, принцесса, потому что держаться от тебя подальше я уже не в состоянии, с каждым днём моего самоконтроля всё меньше и меньше. Его уже нет...

Его последние слова звучат на пике отчаяния, он просит меня оттолкнуть его и сейчас, понимаю я, и в этот момент моё сердце с хлопком защемляет. Теснота в груди становится невыносимой, и я закрываю глаза, чтобы не разреветься. Сильнее прижимаюсь к стене, отыскивая в ней опору, но внезапно чувствую давление на своё тело, когда Алек меня обнимает, словно точно знает, что ещё немного и я упаду. Он утыкается лицом в мою шею, и мы так и стоим в тишине некоторое время, опустошённые, но по-прежнему нуждающиеся друг в друге.

- Ты пахнешь солнцем и сладкими яблоками, принцесса, - внезапно говорит он, глубоко вдыхая меня, и моё сердце волнуется от тона его голоса: хриплого и переполненного восхищением. - Каждый день хочу сказать тебе, насколько сильно это сводит меня с ума.

Я оборачиваю руки вокруг его шеи и ничего не могу ответить, боясь, что этот миг прервётся. Стою как вкопанная и просто не отпускаю его от себя, я не хочу, чтобы у этого момента был конец, но Алек и не собирается отступать. Его рука крадётся вдоль моей талии, когда его губы приоткрываются, оставляя на шеи поцелуй. И ещё один. И ещё. Всё выше и выше.

- Каждый божий день я ухажу из постели раньше, потому что боюсь, если ты проснёшься, я не смогу уже уйти. Ты не представляешь, насколько ты потрясающая, когда улыбаешься этой сонной улыбкой.

Его губы как раз достигают моих, но он не целует, а только проводит по ним лёгким прикосновением. Я открываю глаза и наблюдаю за Алеком, ощущая, что сердце уже раздулось до невозможных размеров. Мне трудно дышать. Я не дышу...

Алек говорил мне множество красивых вещей, но это - это не идёт ни в какое сравнение с прошлыми, что мне кажется, будто я могу влюбиться в него снова.

Его глаза напротив моих, он медленно скользит взглядом по моему лицу с какой-то новой сосредоточенностью. Внутри меня всё начинает трепыхаться, и чтобы справиться с силой этих ощущений, прикрываю глаза. Алек с уверенностью запускает руку в мои волосы на затылок и приподнимает мою голову, когда его губы снова осмеливаются прикоснуться к моим губам, по-прежнему не целуя их.

- А ещё я безумно влюблён в то, как ты начинаешь дрожать перед тем, как я делаю так...
- Его губы скользят на подбородок, едва касаясь, они находят ямку у моего горла. Его шёпот бьёт током каждый мой нерв. - Сама мысль, что ты так реагируешь на мои

прикосновения...

В одно мгновение он снова напротив моих губ, а я открываю глаза, чтобы видеть его.

- И я готов перевернуть весь мир, лишь бы кто-нибудь переписал правила.

Алек замирает. Моё сердце замирает.

- Но уже согласен играть и по этим.

И он целует меня. Не бешено, не властно, не страстно. Он просто целует меня.

Алек.

Целует.

Меня.

И этот поцелуй он - всё.

Всё, что когда-то случалось со мной важного и ошеломляющего. Вся моя жизнь может заключиться в одном ощущение полноценности этого момента. В его ожидании, когда я понимаю его значения. Я даже не знаю, бьётся ли теперь моё сердце или оно предпочло подарить себя Алеку.

Но я знаю главное: на небесах разверзся ад - мы собираемся нарушить все правила...

Глава 15

Нет совершенных слов, чтобы описать то, что я чувствую, находясь в руках Алека. Он никогда не целовал меня так нежно и неприлично долго, что я тонула в происходящем. Он больше никуда не торопится, у нас никто не заберёт эти ощущения в предвкушении самого сладкого. И я понимаю, почему он медлит, потому что сама смакую этот момент, желая каждое мгновение превратить в вечность.

Алек проводит рукой по моим волосам, оставляя её на затылке, второй опускается по моей ноге, подхватывая меня под коленкой, он поднимает меня вверх, прижимая вплотную к стене своим телом. Его губы целуют мою шею, подбородок, рот.

- Боже... - выдыхает он в мои губы, а затем отрывается, чтобы посмотреть мне в глаза. - Ты не представляешь, принцесса, сколько раз я проигрывал этот момент в своих мыслях, но даже и представить не мог, что это предвкушение будет настолько прекрасным... - его хриплый голос и взволнованный, и волнующий одновременно. - Однако я всё равно должен спросить ещё раз. Ты уверена, что хочешь этого? Обратного пути не будет.

На мгновение я сомневаюсь. Не в себе, в нём. Всматриваюсь в глаза Алека с большей настойчивостью, чем обычно. Такое ощущение, что никто из нас по-прежнему не верит, что мы действительно собираемся обречь себя на проклятие...

Но то, что я вижу в ожидающих глазах Алека, заставляет отбросить все сомнения - он действительно хочет и надеется получить в ответ «да».

Я даю ответ тем, что возвращаю его губы к своим.

- Уверена, Алек, - шепчу я, - и уже очень давно.

Алек издаёт низкий и протяжный стон в мои губы, который подтверждает степень его удовлетворённости моим ответом.

- И всё же... - он будто опьянён моим ртом, incapable оторваться от него, едва вставляя слова между поцелуями, - Если вдруг передумаешь, останови меня, потому что я точно не...

Я затыкаю его, впиваясь пальцами в его волосы, полностью прижимаясь своими губами к его.

Не остановлю. Но впервые он и сам на это надеется.

Моя реакция пробуждает в нём ещё один сладостный стон, вырывающийся из его груди, когда он отталкивается от стены вместе со мной, и я сильнее сжимаю вокруг него свои ноги. Этот звук проходит по всему моему телу, вызывая нечто приятное и волнительное в нём.

Мы движемся к кровати, Алек укладывает меня на покрывало, но сам остаётся на расстоянии, подхватывая пальцами края моей майки и тут же стягивая её через голову.

Он застывает.

Воздух вокруг него начинает потрескивать, в глазах тускнеет свечение. Никогда ещё не видела Алека таким: решительным и в тот же момент уязвимым. Невероятно сильным своим видом и в то же мгновение слабым перед моим.

Насыщенный желанием взгляд Алека так красиво скользит по моему телу, словно кубик льда по разгорячённой гладкой поверхности. Такое ощущение, что каждое золотистое вкрапление его тёмных глазах медленно, не торопясь, впитывает меня сантиметр за сантиметром. Я с трудом сглатываю, ощущая, как моя кожа искрится и накаляется.

Алек делает вдох – я выдох...

- Да поможет мне Бог, ты идеальна, принцесса.

Он возвращается к моим губам с глубоким, утробным рычанием, а я только и думаю о том, что должна его опровергнуть. Это он идеальный. Во всём. И сейчас мне открывается ещё одна вещь, которую Алек делает идеально – сводит меня с ума прикосновениями. Но именно поэтому мои мысли и уносятся, витая лишь на задворках моего затуманившегося сознания.

Алек не прекращает меня целовать и шептать такие слова, от которых моё сердце взрывается снова и снова.

Он так нежен, так осторожен, будто он вбирает в себя каждый поцелуй, каждое прикосновение. Он гладит моё лицо, волосы, вниз по плечам, спине и ногам, не перестаёт изучать и изучать всё моё тело так, будто ему дали наконец долгожданное разрешение, и теперь он делает с ним всё, что захочется, хотя и никак не может насытиться этим, продолжая медленно и безошибочно сводить меня с ума ощущением своих рук.

- Нет... – вырывается из меня неосознанный, едва разборчивый шёпот, и Алек в то же мгновение останавливается.

- Нет? – слышу я его взволнованный, хриплый голос.

Мои глаза с трудом открываются, одурманенный взгляд затуманен, но я быстро нахожу в темноте сокрушённый взгляд Алека, возвышающегося надо мной.

Его адамово яблоко движется, когда он тяжело сглатывает.

- Ты?.. – в недоумении он не может подобрать слов. – Ты передумала, принцесса?

До меня доходит не сразу, с чего он надумал подобное, но потом...

Я улыбаюсь счастливой улыбкой и качаю головой.

- Нет, я имела в виду, – делаю вдох, – это ты идеален, Алек. Только ты. И всегда был идеальным для меня.

На пару секунд Алек приходит в ещё большее недопонимание, но затем поднимает в изумлении бровь.

- Серьёзно? Хотя... – Алек усмехается, и его губы возвращаются к своему искусному занятию, целуя меня в основании шеи. – Чему я удивляюсь? – Он продолжает прокладывать дорожку из поцелуев, двигаясь к плечу и опуская попутно лямку от лифчика. – Ты была бы не ты, если бы не решила поспорить в такой момент. – Мои глаза

закатываются от нового наслаждения, когда Алек, незаметно перебравшись, повторяет тот же процесс, опуская теперь правую лямку, вставляя слова между нежнейшими прикосновениями его губ к моей коже. – Но, вероятно, именно за это я тебя так сильно и люблю.

Алек поднимается вновь надо мной, с хитрым блеском в глазах засовывая свою руку за мою спину, полностью отвлекая от мыслей. Но... перемещаюсь так, что через мгновение Алек лежит на спине, а я слегка возвышаюсь над ним сбоку, когда его рука остаётся по-прежнему на моей спине. Мне важно это сказать ещё раз.

Мои пальцы сами тянутся к его лицу, чтобы обвести линию его челюсти.

– Я серьёзно, Алек, и хочу, чтобы ты это знал. Почему ты никогда не принимаешь подобных слов от меня?

Выражение лица Алека приобретает категорический вид. Он щёлкает пальцем второй руки меня по носу, и в следующий момент я ощущаю, как с меня опадает лифчик. Мой вздох выходит шумный и судорожный.

– Потому что сегодня только мне разрешено поклоняться твоему телу...

Я сглатываю, когда неожиданно оказываюсь снова на спине. Алек же с довольным, мальчишеским видом мне ухмыляется прямо перед тем, как начать опускаться с поцелуями вниз.

– Почему только... – бормочу я, едва осиливая проговаривать, как, – о-о-ох... Алек... – вырывается из меня с дрожью и придыханием, когда он находит своими губами невероятно чувствительное место у косточки прямо над поясом последней оставшейся на мне одежде.

На секунду Алек прерывается, сжимая в руках мои бёдра. Его голос невероятно сильный и пагубный, его слова не то мольба, не то проклятие:

– Клянусь, принцесса, это самый лучший звук моего имени, который мне приходилось слышать.

Алек вновь находит ещё одно до ужаса чувствительное место, и ещё одно, и ещё, призывая меня выгибаться и продолжать шептать его имя, пока он избавляет меня от последней маленькой детали моего гардероба, заставляя ощущать себя невероятно любимой в его руках. А затем он укрывает моё тело своим, переплетая между собой наши ноги. Смотрит на меня долгим-долгим потрясающим взглядом.

Глаза в глаза. И время словно остановилось.

Я уже не жду ответа на свой незаконченный вопрос, но Алек всё равно про него не забывает.

– Потому что только сегодняшней ночью ты – по-настоящему моя, принцесса, – произносит он слова, очень похожие на клятву, и тут же запечатывает их на моих губах поцелуем.

Последний шанс остановиться, но ни я, ни Алек этого не делаем...

***

Этой ночью мне наконец не снятся больше кошмары. Согретая объятиями Алека, я сплю, наверное, самым сладким сном за всю свою жизнь. Но утро всё равно выдаётся хмурым и пасмурным. Снег так и валит, мелкой белой стружкой. Несколько минут я лежу с улыбкай, запутанная в простынях и подушках, пока понимаю, что Алек не спит, прислушавшись к его дыханию. Он лежит за моей спиной с пугающей неподвижностью. Обнимает меня, прижимает к своей груди, но его руки такие тяжелые и застывшие, как у настоящей каменной статуи. И я понимаю, пусть сам он здесь, его мысли находятся в миллионах километров отсюда. Сам Алек уже частично одет, а мои вещи лежат на столике возле кровати. Значит он все же вставал, и меня удивляет, почему он вернулся, так как наверняка уже успел осознать, что же именно вчера произошло. Означает ли это, что он себя не ненавидит?

- Ты не ушёл, - шепчу я, вместо всех тысяч подходящих слов, которые могла бы сказать ему.

- Я обещал, что больше никогда не оставлю тебя одну, - также просто отвечает Алек, но голос его отстранённый и блёклый, подтверждающий опасения.

Моё дыхание становится поверхностным, мне трудно глотать, и я зажмуриваюсь изо всех сил, чтобы уберечь себя от боли. Есть одна вещь, которая вчера произошла по ошибке, и это не относится к ночи.

- Прости, я не хотела... - произношу я еще тише, чем дышу, потому что слова мои пропитаны ложью, и я боюсь, что Алек может это услышать.

На самом деле хотела, только не я, а моя сущность. И судя по тому, как он отреагировал, он знал, что я от него скрыла.

Он качает головой, касаясь подбородком моих волос.

- Не надо.

- Надо, - настаиваю я. - Алек, я не знаю, почему от тебя это скрыла. С недавних времён...

Алек перебивает меня, не успев я предоставить и пару слов объяснений.

- Я всё знаю, - тихо и кротко говорит он. - Знаю, все твои особенности и то, что умеешь.

Секунду я пытаюсь принять услышанное.

- Знаешь?

Ещё один абсолютно пустой ответ: - Да.

- Но?.. - никак не могу поверить я, и тогда Алек решает, что мне необходимо разъяснение.

- Марко, - добавляет он.

- Марко... - вторю я ему полусознательно.

Конечно же, Марко. А потом я лишаюсь всех мыслей. Тот случай в поместье, после свидания, Алек действительно был прав, обвиняя меня.

- Как давно? - пробую я уточнить, чтобы понимать, сколько времени он мог меня уже ненавидеть.

- После случая с Соболевым. Марко сразу же посчитал, что я должен знать, *зачем* именно Орден охотится. В основном, только предположения.

- Почему ты молчал?

Я так и не решаюсь повернуться к нему и посмотреть в его глаза. Он делает протяжный, задумчивый вздох.

- Что бы это поменяло? - спрашивает Алек и немного ждёт, предоставляя возможность мне ответить, но я молчу. - Вот именно. Ничего. А мне без разницы какими ты обладаешь способностями. Даже если бы ты убивала прикосновением, я бы готов был за это умереть.

Воздух застывает в горле. Где-то по центру в груди что-то вспыхивает и жжётся. И вот оно - вина берёт своё, злорадно атакуя всей своей возможной мощностью, наваливается, словно на меня падает многотонный цементный блок. Алек не должен говорить подобного, он должен был осудить меня...

Почему он этого не делает?

Теперь я поворачиваюсь к нему. Его глаза - единственное, что хранит ответ на все мои

незаданные вопросы. Но неожиданно я сталкиваюсь с разочаровывающим осознанием. Они пустые. И это не то, что я ожидала увидеть. Или же я хотела, чтобы всё было проще простого. А сейчас я растеряна, дотошно вглядываясь в его лицо, пытаюсь отыскать хотя бы маленький намёк, способный мне помочь разобраться. Но Алек не собирается упрощать мне задачу. А возможно, мне и не нужно придумывать того, чего нет на самом деле, а принимать всё так, как оно есть. Его же взгляд не просто смотрит в мои глаза, он проникает глубже, туда, где я сама пробую скрыть все подлинные чувства.

Потому что мы оба знаем, что я лицемерю, не осмеливаясь заговорить о том, что волнует его больше, чем моя скрытность. Где-то около минуты это не нарушается. Алек смотрит на меня, я – на него. Потому что в действительности нет ни одного в мире подходящего слова, которое могло выразить в какой ситуации мы оказались. Безвыходной, разве что. Тоскливое, холодное ощущение растекается у меня под рёбрами. Глаза Алека говорят за него – он уже ненавидит то, что мы сделали.

Прикрываю веки и медленно втягиваю воздух, собираясь с мыслями, но неожиданно Алек начинает двигаться так резко, словно внезапно вспомнил о каком-то важном деле. Он садится и потирает лицо ладонями, а когда опускает руки, выглядит ещё более разбитым и усталым, словно одна ночь высосала из него огромный жизненный запас его сил. Ранее всегда сверкающий своей небывалой энергией Алек впервые по-настоящему уязвим, разрушающийся на моих глазах.

Мою душу опускают в чашу блендера, смешивая все чувства в одну неразборчивую массу, наполняющую грудь ломотой.

Я не хочу жалеть о том, что было между нами ночью. Я даже мечтать не могла, что когда-то это произошло бы в реальности, поэтому цена нашей ночи за гранью возможной. Но я не в состоянии сейчас объяснить это Алеку. Я знаю, что он ответит на мои доводы: о опасениях, что в любую минуту всё может стать хуже, чем мы уже проходили.

Мы справились бы. Что-нибудь придумали. Сдаваться – это не выход.

Потому что всё это было бы бессмысленно. Я – сдалась. Это я перестала верить в хорошее будущее. Но зато теперь у нас есть вчера и сегодня, а между ними яркая полоса событий, изменивших окончательно мой внутренний мир.

Алек мельком бросает взгляд в мою сторону.

– Нам пора уходить отсюда, – поспешно говорит он, словно ему не терпится избавиться от своих слов. – Кто-нибудь может прийти... и тогда... – Алек отворачивается и продолжает, глядя на дверь. – Просто нужно уйти.

Я тоже сажусь, придерживая одеяло руками, и киваю.

– Хорошо.

Ещё один брошенный на меня взгляд. Задумчивый, изучающий, но в тот же момент затравленный, будто он всё ищет то, что потерял, отчаянно желая вернуть. Алек начинает вставать, но перед этим поворачивается и быстро целует меня в висок, а затем выходит из комнаты.

Всю дорогу до дома Алек молчит, крепко держа мою ладонь в своей. Оборачивается и проверяет меня через каждый шаг, его вернувшийся потерянный взгляд взирает так, словно он пытается найти меня в крошечной темноте. А ещё он торопится, или же наоборот пытается сбежать как можно подальше от этого места. Алек отпускает меня лишь тогда, когда мы оказываемся в доме, и, прихватив с собой чистые вещи, скрывается в ванной комнате на первом этаже. И мне ничего не остаётся, кроме как последовать его примеру. Я принимаю душ, но, выйдя из кабинки, воду не выключаю. Её шум помогает заполнить хоть чем-нибудь мысли. Стою и всматриваюсь в зеркало, и мне мерещится, что кожа моя теряет цвет, становясь мертвенно белой. Я мгновенно отряхиваю от себя все глупости; самовнушение, повторяю я себе, а не сумасшествие.

Я продолжаю стоять, не двигаясь, двадцать минут. Тридцать. Даже тогда, когда ванная

комната наполняется обжигающим паром, а зеркало покрывает матовая пелена, я продолжаю смотреть в одну точку, просто так, без мыслей и рассуждений. А потом я рисую на нём улыбающуюся рожицу и заставляю себя улыбнуться в ответ.

Надев футболку и тёплые спортивные штаны, стягиваю волосы в высокий хвост на макушке и наконец-то отправляюсь вниз. Алек сидит на диване, располагаясь ко мне спиной. Услышав, как я спускаюсь с последней ступени, он оборачивается, и его тёмные глаза почти прозрачны. Алек замечает меня, но словно не видящим взглядом, а затем вновь возвращает его к пустому камину, очень сильно похожему на то, что в этот же момент происходит у меня в груди. Утром там пылал пожар, сердце томилось огнём, сейчас там лишь обгоревшие хрупкие угли – остатки моего счастья.

На тумбочки возле дивана стоит открытая бутылка виски, и у меня не получается сдержать мрачный, пропитанный горечью смешок, но Алек даже на него никак не реагирует. Я останавливаюсь прямо у него за спиной и кладу руку на диван около его плеча.

- Нам надо поговорить, – произношу я надломленным шепотом.

- И что ты хочешь от меня услышать? – спрашивает его хриплый невзрачный голос.

В том-то и проблема, это не тот ответ, что я хотела услышать.

- Правду, – осторожно подсказываю я.

На секунду взгляд Алека обращается в сторону окна, но в следующую он кивает в позволяющем жесте. И меня неожиданно захватывает трепет с головы до пят, потому что сама я не до конца уверена, что хочу знать правду. Поэтому начинаю немного с другого.

- Зачем это? – спрашиваю, кивая в сторону виски.

Алеку не нужно поворачиваться, чтобы понять, о чём я.

- Для амнезии.

Отличный выход, Алек. Однако вслух я этого не говорю. Я киваю, даже несмотря на то, что он не видит. Пора переходить к самому сложному.

- Насколько... – сглатываю и прочищаю горло, мне не нравится проступающая неуверенность в голосе. – Насколько сильно ты ненавидишь случившееся?

Один удар сердца длится целую вечность.

- Больше, чем ты можешь представить себе, – отвечает он, сокрушая меня на ещё один громкий удар сердца.

Я едва справляюсь с дрожью в голосе.

- Тогда почему ты позволил этому случиться?

Алек молчит так долго, словно сам до сих пор не знает причины. Он запускает руку в волосы, а затем резко опускает её, и влажные медного цвета пряди падают ему обратно на лоб.

- Сколько я еще мог тебе отказывать? – спрашивает он, переходя постепенно в нападение. – Вчера. Сегодня. Возможно, месяц. Ты ведь этого хотела? – Обвинение, Алек даже поворачивается, чтобы озвучить его, глядя в глаза. – Не так ли?

Я не пасую, мгновенно парируя его слова.

- А ты разве, нет?

И он не отрицает, но понемногу начинает раздражаться. Я же не свожу с его глаз жутко упрямого взгляда, и наконец его холодное безразличие спадает с выражения лица, когда Алек срывается на эмоции.

- Чёрт, - почти рычит он. - Ты сама знаешь, Лена, ответ. Но речь не обо мне сейчас, а о тебе! Если бы это касалось только меня, я бы, не задумываясь, пошёл на такое. Потому что эта ночь - наверное, одно из самых лучших, что было в моей жизни. - Алек резко качает головой. - Но ты, принцесса, ты для меня должна была быть важнее всего...

- Перестань, перестань, перестань, пожалуйста! - Я массирую внезапно заломившие пульсацией виски и зажмуриваюсь, отступая назад. Такое ощущение, что мне нужно пространство, а когда я открываю глаза, Алек уже стоит напротив, глядя на меня не менее настойчивым взглядом. - В чём разница между нами, Алек? Почему ты считаешь, что только один должен чем-то жертвовать ради меня? Думаешь, я люблю тебя меньше, чем ты меня?

Несколько секунд я жду, но у него нет опровергающего ответа.

Он снова настаивает на своем:

- Это другое, принцесса.

У меня выходит шумный вздох, наконец я решаюсь озвучить ему все причины, спровоцировавшие меня на поступок.

- Ты просто не понимаешь, Алек, - качаю я головой. - Ты бы здесь абсолютно не причём. Это было моим решением. Разве ты не понимаешь? Какая разница как со мной это произойдёт: будь то так, как случилось, или же это будет Орден...

-Что? - обрывает Алек меня, поражаясь. - Серьёзно? Вот, значит, что тобой двигало?

Он смыкает руки в замок на затылке и, смотря на потолок, не веря, качает головой. Я набираю побольше воздуха и сжимаю до онемения губы.

- Позволь мне, всё объяснить, - прошу я, но Алек снова и снова качает головой.

Его руки опускаются, а взгляд, обращённый теперь в упор на меня, становится каким-то уязвимым, словно непосредственно сам мой вид причиняет ему боль.

- Мы не о *том* говорим сейчас, принцесса, - не позволяет он мне всё рассказать. - Надо что-то придумать...

От его слов внутри меня все обдаёт холодом.

- Алек, - бессильно слетает с моих губ.

За мгновение его выражения лица сменяются множеством эмоций от разочарования до негодования, Алек указывает на меня пальцем.

- Даже не смей произносить этого вслух, Лена, - процедив, требует он. - Мы обязательно что-нибудь придумаем.

В груди у меня уже разверзлась настоящая пропасть, грозящая поглотить меня целиком. Я не могу вынести, что Алек так реагирует, после всего прекрасного, что с нами произошло ночью. К тому же, в конце концов, кто-то из нас двоих должен признаться, что выхода нет. Я делаю осторожный шаг, подходя к дивану; между нами он, как стена из недосказанных и разрушающих надежды слов.

- Со мной всё в порядке, - пытаюсь я заверить его.

Алеку требуется девять долгих секунд, чтобы сказать:

- Это - временно.

Не знаю, что происходит со мной, но я спокойно принимаю такое утверждение и, соглашаясь, киваю.

- Возможно. Поэтому давай не будем тратить это время на ссоры и выяснения причин? - предлагаю я, но Алек вспыскивает гневом так, словно сказала что-то жутко неслыханное.

Он злится, злится, как никогда ещё не злился на меня. Его взгляд неистово впивается в

моё лицо, ощущаясь как хорошая пощечина.

- Если ты сдалась, то я не собираюсь! - а ещё я никогда не слышала в звуке его голоса столько жестокости. - Ещё можно что-то придумать.

Внезапно мне хочется прекратить этот разговор. В голове звенит и раздражается мощный невразумительный спор. Сейчас я до него не донесу ничего... Если это вообще когда-то получится сделать.

- Прости, но, да, я - сдалась, - говорю я как-то слишком резко и жёстко, - и нам обоим необходимо просто смириться.

Я ещё не успеваю договорить, как уже начинаю разворачиваться в сторону выхода. Но Алек оказывается передо мной и, останавливая, поднимает моё лицо за подбородок. Гнев гаснет в его глазах, заменяясь отчаянием.

- Лена, не поступай так со мной, - просит Алек, и теперь уже огонь боли сжигает моё сердце.

И только с третьего раза у меня получается произнести эти слова.

- Мы ничего не сможем изменить, Алек. Тебе просто нужно это принять.

Прежде чем он успевает мне что-нибудь ответить, я поднимаюсь на носочки и легко целую Алека в уголок губ, а затем быстро обхожу его, надеваю кроссовки и, вытащив плееер с кармана спортивной куртки Алека, накидываю свою.

Вот оно и настало время бежать и бежать от всего, пока не причинила Алеку ещё большей боли...

Глава 16

Алек

Стук-стук. Стук-стук.

Боль, сверля виски, просачивается в разум, заставляя мысли вяло зашевелиться в голове.

Стук-стук. Стук-стук-стук-стук.

Настойчивые удары не прекращаются, разносясь эхом в голове, как колотящийся отбойный молоток. И у Алека только со второго раза получается, сконцентрировавшись, понять, что стучат в дверь.

Темно. Но определенно плюс, глазам хотя бы удаётся быстро приспособиться. Для таких, как Алек, алкоголь подобен добровольной пытке, смиренно выжидающей сокрушительного нападения только с похмелья.

Он же принял, как минимум, тройную порцию пытки.

Снова повторяются удары. Громче и настойчивей - стучащий явно прибывает не в лучшем расположении духа. В прочем, как и сам Алек, уже раздумывающий о желании лишить отчаявшегося этой нервирующей части тела.

Попробовать распознать, кто находится за дверью, сейчас абсолютно бесполезно. Вот она - истинная ирония: стоит едва ли выпить чуть больше приемлемой дозы, и вся твоя сверхъестественность летит ко всем чертям.

Алек садится и потирает лицо ладонями, когда вновь раздаётся новая очередь ударов, а затем встает и, огибая спинку дивана, подходит к двери. Ярчайший свет, исходящий из открывшейся двери, лишает его на мгновение способности видеть, но ненадолго. И теперь у него уже получается определить, чей образ расплывается перед его глазами.

Привычная ухмылка поднимает уголок его рта на автомате, на самом деле не просто

пустая – чаще всего ничего не значащая.

– Несс? – с напускным удивлением произносит он.

В действительности ему совершенно без разницы, что она тут забыла. Хотя и что-то в её взвинченном виде вызывает некое беспокойство.

– У вас всё в порядке? – насторожено спрашивает она.

Её вопрос заставляет что-то внутри него шевельнуться. Всё – к чёртовой матери – чересчур «не в порядке», поэтому Алек решает проигнорировать вопрос Несс.

– Зачем ты пришла, Несс? – с явным безразличием теперь интересуется он, прибавляя к своему тону голоса побольше намекающей резкости.

– Где Лена? – отзывается Несс с мечущимся волнением в глазах, и Алек мгновенно зависает над этим вопросом. – Мы договорились с ней встретиться, но она просто не пришла, а сейчас ещё и не берёт трубку...

Тук-тук-тук. Тук-тук-тук.

Только это уже не стук в дверь, а мощные удары его пульса в ушах. Алек перестаёт слышать Несс, пытаясь упорядочить бестолковый ураган мыслей, задавшихся одной целью найти ответ на вопрос.

И правда. Где, чёрт возьми, Лена?

Пустота.

Огромный, зияющий тёмной пропастью пробел вместо нескольких часов в памяти. Вот, по какой причине он никогда не употребляет алкоголь, желая держать под контролем каждую прошедшую минуту.

Ещё один запрос к памяти – по-прежнему пустота.

– Сколько сейчас времени? – наконец оживает Алек.

Он не дожидается ответа, начиная осматриваться по сторонам, сканирует все детали и мелочи. Улучшенное зрение возвращаться не спешит, но оно и не требуется, чтобы понять: всё точно так и осталось, как было тогда, когда она уходила. Ни вещей, ни обуви, ни того самого плеера, что она быстро выудила из его кармана, прежде чем, не оглядываясь, выскользнуть за дверь, – ничего нет.

Лена не возвращалась.

– Почти восемь, – отвечает Несс довольно неуверенно, словно вопрос Алека мог показаться ей странным.

Бросив на неё мимолетный взгляд, он начинает одеваться, но Несс ступает через порог, останавливая его. Сейчас в глазах девушки уже не просто волнение, она постепенно осознаёт, что её опасения, скорее всего, были оправданными.

– Что происходит, Алек? – добавив на этот раз требовательности, спрашивает она.

Алеку приходится прерваться, но чёткого ответа он пока дать не готов. Увильнуть – было бы правильной для него. Привычной. Но ему кажется, сейчас не тот случай, чтобы грубить. Хотя и бурлящие внутри него эмоции пробуют захватить контроль над состоянием. Как бы это было для Алека просто – поступить как всегда, замаскировав их, вылить в совершенно другой форме. Агрессия, например. Или того лучше – сарказм. Но, честно говоря, даже пробовать отчего-то не хочется. К чему скрывать, если в действительности он давно не был таким потерянным.

К тому же, произошедшее между ним и Леной ночью всё усугубляет. Возможно и, наоборот, упрощает, а ей всего лишь понадобилось личное пространство и время всё осмыслить. Когда она уходила выглядела слишком подавленной, но не произошедшем, а, казалось, его поведением.

Но сейчас, собственно, это уже ничего не меняет. Алек знает, что не смог бы отреагировать по-другому.

Лена не понимает главного – это не он собирается её оставить. А самое важное – Алек стал именно тем, кто предоставил ей эту возможность. И нет ничего более худшего из того, что он мог когда-то сделать по отношению к ней. Нет ничего...

Молчание Алека затягивается на добрых тридцать секунд, Несс за это время успевает побледнеть на несколько оттенков серости. Он просто смотрит на неё отсутствующим взглядом, заставляя девушку продолжать терять с лица цвет.

– Алек, – настырнее повторяет она. – Ты объяснишь, что происходит?

«Нет», его ответ, но вслух он говорит другое.

– Пока я сам ничего не знаю, но собираюсь это выяснить.

Стоит наделённым резкостью словам прозвучать его холодным, твёрдым голосом, как он тут же выходит на улицу. Несс безропотно следует за ним, буравя недовольным взглядом затылок Алека. Но проходит он всего несколько метров. Алек не знает, в каком направлении ему следует двигаться. И даже если бы его способности сейчас пребывали в лучшем состоянии, были бы бесполезными.

Вокруг километры сплошной белизны, усыпанной «Долину»; множество следов, утопающих в сугробах, повсюду и во все стороны.

Алек сдаётся, поняв, что именно это он сейчас, как никогда, бесполезен.

Один удар об дерево. Второй. Не помогает, но лучшего придумать всё равно не получается, поэтому Алек останавливается лишь на седьмом. Сцепив пальцы рук между собой на затылке, он медленно проводит ладонями по волосам. Мысли в его голове носятся, как сумасшедшие, и нет из них ни одной чёткой, предлагающей что-нибудь путное. Потому что всё упирается в ту самую пропасть – пробел в часов семь, как минимум.

И на кой чёрт ему вообще понадобилось пить?

– Алек, – вытягивает его в реальность голос Несс, который на сей раз звучит настолько настырно, что становится понятно: ему придётся ответить хоть что-нибудь. – Что происходит? Где Лена?

Алек опускает руки и поворачивает в её сторону голову; его взгляд уже говорит за него, Несс первый раз видит в его глазах столько боли.

– Я не знаю, – наконец признаётся он, чувствуя, как что-то тянет и тянет его внутренности вниз.

Правду, Алек. Иногда нужно говорить правду, какой бы она ни была.

Несс такой ответ поражает до основания.

– В смысле, не знаешь? – никак не может она принять очевидного.

Всё дело в Алеке. В его разбитом виде, буквально кричащем отчаянием. А он не бывает таким. Алек не показывает слабости, что бы ни случилось. Но сейчас...

– Я её потерял, – это всё, что на сей раз отвечает Алек.

Он сам толком ничего не может объяснить. Столько слов можно было бы подобрать, целый океан мыслей, пробующих найти хоть что-нибудь стоящее. Но на самом деле вся истина и упирается в то, что он её потерял во всех возможных смыслах.

Несс хлопает ресницами, ещё несколько морщинок бороздят её лоб озадаченностью. Но все ее попытки, разгадать его ответ, сходятся к невозможному. Если только не...

Она не успевает задать своего вопроса, пугающего её лишь только одним предположением. Внезапно, Алек сменяется в выражении лица. Осознание, наконец

чего-то стоящая мысль наделяет его взгляд решительностью, и он резко начинает двигаться в направлении дома с источником.

Возможно, Лена решила вернуться туда, где всё началось?

Маловероятно, но Алек готов цепляться даже за самую нелепую надежду. Хотя глубоко внутри, где-то в самой-самой далекой части него, он знает, произошло что-то необратимое. Знает, и даже не пробует сопротивляться этому чувству.

Больше, Алеку требуется испытать его в полную мощь, чтобы начать оценивать ситуацию как следует. Только тогда его мозг сочтёт нужным работать интенсивнее. Кого-то, может быть, страх и выбивает из колеи, его же заставляет думать. Думать очень и очень много. Анализировать. Изощраются, двигаясь наперекор трудностям.

И вот его догадки подтверждаются ещё до того, как он приближается к месту, где всё и произошло. Однако Алек всё равно продолжает идти туда. Бесцельно. Просто по тому, что идти теперь некуда.

Несс упрямо ступает по его следам, безмолвной тенью. Его это немного раздражает, но выгонять её не собирается. Алеку отчего-то не хочется оставаться сейчас одному.

Он доходит до парадных дверей и садится на одну единственную цементную ступень, опускает голову на ладони и, кажется, вовсе забывает о присутствии Несс, пока она вновь не напоминает о себе.

- Алек, - пробует добраться до истины Несс, но голос её на этот раз отличается, тихий и мягкий, будто опасаящийся надавить слишком сильно. - Почему ты не отвечаешь на мои вопросы?

Он поднимает на неё взгляд и горькая усмешка рвётся наружу.

- Потому что у меня нет ответов.

Несс такой поворот событий не устраивает, её снова посещают нелепые мысли, которые она не решается произнести вслух.

- Вы что, поссорились с Леной? - предполагает она меньшее из всех зол.

- Нет.

- Я не понимаю, что тогда могло произойти такого ужасного, что...

Несс замолкает, взгляд Алека именно в этот момент достигает крайнего уровня отчаяния, и теперь ей больше не требуются никакие ответы. Все перед ней.

- Боже мой, - выдыхает она. - Не говори, что вы... вы... - голос её осекается, никак не способный произнести этих слов.

Алек отчего-то резко выходит из себя, жёсткость поднимается в нём, как жгучая желчь.

- Как скажешь, - цедит он.

Отрицания. Сплошные отрицания заполняют Несс, отказывающуюся принять такую истину. Она продолжает упрямо качать головой. И Алеку является понятной подобная реакция с её стороны. Она знает его намного лучше, чем кто-либо другой. Ему самому до сих пор сложно поверить, что ночью он уступил. Столько лет так чтить запреты и правила, считая их непередаваемо важными, и вот пред глазами её взгляд - молящий, нуждающийся, такой искренне желающий; как он мог ей отказать?

Повторил бы он и сейчас это? Смог бы отказать, зная, чем всё обернется уже через несколько часов? И ответ на самом деле поражает даже его: не смог бы; Алек готов дать ей все, чего бы она ни пожелала.

- Как это произошло? - ошеломлённый шёпот Несс заставляет его внимание переключить на её невероятно бледное лицо.

На этот раз резкая усмешка вырывается из него быстрее, чем он может осознать

насколько она неуместна, Алек выставляет перед собой руки.

– Давай, мы избежим подробностей. Тебе ведь не десять лет... – Алек замолкает, попытка отшутиться впервые задевает что-то живое. Он устает в одну точку, в итоге он всего лишь говорит. – Это просто произошло, вот и всё.

Несс ахает. Не такого ответа она ожидала. Она до последнего надеялась, что Алек перестанет разыгрывать эту злую шутку, признавшись, что они просто поссорились с Леной. Но он даже долго смотреть на неё не может. Её реакцию, в очередной раз напоминающую, что он сделал.

– И ты думаешь, что с Леной уже что-то случилось? – слегка придя в себя, спрашивает Несс.

Она глядит на Алека так пристально, с необъяснимым огнём надежды в глазах, что ему становится не по себе. Этого предположения он избегал до последнего, пока оно не осталось последним.

– Я не думаю, – вопреки всему отзывается он.

Хотя он только и делает, что прокручивает сегодняшнее утро, тщательно разбирая каждую секунду. Тогда ему было не до поведения Лены. Всё, что его волновало – её отношение к произошедшему. Как она говорила о том, что её ждёт. Говорила о смерти так легко, будто уже её приняла... или же уже умерла.

Возможно ли, что всё это были начальные признаки проклятия? Ему надо было лучше к ней приглядеться. Лучше следить за ней...

Какофония мыслей в очередной раз сводит с ума, но по-прежнему ни одной стоящей. В голове у него бездна, в которую они все проваливаются.

В пустоту. Они все летят в никчемную пустоту.

Алек понимает, что достиг какой-то критической точки отчаяния. Той точки, когда бездвиженность разрывает тело зверской энергией. Нужно что-то делать. Немедленно. Нужно просто что-то делать, а не сидеть, сложа руки.

Он резко встаёт, его взгляд – прозрачная вода, отражающая всю его потерянность. Но чёткая решительность превозмогает над этой прорвой бездейственности. И прежде чем Несс успевает уточнить, что Алек собрался делать, он начинает идти.

– Я возвращаюсь в дом.

Это единственное, что он может сделать прямо сейчас – просто надеется, что она вернется сама.

***

Время – один из самых мучительных видов пытки, когда ты чего-то отчаянно ждёшь; секунды – одна за одной – раскалённые прутья по нервам.

Поначалу Алек уговаривал себя оставаться спокойным, но ближе к полуночи ни одно из убеждений больше не работает. Он не останавливаясь меряет гостиную шагами. Тысяча шесть шагов. Тысяча семь секунд. Внутри него что-то скребёт и скребёт, скребёт и скребёт. Словно неутомимый, просящийся наружу зверь, жаждущий выбраться. И он должен его освободить, начать хоть что-нибудь делать.

Но что?

Тусклый огонь, исходящий от камина, единственное освещение в гостиной; мельтешащая тень Алека – единственное движение.

Тишина разъедает мозг, не только Алека, Дамьян выглядит так, будто в его голове уже

завелись черви. Очевидное нетерпение искажает выражение его лица напряжённостью, он никак не может понять, отчего брат бездействует.

На тысячи шестнадцатом шаге голос Дама сбивает так старательно контролируемый счёт Алека.

- Мы так и собираемся просто сидеть и ждать? - в независимости от того, что сам Дамьян чересчур взвинчен, спрашивает он с осторожностью.

Алек на него даже не оборачивается, продолжая своё бесцельное занятие.

- Есть идеи? Готов выслушать, - без особой заинтересованности отзывается он.

Секунду-другую Дамьян растерян. Нет, у него совершенно отсутствуют идеи, поэтому он выдаёт первое же пришедшее на ум предположение.

- Может, Лена уехала в город, никто такое не обдумывал?

Со стороны Алека звучит резкая усмешка, он останавливается, и на его губы взбирается какая-то уж до безумия широкая улыбка. Он смотрит на младшего брата через плечо.

- Как у тебя со зрением, Дам? - внутри Алека начинает что-то закипать. - Машина стоит прямо перед крыльцом, по-твоему, Лена решила прогуляться до туда пешком?

Дамьян не способен разобрать интонацию его голоса, впадая в ещё большую растерянность. Неправдоподобно спокоен Алек или издевается? Однако, зная брата, ответ не заставляет себя ждать. Но он все равно не отступает.

- Возможно, она с кем-то...

- Не носи чепухи, Дам! - грубо обрывает его Алек.

Однако Дамьян ощущает, что больше не может притворяться, отрицая очевидное, и слова сами рвутся наружу - непринужденные, ненавязчивые.

- Тогда остаётся одно...

Внутри у Алека всё обдаёт огнём.

- Закрой рот!

Злость, наконец-то в нём закипает злость. Необходимая, всепоглощающая, вот, что рвалось из него наружу. А теперь её накопилось так много, что Алека она захлестывает с головой. Он полностью разворачивается к Дамьяну лицом, пронизывая его своим убийственно острым взглядом. Но тот не собирается отмалчиваться, какое-то неизвестное чувство подпитывает его уверенностью. Алек не имеет права выливать всё на него, отправляя уже не первый раз все его предположения к чертям.

- Я хотя бы пробую что-то предположить, когда ты не делаешь совершенно ничего! - Дамьян встаёт, желая находится с ним на одной высоте, спорить с Алеком, прибывая при этом физически ниже его, уже заведомо означает провал. - Поэтому не смей вымещать всё на мне, не я виноват в том, что ты...

Внезапно Дамьян осекается, осознавая, что едва ли не перешёл недопустимое. Однако Алека это странно веселит, ухмылка, похожая на довольный оскал, завладевает его губами. Он делает один медленный шаг.

- Что я? - голос Алека настолько умерен, что Дамьян приходит в кратковременный ступор. Ещё один шаг в сторону брата, и он повышает настойчивость своей интонации. - Ну, Дам, что я?

Теперь братьев разделяет полметра. Алек так и не спускает с губ ухмылку, явно граничащую с безумием.

- Давай, Дам, скажи это, - провоцирует брата Алек, надеясь выплеснуть все разрывающего его эмоции ярости. - Ты ведь этого хочешь. Или что, как всегда, смелости не хватает?

Дамьяна задевают его слова, но он со стойкостью выносит взгляд Алека, которого такая реакция лишь досаждаёт. К чему скрывать, если Алеку необходимо, как воздух, повод сорваться.

- Алек! - неожиданно в их перепалку вмешивается Несс, оставшаяся до этого в стороне, но, кажется, она единственная из всех присутствующих по-настоящему держится спокойно. - Дамьян не хочет этого говорить. Верно, Дам?

Она бросает на него предупреждающий взгляд, однако Дамьян на него не реагирует и с вызовом поднимает подбородок.

На самом деле он не знает, почему именно в этот момент, в нём разыгралась такая твёрдая уверенность правоты. Может от того, что его старший брат впервые за всю жизнь ошибся? Или же, как он считает, Алек за последние два месяца то и делал, что только ошибался, а у Дамьяна наконец-то выдался шанс его в чём-то упрекнуть, как это делал всегда Алек?

Определённо так и есть.

Слабый намёк на улыбку появляется на его лице.

- Нет, Несс, - отвечает он, упёрто глядя в этот момент в наполняющиеся свечением глаза старшего брата. - Какой смысл? Ты разве забыла, как Алек наказывал нас, предвещая последствия? - интересуется он, одарив её коротким взглядом. - Так вот, ты не имел на то право, когда сам облажался, не протянув и нескольких месяцев!

Всего на мгновение Алек испытывает невероятное удовлетворение, получая желаемое, но уже в следующее его сменяет пустота - до жути холодная. Он сам уже не понимает, чего добивался. Чего хотел. И что получил. Отсутствие Лены ничего не заменит.

Первая мысль - ударить Дамьяна. Но он её подавляет в зародыше, предпочитая оставаться сейчас выше всего этого.

- Проваливай, - спокойно говорит Алек, так легко, будто это и не грубость прозвучала вовсе с его стороны, а простая банальщина.

И Дамьян только в данную секунду осознаёт, что и на сей раз не шибко отличился умом, подавшись таким глупым провокациям брата. Правда, отступить уже поздно, и если уж начал, так следует перечить до последнего.

- Ты не можешь выгонять меня из этого дома.

Слишком обманчивая ухмылка отражается на лица Алека, хотя он и сам не понимает, зачем ему вообще понадобилось её нацеплять. Возможно по тому, что другой вариант, буквально изо всех сил напрашивающаяся агрессия, кажется ему уже перебором. Хватит. На сегодня и так хватит всего этого дерьма.

- Вообще-то, могу, - не приводя ни одного довода, категорично констатирует Алек.

И Дамьяну становится как-то уж чересчур не по себе. Снова. Он так по-дурачки облажалась, ничего не доказав. Он отступает на шаг назад, сам себе не веря, что собирается ещё раз поддаться нерушимой над ним власти брата, покинув далеко не чужой дом, и даже не одного Алека.

Но вот оно происходит - Дамьян поражённо отступает, сопровождаемый неотрывным взглядом Алека. Дойдя до двери, он смотрит на Несс, ожидая, когда она последует за ним. Но она колеблется, не сводя глаз с Алека, который выглядит в десятки раз хуже, чем несколько минут назад. То, что он наконец осознал всю масштабность ситуации, написано на его лице буквально чёрным по белому. Несс сомневается, что он вообще осмысливает ещё что-то, кроме этого, и она совсем не хочет оставлять его в таком состоянии одного. Да, Дамьян - её любимый, но Алек ей тоже безразличен. Совсем безразличен.

- Всё нормально, иди, Несс, - безразлично произносит Алек, даже не взглянув на неё.

Но Несс настойчиво качает головой, складывая руки на груди, уже готовая встать

братьям наперекор. Возможно, и заставить их в сию же секунду перестать вести подобным образом.

Алек замечает её движение, подсказывающее ему, что должно последовать дальше. А этого он хочет меньше всего.

– Иди, Несс, мне действительно надо подумать, – говорит он со всей возможной серьёзностью. Он чувствует, что если сейчас же не начнет приводить свои мысли в порядок, то они взорвут его мозг беспорядком. – Если что-то произойдёт, я непременно дам вам знать.

Алек нарочито делает акцент на «вам», в какой-то малой степени показывая Дамьяну, что он уже переосмыслил их последний разговор. Неохотно, но Несс соглашается, видя, что Алек не шутит, и они в итоге оставляют его одного.

Сев на диван, Алек долго не отводит взгляда от слабо-горящего в камине огня. Он хотел упорядочить этот балаган в голове, но больше не требуется, теперь там настоящая пустошь, тишина, раздражающая все нервные клетки. По-прежнему ничего. Он бесцельно оглядывает пространство вокруг: окно, стены, диван, пока его взгляд не упирается в третью недопитую бутылку виски, стоящую на тумбочки слева от него.

Минуту. Пять. Десять. Он смотрит сквозь искажённое выгравированными буквами стекло, в котором отображаются скачущие языки пламени огня. Всё также без мыслей он просто смотрит, ощущая, как что-то внутри него капает и капает, медленно наполняя неизвестное чувство. Неузнаваемое. Чуждое. Немного тоскливое. Оно растёт всё больше и больше, и появляется впечатление, что ещё чуть-чуть и это чувство полезет через край.

Кап-кап, кап-кап. Переполняет.

Кап-кап – каждое его действие, каждое его слово.

Кап-кап – каждая минута и ненависть на самого себя, что не может возненавидеть эти минуты.

Кап-кап – его желание и не способность устоять пред ним.

Алек зажмуривается изо всех сил, но голод его отчаяния не притихает.

Оно продолжается.

Кап-кап... – и вот всё в нём взрывается.

В одно мгновение Алек срывается, резко хватая бутылку и запускает в камин. Угасающий огонь ослепительно вспыхивает с новой силой, подпитываемый жгучей жидкостью, и он буквально видит, как яркие языки пламени жадно обглаживают каждый мелкий осколок, разбившегося стекла...

Огонь вновь успокаивается и Алек на этот раз вместе с ним. Ясные мысли начинают выстраиваться в чёткую цепочку последовательностей. Больше он бездействовать не собирается, если Лена не вернулась сама, значит нужно во что бы это ни стало отыскать её самому.

***

Пытка временем продолжалась. Если ещё два дня назад оставались места, что Алек не проверил, то на сегодняшний день таких мест не осталось ни одного. Некоторые он проверял и по семь раз.

Бесследно. Лена пропала бесследно.

Пять дней. Пять – мать его – дней, проведённых в аду.

Причём ад был его персональным. Потерять её, не доглядеть, отпустить одну... Алек никак не может понять, как допустил столько ошибок буквально за один день.

Он разваливается. Всё разваливается, и даже больше. Ошибки-ошибки-ошибки, его ошибки – они преследуют его мысли, терзают, изводят, принуждая обдумывать их безостановочно.

Пять дней, как на автомате, жизнь проходит по семи кругам преисподней. Сон отсутствует, а в отдыхе нет нужды, если Алек и устал, то не физически. Энергия – какая-то совсем странная, непохожая на обычную силу – разрывает его. Каждую минуту он жаждет двигаться. Секунда, проведённая в спокойном состоянии, что-то ломает в нём, навязывает жуткие образы, превращается в кошмар. Отчаяние поглощает, он ощущает себя так, словно сама его душа рассыпалась, как картонный домик.

Контроль над происходящим покидал его, стремительно растрачиваясь на преодоления каждого дня. Сейчас же его не осталось совсем. Вчера Алек даже подрался с неизвестным мужчиной, который отозвался о Лене: «А, это та горячая штучка в красной кофточке»; когда Несс перешла к самому крайнему методу – расспрашивать каждого встречного о ней.

Хотя, как, собственно, подрался? Едва ли не убил его за несколько секунд. Если бы не Зак, всё именно так и закончилось бы для этого ублюдка.

Но знаете, что – это помогло. На минуты, совсем ничтожные триста восемнадцать секунд, внутри у него царил пустота.

Ни боли, ни муки, ни дьявольской агонии, вообще ничего, только одна – шире самой вселенной – пустота. И сейчас Алек чувствует в ней необходимость. Нуждается, как в дозе наркотика.

Он решительно направляется в тренировочную комнату на первом этаже. Груша. Ему нужна груша, пока он не оказался на улице и не начал избивать каждого встречного, в попытке хотя бы ненадолго закрыть глотку тому существу, что поглощает Алека изнутри днём и ночью.

В детстве отец не пропускал ни одного дня, выжимая из него максимум. Даже его дни рождения проходили за тренировками и обучением, тогда, когда Дамьян в свою очередь имел к себе особое отношение, не зная, что такое усталость и отсутствие иной жизни. Поэтому с приездом сюда, сам Алек ни разу не открыл ненавистную ему дверь и точно не поверил бы, что в ближайшее время здесь окажется.

Комната, стоит ему едва ли перешагнуть порог, мгновенно нагоняет воспоминания, не такие уж и хорошие, но как это все мелко по сравнению с настоящим. В какой-то степени Алек даже благодарен своему отцу за её наличие в доме. Снаряды улучшены, выполнены из более плотного материала, способного выдержать подобные удары, какими их наградила природа. Обычно в полукровках и так всегда слишком много энергии и необузданной ярости, которую необходимо куда-то выплёскивать.

У него же критический случай. Масса энергии и целый океан ярости.

Алек бьёт один раз по груше. Второй. Гнев переполняет, но он понимает, что вызван тот безысходностью. Удары – его всепоглощающие желания, безумнейшая потребность, неистовая нужда.

Я. Хочу. Видеть. Её. Сейчас же!

Чёрт! Это дерьмо невыносимо. Выворачивает, словно кто-то внутри бензопилой расчленяет душу на части.

Дерьмо! Дерьмо! Дерьмо!

Он бьёт и бьёт грушу снова, пытаясь избавиться хоть от малой части этого гнетущего ощущения. По сути, Алек должен уже чувствовать себя измотанным из-за столь долгого отсутствия сна. Но чёрта с два! Он готов прямо в этот момент сразиться с целой армией гибридов, разрывая их глотки голыми руками. Кровавые картины врываются в сознание, и в каждой из них он держит в руках позвоночники этих тварей.

Тщетная попытка отвлечься. Картины ужасного месива вытесняют другие образы. Лена. Перед глазами снова только она, и слова неумолимо рвутся наружу, неспособные больше оставаться внутри.

- Она. - Удар. - Мне. - Удар. - Нужна!

Удар, и ткань даёт трещину. Но этого мало. Бездна сдавливает его лёгкие, трудно дышать, чувство неизбежности становится всё сильнее. Целая ядерная бомба всевозможных эмоций.

Алек со всей возможной силой срывает грушу с цепи и бросает её в стену.

Мало.

Он хочет что-то покалечить, сломать, разрушить, в конце концов, просто разнести весь этот проклятый мир к чёртовой матери. И на данный момент за мир выступает эта комната. Комната, которую Алек так ненавидит.

Груша рикошетом возвращается к его ногам, и Алек пинает её. Следующая его цель - скамейка. Подхватывает, швыряет об другие снаряды, до которых и сам добирается уже в следующую секунду.

Снова мало.

Чувства не вырвать и не изъять. Но Алек всё равно продолжает громить всё подряд, надеясь, что это в итоге поможет.

Ему интересно, если сам он почувствует физическую боль, станет ли его собственная хоть на толику, но поменьше? Поможет ли ему это снова дышать?

Потому что он задыхается, даже если бы он вдохнул в себя сейчас весь воздух присутствующий на Земле, то его бы Алеку не хватило. Та самая боль неистово жжёт, она сожгла не только бесконечно ноющее сердце, ему кажется, что всю его грудную клетку разворотили беспощадным варварским методом.

Алек бьёт, пинает, кидает, не обращая никакого внимания на то, что летит в него обратно. Снова отшвыривает, и в воздух поднимается тяжёлая пыль в примесь с кусками известки. Разгром достигает неведомого уровня, которого Алек совсем не замечает, или же, напротив, наслаждается им...

Внезапно голос, пробравшийся сквозь гул несущейся крови в ушах, и кто-то оттягивающий назад. Немедля, Алек разворачивается и уже заносит руку для удара, но резко останавливается, увидев ошеломлённое лицо перед собой.

Зак.

Яркие глаза дядя полны беспокойства. Или, скорее всего, испуга за Алека. Он никогда не видел своего племянника настолько обезумевшим. Что тут говорить, когда Алек годами, с раннего детства, умел скрывать все свои чувства. Но сейчас все они на его лице. В его остекленевшем взгляде. Потерянном виде.

Впервые Алек - сломался.

Зак кладёт ладонь на его плечо и неуверенно, осторожно сжимает.

- Успокойся, сынок, - почти шёпотом молвит он. - Это невыход.

Алек горько усмехается. Он бы рад успокоиться, честное слово, но по правде не в состоянии. Он тяжело дышит, однако изо всех сил пытается взять своё сердцебиение под контроль. Закрывает глаза и качает головой.

Он не хотел, не хотел срывать, просто ему ничего другого уже и не оставалось. Алек всё перепробовал, все методы борьбы со своим отчаянием - незнание его медленно убивает.

- Я не могу, Зак... я не знаю, что мне делать, - наконец признаётся он хоть кому-то.

Показывать то, что на самом деле он сдался, Алек не собирался, хотя и не чувствует, что ему стыдно за это. Зак для него всегда был тем человеком, что заменил настоящего отца, которого отнял его собственный. И в очередной раз Зак доказывает Алеку, что ему можно рассказать всё.

В ответ, с настоящим и искреннем участием, он кивает.

- Понимаю, - отзывается он, и Алек осознаёт, что Зак его точно понимает, как никто другой. - Но это тебе тоже не поможет, поверь мне.

И Алек верит. Потому что ему - не помогло, наоборот, стало во множество раз хуже. Теперь он окончательно знает, что выхода вообще ни одного нет. Он отворачивает голову в сторону, от взгляда его дяди ему отчего-то становится сложнее держаться. Зак смотрит на него неправильно, тем взглядом, что Алек привык избегать, - с жалостью. Однако тут он вспоминает, как сам смотрел на него, когда Зак потерял Натали. Мертвец выглядел и то тогда живее его. И Алек не понимает, каким образом Зак смог вылезти из того состояния и снова начать жить, потому что сам бы он точно не выбрался.

Он отступает назад, разглядывая свои заживающие ссадины на костяшках пальцев, и с ними исчезают последние минуты, словно ничего этого и не было. Словно он только что и не срылся. Затем поднимает свой взгляд на лицо Зака, стараясь при этом больше не показывать былой слабости. Молчание расплзается в воздухе чем-то тяжёлым, похожим на металлический привкус неловкости. Зак хмурится, увидев, что Алек наконец приходит в себя, но сам тянет с несколько секунд, чтобы завести разговор.

- Алек, - начинает он довольно серьёзно. - Вообще-то, я здесь не просто так, у меня кое-что есть для тебя, - сообщает Зак, и Алек мгновенно же сосредотачивается, однако, смотрит на него с подозрением. - Только перед тем, как отдать тебе это, я должен рассказать тебе одну важную вещь. Это будет нелегко принять, потому что я не должен был скрывать от вас правду.

Зак отходит немного назад, потирает пальцами глаза, смыкая их на переносицы, и только спустя полминуты он собирается с мыслями.

Он рассказывает ту самую правду - сложную, противоречащую всему тому, что Алек знал и во что верил годами. Правду, в которую с первых слов невозможно поверить. Но Зак продолжает, отчего Алеку всё больше и больше становится не по себе.

Зак говорит, что за два года до смерти Натали они тоже совершили непоправимое. И они понятия не имели, что произойдет с ней. Слухи, хоть и всегда ходили, но в действительности Зак не знал ни одного, кого настигло бы проклятие наяву. Потому они просто ждали и ждали, ждали месяц-другой, но только так ничего и не происходило. И тогда они решили, что им попросту повезло. По крайней мере, Зак точно так думал. А вот Натали начала верить в совершенно иное, и спустя ещё несколько месяцев она настояла на своей правоте, уговорив Зака рискнуть снова. Ничего. Ничего не произошло. И после тоже не происходило. Однако рассказывать об этом кому-то они не спешили, опасаясь того, что они всего лишь исключение. Молчали до тех пор, пока Натали не забеременела. Вот тогда смысл утаивать пропал. Натали боялась того, что возможно что-то пойдёт не так, и без колебаний решила согласиться на встречу с Софией, будучи уверенной, что её сестра точно должна была знать, как это явление объяснить. Ко всему прочему, Зак говорит, что Лидия, мать Алека, знала о беременности Натали, и именно эта новость заставила её поддержать её, когда они все втроем уехали в ту ночь и так больше и не вернулись.

К концу рассказа Зак выглядит неестественно бледно, старые, запертые воспоминания нанесли ни один по нему удар. Однако держится стойко, силясь скрыть это от своего племянника. Алек же, напротив, зол. Зол, и даже не утруждается это скрывать. Хотя если разобраться, то сложно ответить, на что именно Алек предпочитает злиться больше всего. Молчание дяди, молчание матери, на такую не укладываемую информацию в голове или на то, что он по-прежнему пробует отрицать прозвучавшие только что слова Зака.

Новая злость стремительно переплетается с его постоянной, он чувствует ещё одну волну жара по венам.

- Как это всё понимать, чёрт возьми? - резко, не церемонясь с тем, что вид Зака оставляет желать лучшего, требует Алек.

Зак же смотрит куда-то в неопределенность, специально маневрируя взглядом, чтобы не столкнуться с его.

- Алек, - пробует Зак упорядочить всю информацию. - Ты должен осознать, то, что я рассказал...

- Нет, - перебивает его Алек, качая головой. - Просто скажи мне, как я должен на это реагировать?

- В том-то и проблема - никак! - внезапно взрывается Зак. - Это далеко не достоверность, а всего лишь констатация факта.

- Но ты молчал! - практически переходит на крик Алек, сам того не замечая. Он ничего не замечает, кроме своих мгновенно начавших работать иначе мыслей. Теперь всё для него меняет смысл. - Как ты мог столько времени молчать?

Ответа ещё нет, но он уже отрицательно мотает головой, как бы отказываясь слышать его. И не напрасно, конкретного Зака так и не даёт.

- А что я должен был сказать?

- Что проклятия - нет, - на удивление спокойно отзывается Алек.

Что-то внутри у него уже иссякло, словно та злость наконец исчерпала всю его силу. Всё, что с ним происходит - это многочисленная путаница мыслей и логики. Он так ничего и не понимает.

- Но такое утверждение - не точность, - вновь пытается внести ясность Зак. - Я до сих пор не знаю, почему нас оно не коснулось. Я так и не решился кому-то об этом рассказать, переживая, как такая правда могла бы повлиять на наш народ. Я просто знаю, что исключения - есть, - говорит он, приближаясь к Алеку, кладёт ладони на его плечи, призывая посмотреть на него. - Я даю тебе надежду, Алек, потому что, признай уже наконец-то, что все до единого, - он тыкает пальцем в грудь Алека, - и ты в том числе, думают, что Лена исчезла именно по причине проклятия. Просто-напросто никто не в силах озвучить этого вслух.

Алек молчит, не отрицает, Зак говорит правду, вот только недоумевает, к чему тот ведёт. Его глаза сузились на автомате сразу же как заметил, что дядя готовится преподнести сейчас что-то ещё. То, что держит при себе до последнего. И он не ошибается. Взгляд Зака становится проще, острота и явная настойчивость его покидают, выражение лица смягчается, самое тяжёлое он уже поведал, теперь, наоборот, настает очередь лёгкого.

Зак отступает, убирая руки с плеч Алека, и запускает одну из них в карман.

- Я не могу заверить тебя, что Лене не затронуло худшее, но думаю, ещё есть шанс её отыскать. - Зак не смотрит на своего племянника, когда неспешно достаёт что-то из своего кармана, и у Алека не сразу получается распознать, что это за предмет, пока он не оказывается у него на ладони.

Плеер. Это тот самый плеер, что Лена у него позаимствовала прямо перед тем, как исчезнуть. С минуту Алек лишен дара речи, ошеломлённо разглядывая плеер, проводит по поверхности большим пальцем и пытается разгадать, что всё это значит.

- Откуда? - спрашивает он, когда вспоминает о реальном мире и том, что Зак так и не спускает с Алека глаз, ожидая его реакции.

- Нашёл. - Лёгкий намёк на улыбку появляется на его лице. - Всё это время ты искал только саму Лену, а я - остальное. - Зак указывает пальцем на плеер, который Алек держит так аккуратно на ладони, как что-то очень дорогое и хрупкое, и глядит на племянника исподлобья. - Там, где я его нашёл, неподалёку были следы шин. Немного скрытые снегом, но колею от них так и не занесло полностью. Следы, как минимум, от двух машин, которым как раз примерно пять дней, исходя, что снег шёл только в тот день. - Перед вопросом Зак ненадолго берёт паузу, наблюдая, как тени сползают на лицо

Алека. Нет смысла задавать его, но он всё равно хочет убедиться, что мыслят они с ним одинаково. – Ты понимаешь, что это значит?

Алек не сразу кивает, несколько секунд он просто сверлит одну точку в стене, хотя, конечно же, ответ у него уже есть. Однако это чувство – чего-то такого мерзкого и одновременно восторженно обжигающего – обуздать с первого раза не получается. Только с четвёртого.

Алек поднимает на Зака свой взгляд. Взгляд, который за считанные мгновения ожесточился, наполнился решительностью и ясностью, стал до неузнаваемости живым.

Наконец, он отвечает:

– Орден, – произносит Алек, чётко выделяя каждую букву. – Они нашли нас.

Глава 17

День 2

Свет – это боль. Тьма – глубокая пропасть.

И какое-то время происходит один и тот же процесс. Свет – тьма – боль – падаю, а затем всё чаще и чаще я испытываю только боль, и совсем ничтожные минуты моё тело парит в невесомости забвения. А потом яркий свет буквально начинает просверливать раздражением мозг, оставляя в нём небольшие дырочки смутной памяти, за которые я и пытаюсь ухватиться, чтобы запустить шестерёнки в своей голове. Но действие недолгое. Стоит моим мыслям на секунду замолкнуть, как меня снова заглатывает бездонная темнота.

Снова падаю, падаю и падаю...

День 3

Боль. Боль везде. Стучит в висках, пульсирует в затылке. Глаза будто кто-то вдавливают пальцами. Пытаюсь сглотнуть, но ничего не получается, даже попытки не происходит... И вдруг я слышу писк, нарастающий с каждой секундой всё интенсивней. Что-то эхом бьётся всё чаще, пока не понимаю, что это моё сердце, звучащее в унисон невыносимому писку.

Ещё до того, как я открываю глаза, слышу щелчок и несколько чьих-то шагов, но единственное, что вижу – белый яркий огонь, поражающий глаза новой болью. Пытаюсь поднять руку и протереть глаза, но внезапно понимаю, что у меня нет связи ни с одной из частей тела, словно его замуровали в цемент.

Вновь принимаю попытку открыть глаза, перебарывая секундное жжение в них. Надо мной нависает размытое пятно, позже образующееся в очертание головы. Мужской головы с чёрными волосами. Его странный заискивающий взгляд всматривается в моё лицо, а затем он светит фонариком мне в глаза, и я мгновенно зажмуриваюсь.

Постепенно мои мысли складываются во что-то разборчивое, и я пробую заговорить, но губы даже не шевелятся.

– Она восстанавливается, – звучит голос той самой возвышающейся надо мной головы.

Нет, я всё же вижу и слышу.

Где-то раздаётся шорох, а затем ещё один голос – механический, словно говорящий находится совсем далеко:

– Я понял вас. Спасибо, Александр, можете идти.

И он уходит, оставляя меня одну в этой белоснежной могиле.

Заторможенность. Такое ощущение, что мозг забит ватой, мешающей мыслям пробиться и сгруппироваться. Пытаюсь соображать, уцепиться за что-то важное, назойливо

крутящееся в голове, я знаю, что должна это сделать, но всё тщетно.

Я жива и не жива одновременно.

Возможно, проходит минута, а возможно и час. Никогда не была так дезориентирована, что не способна даже различить время, мне всё кажется одним бесконечным мгновением, словно секунды раздваиваются, умножаются и делятся на самих себя.

Надо мной вновь возвышается голова, это происходит так резко, что моё сердце вздрагивает. Ещё один мужчина, но он... Он смотрит на меня не изучающе, а с необъяснимой мягкостью, словно никак не может налюбоваться дивным младенцем. И это так искренне с его стороны, что я хотела бы поверить ему. Но что-то твердит мне не верить.

Совершаю ещё одну попытку заговорить, и на этот раз у меня даже получается пошевелить губами. Однако внезапно на них оказываются его пальцы, останавливающие мои слова.

- Тшш-ш, - произносит он, и вместо ощущений на моих губах лишь покалывание. И тоже самое покалывание проносится по щеке, когда мужчина ведёт указательным пальцем по ней вверх вдоль скулы. - Не старайся, это бесполезно, - его слова сопровождает всё тот же завороченный взгляд. - Нам пришлось изрядно по изощряться с центральной нервной системой, чтобы ничем не испортить твою кровь. - Яркие, цвета переливающейся бронзы глаза наконец останавливаются на моих, и в них проскакивают искры восторга, он будто безрассудно рад тому, что говорит. - Она была слишком важна...

Вспышка: Лес. Снег. Я бегу, дыхание учащённое, надрывное...

Мои глаза расширяются - мужчина улыбается.

- Поэтому потребовалось несколько дней, чтобы восполнить наши потраченные на твои поиски запасы, - продолжает он, вглядываясь в мои глаза.

Я бегу. Бегу по лесу изо всех сил, ноги утопают в снегу, но я не обращаю на это внимания, меня топят мощнейшие эмоции, на щеках застывают слёзы, которые так долго сдерживала, разговаривая с Алеком. Он не должен был видеть их, чтобы понять, что я лгу.

- Алек, - едва разборчивым шёпотом выдают мои губы.

И теперь я вижу идеальную белизну улыбки этого мужчины, кем бы он не был. Пульс начинает стучать прямо в ушах - противный писк вновь нарастает.

- Умница, - лепечет он, и я готова поклясться: он именно это и имеет в виду. - Ты необычайно быстро исцеляешься, быстрее, чем я когда-то видел. Ты, Елена - моё самое бесценное творение, которое я потерял.

Неожиданно я осознаю, что лес по обе стороны от меня закончился, а я бегу уже по той самой тропинке, которой вёл меня вчера Алек. Перед глазами домик у источника. Наш домик у источника. Не знаю, что именно привело меня сюда, но знаю, что сейчас это единственное место, где я хочу находиться. Замедляюсь и уже не спеша направляюсь к нему, ощущая, как волнение грозит разорвать моё сердце безумнейшей скоростью. Я почти достигаю дверей, как внезапно что-то улавливаю. Оглядываюсь и слышу шорох. А затем всё, что я могу, просто чувствовать, как жжение охватывает затылок, пробираясь огнём всё глубже и глубже...

Ужас накатывает горячей волной, обжигая нутро, когда я наконец понимаю, где нахожусь: Орден нашёл меня. Дыхание бьётся в горле, и я забываю, что когда-то умела дышать. Писк всё ускоряется, наполняя белоснежную комнату звуком моей растущей паники, и теперь гадкая самодовольная улыбка сползает с лица этого мужчины. В уголках его глаз собираются морщинки, он щурится, продолжая взглядом что-то исследовать на моём лице.

- Тебе не стоит меня бояться, дитя моё, - молвит он тихим, самозабвенным голосом, а затем наклоняется к моему уху, и я изо всех сил зажмуриваюсь, чувствуя, как из глаз

вытекает несколько слезинок. Меня трясёт, когда его дыхание касается моей кожи. – Воспринимай меня как своего потерянного третьего родителя. Без меня, Елена, ты никогда бы не появилась на этот свет...

И это всё, не проходит и секунды, как что-то очень цепкое и сильное втягивает меня обратно в чёрную пропасть, сколько бы я ни сопротивлялась тьме.

***

Провода.

Красные, голубые, прозрачные, жёлтые – они повсюду – разбросаны вокруг меня, на полу, свисают с приборов. С одного капает бесцветная жидкость, с других моя кровь. Но ни один из них больше не подключен ко мне, как это было тогда, когда я проснулась.

Я сорвала все. Выдёргивала, как одержимая, даже не думая о боли и осторожности, мне просто требовалось избавиться от них. И какое-то время после комнату разрывали звуки возмущённых приборов, потерявших источник питания – меня. А потом они резко замолкли. Потухли все разом, оставив меня одну в тишине.

Но остальное – не прекратилось.

Я всё ещё здесь.

Здесь – где?

В своей голове? Или действительно поймана Орденом?

Я почему-то так думала, но не могу понять, отчего была уверена в своих мыслях, которым больше не доверяю.

Моё тело по-прежнему осязаемо. Я чувствую. А ещё я чувствую боль – душевную боль и ужасное ощущение страха. Беспомощности. Тоски. И одиночества.

Но я запрещаю себе думать о том, кого мне сейчас не хватает больше всего на свете. Я сломаюсь, если пойму, что на этом всё и закончилось. Так не должно быть. Или должно? Может пришла пора наказания?

Пытаюсь облизать засохшие губы, но ничего не выходит. Я понимаю, что надо протянуть руку и взять стакан воды, иначе мне станет только хуже. Просто не уверена, что хочу, чтобы мне было лучше.

Мой взгляд упирается в угол на камеру. Они знают, что я пришла в себя, но больше никто не заходит.

Хотя я даже не уверена, что последнее не было сном. Но лучше бы это являлось сном. А ещё лучше, если бы я и вовсе начала сходить с ума, и всё это было лишь плодом моего воображения. Потому что тогда я бы точно знала, что, несмотря на то, что сама нахожусь запертой в тюрьме своего разума, Алек где-то рядом со мной.

Но это – неправда.

Свихнувшиеся люди не думают, что они сходят с ума. И не хотят, чтобы реальность являлась галлюцинацией...

Хотя, что я могу знать, о чём думают свихнувшиеся люди? Я больше не могу ничего знать наверняка. Лишь только то, что мой худший кошмар обернулся явью, даже если реальность – и не реальность вовсе.

Я также не знаю, сколько проходит времени. Час. Может быть три. Секунды стали резиновыми, растягивая мой кошмар в бесконечный.

Однако, на удивление, чем больше проходит времени, тем в некоторой степени я привыкаю, переводя своё состояние из забившейся в угол до сидящей в углу.

Я по-прежнему не рискую сдвинуться с места, оставаясь на кровати, словно пол может быть под смертельно высоким напряжением. Мне страшно, хотя и не понимаю, какую

именно жизнь я собираюсь сохранять.

Ту, где я заперта в клетке?

Или ту, где я всего лишь схожу с ума от проклятия?

Оба варианта меня не устраивают. Но выбора мне никто не предоставляет.

Я снова отрываю взгляд от разбросанных на белой простыне проводов, отправляя его повторно исследовать комнату.

Белая. Она безукоризненно белая, словно у кого-то из Ордена есть пунктик по поводу этого цвета.

Стены – белые. Пол – белый. Кровать, тумбочка, моя одежда и даже моя когда-то смуглая кожа? Белые, белые, белые...

Четыре на четыре метра этого цвета твердят мне, что я похоронена в нём.

Горло сжимается почти до боли, и мои глаза жадно впиваются в стакан с водой. Но я ничего не предпринимаю. Вода может быть отравлена. Всё здесь отравленное и чуждое, и я не хочу делать вид, что готова принять их лживую заботу, как должное. И пока моя воля сильнее жажды, я игнорирую всё, что находится на подносе, стоящем на тумбочке возле кровати.

Однако это ещё одно подтверждением того, что они знали, как скоро я приду в себя. Они, очевидно, всё знают. Или знает один он. Он даже обо мне знает больше, чем я.

Без меня, Елена, ты никогда бы не появилась на этот свет.

Он знает: что – я.

Притягиваю колени плотнее к груди и снова пытаюсь понять, что ощущаю. Где-то должен быть ответ, подсказывающий реальность это или нет. Но его нигде нет. И я уже совсем не понимаю, что изменится, если я найду его. Я всё равно останусь здесь.

Тяжесть мыслей придавливает меня, мне страшно, хоть и пытаюсь это подавить. Но во мне нет и малой части того сверхъестественного умения Алека – держать всё при себе. Он бы знал, что сейчас нужно делать. Как всегда, простым и безмятежным голосом, в котором столько уверенности, сказал бы мне, как я должна вести себя.

Но его здесь – в той реальности, что я вижу – нет.

И это осознание настолько мучительно, что рёбра трещат от разрывающей внутренней боли. Каждый мускул в моём теле стонет от одиночества, и я съеживаюсь ещё больше. Кладу лоб на колени и прячу лицо под навесом волос, создавая свой тёмный уголок в этой мертвецкой, холодной белизне, что совсем не разобрать, где заканчивается одна часть меня и начинается другая. Наконец, спрятавшись от четырёх следящих за мной камер, я перестаю притворяться сильной, позволяя неуёмным слезам катиться из глаз.

Я недолго сижу, в какой-то момент, расслабившись, просто засыпаю. Хотя сон мой не глубок и не устойчив. Я слышу каждый свой вздох, удар сердца, поэтому, когда раздаётся щелчок, мои глаза сразу же открываются. Я не испытываю никакого прилива эмоций, внутри пусто, словно то время, которое ждала, что кто-то придёт, успело высосать из меня всё.

В комнату входит мужчина, тот самый, что светил фонариком мне в глаза. Правда, теперь, в более-менее адекватном состоянии, я могу сказать, что это парень, лет двадцати пяти. Молодой и очевидно ни шибко любящий за собой ухаживать. Чёрные волосы местами торчат, словно он спал на решётке, вместо подушки. А ещё он уставший, тёмные круги залегли под его блёкло-голубыми глазами, отчётливо выделяясь на фоне такой мраморной коже.

Возможно, он и есть тот, кто следит за мной? Что же, если оно так и есть, то очевидно нахожусь я здесь не первый день.

Парень медлителен. Все его движения – ленивые и неохотные. Опустив белую карту в нагрудный карман, он сначала потирает пальцами глаза и только потом надевает аккуратно выгащенные из противоположного кармана очки, и смотрит на экран планшета. Его пальцы щёлкают по экрану, но я уже за этим не слежу. Всё мое внимание сосредоточено на кармане, в котором лежит карта.

Ключ?

Скорее всего, это именно он.

И всё моё тело напрягается, когда невысказанное желание, вызванное отчаянием, призывает меня действовать. Сделать хоть что-нибудь, только не оставаться парализованной. Но я не глупа, в первые жизни осознавая, насколько импульсивность губительна. Для начала мне нужно выяснить, где я. Возможно за дверью сотни людей и столько же гибридов, а одна единственная попытка сорвётся из-за моего нетерпения.

Парень продолжает смотреть в планшет, изредка бросая взгляд на тот беспорядок, что я устроила в проводах. Отмечает и что-то набирает. Его лицо безучастно, взгляд ни разу не касается моих глаз, словно я ни больше ни меньше, чем простой предмет интерьера. Словно я – не живой человек, заслуживающий хотя бы разъяснений, не говоря уже о заинтересованности.

Но в одно мгновение всё меняется. Стоит снова раздаться щелчку, открывающейся двери, как парень накидывает на выражение своего лица испуг и взволнованность. Интерес ко мне, которого я никак не заслуживала минутой ранее.

Потому что входит он.

Мой желудок скручивается в клубок нервов, и я чувствую, как растекается внутри него страх. Я его не просто опасаясь, его я боюсь по-настоящему. Я даже не осмеливаюсь смотреть ему в глаза, которые моментально наделяют меня всецелым вниманием.

Его интересую я, как ничто другое в этой комнате. Тот парень, что пришёл сюда раньше, будто вообще пустое место для него, в сторону которого он не бросает ни единого взгляда.

Он приближается, близко, подходя к кровати практически в плотную.

– Сэр, – тихо подаёт голос за его спиной тот парень, как будто не уверен, можно ли ему говорить. – Объект...

Он скидывает рукой вверх, выставляя два пальца в непринуждённом жесте.

– Позже, – перебивает он, немного повернув в сторону парня голову, но взгляда от меня так и не отрывает. – Я всё прочитаю в твоём отчете, Александр, а пока... – он замолкает, чтобы улыбнуться мне, – пока что мы поговорим с Еленой один на один.

Я не вижу, как реагирует на его слова парень, но ему хватает меньшей доли секунды, чтобы исполнить его пожелание. Парень выходит, но ненадолго, спустя пол минуты он вносит в комнату стул. Белый, естественно. И снова в мгновение ока исчезает за дверью.

Мой страх пробирается к горлу, ещё немного и пульс на сонной артерии его разорвёт. Есть что-то отвратительно восхитительное в его истинно надменном виде. До тошноты идеальном. Осанка прямая, плечи расправлены так, что созданы для этих погонов на военной форме оливкового цвета. И только тогда, когда он садится, могу разглядеть на них три золотистых звезды – полковник. Что же, я даже не удивлена, сложно было бы творить столько зла, не имея за спиной власти и такого могущества.

Он закидывает ногу на ногу и, откинувшись на спинку стула, проводит по своим белоснежным волосам. И теперь мне ясна причина преобладания здесь этого цвета. На фоне стен его странно поседевшие волосы не привлекают много внимания, но должны. Это так разрозненно с его внешностью, на вид ему не больше сорока. Лишь несколько морщин, выглядящих так, что по ошибки забрались на лицо, бороздят его лоб и уголки глаз. В остальном его лицо необычайно гладкое, словно натянутый латекс на череп.

Он снова мне улыбается.

- Прошу простить меня, заставляя тебя так долго ждать не входило в мои планы. Но, - он разводит руками, - обязанности требуют выполнения.

Ложь. Хитрость в его глазах подобна яркому свечению, которую он и не собирается скрывать. Меня специально травили временем, вынуждая свыкнуться с безысходностью. И я свыклась с ней.

- Меня зовут Виктор Датский, - представляется он. - И я, как ты, наверное, уже поняла, являюсь главой Ордена Освобождения.

Он делает паузу, ждёт от меня реакции, но в ответ от меня исходит только тишина. Мне без разницы, какое он носит имя, для меня он - дьявол воплоти. Однако, было бы ложью сказать, что у меня получается подавить трепет в своём теле. От его взгляда, настолько проникновенного и неподдельно тёплого, каждый отдельный мой орган дрожит. Мне этот взгляд не нравится, он не должен смотреть на меня, как на объект безумного восторга. Но нет, он именно так на меня и смотрит, словно ребёнок на сложнейшую и долгожданную игрушку, что жаждал и молил получить.

Ещё одна попытка меня разговорить.

- Я уверен, у тебя найдётся не мало вопросов ко мне.

Не мало, но их ответы ничего не изменят, поэтому я продолжаю молчать.

И теперь он расстроен. Вздыхает.

- Не упрямясь, Елена, - говорит он, словно причитает о поведении несносного ребёнка. - Знаешь, всем станет намного проще, если ты пойдёшь на контакт.

- Чем? - Это спрашивает моя надежда.

Но мой сиплый и слабый голос подтверждает её ничтожность, отчего я мгновенно жалею, что вообще дала ему понять о её наличии во мне. Он это улавливает, обдумывает, и вывод, к которому он приходит, ему не по душе, словно есть что-то в нём досадного. Развернувшись в половину корпуса, он берёт с подноса стакан воды и протягивает его мне. Но моя реакция неизменна, я даже головой отрицательно не качаю. С несколько секунд он ждёт, протянув руку, но недолго.

- Может, ты хочешь сока? - спрашивает он, поставив этот стакан и указав на другой.

Я снова молчу. Не моргаю, просто смотрю на него пустым взглядом, отражающим то, что у меня внутри.

Кажется, он не из терпеливых. Минута - вот, насколько его хватает. Его взгляд пропитывается недовольством, когда он обратно откидывается на спинку стула и хмыкает, скрывая в этом звуке что-то ехидное.

- Хорошо, - произносит он, но по тону его сильного голоса хорошего в его словах ничего нет. - Я на самом деле хотел обойтись без этого, но ты, Елена, меня просто вынуждаешь пойти на крайние меры. - Улыбка, которую он выдает не выглядит настоящей, больше озлобленной. - Скажи мне пожалуйста, насколько тебе дорога жизнь Марии Датской, нынче известной тебе, как Мария Майер - твоя приёмная мать?

Моё сердце ухает в пропасть, в ушах поднимается гул. Все мои мысли усердно пытаются обработать услышанное.

Марии Датской.

Виктор Датский.

Это просто невысказанный водоворот повторений, желающий расколоть мой череп на части.

- Что? - хриплю я и качаю головой, желая, чтобы он в сию же секунду взял свои слова обратно.

Вот теперь он улыбается по-настоящему.

- Насколько дорога тебе жизнь твоей приемной матери, Елена? - повторяет он медленнее, словно намекает, на какие именно слова я должна реагировать.

Но в моей голове хаос. В ушах уже стоит рёв, подобный тысячам рвущих на всей мощности моторов. У меня не получается собраться. Не по тому, что мне не дорога жизнь мамы. По тому, что я не могу принять услышанное, хотя и заставляю себя заговорить. Но вместо этого начинаю лишь усердней качать головой. Он лжёт. Должен. Здесь всё не настоящее, его слова в том числе. Просто ничего не могу поделать со слезами, прорвавшимся уже на мои глаза. Я их смаргиваю.

- Это - неправда! - говорю я совсем не то, на что он хочет услышать ответ.

И его взгляд, сменившийся настойчивостью, это подтверждает.

- Вся твоя жизнь, Елена, - неправда, - он добивает, но выглядит при этом так, словно меня жалеет. - Родители - не родные. Фамилия - чужая. Дата рождения - вымышленная. Я уже не говорю о том, что ты знаешь о своей сущности - обман, обман, обман. - Он разводит руками в стороны, будто недоумевает над сказанным, а потом соединяет ладони между собой, переходя на лёгкий, заботливый тон. - Но вот ведь не задача, что я являюсь, по сути, единственным, кто желает сказать тебе правду.

Я трясую головой. Нет, он, наоборот, тот, кто собирается окончательно изуродовать мою жизнь своими словами. И сейчас он довольствуется моей реакцией, весьма горделивая ухмылка взбирается на его губы, когда он подаётся вперед, упираясь локтями в колени.

- Я расскажу тебе всё, - начинает он по новой давить меня своей вежливостью, от которой меня просто тошнит. - Только для начала давай установим несколько правил. Первое - твоё физическое состояние должно находиться на высшем уровне: ты пьёшь, ешь всё, что тебе приносят, хорошо спишь и позволяешь врачам следить за твоими показателями, - он немного медлит, позволяя осмыслить его наставления.

Но, когда он собирается возобновить перечислять правила, я не выдерживаю.

- Зачем вам это всё? - я пытаюсь повысить голос, чтобы дать понять, что не намерена его слушаться, но тот по-прежнему слаб, и у меня получается лишь шипеть. Поэтому я собираю все свои силы и сажусь, чтобы выглядеть убедительней. - Я не хочу принимать вашу пищу, воду, всё, что предлагаете, и то, что находится в этом месте. Не-хо-чу! - наконец, у меня получается процедить, показав всё своё отвращение. - Я просто хочу - умереть.

Я сама не ожидаю, что самое глубокое желание вырвется на свободу, но мне становится непередаваемо свободно без него. Однако, мне кажется, Виктора ничем не сломить. Он принимает, каждое моё слово как приятную вещь для себя.

- Я отвечу на твой вопрос чуть позже. - Заодно ещё и игнорирует. - Сейчас мы с тобой вернёмся к правилам.

И словно ни в чём не бывало продолжает:

- Второе правило - ты больше не позволишь себе разговаривать со мной подобным образом. Я хочу уважения с твоей стороны. Не забывай, благодаря кому ты, Елена, живёшь и дышишь.

Ничего не могу с собой поделать, я начинаю смеяться тихим и нервным звуком. Хотя, по правде, я не знаю, что со мной происходит, одновременно со смехом слёзы душат горло эмоциями. Сумасшествие, признаюсь я себе. И в этой комнате сейчас находится два сумасшедших: я и Виктор, полагающий, что я действительно обязана его благодарить за жизнь, которую считаю в какой-то степени отвратной.

Но он непоколебим, ни один мускул на его высеченным из камня лице не дрогнет от моей реакции. Разве что его яро устремлённые на меня глаза наливаются злостью. Он снова запросто меня игнорирует.

- И третье, - говорит он на этот раз строже, отчего я понимаю, что сейчас прозвучит самая важная для него вещь, - ты смиришься со всем, что от тебя будет требоваться в будущем, тебе запрещено пробовать всё испортить, в независимости от того, как ты

будешь к этому относиться.

Веселье, чем бы оно ни было вызвано: нервами или глупостью, развеивается из меня. Теперь в моём теле растёт напряжение, вызванное последними словами.

- Если вы...

Я не договариваю, он даже вида не подаёт, что я предприняла попытку заговорить. Его голос твёрже самой стали, заставляет меня мгновенно замолчать.

- Если ты, Елена, - выделяет он, давая понять мне, что он всё же слышал меня, - нарушишь хотя бы одно из них, то я незамедлительно отдам приказ убить твою мать. - На одну ровную секунду он делает паузу, чтобы снисходительно ухмыльнуться мне, а затем говорит, вырывая из моих лёгких вдох. - Не только приёмную, но и твою настоящую. Учти, Анна жива до сих пор лишь по тому, что я надеялся найти тебя и использовать её, как хорошую мотивацию для сотрудничества. Твоё неповиновение - означает то, что она мне больше не нужна.

Пропасть. Я снова падаю с невыносимой высоты в глубокую пустоту. Только на этот раз я нахожусь точно в сознании. Но это понимание всё равно ничего не меняет. Вокруг меня оседает осязаемый мрак, и перед глазами на какое-то время всё темнеет.

Есть только я и последние слова Виктора.

Когда я буквально заставляю себя сконцентрироваться на реальности, то вновь вижу перед собой протянутую руку со стаканом воды. Искренность возвращается в его улыбку на лице.

- Воды? - спрашивает он.

И я понимаю, что на сей раз это не любезное предложение. Это - выбор: подчиниться или обречь всех на смерть.

С несколько секунд я смотрю на стакан, уже ощущая, как прохладная вода стекает в мой организм. Я практически чувствую её свежий и мягкий вкус у себя во рту. Я жажду её. И мне стыдно признаваться, что рада такому стечению обстоятельств. Стыдно за то облегчение, что я испытываю от мысли, что больше не придётся притворяться сильной и гордой, имея существенную отговорку. Теперь взять и выпить воду - является правильным.

И я беру стакан из его руки, жадно пью большими глотками, игнорируя кратковременную боль в горле. Но только, когда почти допиваю всё, понимаю, что настоящего удовольствия мне это не принесло. Только физически.

Стакан пуст, когда я возвращаю его Виктору, сам он доволен, принимая его из моей руки.

- Ну, вот, так-то намного лучше, - говорит он, вновь обращая на меня взгляд. - Я рад, что мы пришли к компромиссу. И теперь я могу ответить на твой вопрос: зачем всё это нужно.

- Нет, - перебиваю я его.

Помню, что мне нельзя делать подобного, но я ведь не грублю ему.

- Датская, - с трудом выговариваю эту фамилию, горло сдавливая, всё во мне не хочет продолжать выяснять правду, но я должна знать. - Кем вам приходится моя мать?

Мой тон требователен, несмотря ни на что, и я рада, что могу ещё держаться на высшем уровне, учитывая то, что в душе у меня руины.

Виктор в ответ ухмыляется.

- Почему-то меня не удивляет тот факт, что Мария для тебя важнее Анны, - он говорит правду, Виктор ждал от меня этого вопроса, поэтому, явно подготовившись, не заставляет долго ждать ответа. - Она моя внучатая племянница. Дочь моего родного

брата, который также был когда-то членом Ордена Освобождения. Соответственно, и Мария являлась нашим членом, пока по собственному желанию не отреклась от дела нашей семьи. Как оказалось, у неё была на это существенная причина.

В сказанном звучит ирония. Он забавляется, понимаю я. А мне... больно. Просто чертовски больно от его слов. Но я изо всех сил стараюсь не акцентировать на правде внимание, вместо этого пытаюсь отвлечь себя, забив мозг другим, и сложить в голове простые цифры, чтобы хотя бы предположить возраст Виктора. Но, кажется, математика больше не является моей сильной стороной. Логика тоже не спешит принимать участие в этой сложной задаче.

Оставляю бесполезную попытку, угадать сколько ему лет. Он мог быть и младшим братом моего дедушки.

Господи.

Моего дедушки.

Значит, Виктор приходится мне двоюродным дедушкой? Чисто формально, конечно же. Но от этой мысли меня всё равно тошнит. Или же меня мутит от воды, которая ощущением тяжелого груза напоминает мне, что я уже сдалась.

Внезапно ко мне приходит светлая мысль, выделяющаяся из всей этой мрачности правды.

- Но она отреклась от Ордена, - почти ликую я только от того, что произношу эти слова.

Виктор не меняется в лице, но, когда он кивает, жест его получается неохотным.

- Восемнадцать лет назад, - растягивает он, словно сам придаётся воспоминаниям. - Несложно догадаться, по какой именно причине она это сделала? - вопрос, но адресован не мне, Виктор всё же пускает на выражение своего лица что-то очень похожее на печаль. - Как говорится, хочешь что-то спрятать, положи это на самое видное место. Мой поклон перед Марией. Потому что привела меня к тебе далеко не она.

Он делает паузу и улыбается, и мне странно видеть выступающие на его щеках ямочки. Сейчас будет ещё одна порция чего-то разгромного для меня, понимаю я. И не ошибаюсь.

- Тебя привёл ко мне сын прославившегося Белинского.

Теперь меня мутит вдвойне. Но не от его слов, потому что разговор касается Алека, а я не хочу приплетать его сюда ни в коем случае. Мне тошно лишь от того, что Орден вообще знает о нём хоть что-нибудь.

И мне срочно требуется увести разговор в другую сторону. Без разницы, как они нашли меня. Очевидно, рано или поздно это всё равно произошло. Но следующий вопрос оказывается намного сложнее предыдущего. Я упираюсь взглядом в пол.

- Анна, вы сказали, что она моя... - Нет, это ещё хуже, чем я думала.

Однако Виктору многого не требуется, чтобы подхватить данную тему.

- Твоя родная мать. Та, что тебя выносила и родила. И... - он резко осекается и с несколько секунд молчит, отчего мой взгляд мгновенно поднимается на его лицо. На нём застыло что-то между неприязнью и восхищением. - И умудрилась скрыть тебя от меня.

Теперь наступает моя очередь восхищаться и недоумевать над поступком совершенно незнакомой для меня женщины - моей родной матери.

Множество вещей в моей жизни теряют всё своё значение. Она любила меня?

Где-то с полминуты я привыкаю к данной мысли, а потом со всем возможным отвращением выдаю:

- Вы - чудовище.

Я вкладываю в одно единственное слово так много. Боли. Сожаления и раскаяния. Отчаяния. Всё, что во мне неистово кишит бурей ядовитых эмоций.

Но Виктор не принимает ни одну из них, медленно и многозначительно качая головой.

- Нет. Ты заблуждаешься, Елена. Я - справедливость. Чудовища - гибриды, которых вы создаёте. Чудовища - ваши хладнокровные лидеры, что мучают свой же народ лживым проклятием и инициируют смерти от сумасшествия, чтобы запугать остальных. А я всё это исправляю за вами. - Виктор практически переходит на шипение. - Я прибираю за вами, - цедит он, явно задетый моими словами. - Те гибриды, которых ты видела, лишь самая жалкая пародия тех, что твоя раса оставляет после себя. Просто развлекаясь, или же создавая намеренно, чтобы что-то кому-то доказать. Ты ничего не знаешь, Елена. Ты даже понятия не имеешь, насколько велика роль Ордена в жизни обычных, невинных людей.

Когда Виктор заканчивает говорить, на его лице запечатлено выражение дичайшего омерзения. И я ничего не могу сказать в защиту своего народа. Он прав, хоть мне и ненавистно это признавать. Так поступила Несс. Так поступила Натали. Так поступила отчасти и я. Мне просто повезло, что Паша другой... Но я - тоже чудовище.

Миллион мыслей бьётся в моей голове: разрозненных, противоречивых, совершенно не похожих друг на друга. Каждая требует отдельного внимания. Каждая важна. Так много информации, что голова моя раскалывается. И какая-то часть моего рационального разума настаивает, что на сегодня хватит новых познаний, Виктор и так подкинул мне их на долгие дни рассуждений, но есть в его правде что-то захватывающее, то, что тянет знать больше и больше. Поэтому с превеликим усилием я упорядочиваю хаос в свой голове и стойко смотрю на Виктора, сосредотачиваясь на некоторых его словах. Очень значительных словах.

- Лживым проклятием? - как бы ни старалась, я не понимаю смысла этих слов.

И когда Виктор приглушённо смеётся, я запутываюсь ещё больше. Его смех злостный, ехидный и бесцеремонный.

- Это моя любимая часть, - произносит он сквозь утихающий смех, и я хмурюсь в недоумении. - Сколько бы ни говорил этих слов, они никогда не перестанут приносить мне удовольствия. Особенно выражения ваших лиц в точности таких же, как и твоё сейчас.

Теперь я понимаю, над чем он смеётся, и машинально пытаюсь расслабить мышцы лица, но, кажется, выходит что-то ещё более нелепое, потому что в глазах Виктора проскакивает умиление. Он глубоко вздыхает и качает головой.

- Проклятие есть, - говорит он, становясь более-менее серьёзным, - но распространяется оно только на связь чистокровного с человеком, после которой человек обращается гибридом, или как я называю их - заражёнными. Другого проклятия нет и никогда не было. Связь чистокровного и полукровного не обходится сумасшествием. Хотя... разве что, самовнушение, а после того помощью лидеров выставить убийство влюблённых за самоубийство. Понимаешь, почему оно лживое?

Он вновь посмеиваться, но меня это больше не волнует. Мои пальцы начинают трястись, я чувствую, как глаза обжигают проступившие слёзы. Я не думаю, насколько лживы лидеры или насколько они жестоки, я лишь думаю о том, что всё то время, что мы провели с Алеком, в какой-то степени потрачено зря. Мучение, а не удовольствие... И больше этого времени у нас не будет. Никакого. Вообще ничего.

Я вытираю с щёк влагу и поднимаю высоко подбородок. Если я и буду это оплакивать, то точно не при нём. Назревает другой вопрос.

- Только чистокровного с человека? А как же полукровки? Они тоже не могут быть с людьми.

Я опираюсь на прошлые рассказы Алека, а ему я верю больше, чем Виктору.

- А кто из них это проверял? - спрашивает он, и я молчу потому что у меня нет ответа. Он качает головой. - Нет, ваши Омеги не настолько эгоистичны, как Альфы. Омеги с

детства настраивают на любого рода запрет, чтобы система не дала сбой, тогда, когда Альф приучают к тому, что они чуть ли не сами Боги.

И я снова молчу, не находя слов опровержения. В который раз Виктор говорит чистую правду, словно сам жил и воспитывался с ними. Он не отрывает от меня глаз, очевидно, оценивая мою реакцию. Ему она нравится.

- Как я уже сказал, вся твоя жизнь - один сплошной обман, - повторяет он резче, чем говорил со мной минуту назад. - Ты ничего не знаешь о том мире, в котором жила. Никто не знает, кто выбирает его. Я же, наоборот, являюсь для других, выбравших иной путь, своего рода, благодетелем, желающим нести истину, какой бы она ни была.

Всё, что я способна сказать:

- Не понимаю. Зачем им это?

- Чтобы избежать таких случаев, как ты, - коротко отвечает он.

И теперь мне требуется больше времени, чтобы осмыслить фразу и снова обрести дар речи.

- Я?

- Да, ты, Елена, - подтверждает Виктор. - Ты ведь, наверняка, уже успела заметить, что отличаешься и от Альфа, и от Омега.

Сердце беспокойно шевелится, мне не нравится то, к чему он ведёт.

- Потому что, по сути, ты и не Альфа, и не Омега. Ты - что-то по середине.

Я чувствую биение своего пульса у себя в ушах, когда спрашиваю.

- Что это значит?

- Анна, твоя мать, по происхождению - чистокровная Альфа. Но ты так ни разу и не спросила про отца. - Он выжидает, добавляет этому моменту истины больший вес. - А Михаил был полукровкой.

Теперь в ушах топот, сердце подпрыгнуло к горлу, мне становится по-настоящему плохо. Кажется, что меня сейчас вырвет, и я с трудом оставляю воду у себя в желудке. В голове пульсирует одно единственное «был».

- Он?.. - больше я не в силах ничего выдать.

Я чувствую, как мои глаза расширились, наполнились слезами. Странная реакция. Я не должна оплакивать того, кого даже не знала. У меня другой отец, тот, который меня воспитал и стал лучшим на свете.

Но всё же моя душа разлетается на миллион осколков, когда Виктор легко и просто говорит:

- Да. Он - мёртв.

Сердце моё замирает. На мгновение, пока осмысливаю его слова. А затем оно колотится, колотится, колотится и... взрывается. Всё внутри меня горит огнём, словно мою душу жгут в раскаляющейся печке. Минуту я не могу дышать. Но потом начинаю интенсивно мотать головой.

- Нет, - восклицаю я громко. - Это не может быть правдой.

Виктор лишь небрежно разводит руками.

- Что? То, что Михаил давно мёртв? Может, тебе придётся поверить мне на слово. Прости, но у меня нет доказательств его сме...

- Нет, - ещё громче перебиваю я его. И мне уже плевать, какие правила я нарушаю. - Всё это, - кричу я, - не может быть правдой.

Я так и трясую головой. Виктор заметно мрачнеет, пытается что-то сказать. Но я снова и снова кричу:

- Нет!

Господи. Это должно быть сном. Это должно закончиться. Кто-то должен просто взять и вытянуть меня из этой тюрьмы моего воображения.

На моих плечах оказываются руки, я моментально собираюсь сбросить их, но хватка усиливается.

- Послушай меня. - Я качаю головой, задыхаясь от чувств. Но его голос повышается. - Мне придётся вколоть тебе успокоительное, если ты не возьмёшь себя в руки.

Роговицы глаз жжёт, мои ногти прорезают ткань кителя на плечах Виктора, когда я поднимаю на него взгляд.

- Это не поможет, - скриплю я. - Я схожу с ума.

Виктор качает головой, но он сейчас не отрицает. Он всего лишь на всего расстроен. А я наоборот киваю.

Да. Я схожу с ума. Мой собственный разум меня наказывает за то, что не любила своих настоящих родителей. Я их ненавидела, что они меня бросили. И совесть очевидно берёт сейчас вверх, уговорив разум отомстить за то, что я её никогда не слушала по поводу них.

- Ты не сходишь с ума, Елена. Просто, по-видимому, не способна принять столько информации, - предпринимает ещё одну попытку Виктор убедить меня в обратном.

Или это - не Виктор. А что-то созданное моим подсознанием.

- Нет. Схожу, - молвлю я уже безразлично. Я знаю, что за игру затеял со мной мой разум. - Это проклятие.

- Проклятия нет, - твёрже говорит оно.

Я слабо улыбаюсь, понимая, что разгадала его суть.

- Есть. Ты - моё проклятие.

Оно резче качает головой. Печаль расцветает на его неестественно гладком лице. Оно смотрит в мои глаза с грустной, заботливой теплотой.

- До следующей встречи, дитя моё.

Глава 18

День седьмой

Мысли подобно вирусу отравляют мой мозг. Съедают из него разумного человека. С каждой минутной я всё меньше и меньше убеждена в том, что происходящее реальность. Я остаюсь запертой в одиночестве своего рассудка. Здесь нет чего-то конкретного, есть только время, длящееся невозможно долго, долго, долго.

Это медленно убивает.

Вталкивает меня глубже в беспробудную бездну, из которой мне уже не выбраться никогда.

Я сама же закапываю себя, продолжая обдумывать и вспоминать.

Датская.

Датская.

Датская...

Я продолжаю повторять и повторять эту фамилию до тех пор, пока не привыкну к ней.

Возможно, я и не хочу этого, но хочу поддерживать свои мыслительные процессы включёнными, даже если они меня уродуют.

Датская.

Не могу поверить, что она являлась когда-то частью Ордена. Она попросту не могла. Не та женщина, которую я видела ежедневно – добрая, милая, нежная, подобна хрупкому цветку на сильном, устойчивом стебле. Её мутило даже от вида одной капли крови, не говоря уже о том, чтобы она смогла убить, например, вредное насекомое.

Тоже обман?

Замечательно сыгранная роль?

Боже, я не знаю, во что хочу верить.

Я не знаю, во что должна верить.

Всё это не прекращается. Идёт по кругу. Я всё время вспоминаю, сопоставляю и отрицаю. Единственное место, где мне есть спасение, – сон.

Но стоит мне едва открыть глаза, как сумасшествие радушно встречает моё пробуждение. Оно ждёт и мгновенно набрасывается снова и снова истерзать меня собственными мыслями.

Я устала.

В какой-то момент я просто сдаюсь и позволяю себе вспомнить хорошее. Знаю, что после меня будет терзать боль, а пустота в душе будет скулить и скрестись, как израненный, утомлённый зверь.

Уже проходила.

Но... мысли об Алеке кажутся единственным настоящим, что было в моей жизни. Мои чувства были настоящими и время, проведённое с ним, тоже являлось реальностью. Пусть даже после – и это попытались изуродовать правдой. Без разницы теперь, как мало мы имели, когда большее всё это время находилось в наших руках. Ключевое здесь – имели. Сейчас и этого у меня нет.

И никогда не будет.

Внезапно раздаётся щелчок замка, и всё моё тело наливается напряжением. Я в ожидании одного, кто может заставить меня чувствовать себя загнанной, но это не он.

Виктор больше ко мне не приходит. Моими посетителями стали два человека.

Первый – тот самый Александр.

У него две функции: осматривать меня и брать кровь. И теперь я поняла, что самое важное для Ордена, находится в моей крови.

Она была слишком важна.

Но со вчерашнего дня он больше не берёт мою кровь. Его уставший, омрачённый впалыми синяками под глазами вид говорит о том, что Виктор, очевидно, чем-то недоволен. Я вижу страх в глазах Александра, когда он касается меня, словно на самом деле разминировать бомбу, что в последних секундах от взрыва.

Не могу сказать, что меня радует его затравленный вид.

Не могу сказать, что меня вообще что-то теперь может радовать.

Но мысли об этом не наносят вреда моей личности. Они дают ей преимущества.

Второй мой завсегдатай гость – обычный солдат, приносящей еду. Он вообще ничем не выделяется в поведении. Робот на пульте управления, не иначе.

Пять шагов до небольшого столика, что сам сюда и принёс. Два действия на смену подносов. Пять шагов к выходу. Ни одного взгляда в мою сторону. Ни одной эмоции, даже тогда, когда я пробовала с ним заговорить.

Он либо запрограммирован, либо слишком хороший солдат.

Что-то похожее на улыбку дёргается в уголке моих губ от странности ситуации, на этот раз оба моих постояльца заходят меня навестить одновременно. Бездушник, как всегда, доходит лишь до столика и меняет подносы. Что я считаю абсолютно бесполезным занятием, так как этот уже четвертый, к которому я также не прикоснусь, как и к предыдущим.

А сливающийся с белизной моей камеры Александр подходит ко мне, оказываясь прямо напротив моих глаз. Он один раз вздыхает прежде, чем заговорить, и это новшество для меня.

– Ты должна питаться. Твоё состояние и так было нестабильно, после вмешательства... – он не договаривает. На лбу выступает испарина. Нервничает, и его голос, кажется, начинает дорожать. – Ты не понимаешь, чем это может обернуться, если Виктор разозлится. Чем может обернуться для тебя! – надавливает он, и можно подумать, что он действительно переживает за меня.

Но он спасает лишь свою шкуру. Очевидно, Виктор уже разозлился. И меня это почему-то не особо волнует.

Александр смотрит в мои глаза не моргая, но я даже попытки не предпринимаю отреагировать. Тем более, ответить. Он резко вздыхает и качает головой.

– Ты согласилась выполнять условия. Разве забыла детали соглашения?

Не забыла. Но к еде я больше всё равно не притронусь. Потому продолжаю молчать, однако крохотная ухмылка дрожит на моих губах. Не могу объяснить, отчего мне так нравится, как он продолжает бледнеть. И теперь он нервничает ещё больше.

– Думаешь, это весело, да? Но ты ничего никому не доказываешь, а лишь усложняешь. Я не смогу тебя держать в нужном состоянии, если...

– Хватит! – обрывает его грозный голос, и с лица Александра сходит последняя краска.

Он медленно поворачивает голову в сторону двери, чтобы встретить взгляд Виктора. Кажется, никто не заметил, как он вошёл. Руки Александра трясутся, когда он поднимает их в защитном жесте.

– Позвольте объяснить, – тараторит он, – за время Вашего...

– Я сказал, достаточно, Александр, – чуть спокойней снова перебивает его Виктор, и я начинаю догадываться, что дело здесь не в том, что тот на меня кричал.

Но я не смотрю на Виктора, поэтому понятия не имею, так ли это.

– Тебе нужно успокоиться, Александр, – продолжает Виктор, – с Еленой я сам поговорю.

Александр кивает и мгновенно понимает его намёк, выходя из камеры. Или же правильное, вылетает.

Однако мне от всей этой неожиданной ситуации даётся легче наконец встретиться с Виктором лицом к лицу, когда он садится на стул. Он выглядит измотанным, и на этот раз на нём надет чёрный деловой костюм, вместо кителя.

– Здравствуй, Елена, – говорит он, а я так и не двигаюсь, прикованная одним боком к кровати. – Скажи мне пожалуйста, а не заманиваешь ли ты меня к себе подобным образом, потому что соскучилась?

Мне бы хотелось закатить глаза, но боюсь он вряд ли это оценит. Потому всё также

молчу. Лучшее средство, так как окружающие очень разнообразно реагируют на молчание. Виктор же проще всех. Он улыбается и без церемоний спрашивает то, зачем действительно сюда пришёл.

- Почему ты отказываешься от еды?

Я ждала этого. Ждала именно Виктора, хотя мой отказ совершенно не связан с его посещаемостью моей камеры. Поэтому мне больше не за чем скрывать правду.

- Она чем-то напичкана, - без доли сожаления и страха заявляю я.

Но её горьким привкусом уже пропитана моя слюна. Меня тошнит от неё. Тело не слушается, а разум неясен. Я больше не могу проходить через это.

Виктор на секунду поражён моей прямоотой, но затем берёт себя в руки.

- Это необходимо, - отвечает он, словно и не был застигнут врасплох.

И это наводит меня на другую мысль.

- Зачем я вам? - снова пробую задать вопрос, надеясь, что знания мне чем-то смогут помочь.

И это ещё один вопрос, к которому Виктор явно не готов. Сегодня с ним что-то не так, я не наблюдаю на его лице былых эмоций: либо восторг и теплота, либо злость и презрение. Такое ощущение, что он попросту не в состоянии сейчас вести со мной разговор. Но он видит в нём какую-то перспективу, поэтому не уходит.

Виктор тоже ждал моего желания?

- Ты необыкновенная, Елена. Я уже говорил тебе об этом.

Я киваю. Первое моё движение за сегодня. Я действительно заинтересована узнать всё. Я должна знать какова суть моего заточения и не собираюсь отступить, пока он всё не расскажет.

- Зачем вам моя необыкновенность? - продолжаю допытываться я.

И вижу, как сомнение зарождается в глазах Виктора, что делает ответ на этот вопрос ещё более ценным. Но Виктор не спешит его предоставлять, что-то обдумывая в своей голове.

- Давай заключим новое соглашение, - после незначительного молчания наконец заговаривает он. - Я расскажу тебе всё, как есть, а ты снова начнёшь принимать пищу. - Ещё секунда и он добавляет. - Если пообещаешь вести себя хорошо, то я в свою очередь пообещаю, что еда будет абсолютно нормальной.

Виктор ошибается, предполагая, что его предложение для меня заманчиво.

- Зачем мне это?

Я должна чувствовать страх, спрашивая подобное, но он отсутствует. Ему просто надо меня сломить угрозами, по каким-то причинам Виктор не навредил ни маме, ни Анне. Эти козыри ему нужны для чего-то более крупного, и своим предложением он только что это доказал.

- Я могу приковать тебя к кровати и обеспечивать твой организм требуемым питанием через трубки. - На его лице даже скула не дрогнула. Его вообще не задевают мои слова, как было прежде. - Но я не хочу этого делать. Мы не враги, Елена. Ты скоро сама это поймёшь. А сейчас я тебе даю выбор. И даже больше - ответы.

На мгновение я сбита с толку. Это совершенно не то, на что я рассчитывала, и не могу так легко принять поражение. Ужасно понимать, что твои руки связаны, когда ты уже почувствовал силу, пусть и ничтожную, манипуляции. Было проще поверить, что у меня что-то есть против него. Но, по сути, у меня нет ничего. А мне нужны ответы.

- Договорились? - поторапливает меня Виктор, и я вынужденно киваю. - Вот и

замечательно, – говорит он, и наконец ухмылка трогает его сжатые губы. Он одержал ещё одну победу надо мной, и это как будто пробуждает в нём азарт. Виктор ещё с несколько секунд довольствуется этим, а затем спрашивает: – Скажи мне пожалуйста, какого цвета твои глаза, Елена?

Сначала я не понимаю, к чему его вопрос, но потом...

– Карего, – сухо бросаю я.

Виктор смеётся грубым, надменным звуком.

– Не лсти себе, думая, что сможешь преуспеть, ведя разговор со мной в подобной жалкой, ребяческой манере.

Жар охватывает моё лицо, и несколько мышц дёргается в окоченелом теле от злости. Однако для меня в диковину резкость его голоса, когда он не пытается мне угодить, подбирая слова и интонацию.

Что-то изменилось, и полагаю это что-то изменила именно я.

Решаю сесть, чувствуя теперь потребность сравниться с ним уровнем. И у меня не сразу получается преодолеть слабость и головокружение, но всё же я беру над собой вверх и даю то, чего Виктор от меня ждёт.

– Голубого. Они светятся голубым.

Простая улыбка в мгновение появляется на его лице, и он продолжает, будто никакой заминки и не было.

– У первородных Альф глаза всегда были оттенка сияющей синевы, цвета небесного камня лазурита. И по приданиям, именно такого цвета текла кровь в жилах Богов. Этот цвет символизировал мир и добро, чистейшие намерения, в которые самозабвенно верили наивные люди.

Что? Не понимаю.

– Первородных? – мой голос глух от поразившего меня недоумения. – Но...

Я не договариваю, потому что у меня отсутствуют разумные слова. Но у Виктора на всё имеются ответы.

– Первородные – истинные Альфы, приходившиеся Богам настоящими детьми. Та версия, что тебе рассказали, полностью изменена. Альф проклинали, но отнюдь не за прелюбодеяние.

В моей голове творится бардак.

– Я вас не понимаю.

– Ваши лидеры веками меняли историю, обвиняя во всем своих родителей. Но истина на самом деле в том, что Альфы просто на просто восстали против Богов, управляемы эгоизмом и ревностью, когда их миссией, напротив, являлось стать людскими защитниками. Они не смогли принять смертных в качестве равных себе, тем более, достойных защиты. Альфы поработали людей, заставляя поклоняться им, а не Богам, чтобы те теряли силы из-за отсутствия веры. Они соблазняли смертных и искушали их на грехи, и поверь мне, Елена, у Альф на тот момент имелись те способности, благодаря которым они без труда могли подчинить себе смертных, лишив их воли и выбора.

Пространство в камере резко становится тесным, словно стены сдвигаются. Внезапно я всё понимаю и осознаю, к чему ведёт Виктор. Мои способности.

Сердцебиение прибавляет скорости, когда взгляд падает вниз. Я смотрю на свои ногти так, будто впервые их вижу. Будто на что-то чересчур опасное и абсолютно мерзкое.

Голос Виктора звучит для меня отдалённо, словно за толстым слоем стекла.

– Всё верно, дитя моё, – подтверждает он мои только зародившиеся догадки, и я пытаюсь

набрать в лёгкие как можно больше воздуха, чтобы дышать. – Но ты можешь подчинять себе не только прикосновением. Это в твоей крови, в твоей сущности, – медленно, практически по буквам произносит он, а затем смеётся. – Забавно, что никто и никогда не задавался вопросом, почему гибриды производят яд – полная противоположность наслаждению, что вызывает вещество в твоей крови. Гибриды – не наказание, Елена, как вам говорят ваши лидеры. Гибриды – оружие, созданное истребить Альф.

В горле встаёт кислый комок. Так много мыслей и воспоминаний наваливается на меня, что дыхание учащается. Мой взгляд возвращается к Виктору, он чересчур доволен собой.

– Вспомни, какую реакцию ты вызывала у обычных людей? Какую реакцию вызывают все ваши Альфы – тут и в правду пахнет Божеством, но ведь так всё кажется логичным. Те ощущения, что вы испытываете, встречаясь с другими Альфами. Вы чувствуете что-то большее, признавая величие. В каждом чистокровном это есть, вопрос лишь остаётся в том, что в них это запечатано.

Мой взор потупился, я вновь пытаюсь обработать услышанное. Связь – вот, что имеет в виду Виктор. И мне становится как-то неестественно грустно, словно очевидность всё это время была перед глазами.

– Почему Боги просто прокляли Альф, а не уничтожили сами? – просто спрашиваю я, думая, что всё могло быть проще, чем происходит сейчас.

– А почему мать прощает своё дитя, даже если он совершил ужасное преступление?

Риторический вопрос, но Виктор возможно и прав.

– К тому же, они наказали своих детей. Зачем брать на себя уничтожение, если им можно было дать шанс исправиться? – подытоживает он, когда от меня не исходит никакого вопроса. – Если выразаться проще, то Боги прокляли их сущность, всё то, что помогало им иметь власть, обернув это против них. Я не с проста называю гибридов – заражёнными. Красные глаза гибридов лишь отражают то, что они вкусили отравленное Божество, что течёт жилах Альф. Попадая в их организм, она вызывает зависимость. Неутолимую жажду. И человек становится одержим этой кровью. Идеальное оружие, учитывая то, какая тогда была слабость Альф к прелюбодеянию и порабощению.

Глаза. Я нахожу, за что зацепиться, уже чувствуя, как отяжеляет воздух вокруг меня надвигающаяся истина.

– Почему глаза Альф больше тогда не светятся, как у гибридов и Омег? – уточняю я.

– Потому что прокляты только Альфы. Тогда Богам ничего не было известно о появлении полукровок. А даже если и было, то они не думали, что те станут проблемой. Но им всё же досталась эта частичка чистейшего Божества.

Я ощущаю привкус желчи уже у себя во рту. Невозможно описать, с каким удовольствием Виктор подаётся своему рассказу. Каждое слово сказано с преувеличенным значением и интонацией, и я не могу понять его возбуждённости. Это омерзительно. Особенно последние его утверждения, и я не выдерживаю, практически выплёвывая слова.

– Но гибридами становились обычные люди. Разве никого не волновали их жизни?

– Это сейчас Альфы научились выживать, не марая своих рук и используя для грязной работы полукровок. Но тогда... – Он широко разводит руками в стороны. – Тогда это являлось для них неожиданностью, которая за ничтожно малые сроки сократила их численность в десятки раз. – Виктор снова делает паузу, озадаченно сжимая губы. – Но ты права, дитя моё, Богам не было никакого дела до жизней невинных людей. Они считали, что эта жертва оправдана. Несколько сотен, чтобы спасти миллионы? Совсем незначительно.

– Это... жестоко, – шепчу я, даже не осознавая, что произношу вслух.

Но я думаю только об одной испорченной жизни лично мной.

- Я тоже так считаю, - поддерживает он меня, а затем его лицо озаряет ухмылка - гордая и надменная. - И также думали мои предки, решившиеся вступить в игры Всевышних. Они стали единственными, кто по-настоящему остановил Альф от обращения ни в чём неповинных людей, которые поддались притяжению Альфа.

Мне противно от того, насколько его ухмылка достойна своего высокомерия. Но она действительно того заслуживает, и это просто невыносимо понимать, что Орден по сути всего лишь защищал людей от таких, как я.

Но я - другая. Так же, как и Паша другой. И этот вопрос по-прежнему без ответа.

- Почему я обладаю способностями Первородных Альфа? - Я сама удивляюсь, насколько мой голос окреп, но мне невыносимо не нравится, что Виктор что-то утаивает.

- Как я и сказал уже, полукровки никогда не были прокляты. И той малой частицы Божества в них хватает, чтобы исцелить истинное. Редкость. Но твой отец справился с этим.

От упоминания отца из уст Виктора мои руки машинально стискиваются в кулаки, челюсть напрягается, а в груди всё трясётся. Улыбка Виктора слишком нахальна и бесцеремонна. Он не видит ценности ни чьей жизни, кроме моей, по-видимому.

- Вы не ответили. Зачем я вам? - требую я повторно.

Виктор три секунды молчит, выходя в некой степени разочарованным.

- Глупый вопрос. Ты и сама уже знаешь на него ответ.

Знаю. Но он меня пугает. И одновременно... непередаваемо злит. Чувствую, как кровь начинает создавать шум в ушах, а пульс ускоряется. И Виктор прекрасно замечает мою реакцию, но она его только радует.

- Ты подчиняешь себе волю. Одно прикосновение - и всё будет так, как ты пожелаешь, - низкий голос Виктора настолько полон желания, будто оголодавший говорит о еде. - Благодаря тебе, я смогу контролировать гибридов, а значит и всю твою расу тоже. Если ты, Елена, ещё сама не поняла, каким образом у тебя получилось приручить своего друга-гибрида, то ответ всегда находился в твоей крови. - На этот раз его смех выходит странным и немного безумным. - Кстати, именно из-за Павла я понял, что ты не обычная Альфа. Один поцелуй решил всю твою судьбу. Как печально для тебя и в то же время превосходно для меня, не находишь?

Внутри меня всё изворачивается и бушует, но я ощущаю себя придавленной к месту. Ничего. Я ничего не могу сделать, чтобы это предотвратить. Я стану лишь нескончаемым источником крови и главным оружием в войне, в которой никогда не видела смысла.

Но теперь, после такого многочисленного времени в поиске ответов, всё становится наконец-то понятным.

- Вот, значит, как вы заставляли гибридов нападать, - говорю я, и сама не могу поверить, что мой голос ещё остаётся спокоен. - Также, как и заставили Тимура напасть на меня.

- Кого? Тимура? - с насмешкой изумляется он. - Я тебя умоляю, кого-кого, а его заставлять уж точно не приходилось. Этот сопливец сам жаждал во что бы то ни стало достать тебя.

Сбирая последние остатки самообладания, я проглатываю рвущуюся наружу ярость. Мои челюсти скрипят от того, как я их сжимаю. Виктор - всё же чудовище, хотя сейчас имеется уйма доводов, доказывающих, что и я точно такая же. Однако, я чудовище только физически. Виктор же - подлинное.

- И всё равно именно Вы обратили его гибридом, а не кто-то из, как вы утверждаете, ищущих способ отвлечься или развлечься, моей расы. - Я настолько набираюсь храбрости, что даже осмеливаюсь тыкнуть на него пальцем. Я не в состоянии молчать, даже если это моя последняя речь. - Его обратили вы! Тот, кто на самом деле всего лишь прикрывает свои действия репликами о защите невинных людей.

Виктор резко подаётся вперед, отчего я – машинально назад.

– Невинных? – во весь свой сильный голос переспрашивает он. Его гнев становится всё более неконтролируемым. – Ты хоть понимаешь, кого назвала сейчас невинным? Этого сопляка, который был настолько гнусным и жалким, что начал сразу же болтать всем подряд, что смог узреть в твоих глазах свечение? – звучит, как вопрос с его стороны, но он предназначен не мне. Он даже не собирается прерываться, безостановочно продолжая сражать меня своим нападением. – Ты называешь невинным того, кто даже думать не стал и секунды, когда ему предложили обратиться, пообещав всего одно преимущество – способность расправиться с Белинским, и он согласился. Да от таких, как он, требуется избавляться, когда они только ходить начинают, – цедит Виктор, яростно выплёвывая каждое слово. – И именно это я и сделал – всего лишь отчистил землю от мелкой грязи. Мир должен сказать мне спасибо за это.

Я трясую головой, не желая с ним соглашаться.

– Без разницы, кем он был, – тихо произношу я. – Вы – не Бог и не судья, чтобы вершить над судьбами тех, кого Вам заблагорассудится.

Хмыкнув, Виктор улыбается, но в этот раз я вижу неискренность улыбки в каждой чёрточке его идеально гладкого лица – оно перекошено злобой.

– Ошибаешься, дитя моё, – заявляет он слишком уверенно, – я столько сделал для этого мира, что вполне имею право выносить любые приговоры, которые только пожелаю.

Киваю, однако не для того, чтобы принять его утверждение, а чтобы подвести некий итог.

– Точно так же, как думаете, что я принадлежу вам, – объявляю я, используя все ту же наглость, считая, что, хотя бы один раз я заслужила стать услышанной.

Но Виктор лишь взрывается ещё больше.

– Ты принадлежишь мне! – невероятно громко беснуется он. И ярость грозит обжечь его лицо красной краской негодования. – Ты – моя. Всегда была. Еще до того, как появилась на этот свет. Когда я обнаружил Анну, она находилась при смерти, неспособная выносить тебя. Вы бы умерли обе, не приложи я руку к вашему спасению. И что я от этого поимел? – спрашивает он, и в этот раз его вопрос настоящий, терзающий его и задевающий в нём что-то живое. На его лбу появляются складки, печаль, смешивающаяся с обидой, искажает его выражение лица, когда он отвечает за меня. – Сплошное невежество и неблагодарность за такой неизмеримый подарок с моей стороны.

Однако я с ним не согласна. Всё во мне восстаёт отрицанием жуткого ощущения от его слов.

– Но я не просила ничего из этого. Не просила ни каких способностей и особенностей, – на грани отчаянной истерики заявляю я. – Я не просила меня спасать и делать из меня подопытного кролика. Все, что я когда-то хотела – простой жизни, которую могла бы прожить свободно.

– Ты не понимаешь ценности своего существования, – будто в глубоком бреду молвит он.

Это не поддаётся объяснению, но мое отторжение сводит его с ума. И я не понимаю его доведённой до фанатизма борьбы. Не сейчас. Я просто не способна.

– Так объясните! – требую я, уже не заботясь о том, как с ним позволено разговаривать.

– Ты – уникальна! – Виктор встаёт, дышит тяжело и беспорядочно. Кажется, он и сам на грани какой-то неведанной истерики. – Ты – совершенна. Без каких-либо изъянов и недочётов. И только ты сможешь родить бессмертного ребенка, будучи являясь первой в своем роде женского пола.

Нет!

Мои глаза распахиваются. Грудь сдавливается. Мне сложно вздохнуть.

- Нет! - мой охрипший голос звучит, как неродной, но он хотя бы появляется.

Кровь обратилась огнём в моих венах. Меня лихорадит. Накатывает то жар, то холод. Сердцебиение ускоряется до бешеного. Я вжимаюсь в стену, желая, чтобы она поглотила меня.

- Нет-нет-нет... - шепчу я, качая в ошеломлении головой.

Но Виктора мой затравленный вид ничуть не смущает, наоборот привлекает.

- Да, - как никогда спокойно отзывается он. - Вот почему ты - самое бесценное, для меня. Вот почему твоё физическое состояние так важно. Я ждал этого слишком долго.

Слова эхом бьются о мой окованный мозг. Несколько секунд я просто пытаюсь их переварить...

Не могу - не могу - не могу...

И вдруг все цвета становятся красным. Звуки сливаются в один громкий рёв.

Злость.

Страх.

Отчаяние.

Так много эмоций. Меня разрывает.

Я соскакиваю с кровати так быстро, что стены начинают меняться местами.

Но я достигаю Виктора мгновенно и царапаю его лицо. Сильно. При чём настолько, что сама не ожидаю, что во мне сидит столько ненависти.

Замахиваюсь снова, готовясь расцарапать его до того момента, пока его кровь не зальёт здесь всё. Но внезапно его рука сжимает мою шею, пальцы впиваются в кожу, преграждая весь путь кислороду.

Хватаю ртом воздух, мой хрип раздирает горло. Смотрю на Виктора ошарашенными глазами, когда он меня, держа всё также за шею, отстраняет назад от себя. И я в абсолютном сокрушённом недоумении наблюдаю, как царапины затягиваются на его лице.

- Видишь ли, дитя моё, - начинает говорить Виктор неестественно ласково и нежно, что никак не укладывается в моём уме после такого. - Я забыл осведомить тебя о самой главной причине, зачем ты так мне нужна. - Он наклоняет голову, прищуриваясь на моих глазах. - Мне практически девяносто лет, и это всё только благодаря таким, как ты. Твоя кровь для меня - настоящий эликсир молодости и силы. Во мне столько Божественной крови, что я скоро сам смогу зваться Богом. Но я всё равно старею, поэтому мне нужно большее. Мне нужно бессмертие, Елена, - шепчет он, приближая меня обратно к себе. Его яркие, бронзовые глаза переливаются, находясь напротив моих. Улыбка расплывается на его полностью исцелившемся лице. - И я его получу любой ценой.

А затем он отбрасывает меня назад так сильно, что я даже не успеваю почувствовать боль перед тем, как...

Глава 19

Алек

Первое и главное правило отца, которое он внушал Алеку каждый день - никогда не уступай место чувствам, они способны отправить тебя не в том направлении; только точный расчёт и анализ каждого возможного исхода способен найти решение любой проблемы.

Да, сейчас бы отец точно его по плечу не похлопал, если бы вообще после такого провала посмотрел в его сторону – Белинские не ошибаются.

Ошибка – это nepозволительная роскошь, за которую рано или поздно придётся расплачиваться.

Сколько Алек совершил их за последнее время? Множество. Несчетное множество.

Прошел не один день, пока Алек смог навести в своих мыслях настоящий порядок. Пока смог понять, когда именно всё пошло не в ту сторону. Когда он упустил, кто именно являлся предателем.

Его вычислили. На самом деле, Алек знал бы об этом, если бы держал связь с Марко, после того, как Лена пропала. Но его догадки подтвердились лишь тогда, когда он понял сам, откуда следует начинать искать местонахождение Ордена.

Не прошло и часа с разговора с Заком, как Алек уже направлялся обратно в поместье. Правда, поездки с Дамьяном он решил избежать, не сообщив ему о своем решении, их отношения и по сей день находятся на прежнем уровне. Они разговаривают, Дам активно прилагает свои усилия, помогая брату, но вот прошлой простоты в их общении не наблюдается. Хотя Алек и понимает, чем были вызваны слова Дамьяна, для него это уже ничего не меняет. Возможно, будь сейчас другая ситуация, его бы это хоть немного и волновало, но на данный момент ему просто плевать.

Все его мысли занимает другое. Бесконечный анализ поступков и действий, рассмотрение иных вариантов, принятых им же решений. Было бы всё по-другому, если бы Алек не решил увозить Лену отсюда? Если бы вместо попытки сбежать от проблемы, он попробовал вычислить предателя раньше? Чем, собственно, и занимался всё это время Марко. Алек не знает. Потому что сам Марко и допустил ошибку, которая привела к тому, что Орден узнал, где они находились.

Марко, как и обещал, приглядывал за Марией, матерью Лены, и в один из дней, подъехав к её дому, он увидел хорошо-знакомую машину – оказалось, что не один Марко приглядывал за ней. Правда, какое-то время он ещё сомневался, не хотел верить, что Даниил – поверенный Софии и временно занимающий место Алека – мог являться предателем. Он медлил, пытаясь найти Алека вместо того, чтобы сразу искоренить проблему.

Ошибка. Большая ошибка – позволять предателю всё это время быть рядом, в том числе и тогда, когда Марко выяснил, благодаря Софии, где находится Алек.

Даниил пропал на следующий день, ровно за сутки до того, как пропала Лена. Это была ошибка Марко, Алека ошибка заключалась в том, что увезти к Заку нужно было только одну Лену, самому же вернуться в поместье. Поэтому на Марко он злиться долго не мог, виноват только он. Это Алек был не способен проявить больше благоразумия, позволяя чувствам взять над собой вверх, которые сделали из него одержимого с того самого дня, когда гибриды напали на поместье. Ведь именно тогда он и допустил свою первую ошибку, не подумав о том, что странным образом у гибридов была фора примерно в полчаса, до того, как прибыли охотники Софии во главе с Даниилом.

Его же волновало тогда совсем другое – выпущенные когти, наполненные ядом, пронизывающие её кожу, и этого он просто не мог допустить вновь. Но заиклившись на одном, Алек пропустил сквозь себя слишком много оплошностей. Ведь всё усложнялось тогда ещё и самой Леной – её рвение, настойчивость, желание обречь себя на проклятие – это было для него непостижимым. Нет, он не поймет этого никогда. Да и сложно кого-то оберегать, при этом являясь не меньшей угрозой. И Алек буквально погряз в той путанице, творившейся всё это время в его голове. А уступив чувствам, его разум автоматически был отключен.

И получается, отец был прав. Потому что один единственный провал Алека привел его к самым ужасным последствиям.

Одиннадцать – вот, какого числа достигло количество дней, прошедших в пустую – это и есть его цена за ошибку.

Потому что всё по-прежнему упирается в тщетность. Затишье, какого ещё никогда не бывало. Алеку уже начинает казаться, что Орден – его личная фантазия прототипа злодея, а гибриды – и вовсе несуществующие твари, выдуманные его нездоровым воображением. Ему даже начинает нравиться абсолютно безумное предложение Марко: создать нового гибрида, чтобы выманить Орден из укрытия. Но остаются риски, а брать на себя вину за чью-либо смерть он пока что не собирается. Вряд ли Лена одобрила, если бы потом узнала, чего стоили её поиски; она ещё не научилась ценить сами понятия жизни и смерти, и Алек не собирался в ней это подавлять. Ведь именно по этой причине Лена для него всегда казалась особенной. Само её незнание, другой взгляд на их привычное существование, всё это делало её иной, смотрящей на Алека ни как все остальные: либо что-то запретное, либо что-то из второсортного. Она смотрела на него по-особенному – с любопытством и наивностью, желанием узнать о нём больше, чем он когда-либо кому-то показывал.

Но каждый раз, когда его мыслей касается её имя, внутри Алек всё раздражается пламенем, сжигающим его душу адской агонией. Да, он уверен, что Орден Лене, скорее всего, не навредит, иначе какой бы был смысл тратить столько сил на её поиски, но мысли о том, для чего она им так нужна, просто невыносимы.

Даже сейчас, сидя перед Софией, начавшей снова один и тот же разговор, его ум заполняют образы Лены, вытесняя оттуда всё окружающее.

– Алек? – обращается к нему вновь зачем-то София, и он неохотно поднимает на неё взгляд.

– Да? – Нет смысла отрицать, что он её не слышит, Алеку всё равно без разницы, что она об этом подумает.

Она обреченно вздыхает, очевидно понимая, что он не проявляет никакой заинтересованности, хотя София и предлагает ему довольно выгодную сделку. Как она думает выгодную. Алек же оставляет её предложение на самый крайний случай. Когда выбора уже не останется. А пока, собственно, и обдумывать нечего. Тем более, ей он в последнее время тоже не доверяет, уж слишком просто она приняла новость, кто именно был предателем.

С секунду-другую она молчит, что-то обдумывая.

– Что ты планируешь делать дальше? – наконец-то спрашивает она.

И Алек почти усмехается вслух. Избитый вопрос, ему самому было бы интересно узнать на него ответ, потому что он понятия не имеет, где может находиться Орден, хотя и уверен, что точно недалеко. Они выслеживали их народ годами, первыми узнавали, кто из них оступился, появляясь рядом в тот же момент, и знали о них всё: родители, друзья, знакомые и, как оказалось, даже одноклассники, – вся подноготная их личных жизней всё это время покоилась на ладонях Ордена, – поэтому, да, Алек уверен, что их пристанище должно находиться чуть ли не по соседству.

Теперь наступает его очередь обдумывать, что ей сказать. Разговоры с Софией, как ходьба по острию ножа, она сумеет ухватиться за любое слово, вывернув всё так, как будет выгодно только ей. Поэтому он решает, что вообще обойдётся сейчас без ответов.

– Чего ты хочешь, София? – оставаясь всё в той же безразличной манере, интересуется он.

София не медлит.

– Разумеется, только помочь, Алек.

Приторная мягкость её голоса слегка раздражает. София ведёт какую-то игру, и Алеку не нравится не знать её правил. Он больше не церемонится, показывая ей, что ему порядком надоело поддерживать этот разговор, который идёт по одному и тому же кругу.

– Да неужели? – Он вскидывает в насмешки бровями, но даже то, что в его голосе звучит очевидная язвительность, не мешает Софии невозмутимо кивнуть.

- Ты должен понять, Алек, мы редко сталкивались с подобными действиями со стороны Ордена, к тому же, мне не всё равно, что происходит с Еленой...

- Хватит, - перебивает Алек, в очередной раз её имя заставляет его реагировать иначе. - Мой ответ ты знаешь, и пока я не пойму, чего ты добиваешься на самом деле, он не изменится.

Алек начинает вставать, желая перестать растрчивать своё время в пустую, и уже делает несколько шагов к выходу из кабинета, как внезапно София его останавливает.

- Сколько ты ещё готов позволять Ордену делать с Еленой то, что им заблагорассудится? - она делает паузу, чтобы сменить свой спешный тон на размеренный, заметив, что Алек перестал уходить. - День? Неделю? А возможно и месяц? Думаешь, Елена способна продержаться ещё столько времени?

Предел. София только что добавила последнюю каплю в то море эмоций, что он едва умирал эти дни. Он медленно поворачивается к ней лицом, но сдерживаться даётся ему с превеликим трудом.

- Перестань делать вид, что тебя это волнует, - довольно спокойно говорит Алек, учитывая то, что внутри у него всё бушует гневом и яростью.

Но Софии явно нравится то, как он держится. Едва заметное подёргивание её губ можно было бы расценить как ухмылку.

- Меня это волнует, Алек, - интонация голоса Софии становится твёрже. - В независимости от того, что вы от меня это скрыли, мы оба знаем, что Елена - другая. И сейчас она в руках Ордена, способных обернуть это против всех нас.

А Алек и забыл, что София всегда знает больше, чем остальные. Но вот оно, наконец-то она сказала истинную причину своего беспокойства.

- Однако, я по-прежнему не понимаю, при чем здесь я.

Алек возвращается к столу, но не садится на кресло, а просто остаётся стоять, глядя, как София, добившись его заинтересованности, откидывается на спинку кресла. Она складывает между собой ладони, постукивая пальцами, оценивающе бродит взглядом по Алеку сверху вниз.

- Твой отец, Алек, был самым лучшим, - начинает она, когда её взгляд неожиданно сменяется видным отсутствием, словно мысли её сконцентрированы на чём-то далёком. - Единственным в своём роде, - продолжает она, - незаменимым. Конечно, мне удалось позаимствовать у него малую часть его умений, но всё остальное он передал только тебе.

Да немалую часть, ты стала его точной копией, мне-то уж точно ещё далеко до этого. Думает в этот момент Алек, но София так не считает, она вновь продолжает.

- Я вижу Гавриила, в каждом твоём слове и действии. Твой непростой нрав, стойкость и непередаваемое умение себя контролировать - всё это в тебе от отца. - Она улыбается в точности как лиса, гордо показывая всю свою хитрость. - Уверена, сейчас тебе едва получается сохранять непоколебимость, но вот выглядишь ты так, будто я с тобой говорю о том, как затянулись нынче дожди. Скучающим и безучастным, с малой толикой снисхождения во взгляде. Такое ощущение, что передо мной стоит сам Гавриил. - София прищуривается, концентрируя взгляд на его глазах. - Ну разве это не восхитительно, как сын явно не по своему желанию перенял всё от отца?

София замолкает и ждёт, но Алек не спешит давать ответ, изо всех сил стараясь не изречь, как ему ненавистны её слова, хотя она только что подтвердила, что ей именно это в нём и нравится.

- Что ж, - отзывается он с глухой усмешкой, - мне очень приятно услышать столь почтительный комплимент, - говорит Алек, и теперь София улыбается по-настоящему. Да, именно этого она и ждала от него, поэтому ему становится не по себе, и весь наигранный образ внезапно ускользает. - Однако, я так и не услышал, чего ты хочешь от меня?

- Твои мысли, - резко выдаёт она, меняясь в лице, от беспечной улыбки не остаётся и ничтожного следа. Жестокость, какой он не видел давно, вычерчивает напряжённостью её острые скулы. - Гавриил научил тебя думать иначе, так, как думал только он. И мне это понадобится, чтобы развязать войну с Орденом.

Это не тот поворот, который Алек рассматривал, и выражение его недоумевающего лица передаёт всё его ошеломление, на что София решительно отзывается.

- Ты не ослышался, Алек. Я хочу продолжить то, что когда-то так идеально спланировал твой отец.

Её ровный тон голоса немного даже восхищает его, невозможно говорить женщине о войне, как о рецепте печенья. Теперь он понимает, почему Натали предпочитала избегать разговоров с Софией. Алек и сам бы с удовольствием закончил его прямо в эту минуту.

«Нет», его ответ, но София даже не позволяет озвучить вслух, набирая обороты и продолжая бросать ему разгромные аргументы.

- Они должны заплатить, Алек! - твёрдо проговаривает она. - Они всего лишь жалкие люди, но управляют нами, будто сами Боги вернулись на Землю. Они ставят нам условия и диктуют правила существования. Убивают наш народ и держат в страхе многие годы. Разве не пора всё это прекратить?

И его ответ снова «нет». Его мать не спроста удерживала столько лет отца от войны. Алек ещё помнит их долгие споры и разговоры, мать находила множество фактов, останавливающих отца, поэтому он, не раздумывая, качает головой и молча вновь намеревается уйти.

- Не спеши, - останавливает его София - это ещё не всё. - И Алек неохотно, но всё же оборачивается на неё через плечо. - Ты знал, что во главе Ордена стоит безумный ученный, обладающий поддержкой высокопоставленных личностей и немалыми средствами на осуществления всех своих экспериментов? - спрашивает она, и Алек непроизвольно сглатывает, такая информация заставляет его мысли против воли начать анализировать услышанное, уже представляя, что это означает для Лены. - А каким, по-твоему, ещё путём появились гибриды, которых вообще существовать недолжно? - короткая паузы со стороны Софии, и Алек догадывается, какой она сейчас подведёт итог, потому что он и сам уже пришёл к нему. - Теперь ты понимаешь, для чего Орден хотел заполучить Елену живой?

Провокация. Весь её идеально выдержанный вид, контролируемый голос и выражение лица - ни что иное, как провокация. Теперь Алек даже не сомневается, почему София решила именно сейчас вцепиться в него мёртвой хваткой. Но это не мешает Алеку оставлять свой разум подальше от чувств.

- Ты ещё более безумна, чем я думал, - и это всё, что он говорит, хотя и слова Софии уже взяли вверх над его мыслями.

Он почти согласен. Алек готов сделать всё, чтобы вытащить поскорее Лену оттуда. Всё, даже если это значит начать войну, от которой их народ отказывался больше сотни лет, потому что предыдущая закончилась не весть чем. Потерями. Несчётными потерями, которые так ни к чему и не привели. Всё повторилось вновь, очередной глава Ордена не выждал и месяца, чтобы возобновить поиск гибридов и тех, кто их обращал. Но только самому Богу известно, чего стоит Алеку снова развернуться и попытаться уйти. Что-то его все ещё останавливает. Что? Пока ему самому непонятно. Нужно просто время подумать. Хотя он уже знает, что до согласия его отделяет лишь существенная мотивация. Но это будет не сейчас.

- Ты согласишься, Алек, - бросает ему вслед София, когда он уже выходит из её кабинета, и на этот раз он не удосуживается опровергнуть её заявление, потому что она говорит правду.

Оказавшись в коридоре, он останавливается и даёт себе минуту, чтобы попробовать уgomонить в своих мыслях хаос. Но тщетно, теперь там главенствует новая информация. Детали и мелочи складываются в единое целое. Он понимает больше, чем хотелось бы,

потому что сделать что-то, чтобы предотвратить всё, что происходит сейчас с Леной, невозможно.

Он оглядывает пустой коридор, в поместье в последние дни обстановка на удивление тихая, будто кто-то умер недавно, хотя никто не подаёт вида, что сама мысль о том, кто именно был предателем, нанесла серьёзный удар по доверию к каждому. Никто бы не подумал, и Алек в том числе, поэтому он отбрасывает от себя подобные рассуждения, собираясь найти Марко, как вдруг на этаже появляется Дам. Чересчур взволнованный и даже немного напуганный, словно его преследует целое полчище неизвестных чудовищ. Алек мгновенно понимает, что что-то случилось плохое, но у него не сразу получается осилить вопрос. Ему дурно только об одном представлении, что...

- Алек, - начинает Дамьян, находя его глазами. - У нас, кажется, проблема.

Дамьян указывает вниз, подсказывая направление той самой проблемы, и Алек серьёзно хмурится, обдумывая это «кажется».

Что, чёрт подери, это должно значить?

Он начинает идти, но, ещё не доходя до брата, улавливает чьё-то присутствие и останавливается, не зная, что ему делать дальше.

Дамьян замечает смятение на лице брата.

- Она сказала, что хочет поговорить с тобой, - говорит Дамьян, смотря на старшего брата с сожалением.

Алек кивает, ничего больше не говоря, обходит его и начинает спускаться. Он не может заставить её ждать, хотя и не догадывается, как она вообще нашла его дом. А ещё Алек уже давно не ощущал себя настолько неловко, что все мысли растворились из головы, оставляя его безмолвным. Даже тогда, когда он оказывается внизу и видит Марию, мать Лены, не может выдать и слова.

Он каменеет, не представляя, как объяснить ей, что понятия не имеет, где находится её дочь, не говоря уже обо всём остальном. Но вот, когда она сама поворачивается лицом к Алеку, он приходит в некое замешательство. Её вид совсем не говорит о негодовании. Встревоженный, немного загнанный, но в большей степени виноватый, словно она могла совершить что-то ужасное.

- Алек, - приветствует она его осиплым, подавленным голосом. - Нам надо срочно поговорить.

Ещё с секунду он пытается разобраться, что может всё это значить, но ничего не получается.

- Да, конечно, - наконец говорит он и предлагает жестом выйти обратно на улицу. - Пойдёмте, здесь у нас вряд ли удастся поговорить без свидетелей.

Через двадцать минут, когда Мария прощается с Алеком, он едва заставляет себя проводить её до машины и дожидаться, когда она уедет. Он больше не может откладывать. Не сейчас, когда всё так неожиданно изменилось. Он чувствует, как его немного потряхивает от нетерпения и желания в эту же секунду бросить всё, начав действовать. Алек так захвачен интенсивностью потока своих мыслей, что даже не замечает в холле Дамьяна, когда возвращается в дом, направляясь обратно к Софии. Он чуть не врзается в него, но мгновенно пытается обойти, как тот его останавливает.

- Что происходит, Алек?

Дамьян его раздражает, но не в эту минуту, сейчас его вообще не способно ни что разозлить.

- Я знаю, где находится Лена.

Глаза брата мечутся в непонимании, его настораживает чересчур взбудораженный вид

Алека.

- Что? - не верит он. - Откуда?

Нет, всё же может разозлить.

- Позже, Дам, объясню, - бросает Алек и начинает поспешно подниматься наверх.

Дамьян разрывается между желанием последовать за братом и подождать, как просил его Алек. Но столько времени прошло в поисках Лены, что он не удерживается.

- Объясни хотя бы, куда так торопишься? - поднимаясь следом, интересуется он.

На мгновение Алек останавливается, и впервые за все прошедшие дни Дамьян видит на лице брата привычную ухмылку.

- Собираюсь заключить сделку с дьяволом.

Глава 20

Я должна отсюда выбраться.

Выбраться, во что бы это ни встало. Времени, проведённого в раздумьях после прошлого визита Виктора, хватило, чтобы понять, что такому безумному человеку, как он, ни в коем случае нельзя заполучить бессмертие. Дикость, я по-прежнему частично сомневаюсь в его рассказе, но он настолько логичен, сопоставляющий все вопросы с ответами, что мне ничего не оставалось, кроме как принять его слова за правду.

Заставляю себя думать, спасаясь от саморазрушения. Мне нельзя больше верить в проклятие, даже если это оно.

Собираю себя по кусочкам и принуждаю мозг думать и думать, проворачивая в голове всевозможные исходы. Но всё тщетно, если признаться честно. Каждый раз я натываюсь на главную проблему: я не знаю, где нахожусь.

Военная база.

Правительственная лаборатория.

Лагерь заключённых.

И ещё множество безумных вариантов, о которых когда-то начиталась в книгах.

А их я прочитала немало.

Единственное, что теперь я у меня имеется: примерное знание, какое сейчас время суток. На ночь свет тускнеет, на завтрак всегда белки, обед - суп, на ужин получаю порцию мясного. И по моим подсчётам, после разговора с Виктором, прошло два дня. Он снова не приходит, и я не знаю, связано это с его занятостью, или же он попросту не хочет меня больше видеть. Я склоняюсь ко второму варианту.

Что-то произошло. То, что я никакими словами не смогу описать. Также, как и не смогу придумать название его существу. Он больше не человек, это очевидно, но он и не один из подобных мне. Тогда кто - он? Чудовище, которое требуется уничтожить. О чём я обязательно подумаю, если смогу выбраться отсюда.

Хотя бы из камеры.

Поэтому я стала безоговорочно послушной. Съедаю всю принесённую мне пищу и позволяю Александру осматривать себя, пусть даже и знаю, для чего он надо мной так хлопочет. Однако Виктор сдержал своё обещание - еда действительно стала нормальной, без прежнего привкуса горечи и преследующей слабости после её приёма. И я позволяю ему полагать, что тоже держу свои обещания. Сама же вместо этого коплю силы и продолжаю придумывать, как уговорить Виктора или Александра устроить мне экскурсию.

Продолжаю и продолжаю несколько дней, лёжа бездействуя и глядя в потолок, пока в один момент красный цвет на электронном замке сменяется на зелёным, и я едва ли не давлюсь своим сердцем.

Даниил.

Несколько секунд я не понимаю, что это значит. Во мне даже успевает зародиться надежда на спасение, как во одно мгновение она разрушается, когда он наклоняется и ставит возле кровати тряпичные кеды.

Я проглатываю обратно своё сердце. В ту бездну, что накапливает боль.

Он выпрямляется, но смотреть в упор на меня отказывается.

- Надевай, - говорит он.

Мне требуется время, чтобы отыскать свой потерянный голос.

- За что? - просто спрашиваю я.

Но он меня понимает. Даниил поворачивает голову в сторону противоположной стены и два раза шумно сглатывает, прежде чем ответить.

- Мне не позволено с тобой говорить.

Виктор. Он сделал это специально. Я должна была увидеть своими глазами, что есть те, кто выбрал его. А затем я осознаю ещё одну вещь, и моё горло сжимается.

- Алек, - с трудом шепчу я. - Ты видишь его?

Столько жалости к самой себе и ни одной мысли про Алека. Если он знает, кто предатель, то какого ему сейчас? Если он конечно не думает о другом. О том, что его наверняка медленно истязает. Он не простит себе этих ошибок, хотя во всем виновата только я. Даже в том, что пропала. Я не была осторожна и ничего не рассказала ему, когда начала догадываться про Орден. Но я до сих пор считаю, что ему не нужно было знать. Чем бы в итоге это всё ни закончилось.

Даниил наконец-то смотрит на меня. В мои застланные слезами глаза. И на мгновение на его лице проскакивает раскаяние.

Он качает головой.

- Они уже должны были обо мне догадаться.

Облегчение. Неуместное и не совсем правильное. Но я всё равно ощущаю его от того, что такой вариант лучше.

Я смаргиваю слёзы и пытаюсь унять что-то извивающееся в желудке. Держу себя в руках, как бы ни было сложно. Я буквально обязана быть хорошей. Однако обувь всё равно не надеваю, просто гляжу на её расплывающийся образ.

- Нам нельзя задерживаться, - в голос Даниила пробирается едва заметное волнение.

Виктор держит и над ним власть?

Поднимаю на него взгляд и прищуриваюсь, пытаюсь прочитать эмоции на его лице.

- Надену, - размеренно говорю я, словно у моего голоса вообще отсутствует интонация, когда вижу, насколько для него это важно. - Но только если ответишь, за что ты так поступил с нами.

Глаза Даниила расширяются, его зрачки пульсируют беспокойством. Есть что-то важного в том, что он не хочет говорить.

- Это просто моя работа, - в итоге произносит он. - Ничего личного.

Он лжёт. И мне становится интересно, неужели у Виктора есть власть абсолютно над

всеми?

- Я тебе не верю, - прямо выкладываю я. - Он нашёл и твоё слабое место.

Даниил резко вскидывает голову, сверлит меня каким-то одичавшим взглядом. Я задела его за живое.

- Твоё право, - сквозь стиснутую челюсть цедит он, чтобы не подавать вида на вспыльчивость. - Я ответил тебе, так что обувайся, или я сообщу Виктору, что ты отказалась выполнить его просьбу.

- Никто не сомневается, - также резко бросаю я. - Тебе не привыкать доносить.

Даниил сжимает губы так, что на выражении его лица появляется некая боль, и я вижу в этом отчаяние. Возможно, я его понимаю, но всё равно ненавижу.

Однако я тоже не вольна послушаться Виктора, надо мной у него безграничная власть, потому, получив для себя хоть какой-то ответ, надеваю обувь и встаю.

Меня наконец выведут из камеры.

Но прямо перед выходом Даниил меня останавливает и протягивает мне бутылёк с тёмно-красной жидкостью.

- Выпей.

Мне не нравится её цвет, однозначно вызывающий сомнения.

- Что это?

- То, что откроет эту дверь для тебя. Без этого ты не выйдешь.

Даниил ждёт ещё несколько секунд, пока я хмуро разглядываю бутылёк, пытаюсь понять, зачем мне вообще нужно это принимать.

- Пей, - настаивает он, когда его терпение заканчивается. - Обещаю, что особого вреда это тебе не причинит.

Особого, замечательно.

Значит, вред всё же причинит. И я начинаю догадываться какой. Вот, почему оно равно цене выхода. В бутылке находится тоже, что и раньше находилось в моей еде. Если я буду ослаблена, ничем никому не смогу навредить. А также сбежать.

Дважды замечательно.

Но другого выхода у меня нет, нужно хотя бы выяснить, что это за место. Набрав полную грудь воздуха, выхватываю из его руки бутылёк и, зажмурившись, разом выпиваю горькую жидкость.

Я не наблюдаю на лице Даниила радости, напротив, больше печали, когда передаю обратно пустой флакон в его руку, но теперь он кивает и открывает дверь.

Попытка номер два - меня действительно выводят из камеры.

Света в коридоре больше, словно его подсвечивают сотни флуоресцентных лам, из-за чего образуется ощущение, что глаза выжигают горелкой. Но я всё равно держу их открытыми, чтобы не упустить ни одной детали. Хотя, по сути, запоминать особо и ничего. Три двери справа, одна из которых принадлежит моей камере, и три двери слева. Да и сам коридор длиною едва ли метров двенадцать. А прямо по курсу выход...

Нет, это только вход в одном направлении - я понимаю это по отсутствию замка и ручки. Войти можно, но выйти - нет.

Нам остаётся два шага до двери, когда Даниил резко останавливается. Он поворачивает лицо и смотрит прямо в камеру, находящуюся в углу, ровно пятнадцать секунд. Что-то происходит, кто-то наблюдает, именно он решает, что дверь можно открыть.

Камера слежения и есть ключ, который никак мне не поможет открыть эту дверь.

Раздаётся звук, похожий на слабый гудок паровоза, и мои мышцы мгновенно напрягаются. Сердце гонит разгорячённую кровь в сотни раз быстрее, когда моё волнение усиливается. Я так давно не была за пределами четырёх стен, что сознанию сложно воспринимать окружение – всё расплывчато и затуманено, тяжело сконцентрироваться.

Белый, конечно же, цвет стен снова встречает нас в помещении, похожим на лестничную площадку. Только здесь нет лестниц.

Даниил подгоняет меня к одному из трёх лифтов, и моё разочарование готово разорвать грудь болью. Здесь нет кнопок вызова, только камеры распознавания над каждой кабинкой.

Это место, очевидно, своеобразная тюрьма, из которой выбраться нереально...

И вдруг я вижу её – дверь на противоположной стороне, в углу. Совсем неприметную, но настоящую дверь с ручкой.

Он есть – выход.

Я не слышу, когда приезжает лифт, в моих ушах стоит шум от переизбытка адреналина и предвкушения, но я слышу голос Даниила – настойчивый и резкий.

- Не задерживайся.

Я что-то улавливаю в том, как он это произносит, но не могу быть уверенной, так как взгляд его поймать не могу.

Он ждёт, пока я войду в лифт, и только после заходит сам. Даниил напряжён и чего-то опасается, и я ошибочно могу предполагать, что он распознал мои мысли.

Двери за нами закрываются, и Даниил поворачивается к панели, на которой горит «-1» этаж. Я задерживаю дыхание, в животе клубком сворачивается нехорошее предчувствие, когда он нажимает «-3».

Я не дура и прекрасно могу понимать, что мы спускаемся туда, где находится что-то более опасное, чем я. И чутьё подсказывает, что я знаю, кто это может быть.

Лифт слишком быстро доставляет нас на нужный этаж и к этому времени на моём затылке уже проступает холодный пот.

Я оказываюсь права – солдаты повсюду. Стоят через каждые два метра вдоль каждой стены, и в их руках странное оружие, которое я никогда ранее не видела. Ещё более странное находится в кобуре на их поясе, и от него ужас сковывает моё тело сильнее.

Даниил подгоняет меня, положив руку на мою поясницу, и выводит из лифта. По этажу туда-сюда снуют люди, одетые в белые, накрахмаленные халаты, как у Александра. Другие же облачены полностью в белые защитные костюмы, а на их лица нацеплены маски.

Что это за место, твою мать, такое?

- Идём, – даёт команду Даниил, видя в какой я прихожу транс.

И я бы рада послать его ко всем чертям. Но мне по-прежнему требуется собрать как можно больше сведений об этом месте.

Даниил всё ещё подталкивает меня, я таращусь в обратном направлении тому, куда мы идём.

- Где мы? – осиливаю я.

И если честно не жду ответа, но Даниил удивляет меня.

- В той стороне – лаборатория. Но нам нужно в другую.

Его тон холоден, голос дрогнул на последнем слове, и это привлекает моё внимание. Он не хочет туда идти. И повернувшись, я понимаю почему.

- Это камеры? - Не разобрать вопрос это или утверждение, я знаю лишь, что меня едва ли не тошнит от собственных же слов.

Даниил не сразу отвечает.

- Да, - выдавливая он из себя.

И его действительно можно понять, хотя и не уверена, почему он вообще переживает.

Там они - Альфы и Омеги. Они не подают особых признаков, по которым их можно распознать, но их чувствуют моя кровь. Она бурлит, горит, обжигает вены, когда мы проходим мимо прозрачных стен.

Я вижу всё. Каждое увечье, размазанную кровь, изодранную одежду на едва дышащих телах.

На них ставят эксперименты также, как и собираются сделать со мной.

Желудок поднимается всё выше, пока я не чувствую желчь у себя во рту. В глазах стоят слёзы. Мне кажется я захлёбываюсь чувством ненависти и бесполезности.

Это должно прекратится!

Голова начинает кружиться, и я останавливаюсь, боль раскалывает череп на части, и я хватаюсь за волосы, чтобы уменьшить её. И так слабые после микстуры ноги грозят в любую секунду перестать держать меня вертикально, и я почему-то совсем не против оказаться сейчас на полу.

Всё, что я хочу, чтобы этот ужас закончился.

Мир кружится, кружится, кружится, кружится.

А затем меня под руки кто-то подхватывает, заставляя мои вялые ноги передвигаться, и они предательски ему помогают, пока мы не оказываемся там, где свет становится притемнённым и не столь белым. Серым?

Глаза не сразу разбирают подобную смену. Но когда я поднимаю голову, то больше не вижу камер, что детально показывают издевательства над живыми людьми.

В одной из подобных клеток может быть моя мать. И когда-то, наверняка, был мой отец. Я чувствую, что меня тошнит, и едва оставляю содержимое своего желудка внутри. Но мне плохо. Так плохо, что хочется плакать и плакать, пока этот мир не сгорит дотла в адском пламени.

Виктор хотел, чтобы я это увидела. Он хочет меня уничтожить морально, пока я не сдамся и не приму всё, что он предлагает...

Но именно с этой мыслью я заставляю свои ноги стоять уверенно, отстраняясь от Даниила. Никому из них не позволю подобраться ко мне так близко. Сказать, что я их призираю, будет слишком мягким описанием моего отношения.

Даниил смотрит на меня, как на прокажённую. Неужели его чувства тоже можно задеть?

- Соберись, мы не на экскурсии. Ты не так уж и много получила препарата, чтобы не могла оставаться в нормальном состоянии, - говорит он с каплей осуждения и одновременно отвращения в голосе, и я не могу понять, к чему относится последнее. - Тебе всего-то надо ненадолго встретиться с одним своим знакомым. Надеюсь, с этим ты справишься.

Он выплёвывает «знакомым» так, будто я должна понимать, о ком идёт речь. Хотя и по моему резко ускорившемуся сердцебиению Даниил может отметить свою правоту. Возможно, я понимаю, о ком идёт речь. Но вот готова ли принять это?

На сей раз он не ждёт от меня реакции, разворачивается и начинает идти по длинному коридору, вдоль железных дверей с единственным небольшим стеклянным окошком. И я следую за ним, хоть мои ноги не шибко послушны. И с чем теперь это связано, сложно разобрать.

Мы доходим, наверное, двери до седьмой, когда Даниил останавливается. Повернув голову, он сосредоточено наблюдает за каждым моим шагом. Есть что-то отвергающего в его пристальном взгляде, словно он готовится прокричать мне: не походи.

Но он не кричит этого. Даниил вообще остаётся безмолвным, пока я не дохожу до него.

- Готова? - спрашивает он, будто у меня есть право передумать.

И я хотела бы. Хотела бы каждой фиброй своего тела, отказавшись, просто бежать и бежать.

Но...

- Не уверена, - признаюсь я, но меня всё равно никто не воспримет всерьёз.

Виктору зачем-то нужно, чтобы я оказалась здесь, а значит я буду тут находиться, пока он не решит, что достаточно.

Даниил посылает мне последний взгляд перед тем, как открыть массивную дверь и...

Я слышу, как моё сердце разбивается о дно пропасти - Паша.

Не может быть.

Паша.

Дыхание останавливается.

Он стоит в метре от меня и смотрит прямо в глаза. Он стоит так, будто ждёт меня.

Здесь.

В чёртовой дыре, которой я оказалась не по своей воли.

Но он... он здесь по своей.

Дыхание не желает ко мне возвращаться. Я пытаюсь найти надёжную опору для своего окоченевшего тела. Даниил подталкивает меня внутрь. Подталкивает и подталкивает, когда Паша отступает и отступает, чтобы расстояние между нами по-прежнему сохранялось.

Дверь за моей спиной закрывается, а я всё также пытаюсь отыскать способность дышать.

- Мне жаль, - всего лишь говорит Паша, и я больше не могу притворяться сильной.

По моим щекам бегут слёзы. Кого я обманываю? Я знала, к кому ведёт меня Даниил. Но так хотела ошибиться.

Мои рыдания всё громче, и Паша пробует ко мне подойти, но я резко вскидываю руки, останавливая его.

- Чем он тебя убедил? - шепчу я сквозь всхлипы.

Я должна знать. Нападение, оно не было случайностью, тогда Паша уже верил в истину, которую несёт Виктор. Неужели он повёлся на его бред?

- Обещанием, - отвечает Паша. Его взгляд какой-то запуганный и в то же время наполненный дикостью и возбуждением.

- Обещанием? - недоумеваю я.

Он считает, что сделка с дьяволом, стоит какого-то обещания?

Паша на мгновение опускает глаза, смотрит на свою идеально белую обувь, ковыряясь носком кроссовка в полу.

- Ты должна понять, - начинает невнятно бубнить он, что означает, что я точно его не пойму. - По первой я хотел послать Виктора куда подальше, но потом... - Он вздыхает, смотрит на потолок, и только после на меня. - Потом я увидел тебя с Алеком, и всё изменилось.

Я по-прежнему не понимаю, о чём он.

- Что изменилось? - надавливаю я и замечаю, что мой голос больше не скрипит от слёз.

- Изменилось то, что я осознал: пока Алек рядом с тобой, мне никогда не добиться твоего внимания.

Я ахаю прежде, чем он заканчивает говорить, и прикрываю рот рукой. Трясу головой, но Паша, видя мою реакцию, лишь заводится больше.

- А Виктор смог мне пообещать именно это!

Отхожу дальше. На шаг, на два. Мне нужно расстояние, чем дальше от него, тем лучше.

- Бог ты мой... - вырывается у меня.

- Пойми меня, - почти молит он, - с того момента, когда я увидел тебя в первый раз в универе, мне никто не нужен был, кроме тебя, Лен...

Паша делает небольшой шаг, протягивает руки, пытаюсь найти поддержки, но во мне что-то возгорается, совершенно противоречащее сочувствию. Я пячусь назад, смотря на него безумно широкими глазами.

- Не продолжай, - прошу я.

Мне и так уже всё понятно, но Паша не останавливается. В его отчаявшихся глазах застыла надежда.

- Лен. Я всегда любил тебя. Всегда. - Он подходит ближе, и моё сердце готово сбежать из груди. Оно стучится-стучится-стучится. - И ты полюбишь меня со временем.

Паша всё ближе, а за моей спиной оказывается стена. Мне некуда бежать. Дыхание заходится, у меня начинается паника. Он не должен достигнуть меня.

- После того, как ты выполнишь своё предназначение, Виктор отпустит тебя. Он обещал. И тогда я смогу увезти тебя подальше отсюда. Я смогу сделать тебя счастливой. Клянусь тебе. Больше никто не сможет нам помешать...

Из моего горла вырывается надорванный звук. Мне кажется моя грудь сейчас разорвётся, словно там раздувается и раздувается огромный пузырь. Качаю без остановки головой и вжимаюсь в стену, но Паша продолжает приближаться.

- Ты должна поверить мне! - громче, практически отчаянно говорит он. - Всё будет хорошо!

Нет, я ничего ему не должна.

«Предатель! Предатель! Предатель!», - кричат голоса в моей голове, и я с ними согласна.

- Не подходи ко мне! - предупреждаю я, когда Паша вторгается в моё личное пространство.

Он смотрит на меня так, будто ему больно от моих слов, его лицо искажает гримаса, глаза загораются ярче.

- Почему ты не даёшь мне даже шанса доказать, что я достоин тебя?

Ещё один его шаг, и в стене больше нет места для моего тела.

- Не подходи! - повышаю я голос сильнее, но Паша, кажется, не слышит меня.

- Лена... - шепчет он умоляюще.

Ещё один шаг, и внутри меня что-то переполняется.

Ярость разрывает всё моё тело. Первый удар приходится по его лицу. Я даже не успеваю осознать, как это получается, но уже бью его ногой в живот. И тут же ногой в плечо, когда он загибается. Но на третий он оказывается ближе ко мне раньше, чем я умудряюсь замахнуться. Паша пытается что-то сказать, я могу поклясться, что его глаза чистейшее отражение боли и муки, но мне настолько без разницы на его чувства, что никак не реагирую.

Я не останавливаюсь, снова бью его в лицо, желая выплеснуть то, что во мне копилось все эти дни.

Теперь я нахожу виновного.

Это только Паша во всем виноват. Только Паша. И сейчас уже плевать, какие обстоятельства привели к такому исходу. Я его не предавала, я готова была умереть за его прощение.

Кажется, я кричу, когда его руки оборачиваются вокруг меня. Так много эмоций, так много боли и слёз. Внутри меня ад свергает небеса на землю...

В голове звенит от собственного крика, перемешанного с рыданиями, я чувствую, как меня покидает душа, вырванная из самой глубины...

Это уже слишком много.

Слишком много, чтобы держаться.

Слишком много, чтобы хотеть жить.

Виктор сломал меня.

Разорвал последние нити, что удерживали меня от падения.

Паша сжимает меня в своих руках сильнее, так сильно, что мои кости едва ли не хрустят от такого давления. Он пытается меня успокоить, но я не перестаю вырываться, извиваясь и выкручиваясь.

Мне нужен воздух, пространство, свобода.

Внезапно кто-то резко вырывает меня из Пашиных рук, и раздаётся рычание. Теперь меня сжимают совершенно чужие руки, но я так устала, что совсем не сопротивляюсь.

Паша оказывается напротив, и становится ясно, чьё рычание я слышала, оно вибрирует в районе его горла, заставляя кадык ходить ходуном. Его глаза, сменившие огненно-красным цветом, обращены за мою спину.

- Спокойно, приятель, - звучит голос Даниила около моего уха, ровный и совершенно непринужденный. - Ты ведь не хочешь проблем?

Паша не реагирует, продолжая надвигаться, вся его ярость скоплена в неистовом взгляде, которым он продолжает испепелять Даниила.

Даниил ретируется назад вместе со мной, удерживая уже одной рукой, а второй тянется к своему поясу. Что-то щёлкает, и спустя мгновение я вижу, что это было, справа от себя. Такой же пистолет, как у солдат в холле. Местами прозрачный, и пули в нём наполнены желтоватой жидкостью.

- Ты же знаешь, что не бессмертен, да? - голос Даниила не запинается, придерживаясь шуточного тона, но я слышу стальное напряжение в каждом его звуке. - И поверь, пуля в твоей голове с лёгкостью подтвердит мои слова.

Даниил отходит всё дальше, держа прицел на Паше, который нехотя, но замедляется. Он

не спускает с Даниила разгневанный взгляд исподлобья ещё с несколько секунд, затем переводит его на меня и сжимает руки в кулаки.

- Я тебя заберу отсюда, - говорит Паша, глядя прямо в мои глаза.

Он говорит это предельно серьёзно, и если бы не его прежние слова, я бы расценивала это, как надежду на спасение. Но мне чертовски страшно. Я не знаю, что лучше: быть пленницей Виктора или обезумевшего друга.

Мы уже за пределами его камеры, но Даниил не прекращает отступать, потому что с лица Паши так и не сходит маска яркой агрессии. Его руки трясутся; трясёт всё его тело, в попытке удержать себя.

Дверь закрывается автоматически, но очень медленно, чтобы почувствовать облегчение и безопасность. Взгляд Паши остаётся на моих глазах до последнего, пока наши глаза не рассоединяет два метра железа.

В моей груди появляется воздух, и я едва ли резко не падаю, когда Даниил отпускает меня. Моё тело поддерживает стена, к которой я очень быстро прижимаюсь и стараюсь не сорваться. Внутри меня что-то нарастает, а к горлу подбираются эмоции.

«Нельзя, нельзя, нельзя», - убеждаю себя, но больше не могу держаться.

Жизнь буквально топчет меня, наваливая всё больше и больше причин мечтать о смерти.

Скатываюсь по стене вниз и снова рыдаю изо всех сил, совершенно не беспокоясь, что Даниил стоит рядом и наблюдает за проявлением моей слабости.

Мне плевать. Просто плевать.

Я хочу избавиться от чувств, чтобы больше не было больно. Хочу потерять рассудок, чтобы перестать понимать происходящее и перестать со всем этим бороться.

Мне нужно сбежать отсюда...

Необходимо.

Эта мысль помогает прояснить затуманенный отчаянием разум. Ещё есть выход, который спасёт меня от сумасшествия. И сейчас мне требуется досконально изучить все варианты, пока я за пределами стен своей камеры.

Я поднимаю голову не сразу, позволяя себе ещё немного обдумать дальнейшие действия, но когда это делаю, осознаю, что Даниил не смотрит на меня. Он глядит вдаль пустующего коридора, напряжённо сжимая челюсти, и что-то серьёзно обдумывает. Когда он наконец замечает, что я за ним наблюдаю, протягивает руку, предлагая помощь. И впервые я её принимаю.

Не представляю, что у этого парня на уме и какие обстоятельства повлияли на его предательство, но я клянусь, что буквально могу увидеть, как его грызёт чувство вины, заставляя испытывать отвращение ко всему тому, что ему приходится делать.

- Идём, - говорит он, когда я встаю. - Мне нужно вернуть тебя в твою камеру.

И даже сейчас, раскаяние - оно есть в его глазах, которое он не слишком-то хорошо пытается скрыть.

Я молча киваю ему, хотя и не соглашаюсь с его словами. И мне даже немного его жаль из-за того, что собираюсь с ним сделать.

Путь назад занимает более короткое время, теперь я понимаю, почему Даниил не смотрит в ту сторону, проходя мимо камер. Так проще. Обманчиво, но проще от мысли, что реальную помощь оказать им всё равно не получится.

В лифте стоит гробовая тишина, расплзающаяся в воздухе привкусом надвигающейся беды. Даниил это чувствует, его плечи напряжены так, что будь они острыми об них можно было бы порезаться. Он нервничает, и не напрасно. Вероятно, то, что я задумала написано на моём сосредоточенном лице. Я готовлюсь к чему-то ужасному, но не

испытываю за это никакого угрызения совести.

Они сами меня загнали в угол, выход из которого всего один. И я им непременно воспользуюсь.

Потому что там, в коридоре, когда Даниил мне помог встать, я поняла главное. Что бы за препарат они мне ни дали, он перестал действовать – мои ноги стоят на земле, как никогда уверенно.

Двери лифта открываются, и Даниил прежде, чем выйти, бросает на меня взгляд, думает о чем-то секунду, но в итоге решает выйти первым. Возможно, он и предполагал, что я попробую в этот момент что-нибудь предпринять, но я ничего не делаю. Просто следую за ним, гадая, почему он позволил себе повернуться ко мне спиной, ожидая от меня какой-нибудь выходки. Но тут же решаю, что об этом не стоит размышлять.

Надежда на поблажки сейчас ни к чему.

Даниил вновь останавливается, когда до двери остаётся около метра и поворачивается лицом к камере распознавания. Именно в эти долгие пятнадцать секунд я набираю в грудь столько воздуха, сколько возможно, и перевожу напоследок дыхание.

Раздаётся гудок. Дверь открывается. Даниил делает шаг к двери и...

Я перехватываю открывающуюся дверь и что есть мочи бью ею Даниила. Он отшатывается, прижимаясь спиной к дверному проёму, и я снова резко отвожу дверь назад и вновь, и вновь бью ей Даниила, зажатого между ней и проёмом. Я не останавливаюсь даже тогда, когда вижу проступившую на его голове кровь. Вновь отвожу и бью, не предоставляя ему ни единой попытки попробовать её остановить.

Наконец Даниил теряет равновесие и, скатываясь, падает полностью без сознания. Я не колеблюсь, мигом исследую его нагрудный карман в поисках карточки. Он открывал ей не только дверь моей камеры, но и дверь Пашиной, а значит здесь не расщедрились на то, чтобы разнообразить замки, и это может сыграть мне на руку.

Карточка оказывается в противоположном кармане, и как только она у меня, разворачиваюсь, направляясь к той двери, которую, надеюсь, не приняла ошибочно за выход.

И бинго – это настоящая лестничная площадка.

Внутри меня зарождается странное волнующее чувство, когда быстро поднимаюсь вверх.

Это и надежда, и паника. Это и предвкушение, и страх.

Буря эмоций переворачивает все дни моего бессмысленного пребывания здесь в единственную цель – выбраться любой ценой.

Ровно через пролет я останавлиюсь и молю, чтобы простая математика не подвела меня. Но когда открываю ещё одну дверь, вижу, какие у меня непреодолимые проблемы. Вернее, вижу их количество и начинаю по-настоящему паниковать.

Солдаты. Даже не сосчитать сколько их здесь. С десятков, не меньше, а-то и больше.

И святые угодники, я даже не уверена, что все они люди.

Я замираю, как вкопанная, не представляя, что делать дальше. Мысли, что они могут быть ещё где-то помимо той жуткой лаборатории, просто не возникало. А значит и плана у меня никакого соответствующего тоже нет.

Меня мгновенно же замечают, не передать словами, как округляются глаза одного из солдат, когда он меня видит и тут же, бросив своё оружие из рук, тянется к другому, находящемуся в кобуре на его поясе. Звук падающего пистолета привлекает всеобщее внимание, и в этот же момент поднимается немыслимый хаос.

Кто-то несётся ко мне, кто-то следует примеру первого солдата и сменяет оружие, а я

наконец выхожу из оцепенения, получая хороший пинок от своего сознания. Кидаюсь вперёд к первому солдату и, выбив из его руки пистолет, оказываюсь за его спиной. Всего миллисекунда – и я сворачиваю ему шею.

В этот момент, когда раздаётся звук хруста костей, что-то во мне отключается, что-то живое и явно последнее, что отделяло меня от безумия и того самого монстра без души, которым всегда так боялась стать.

Но вот оно – мне абсолютно без разницы на смерть.

Обмякшее тело солдата падает у моих ног, и я ни на секунду не задерживаюсь, чтобы взглянуть на него. В моём направлении уже бегут двое других, и у меня нет времени что-то обдумывать сейчас. Действую чисто инстинктивно, так, как учил меня Марко – доверяю своему телу. Двигаюсь к ним навстречу, и моей скорости достаточно, чтобы достичь их в следующую секунду. Они не ожидают, возможно, просто не успевают отреагировать, потому что мне слишком легко удаётся откинуть одного из них в сторону стены. Звук глухого удара заставляет моё тело встрепенуться дрожью от осознания, насколько я сильнее обычного человека. Мне было это невдомёк, тренируясь с Марко и мёрзая силами с подобными мне, но люди слабее. Намного слабее и медленнее.

И это всё, что мне нужно было понять, чтобы набраться небывалой уверенности.

Второго солдата просто бью в челюсть, и он, значительно отлетая, падает на спину.

У меня нет времени, чтобы праздновать своё превосходство, солдаты повсюду, заполняют коридор и двигаются на меня. Но больше всего меня волнует оружие в их руках. Оно явно необычное. И не такое, которым Даниил угрожал Паше. Оно создано для таких, как я.

Однако никто ещё не выстрелил, целятся, но чего-то ждут – разрешения.

Это и есть моё преимущество. Больше нет смысла кого-то травмировать, надо просто бежать со всех ног, потому что солдаты появляются из всевозможных щелей, переполняя маленькое пространство передо мной.

Быстро оглядываюсь по сторонам. За спиной только один поворот направо. Слева лифты. То, что прямо, скрыто стеной из надвигающихся солдат.

Я принимаю решения, недолго думая, разворачиваюсь и несусь к повороту, замечая в последний момент, как двери лифта открываются и там появляется Даниил. Он единственный здесь, кто может дать фору по скорости. Но он не двигается, просто провожает меня взглядом, когда я скрываюсь за поворотом.

За спиной поднимается всеобщий шум и крики подачи команд. Но всё, что меня волнует, то, что перед глазами. Длинный коридор, погруженный в приглушенный слабый свет, который мгновенно сменяется огнём красных мигающих ламп.

Из-за ближайшего поворота неожиданно выбегает солдат, нацелившийся на меня из чего-то более серьёзного, чем те небольшие пистолеты. Но он ничего не успевает предпринять. Я оказываюсь напротив него быстрее, чем он мог моргнуть и, перехватив оружие, бью им по его голове. Солдат падает, и я кидаю оружие на него, продолжая бежать. Я вижу свою цель – в конце коридора ещё один поворот направо. А за поворотом двойные, огромные двери. И они заблокированы.

Я толкаю их один раз, но они даже не двигаются. Набираю расстояния и снова пробую их открыть с толчка, и опять безрезультатно.

Шум и топот многочисленных ног приближается. Шанс ускользает от меня с каждым пройденным бестолковым мгновением, пока я внезапно не наткнулась глазами на замок с красной лампочкой.

Карточка, ну конечно же.

Мне требуется полсекунды, чтобы отыскать её в кармане моих штанов, и ещё полсекунды, чтобы неуклюжими, трясушимися пальцами вставить её в тонкое отверстие. Но когда раздаётся звук, отворяющейся двери, я буквально не могу удержать своё

сердце на месте.

Невероятно.

Чистый, холодный воздух скользит в меня, подобно глотку самого прекраснейшего напитка в жизни. Никогда не ценила так свежий воздух, как сейчас. Мои лёгкие и горят, и трепещут, и жадно поглощают всё больше и больше воздуха. Я вырываюсь наружу, и мои глаза наполняются слезами от чувства морозного зимнего ветра, касающегося их, моих губ, кожи лица...

Я бегу, не оглядываясь, в противоположную сторону ворот, не обращая внимания на снег и мокнущую обувь. Это самое восхитительное, что я могу чувствовать и ощущать. Больше, я готова заледенеть насмерть, лишь бы умереть свободной.

До забора остаётся от силы с десятков метров, и я начинаю думать, не совсем уверенная, как справлюсь с колючей проволокой, протянутой поверху...

Неожиданно моё бедро пронзает огонь – самый настоящий по ощущениям огонь, и я, спотыкаясь о свою моментально онемевшую ногу, падая лицом в снег.

Всё горит.

Огонь с неведанной скоростью мчится по венам, обращая кровь в жгучую лаву.

Всё горит.

Воздух в лёгких становится невыносимо горячим. Я задыхаюсь.

Горит. Горит. Горит.

Мне кажется, что меня закинули прямо в костёр.

Из моей груди вырывается крик и что-то похожее на рыдания.

Мысли разбросанная мозаика, которую невозможно собрать. Я не могу сосредоточиться и просто пытаюсь дышать.

Тело теряет связь с разумом, отказываясь хоть что-либо предпринять.

Всё внутри меня продолжает жечь, и я ничего не могу сделать, чтобы приглушить эту агонию.

Меня поднимают и разворачивают обратно лицом к зданию. В нескольких метрах от меня стоит Виктор и держит в руках оружие, похожее на снайперскую винтовку. Выражение его лица для меня загадка – я никогда не видела его настолько опустошённым. Хотя вряд ли сейчас я вообще могу что-то понимать, мозг отказывается соображать адекватно. Я будто и опьянённая, и растоптанная стадом слонов одновременно.

– Это – моя личная разработка, – начинает говорить Виктор, поднимая в воздух винтовку. – В пулях – яд гибридов. – Он указывает дулом винтовки на моё истекающее кровью бедро. – Ты не сможешь исцелиться, пока яд внутри, и либо пулю вынут из тебя, либо ты просто умрёшь, когда полностью потеряешь всю кровь.

Виктор опускает оружие и смотрит на него, угрюмо уставившись на свой палец на курке. А затем он резко выкидывает винтовку, направляя её в область моей груди.

– Если пуля попадёт в сердце, то ты умрёшь практически мгновенно для таких всемогущих, как ты. Мы ведём эту войну тысячи лет, и ты думала, что у нас нет оружия, чтобы с вами расправиться?

Виктор громко смеётся, покачивая винтовкой из стороны в сторону, но вряд ли кто-то здесь может принять его смех за искренний, из его звука сочится настоящий яд. Он снова нацеливает дуло на мою грудь.

– Я хочу тебя убить прямо сейчас, – рявкает он. – Позволить тебе истекать кровью до последнего удара твоего сердца. И я не знаю, заслуживаешь ты моего прощения или

нет. – Губы Виктор косит безумная ухмылка. – Как думаешь, Даниил, она заслуживает прощения?

Я не вижу Даниила до тех пор, пока Виктор не оборачивается в пол корпуса и солдаты за его спиной не расступаются. Даниил медленно поднимает голову и смотрит в мои глаза. В его же глазах застыло сожаление. Я знаю, что он мне позволил убежать. Он дал мне шанс попробовать, и Виктор тоже об этом, наверняка, знает.

– Да, заслуживает, – отвечает уверенно Даниил, и в этот же момент Виктор нацеливает винтовку на него и стреляет.

Мой вырвавшийся крик раздирает горло болью и горечью. Красное пятно на груди Даниила расплывается всё больше, когда он, шатаясь, падает на спину. Я слышу булькающие звуки в примесь с его попытками вздохнуть, даже сквозь эхо своего крика.

– Он выкупил твоё прощение ценой собственной жизни, – говорит Виктор с безучастным, скучающим выражением на лице, поворачиваясь обратно ко мне. – Ты мне нужна, но я не прощаю предательства, запомни это, Елена. Последний, кто пробовал от меня сбежать, был твой брат. И я, не раздумывая, отдал приказ его убить.

Холод голоса Виктора пронзает каждую клетку моего мозга, заставляя его очнуться, и та боль, что расплывается в моей груди, намного сильнее агонии от яда.

Что?

– Брат? – шепчу я, едва волооча губами.

Я не могу в это поверить, вглядываюсь в застланные тьмой глаза Виктора, отыскивая хоть какие-нибудь ответы. Но ему я как будто больше не интересна. Он кивает о чём-то одному из тех солдат, что держат меня, и следующее, что я чувствую что-то острое в своей шее, прежде чем чернота становится всем, что меня окружает.

Глава 21

– Завтра! Обещаю, что завтра у тебя уже не будет права выбирать, и ты не сможешь продолжать срывать мою работу! – на пылких эмоциях бросает Александр перед тем, как выйти из камеры, и свет с интенсивно белого приглушается до слабых оттенков сероватых сумерек.

Он нервничает так со вчерашнего дня, но его открытые угрозы и проявление своей неустойчивой психики ничего не меняют. Я отказываюсь идти на компромисс. Это только он думает, что предлагает мне что-то заманчивое. Я не собираюсь питаться и заботиться о своём состоянии, чтобы после стать инкубатором.

Все прежние уговоры потеряли значимость. Больше нет манипуляции Виктора и моей надежды, что всё ещё может наладиться. Стать хотя бы переносимым.

То, что он собирается сделать со мной, называется – опытом. И я буду делать всё возможное, чтобы отсрочить его исполнение.

Хотя и мои откровенные протесты ничего не меняют. Александр всё равно накачивает меня чем-то вроде гормонов, ещё одной разработкой Виктора лично для меня. И так, как я – наполовину исправленная, благодаря своей полу-полукровности, со мной у них не должно возникнуть проблем, как с обычными Альфами.

Александр говорит, что вся причина в идентичности ген, как была у моих родителей. У Ордена есть даже теория на этот счёт, что наша связь – та самая, что Омеги испытывают к нам, – и является причиной положительного результата, которого они не могут добиться в пределах лаборатории, ставя эксперименты на совершенно незнакомых Омегах и Альфах.

Интересно.

То есть, по их теории, мои родители по-настоящему любили друг друга. И меня она радует.

Вторая же теория – мне категорично не нравится. Она заключается в том, что эта связь – ни что иное, как неспособность устоять нашему превосходству. Омеги испытывают желания поклоняться Альфам, как истинному Божеству. Другими словами, это – не любовь, а простая зависимость.

Но это неправда – я знаю, что испытывала к Алеку, а он ко мне.

Хотя... даже в этом иногда я теперь сомневаюсь. Что, если их теория верна?

С тех пор, как Александр сказал об этом, предположения не дают мне покоя.

Я всё думаю и прокручиваю воспоминания. Алек всегда говорил, что его тянуло ко мне с первых дней, как он почувствовал меня...

Бред. Я не разрешаю себе верить в подобное.

Хотя по правде, я просто боюсь, что могу лишиться последнего, что действительно есть у меня. Я потеряла остальное, оказывается, задолго до того, как об этом узнала.

Мой отец – мёртв.

Брат, Боже у меня был ещё и брат, – мёртв.

Родная мать – неизвестно.

А я – на тонкой грани от смерти.

Виктор не простит мне попытки сбежать. С тех самых пор, я больше не видела его ни разу. Странная мания: убедить меня в своей правоте – пропала. Больше нет желания переманить меня на свою сторону, навязав лживую доброжелательность и поддельную заботу обо мне.

Истинное отношение наконец-то вылезло наружу.

Я для него – всего лишь собственность, которую он создал когда-то для единственной цели, выгодной только ему. И он её добьётся любой ценой. Если я не сдамся сама, меня попросту отключат от разума. Но даже при таких, казалось бы, совершенно безнадежных обстоятельствах, я не отпущу ничтожно крошечную надежду, что у них ничего не получится, и буду бороться до самого последнего собственного вздоха.

Темнота в камере нарастает, уплотняясь и расплываясь, словно тягучая смола надо мной. Проходит один час и тридцать восемь минут, сорок четыре секунды. Я знаю это точно, потому что не прекращаю вести счёт секундам. Пытаюсь найти в своей памяти что-то очень хорошее, чтобы скрасить ещё одну ночь. Но, оказывается, заставить себя вспомнить что-то приятное не так просто, когда тебя окружает настолько дерьмовая реальность.

Все воспоминания, напротив, пробуют, спасаясь, запечатлеться глубже туда, где их никто не сможет найти. Я пробую их уговорить вернуться хотя бы на некоторые мгновения, чтобы эта ночь не была такой одинокой, как внезапно происходит необъяснимое.

Красный свет взрывается над моей головой, интенсивно пульсируя в воздухе. Я не сразу понимаю, что это тревога, пока сила ударной волны толчком едва ли не сбрасывает меня с кровати.

Тревога.

Самая настоящая тревога.

В груди разбухает странное чувство, и я начинаю молиться, чтобы оно не было связано с надеждой. Но поздно, я уже чувствую её слабовато бархатистое ощущение под ложечкой. Между лопаток волнующе свербит, принуждая тело хоть как-то задвигаться.

Ещё один мощный толчок, и я приподнимаюсь на локтях, вперив взгляд в дверь, изо всех сил прислушиваясь к звукам за ней.

Тщетно, громкая сирена разрывает плотную тишину в камере. Ничего не слышу из того, что помогло бы мне разобраться.

Ноги вытягиваются, мгновенно напрягаясь и желая нести меня в любом направлении. Чувство волнения нарастает до невыносимого зуда, пульс ускоренно бьётся в каждой клетке моего тела.

Я что-то улавливаю... Нет, отчётливо слышу быстрое приближение, пока свет на замке неожиданно не загорается зелёным, и моему ошеломлению нет предела. Из меня вырывается надорванный, громкий вздох, когда в дверях появляется Паша. Его глаза панически ищут мои.

- Лена... - выдыхает он моё имя одновременно с двумя совершенно разрозненными друг другу чувствами - облегчения и невыносимого страха, что он действительно видит меня. - Я думал, что уже не успею.

Мой язык почему-то оживает.

- Паша? - искренне изумляюсь я. - Что ты тут делаешь?

Он шагает внутрь.

- Собираюсь забрать тебя отсюда.

Я инстинктивно отодвигаюсь, словно пробую сбежать от его слов, и удивляюсь тому, что сама ещё не предпринимаю ничего, повергнутая в шоковое состояние.

- Что происходит? - лишь молвлю я.

Паша добирается до моей кровати и присаживается подле меня. Он так отчаянно смотрит в мои глаза.

- Он пришёл за тобой.

Секунду я не понимаю - он?

Он...

А затем:

- Алек... - вырываются из меня судорожные тихие звуки.

Я начинаю дрожать.

- Богтымой, - бредово лепечу я. - Алек... он здесь...

Каждое слово - усиливает биение сердца.

Я не могу поверить в то, что произношу.

- Алек, - повторяю я снова и снова, уставившись на Пашино встревоженное лицо, отыскивая на нём подтверждения.

Внутри меня все органы беспокойно переворачиваются, падают и поднимаются, как на настоящих американских горках.

Паша хватает меня за плечи и резко встряхивает, приводя в чувства.

- Мы должны срочно выбираться отсюда, слышишь меня? Камеры гибридов, находящихся под контролем, открылись автоматически, чтобы обеспечить равные силы, как только они вторглись сюда, и мне удалось добраться до тебя. Но я потратил время, открывая все остальные отсеки, чтобы устроить настоящий хаос. Только так мы сможем выбраться отсюда.

Его слова неясны поначалу, но потом я вижу в его глазах больше, чем слышу. Он действительно собирается забрать меня. Сейчас. Когда я в секундах от истинной свободы...

Я подрываюсь так быстро, как только могу, отталкивая Пашу к противоположной стене. Ещё мгновение назад непослушные и вялые ноги теперь несут меня вперёд из камеры. Моё тело вибрирует от нервного напряжения, когда выбегаю в коридор, но тут же спотыкаюсь и падаю. Приземляюсь ладонями на что-то влажное и липкое, проскальзывая ими вперёд.

Меня бьёт лихорадочная дрожь, перед глазами кровь. Лужа растекающейся крови, в которой измазаны мои руки, локти, футболка, колени...

Осторожно и медленно поворачиваю голову, стараясь отогнать приступ тошноты, и вижу, обо что я споткнулась – Александр.

- Он хотел меня остановить, – объясняет Паша, стоя в дверном проёме. – Видимо, ему было велено: спрятать тебя, но он не успел этого сделать.

Странное чувство удовлетворенности парит на задворках ужаса. Возможно, я хотела его смерти. Больше, чем это можно представить. Но то, что его убил Паша, делает этот факт устрашающим.

На что он ещё пойдёт, чтобы забрать меня себе?

Отыскиваю ответ в его остекленевших и помутнённых чем-то безумным глазах. Страх неумолимо колотится в моём сердце, наполняя кровь в венах холодом. Кажется, что мы смотрим друг на друга вечность, разделяя одно понимание на двоих, но проходит по сути секунд десять, пока я не осознаю, что лежу в луже крови, лишая себя шанса убраться от него, как можно подальше.

Мне нужно выбраться. Добраться до Алека. Потому что он действительно здесь.

Поскальзываясь на ладонях, перебираюсь вперёд, намереваясь встать и бежать, но как только я выпрямляюсь, Паша уже оказывается передо мной. Решительный и яростно дышащий, он блокирует мне дорогу. Мой взгляд поднимается с его груди на глаза – полные непонимания и осуждения. Он смотрит на меня так, словно готовится возненавидеть.

- Всё ещё выбираешь его? – спрашивает Паша, и его голос практически трещит от горечи сказанного.

Паша ждёт ответа секунды три, но затем он теряет актуальность, потому что всё и так написано в моих налитых отчаянием и ужасом глазах. Я всегда буду выбирать Алека.

- Прости, – говорит Паша и резко заносит руку, будто готовясь ударить, но делает совершенно другое.

Острые когти вонзаются в мой затылок, и яд безбожно жжёт, просачиваясь в мою кожу, кровь, позвоночник, мышцы, конечности. Я не успеваю издать даже звука перед тем, как моё тело отключается и падает прямо в Пашины руки.

- Прости, – снова тихо молвит он, подхватывая меня под коленки.

Веки тяжелеют, разум застилает серая, неясная пелена, но я всё ещё могу видеть и слышать.

Он уносит меня в противоположном направлении, пролетая мимо моей камеры, которая напоследок бегом бросается мне на глаза, а затем сворачивает вправо, заходя в соседнюю дверь. Комната напоминает захламлённую каморку с кроватью, мониторами наблюдения и разбросанными исписанными листами, а поверх одного из них очки, которые носил Александр. Вот откуда наблюдали за мной. Но комната мгновенно остаётся позади, Паша уже стоит со мной на руках около автоматической стеклянной двери с надписью «посторонним вход запрещён» и один раз щёлкает по настенной панели. Сжатый воздух приглушённо шипит, когда дверь открывается, и мы оказываемся на ещё одной лестничной площадке, маленькой и узкой, что Паше приходится подниматься боком, чтобы помещаться на лестнице вместе со мной.

Голова безостановочно бьётся о его твёрдое плечо, но я ничего не чувствую. Всё вижу и слышу, но ничего не могу предпринять, чтобы противостоять. В венах будто льётся

цемент, делая тело абсолютно беспомощным и бесполезным. Я не ощущаю даже прежнего покаяния в том месте, где Паша воткнул в меня когти. Я просто вынуждена наблюдать за тем, как Паша отдаляет и отдаляет меня от того, кто нужнее мне больше, чем воздух. Душа изнывает, но сердце стучит мерно и тихо, словно сейчас не происходит ничего из уничтожающего меня.

Требуется всего секунды две, прежде чем мы вновь оказываемся в каком-то тёмном коридоре. Стены кажутся окрашенными в цвет крови в мерцании сигнальных ламп, находящихся через каждые несколько метров. Паша двигается с немыслимой скоростью, он так сосредоточен над видом перед глазами, будто и вовсе забыл о моём присутствии на своих руках.

Мне хочется закричать, ударить его, сделать хоть что-нибудь, но только не бездействовать. Принимать свою беспомощность, осознавать, что он уже забирает меня, и никто не может ему помешать, чертовски сокрушительно. Сердце крошится всё сильнее с каждым мгновением, отдаляющим меня от Алека.

Это всё – конец. Не успев выбраться из одного плена, уже оказаться в руках другого – в худшем, чем любой возможный ад.

Впервые я не раскаиваюсь, что сделала с Паша. Предоставь мне ещё один шанс, я бы не просто позволила Алеку убить его, я бы сделала это сама. Не раздумывая тогда, когда он перешёл грань приемлемого. Алек был прав, я не виновата.

Наконец ощущаю покаяние в кончиках пальцев, по позвоночнику бежит слабый ток, но этого мало, я по-прежнему ничего не могу сделать. Паша добегаёт до последней двери, отворённой и не способной его остановить; он всё продумал заранее. Он уверенно мчится, не колеблясь и не задумываясь.

Мне кажется, что могу слышать вдалеке знакомые голоса – голос Алека, Марко, Дамьяна, и крики, множества криков, слившихся в одну неразборчивую какофонию звуков. Я так сосредотачиваюсь на этом, что совсем не замечаю, как Паша молниеносно оказывается в ангаре около военного внедорожника. Он открывает дверцу и усаживает меня на пассажирское сидение, застёгивая на мне ремень безопасности. Боль в груди всё набухает, и мне кажется, я сейчас разлечусь на кусочки.

Я до последнего надеялась, что ему не удастся выбраться вместе со мной. Надеялась, что кто-нибудь нас заметит...

Поздно. Слишком поздно.

Паша мигом забирается на водительское сидение и сразу же газует. Машина едва ли выезжает на улицу, а скорость уже достигает почти сотни километров в час. Меня рикошетом припечатывает к сидению. Рёв двигателя заполоняет уши, а внутри меня будто туго сжимается пружина. Подпрыгивая и вихляя, машина несётся прямо к разрушенным воротам. Облако тёмного, густого дыма нависает над ними, зданием, расплзается и застилает собой небо.

Огонь. Обломки. Безжизненные тела...

Картина перед глазами напоминает настоящее поле сражения.

И так оно и есть. Солдаты бегут: кто в сторону здания, кто наоборот из него. Вокруг паника, хаос, вопли и дикое рычание – Паша действительно устроил настоящее безумие.

Ровно за пять секунд до того, как мы проносимся через горящие ворота, я пересиливаю онемение, поворачивая голову к окну, и вижу что-то необъяснимое. Или что-то нечеловеческое. Существо, что вгрызается в шею пытающегося убежать солдата, и разрывает горло прямо зубами. Но пир этого чудовища кто-то останавливает – буквально вырывает из него сердце; кто-то, чьи глаза светятся янтарным.

Жуткий спазм скручивает мой желудок, и по телу проносится лихорадочная волна дрожи. Мне не следовало этого видеть. Я не понимаю, что там происходит. Кто эти чудовища – гибриды? Много ли их там? И пусть чересчур эгоистично, но меня волнует лишь выберется ли Алек теперь оттуда.

Прикрываю на мгновение глаза и пытаюсь успокоить свой пульс. Дорога становится прямой и ровной, Паша давит на газ что есть мочи, шум и огненное зарево остаются позади, теперь только напряжение и рокот двигателя наполняют салон автомобиля. Я терплю столько, сколько могу, уговаривая себя не смотреть в Пашину сторону, но в какой-то момент внутри меня что-то щёлкает. Рук и ног я по-прежнему не ощущаю, но голову запросто поворачиваю налево. Смотрю на него взглядом полным ненависти и злобы, мне бы только добраться до его шеи...

- Виктор меня обманул, - внезапно говорит Паша, даже не поворачиваясь ко мне.

Я вяло фыркаю - единственный звук, который могу издать. Но Паша на него не реагирует, продолжая.

- Два дня назад он пришёл ко мне. Виктор был зол, буквально в бешенстве, что я не смог выполнить свою часть нашей сделки и провалился, повлияв на твою попытку сбежать. - Паша с сожалением качает головой, словно не хочет говорить следующего. - А потом он сорвался, сказал, что я никчёмный и с удовольствием подыскал бы другого гибрида, если бы мы не были с тобой связаны. - Ещё одна секунда в молчании, Паша переводит дыхание и наконец смотрит на меня. - Виктор никогда не собирался нас отпускать. После того, как ты родила бы ему ребёнка от полукровки, он хотел, чтобы мы зачали ещё одного.

Если бы мой желудок не был пуст, клянусь, меня бы вырвало. Я отказываюсь смотреть на Пашу, слишком противно, навязчивые омерзительные картины заполняют мой ум, а на глазах проступают слёзы. Но отвернуться тоже не могу, меня парализовало от такой правды.

Паша кивает, словно читает мои мысли, только вот я не знаю, как он сам относится ко всему этому. Безразлично? Его задевает совершенно другое.

- Но конечным для меня стало то, что Виктор собрался тебя перевезти в главный центр. Здесь, где мы были, всего лишь сортировочный центр. Кто-то задерживается, кто-то и вовсе остаётся до последнего, но самые важные для Виктора отправляются именно туда, где он сам находится постоянно. Вот, почему я начал придумывать, как сбежать. Мне требовалось лишь добраться до твоего этажа. - Паша снова смотрит на меня, его глаза, как никогда, блёклые и ясные. - Я не могу лишиться тебя...

Его слова слетают с уст очень тихо, но достаточно громко, чтобы встряхнуть меня, наполнив силами.

- Я тебя ненавижу, - шиплю я и жалею, что у слов нет настоящей силы.

Тогда бы они запросто смогли убить его.

Но Паша жив и всего лишь отзывается на моё признание ещё одним слабым кивком. Он знает это, однако понимание не мешает ему продолжать увозить меня всё дальше и дальше. В его глазах даже нет прежней надежды, когда он отворачивается обратно к дороге.

Правда, его лицо мгновенно меняется, охваченное неподдельной тревогой. Он смотрит в зеркало заднего вида, в зеркало бокового вида и окончательно теряет с лица цвет. Машина прибавляет в скорости так, что меня снова прижимает к сидению.

Мне становится невыносимо интересно, что же такого могло вызвать его очевидное беспокойство, и тоже бросаю взгляд в зеркало бокового вида. Фары. Яркие, ксеноновые и находящиеся всего в метрах десяти от нас. Я не знаю, кто может быть за рулём той машины, но он определённо едет за нами. Паша вновь прибавляет газу, и преследующая нас машина делает тоже самое. Нет... она прибавляет ещё больше, что уже в следующую секунду я могу слышать мощный рёв соседнего двигателя.

Паша ругается себе под нос. Затем начинает во весь голос, когда становится ясно, что ему не оторваться. Кто бы ни был за рулём, он с ним играет. Моё собственное волнение нарастает, я чувствую биение пульса буквально везде. Это - не Алек, я могу быть уверенной в этом на все сто процентов; Додж я бы узнала даже с закрытыми глазами. К тому же, он не стал бы в такой ситуации дурочиться.

Тогда кто находится за рулём?

Машина снова напирает, подбирается вплотную к нашему заднему бамперу и тут же притормаживает, когда это делает Паша, чтобы тот не смог ударить машину.

Я наблюдаю за неизвестным, как замороженная. Сердце колотится уже в горле. На мгновение улавливаю образ силуэта, и пусть сожрёт меня чудовище, но готова поклясться, что могу разглядеть блеск улыбки. На лице парня.

Вновь его машина подбирается практически вплотную, а затем следует слабый толчок, но недостаточный, чтобы меня тряхануло. Паша в этот же момент резко выкруливает влево, сбрасывает скорость, пробуя сравняться с чёрной, спортивной машиной, движущейся теперь с моей стороны. Но у него ничего не выходит. Она тоже замедляется, даже можно сказать значительно теряет скорость, оставаясь позади, но продолжая преследовать.

Бросаю украдкой взгляд в сторону Паши, теперь его отпустила тревога, но лицо по-прежнему остаётся напряжённым. Уверена, он думает, что смог оторваться, а возможно и припугнуть, но он рано начал радоваться.

Чёрный автомобиль остаётся позади всего несколько секунд, а затем набирает и набирает скорость.

Мгновение - и он равняется с нами.

Мгновение - и его окно открывается.

Я вижу хитрую ухмылку на лице незнакомого парня всего полсекунды, пока он со свистом не газует и вырывается вперёд. Он мчится по прямой, и ни я, ни Паша точно ничего не понимаем. И уж точно не ожидаем, что он сотворит в следующем подобное.

Проехав метров десять вперёд, он резко тормозит. Визг и шипение шин - его машину заносит до тех пор, пока она не останавливается поперёк дороги.

Мои глаза округляются всё больше. Мы мчимся прямо на него. И ради всего святого, но Паша не планирует останавливаться.

Метр.

Два.

Три.

Моё сердце замирает.

Четыре.

И в предпоследний миг парень поворачивает голову в нашу сторону. Он смотрит прямо на меня и вновь ухмыляется. Его глаза горят голубым.

Паша резко выкруливает в сторону. Взвизг шин.

...и наступает кромешная тьма.